SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

Международный
научно-практический журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№5 (49), 2019

ISSN 2412-8953

Нижний
Новгород

www.scipress.ru/philology

УДК 8
ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2019. №5(49). 372 с.

ISSN 2412-8953

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала http://scipress.ru/philology/

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

ISSN 2412-8953

УДК 8
ББК 80/83

© Научно-издательский центр «Открытое знание», 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Главный редактор Плесканюк Т.Н., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык 7

Аносова А.А. Синтаксические функции русского инфинитива в текстах газетных статей 7

Германские языки 12

Амахина С.Р. Особенности иноязычного публицистического текста профессиональной направленности 12

Астахова Т.Н. Функционирование прилагательных со значением общей оценки в немецкоязычных медиатекстах 18

Гончарова А.В., Калашникова О.К. Семантический анализ словарных дефиниций языковых моделей в современном английском языке 24

Гундина О.С. Особенности передачи квазиреалий при переводе литературы в жанре фэнтези (на материале произведения Дж. Р.Р. Толкина «Властелин колец» и его немецких переводов) 35

Кудисова Е.А. Проблемы перевода рекламных слоганов (на примере экспрессивного словообразования) 41

Максакова С.П., Мальцева С.В. Военный полевой устав как аутентичный учебный текст в англоязычном образовательном процессе 46

Мамасадыкова К.А. Стилистическая вариативность новостных сообщений в англоязычных СМИ 52

Матвеичева Ю.О. Особенности формирования юридической терминосистемы английского языка 61

Молдабаева М.К., Нургалиева А.Ж. Инновационные методики преподавания английского языка для студентов 67

Новоградская-Морская Н.А. О некоторых современных лексических изменениях в словарном составе английского языка 73

Самсонова Т.И., Муравых О.А. Методы изучения культурно-языкового концепта «честь» 82

Сидоренкова М.А. Особенности системной организации северно-немецкой региональной лексики 87

Сокол А.А., Черная Т.Н. Особенности использования фразеологических единиц в языке прессы (на материале англоязычных газет) 93

Чернецова В.В., Криулина Т.А. Лексические средства воздействия фильмонимов (на материале английского языка) 102

Фомичева М.П., Косяк М.А. Современное состояние процесса заимствования из английского языка в немецком публицистическом тексте 108

Щербина С.Ю. Некоторые грамматические и лексические особенности немецкой проповеди 116

Романские языки 126

Клейменова Н.М., Брагина А.Б. Словообразовательные особенности авторских неологизмов Фредерика Дара 126

Клейменова Н.М., Камелова В.Р. Лексико-грамматические особенности квебекского французского на примере фильмов Ксавье Долана 132

Хопияйнен О.А. Мялина А.В. Способы речевой компрессии, основанные на замене компонента текста, в синхронном переводе 139

Теория языка 149

Arbuzova N.V., Kushnaryova S.ETheoretical Foundations of Code Switching Process in Modern Contact Linguistics 149

Гавриш А.С. Языковой анекдот как средство обучения языку и культуре 154

Гавриш А.С., Калашникова О.К., Самсонова Т.И. Вопрос изучения концептов в контексте глобализирующегося мира 158

Гавриш А.С., Муравых О.А. Проблема перевода языковой игры в аудиовизуальных произведениях 166

Гончарова А.В., Калашникова О.К., Гавриш А.С. Переменные и устойчивые признаки общеязыковых категорий 171

Массальская Ю.В. Аллофронность метафоры 188

Нурпейсова Н.Т., Сабирдинова С.Ә. CLIL әдістемесінің мазмұны 192

Салье Т.Е., Самсонова Т.И. Домашнее чтение как аспект преподавания иностранного языка для специальных целей. К вопросу о самостоятельной работе студентов 196

Симонова Е.П., Янкина Ю.А. «Эпатажная» метафора как прием речевого воздействия в современном политическом дискурсе 201

Сердюкова Д.И. Язык как основной инструмент социально-культурного развития личности в условиях глобализации 208

Яценко Е.В. Коммуникативные стратегии и тактики в переговорном процессе 216

Яценко Е.В. Языковые особенности деловых текстов переговорного коммуникативного процесса 222

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание 228

Алексеева О.П., Аграмакова Ю.А. Калькирование как самый употребляемый способ перевода советизмов 228

Бөрібай Б.І., Жампейсова Ж.М. Мәтін тұрғысындағы көркем аударма 235

Бузук Л.Г., Кулик Л.В. Лексико-грамматические особенности перевода специальных текстов 243

Васильева А.А., Гавариев А.Н. Анализ лексических трансформаций при переводе с английского языка на русский в научно-технических текстах 251

Васильева А.А., Фатхинуров Б.Ф. Способы перевода безэквивалентной лексики в научно-технических текстах 257

Васильева А.А., Чупин Д.А. Особенности перевода препозитивных атрибутивных словосочетаний и фразеологических единиц с английского языка на русский в научно-технических текстах 262

Власенко О.К., Матвеева А.Д. Прагматическая адаптация при передаче информативной функции кулинарного шоу Джейми Оливера «Jamie Oliver's Food tube» 269

Галушко А.Д. Языковая единица *император* в лексикографических источниках и текстах СМИ 274

Зубарева Н.П., Ефимова И.А. Экспрессивные языковые средства в журнальных статьях 279

Нармурадова Ю.Р., Шилова О.Г. Профессиональная терминология, как отражение сферы деятельности, особенностиих перевода на примере текстов по строительству.....285

Прокопенко О.Х. Специфика кореферентных наименований в стилистическом обогащении текста художественного произведения 291

Скирута А.В., Ягуфаров Р.А. Метафоры в рассказе Лао Шэ «Дивный сон» и способы их передачи на русский язык.....299

Чернышева А. А. К вопросу изучения политических концептуальных метафор и особенности их перевода 305

Чэнь В. Экфорема в произведениях И.А. Бунина.....311

Яо Ж. Концепт Грусть в русском языковом сознании (на фоне сравнения с китайским концептом) 318

Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии.....326

Астафьева Г.А., Ягуфаров Р.А. Морфемная контракция как один из основных способов словообразования в современном китайском языке 326

Виноградова А.А., Рыжова В.А. Лингвистические и экстралингвистические средства реализации социальной рекламы КНР как способ отражения национальной картины мира 335

Русская литература.....344

Егорова О.А. Специфика функционирования воды как магического средства в волшебных сказках.....344

Крылова Л.А., Бучина А.В. Музыкальный миф и философия сальеризма в трагедии А.С. Пушкина.....351

Литература народов стран зарубежья 361

Чернецова В.В., Колосова Д.Ю. Лексико-семантические особенности научно-фантастического романа Стивена Кинга "11.22.63" 361

Фольклористика 367

Новьюхова Г.Б. Конфликтная лексика в хантыйских сказках о животных 367

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81.367.7

Синтаксические функции русского инфинитива в текстах газетных статей

Аносова Анастасия Александровна
преподаватель кафедры иностранных языков
Южно-Уральский Государственный Университет, РФ, г. Челябинск
zeea84@mail.ru

Syntactic functions of the Russian infinitive in newspaper articles

Anosova Anastasiya Aleksandrovna
teacher of the foreign languages department
South Ural State University, Russia, Chelyabinsk

Аннотация. В статье рассматриваются синтаксические функции инфинитива в русском языке на примере текстов статей из еженедельных газет. Сочетая в себе черты глагола и существительного, инфинитив может выполнять функции любого члена предложения. В газетных текстах встречаются употребления инфинитива в роли главной части односоставного предложения, части составного сказуемого, дополнения, обстоятельства цели и условия, определения, подлежащего. Наиболее распространённой является функция части составного сказуемого. Особенностями газетных статей являются эмоциональность и способность воздействовать на читателя. Использование инфинитива помогает достижению этих целей. Употребление инфинитива в текстах газетных статей может служить средством выразительности, к примеру, в предложениях с инверсией или в риторических вопросах.

Ключевые слова: инфинитив, газетные статьи, синтаксическая функция, составное сказуемое, выразительные средства

Abstract. The article deals with the syntactic functions of the infinitive in the Russian language based on texts taken from the articles in weekly Russian newspapers. Combining the characteristics of the verb and the noun, Russian infinitive can be any part of the sentence. The texts of the newspaper articles have instances of the infinitive in all possible syntactic functions. Infinitive is used as a main part of a one-member sentence, predicative, an object, an attribute, an adverbial modifier of purpose and condition, a subject. The main function is proved to be the function of a predicative. The main characteristics of a newspaper article are the ability to influence the reader and the emotional effect. The use of the infinitive helps achieve these aims. Moreover, the use of the infinitive in newspaper articles can serve as an expressive means for example in the sentences having inversion or rhetorical questions.

Key words: infinitive, newspaper article, syntactic function, predicative, expressive means

Инфинитив занимает в системе русского глагола особое место. Сочетая в себе черты глагола и существительного, он выражает обобщённое наименование действия или состояния предмета. Инфинитив в русском языке имеет окончания -ть (писа-ть) или, реже, -ти (нес-ти). Некоторые инфинитивы оканчиваются на –чь (печь, беречь). [1] Инфинитив является неопределённой формой глагола, так как он называет действие, состояние и т. д. безотносительно к лицу, времени, наклонению. Соответственно, инфинитив сам по себе не обладает категориями лица, времени, наклонения. «Однако в конкретных речевых условиях инфинитив может выражать значения, свойственные тому или иному времени или наклонению». [2, с. 374]

Инфинитив в русском языке может быть зависимым и независимым. «Независимым называют свободное употребление формы без сочетающихся слов» [3, с. 328]. Независимый инфинитив может быть главным членом односоставного предложения. Такие предложения называются инфинитивными. Инфинитивные предложения имеют разные модальные значения: долженствование, необходимость, возможность и невозможность, неизбежность действия; побуждение к действию, повеление, приказание. Зависимый инфинитив может примыкать к любой части речи: зависеть от существительного, краткого прилагательного, спрягаемой формы глагола или примыкать к словам категории состояния. [4]

Инфинитив сочетает в себе признаки двух частей речи: глагола и существительного. Это отражается в его синтаксических функциях. Инфинитив в русском языке может выполнять функции любого члена предложения: быть подлежащим, определением, дополнением, обстоятельством, а также простым глагольным сказуемым, частью составного глагольного и составного именного сказуемого. [5]

Мы рассмотрели основные синтаксические функции, которые инфинитив выполняет в предложении на материале статей из российской газет. Материалом для нашего исследования послужили выпуски популярных еженедельных российских газет «Московский Комсомолец» и «Комсомольская Правда» за период с января по апрель 2019 года. Основным видами статей в этих изданиях являются короткие новостные заметки, интервью и аналитические статьи. Анализ массива языковых фактов (2 180 случаев словоупотребления инфинитива), извлеченных из текстов статей данных газет, показывает, что в них употребляются разнообразные конструкции с инфинитивом. Инфинитив употребляется в двусоставных предложениях (1032 случаев употребления), односоставных (1148 случаев употребления), в зависимом употреблении (1785 случаев употребления), независимом

(228 случаев употребления), в составе сложных форм будущего времени (167 случаев употребления).

Инфинитив широко употребляется в газетных статьях, почти каждое 13 слово в статье является инфинитивом. Основной синтаксической функцией инфинитива в текстах газетных статей является функция части составного сказуемого. Нами были выявлены случаи употребления инфинитива в данной функции после глаголов с модальным значением, а также слов категории состояния (**можно, нельзя**), кратких прилагательных, прилагательных в сравнительной степени.

По новым её (КПРФ) представителям, говорят политологи, пока не видно, что партия готова как-то менять ситуацию.

Об этом надо ставить в известность своего лечащего врача.

Для повышения гемоглобина лучше выбирать красную морковь.

Вы можете выбрасывать в «захоронительный» контейнер по факту в 3 раза меньше.

Это объясняется тем фактом, что газетные статьи, как и другие тексты публицистического стиля одной из основных целей имеют цель воздействовать на читателя, внушить ему определённые мысли и установки, заставить действовать определённым образом. Кроме того, инфинитив часто используется в функции части составного сказуемого после фазовых глаголов, которые обозначают начало, продолжение или конец действия.

Мало того, к выпуску таких туфель начали переходить и крупнейшие обувные фабрики КНДР.

Несмотря на многочисленные скандалы, руководство КПРФ упорно продолжает защищать своих выдвиженцев.

С начала взрослой карьеры Загитова стала выступать в нарядах от Рябенко. (**стала** в значении начала))

Также, инфинитив употребляется в составе составного глагольного сказуемого после глаголов: **стремиться, любить, помогать, мечтать, предлагать, обещать**.

Он отдаёт окружающим энергию и сам стремится подпитаться в ответ.

Разработчики реформы предполагали, что выборы регоператоров помогут выдавить с поляны криминальные кланы.

Кроме того, инфинитив является частью формы будущего времени, когда речь идёт о событиях, которые только произойдут.

Если прежде СНТ за год тратило из взносов четыреста тысяч рублей на мусор, то теперь оно будет тратить вдвое меньше.

Инфинитивные односоставные предложения часто используется как выразительное средство, к примеру, в качестве риторических вопросов или в виде устойчивого, хорошо знакомого выражения с изменённым компонентом.

Можно ли говорить, что зловонные полигоны безвозвратно уходят в прошлое?

Корзина, без которой нам не жить (заголовок)

Инфинитив в предложении может зависеть от существительного и выполнять функцию несогласованного определения. (68 случаев употребления). В этом случае инфинитив поясняет отвлеченное имя существительное с модальным значением необходимости, возможности, желательности, долженствования, волеизъявления и т.п. и

У людей есть желание собирать отходы раздельно.

Витамину С приписывают способность укреплять иммунитет и даже лечить простуду.

Также в текстах газетных статей мы выявили случаи употребления инфинитива в функции обстоятельства цели и условия (62 и 56 употреблений соответственно). Инфинитив в составе придаточных цели и условия подчинен союзам, соответственно, **чтобы** и **если**:

Чтобы досконально судить о механизме переломов … необходима эксгумация.

Если смотреть на схему места трагедии, то кедр … находится по прямой траектории от места палатки.

Следующая по распространённости функция инфинитива – функция дополнения. Выступая в роли дополнения (45 случаев употребления), инфинитив обозначает действие, выполняемое не подлежащим, а другим лицом; либо действие, выполняемое подлежащим совместно с другим лицом, либо, когда обозначает действие как объект, на который направлено другое действие.

Роструд рекомендует устанавливать в рабочих помещениях кондиционеры или, как минимум, вентиляторы, давать сотрудникам возможность отдыхать и прогуливаться на воздухе в течение дня, кому-то – работать из дома и уходить в короткие оплачиваемые отпуска.

Самым редким оказалось употребление инфинитива в функции подлежащего (всего 3 случая).

Выжить несмотря ни на что стало их главной задачей.

В некоторых случаях предложения с инфинитивом имеют инверсию, которая используется в качестве выразительного средства для того, чтобы выделить наиболее значимый в семантическом плане элемент предложения.

Но для жителей городов и посёлков такой подход работать не будет.

Таким образом, проанализировав статьи из еженедельных российских газет, мы определили, что инфинитив является частотным в газетных текстах. Также мы рассмотрели синтаксические функции, которые инфинитив выполняет в этих текстах, и обнаружили, что инфинитив способен выполнять функции любых членов предложения как в независимом, так и в зависимом употреблении. В проанализированных текстах были выявлены случаи употребления инфинитива в функции главного члена односоставного инфинитивного предложения, части составного именного и составного глагольного сказуемого, обстоятельства цели и условия, несогласованного определения, дополнения, подлежащего. Наиболее часто инфинитив используется в роли части составного сказуемого. Синтаксические функции инфинитива подтверждают особенности газетной статьи – выразительность, эмоциональность, а также основные цели – проинформировать читателя и воздействовать на него. Также инфинитив в текстах газетных статей может служить изобразительно-выразительным средством, например, в предложениях с инверсией или риторическими вопросами.

Список литературы

1. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык / Под ред. Н. С. Валгиной: Учебник для вузов. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2006. – 528 с.
2. Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология: Учебник для студентов ВУЗов. – 3-е изд., испр. И доп. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 464 с.
3. Чепасова А. М., Казачук И. Г. Русский глагол: Учебное пособие. — 2-е изд., испр. и доп. – Челябинск: изд-во Челяб. гос. пед. ун-та. 2002. -387 с.
4. Падучева Е.В. Инфинитив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики: [сайт] [2018]. URL: http://rusgram.ru (Дата обращения 15.05.2019)
5. Алексеев, Ф.С. Вся грамматика русского языка в схемах и таблицах / Ф.С. Алексеев. - М.: АСТ, 2018. - 640 с.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.11

Особенности иноязычного публицистического текста профессиональной направленности

Амахина Светлана Рудольфовна
ассистент кафедры английского языка
Вологодский государственный университет
РФ, г. Вологда

Particularities of a publicistic text of professional orientation in a foreign language

Amakhina Svetlana Rudolfovna
Assistant of English language department
Vologda State University, Russia, Vologda

Аннотация. В статье рассматриваются основные черты иноязычного публицистического текста профессиональной направленности (в частности, технической), особая роль отводится терминам, которые представляют лексическое ядро при чтении и переводе таких статей. Также отмечается смешение публицистического и научного стиля за счет наличия двух типов информации (фактической и эмоциональной).

Ключевые слова: термин, публицистический стиль, технический текст, аббревиатура, авторский неологизм.

Abstract. The main characteristics of the English-language journalistic texts of professional orientation (especially technical) are considered in the article; a special role is given to the terms which create the lexical core in reading and translation of such texts. It is also noted that in these texts a combination of publicistic and scientific styles can be found due to the presence of two types of information (facts and emotional component).

Keywords: term, publicistic (journalistic) style, technical text, abbreviation, author's neologism.

Любому специалисту, желающему развиваться в своей профессиональной отрасли, необходимо читать зарубежную специализированную литературу. Частью такой специализированной литературы выступают журнальные статьи, которые в силу своего публицистического характера читаются легче, так как носят в себе оценочные суждения автора, а не сухой и четко регламентированный научный текст. Хотя нельзя сказать, что второй стиль менее важен. Наоборот, он отличается большей информативностью и меньшим отклонением от темы (что можно встретить в публицистическом). Но всё зависит от настроения читателя, которому иногда может быть интереснее освоить публицистический текст (журнальную статью), чтобы разделить или, наоборот, не согласиться с мнением автора, или же иногда ему важны

точные факты без лишней «воды», и тогда он предпочитает научный стиль и читает, например, спецификацию. Между прочим, журнальные технические статьи (как, например, Top Gear), часто содержат полный комплекс, когда после авторского обзора прилагается спецификация.

Итак, как было сказано выше, публицистический текст наряду с научным текстом является основой профессионального совершенствования. Публицистический стиль, который признается официальным языком средств массовой информации, часто присутствует в статьях профессиональной направленности, например, технического характера. Отличительными особенностями такого стиля можно считать эмоциональность речи для того, чтобы задать тон автора (легкий/ироничный или более нейтральный и серьёзный) и создать определенную атмосферу [5]; также прослеживается логика изложения с опорой на факты (здесь он и приближается к научному стилю, главной функцией которого является информативность). Знакомясь с публицистическими текстами профессиональной тематики (например, технической), можно заметить особенности построения такого текста: это и использование эмоционально-экспрессивной лексики, наличие разговорных слов (что, в свою очередь, отличает это от научного текста и задает именно публицистический характер), обилие прилагательных. Также отмечаются и синтаксические конструкции, например, чередование коротких и неполных предложений с длинными и сложноподчиненными. То есть это целая совокупность лексических, фразеологических, грамматических средств, которые выполняют функции информирования и влияния на читателя [5].

Журнальные статьи, относящиеся к профессиональной тематике (отрасли) и рассчитанные на определенный круг лиц, специалистов в конкретной области или неспециалистов, но заинтересованных лиц в данной сфере в силу собственных интересов, часто могут походить на научный текст. Итак, при чтении/ переводе публицистической статьи профессиональной направленности, важно разграничивать два типа информации – когнитивной (фактической) и эмоциональной, отражающей оценочные суждения автора. Не чувствуя этой грани, читатель может принять чужое мнение за свое, ведь автор, раскрывая свое мнение, может навязывать читателю свое видение той или иной проблемы/аспекта. При переводе задача усложняется еще больше, так как необходимо отразить фактическую информацию и авторскую позицию оригинального текста, не исказив тон автора, что зачастую сделать очень трудно, подбирая правильные слова и их синонимы для передачи оттенков значений. Таким образом, сочетание научного и публицистического стиля может усложнять

коммуникативную задачу при наличии двух типов информации, фактической и эмоциональной.

Для примера, обратимся к статьям технической направленности из журнала Top Gear. Эти аналитические статьи в большей степени носят характер описания и рассуждения, которые содержат развернутые комментарии с оценкой и сравнениями, также можно заметить наличие эмоциональной компоненты. Итак, в статьях часто отмечаются эпитеты, такие как brand-new VW Polo, specially designed front bumper, move with wonderful solidity, look exactly the bloody same to me, a monster boot, feeling of refined tautness, it's far to say this isn't the most…coherent-looking hatchback on the market [6]. Можно заметить и метафоры. Например, при описании большого багажника автор использует следующее: Masses of legroom, front and back, and a monster boot into the mix. *Swallows a road bike* without requiring removal of a wheel or lowerment of a saddle. Just pop down the rear seats and fling it in [6]. (Большое пространство для ног, спереди и сзади, и огромный багажник в придачу. Проглатывает дорожный велосипед, не требуя снятия колеса или опускания сиденья). Этот литературный прием делает текст более ярким и эмоциональным (конечно, багажник не проглатывает, а вмещает). Также эмоциональная составляющая присутствует в описаниях, опирающихся на тактильные ощущения – you're driving the future; if you are feeling the need for a boost; it's not quite time travel, but it sure feels like it. Также можно заметить наличие фразеологизмов, например, в статье про гибридный автомобиль – That is, a plug-in performance hybrid that's capable of zero driving emissions, but can still *knock your socks off* [6], где *knock your socks off* - поразить, привести в восторг, удивить кого-то. Или в этой же статье, встречается - This really is a hybrid that lets you *have your cake and eat it* (*have your cake and eat it* – пытаться совместить несовместимое). Так, при чтении англоязычных статей, для полного и глубокого понимания русскоязычному читателю необходимо проверять значение идиом. Авторскую оценку можно заметить в наличии сравнений, например: The Polo is no longer just the small sibling of the Golf when it comes to its interior. It is no longer the car that people only buy when they cannot afford the Golf [6]. (Фольксваген Поло больше не является младшим братом Гольфа, когда речь идет о салоне автомобиля. Это уже больше не машина, которую покупают только потому, что не могут позволить себе Гольф). Или, описывая внешние сходства автомобиля Alfa Romeo Giulia Quadrifoglio и немецких марок, автор говорит - You've heard it a million times: imitation is the sincerest form of flattery. But when does the imitation cross the boundary?… Both the BMW-esque gear selector and Audi-style rotary control feel incredibly cheap and plasticky compared with

its German rivals (Вы слышали это много раз: подражание - самая искренняя форма лести. Но когда оно переходит все границы? И рычаг переключения передач как в БМВ, и круглая кнопка управления мультимедиа в стиле Ауди ощущаются невероятно дешевыми и напоминающими пластик, по сравнению с немецкими соперниками). Что касается синтаксических конструкций, можно заметить сочетание сложных предложений, которые отличаются информативностью, с предложениями, построение которых достаточно простое для восприятия, разговорное. Например – Ford changed the seats to get more adjustment, so it had to change the floor. The team changed the B-post pressings to get more side-impact safety, so by then they pretty much had a new inner bodyshell on which to mount the new panels [6]. В данном фрагменте видим сложное, информативное предложение. И в этой же статье есть более простая фраза, сопровождающаяся междометием: So just go over the looks, eh?

При чтении публицистических статей профессиональной направленности следует уделять особое внимание обилию терминов, присутствующих, например, в любой технической статье. Терминоведение как наука зародилось на основе лексикологии в 30-е гг. XX века и длительное время считалось одним из ее разделов. В 1980-е гг. большинство специалистов, занимающихся данной областью знаний, выделяют терминоведение как самостоятельную научную дисциплину, связанную с языкознанием, но выходящую за рамки языковедческой проблематики. Основные вопросы, находящиеся в центре языковедческого анализа, были сформулированы Г.О. Винокуром: в чем заключается лингвистическая сущность термина, что является природой и организацией терминологий, как соотносятся между собой номенклатура и терминология. Он рассматривал термин не как «особое слово», а как простое общеупотребительное слово «в особой функции, функции наименования специального понятия, названия специального предмета или явления» [2]. Изучая различные определения слова «термин», которых существует множество, можно отметить следующее: Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин в книге «Лингвистические основы учения о терминах» пишут, что термин – это слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними [3]. В классическом толковании и понимании природы термина, ему присуща однозначность и относительная независимость от контекста.

С одной стороны, терминам характерны все семантические и формальные свойства слов, но с другой стороны есть и те черты, которые отличают термин от

стандартного, общеупотребительного слова. Так, для термина характерна специфичность употребления и содержательная точность. Различие термина и слова также состоит в том, что они отражают явления разных уровней мыслительной деятельности – научное мышление и оперирование бытовыми представлениями. В современном терминоведении отмечается, что термин – противоречивая единица, и общепринятые доводы о природе термина подвергаются сомнениям. Двойственность термина выражается в следующем: во-первых, термин стремится к однозначности в различных текстах, но фактически остается многозначным вне данного контекста; во-вторых, стремясь к изолированности, он может быть связан с другими словами контекстно и деривационно. Таким образом, необходимо учитывать к какой области науки/техники относится термин, в случае его многозначности. При переводе технической терминологии следует помнить, что часть терминов носит международный характер и фактически не нуждается в переводе, например: bumper (бампер), chassis (шасси), graphics (графика), diesel (дизель, дизельный двигатель). Последний из терминов произошел от имени собственного, которое относится к имени Рудольфа Дизеля, немецкого инженера и изобретателя, создателя дизельного двигателя. Большинство терминов имеют соответствующие эквиваленты в языке перевода, которые проверяются в официальных справочниках. Например, wheelbase (колесная база), engine (двигатель), steering wheel (рулевое колесо), suspension (подвеска), dashboard (приборная панель). Если возможно, при переводе терминов следует отдавать предпочтение русским аналогам, минимизируя количество зарубежных слов. Так, термин selector можно перевести не только как «селектор», но и «рычаг переключения передач; рычаг управления автоматической коробки передач». При переводе, если для данного иностранного термина эквивалент на русском языке вообще не установлен, то необходимо перевести этот термин описательным путем. Как говорит Алексеева И.С., описательный перевод – самая распространенная трансформация. Любой переводчик знает, что когда ничего не поможет – поможет описательный перевод [1]. Например, при описании электромобиля, который не производит выбросов в окружающую среду, можно встретить следующее предложение: One that has the benefit we all crave in these *environmentally conscious times*: a more responsible use of power [6] (Автомобиль имеет преимущество, к чему мы все стремимся в эти времена, когда необходимо заботиться об окружающей среде: более разумное использование энергии). Так, не используя описательного оборота, перевод данного словосочетания может вызвать затруднения. В статьях можно заметить немало сложных терминологических групп путем

добавления уточняющих левых и правых (предложных) определений к исходному термину.

В публицистических текстах технической направленности можно наблюдать наличие аббревиатур. Они также являются частью лексической системы языка, часто это общепринятые аббревиатуры, значения которых проверяются в справочниках. Иностранная аббревиатура либо переводится, содержание которой выражается соответствующими средствами языка перевода (это может быть аббревиатура – аналог или же расшифровка аббревиатуры в полноценное слово/словосочетание) или же переносится в текст перевода без изменений и выступает как заимствование. Возьмем следующий пример: This is the brand-new, MkVI VW Polo, but we'll skip to the three letters that will pique your interest – GTI. It's the range-topper (unless VW is planning an R), and gets a slightly bigger engine than its predecessor [6]. Так, при переводе можно пояснить значение R или GT (grand tourer, grand turismo), что подразумевает класс автомобилей, разработанных для езды на дальние расстояния, а аббревиатура «R» подразумевает racing, racer, «ралли», то есть рассчитанный для высокоскоростной езды.

При чтении статей можно замечать авторские неологизмы, которые образуются по словообразовательным моделям языка-оригинала, что также может вызывать трудности при чтении и переводе для читателя, незнакомого с процессом словообразования в языке-оригинале (где может использоваться аффиксация, словосложение, словослияние и др. модели). Например - Such *embiggification* confers many advantages. Particularly in the "interior space" department. The Civic's cabin is, as the estate agents would have it, generously proportioned. Masses of legroom, front and back, and a monster boot into the mix [6] (Такое увеличение предоставляет много преимуществ. Особенно это касается внутреннего пространства автомобиля. Салон Хонды Цивик, как бы выразились агенты по недвижимости, по-настоящему просторный. Много места для ног, спереди и сзади, и огромный багажник в придачу).

Итак, зная основные характеристики публицистического текста профессиональной направленности, читатель может существенно облегчить себе задачу, знакомясь с оригинальными иноязычными статьями. Уделять внимание необходимо лексике по тематическим группам, синтаксическим конструкциям, морфологии, стилистическим особенностям, выделять объективные доводы и субъективные суждения автора (чтобы не потерять коммуникативную задачу текста). Обращаясь к зарубежным текстам, читатель может совершенствовать свои профессиональные знания и обогащать лексический запас в иностранном языке.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика / Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Издательство «Союз», 2001. 288 с.
2. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Моск. Ин-та истории, философии и литературы. — T.V. Сборник статей по языковедению. М., 1939. — с. 3–54.
3. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
4. Сдобников, В.В. Перевод и коммуникативная ситуация / В.В. Сдобников. М.: Флинта, 2015. 116 с.
5. Шаховский В.И. Стилистика английского языка: Учебное пособие. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 232 с.
6. Top Gear, BBC Worldwide UK Publishing, August 2017. 172 p.

УДК [81'367.623+81'37+81'42]-112.2(045)

Функционирование прилагательных со значением общей оценки в немецкоязычных медиатекстах

Астахова Татьяна Николаевна
канд. филолог. наук, доцент кафедры английского языка
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
РФ, г. Архангельск
astahovatn@gmail.com

Functioning of adjectives with the meaning of general evaluation in German media texts

Astakhova Tatyana Nikolaevna
Cand. Sci. (Philology), assistant professor of English language department
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
Russia, Arkhangelsk

Аннотация. Статья посвящена исследованию прилагательных со значением общей оценки в немецких медиатекстах, так как данные средства используются для воздействия на читателя и требуют детального изучения. Для анализа были выбраны три прилагательных со значением общей положительной оценки – gut, einwandfrei, erstklassig, и три прилагательных со значением общей отрицательной оценки – schlecht, negativ, dramatisch. Было проанализировано одинаковое количество контекстов с этими прилагательными в современных немецких медиатекстах. В дальнейшем полученные контексты были классифицированы по тематическим сферам. Исследование показало, что прилагательные со значением общей положительной и отрицательной оценки чаще всего используются в медиатекстах таких тематик, как «политика», «спорт», «культура», «общество».

Ключевые слова: немецкие медиатексты, общая оценка, положительная оценка, отрицательная оценка, СМИ, прилагательные

Abstract. The article is devoted to the study of adjectives with the meaning of general evaluation in German media texts, because these means they are used for influence on reader and require detailed examination. Three adjectives with the meaning of general positive evaluation (gut, einwandfrei, erstklassig) and three adjectives with the meaning of negative evaluation (schlecht, negativ, dramatisch) were chosen for analysis. The equal number of contexts with these adjectives in modern German media texts were analyzed. Then obtained contexts were classified according to subject areas. The study showed that adjectives with the meaning of general positive and negative evaluation are used most frequently in the German media texts in such subject areas as "politics", "sport", "culture", "society".

Keywords: German media texts, general evaluation, positive evaluation, negative evaluation, media, adjectives

Одной из функций современного медиатекста является воздействие на читателя. Воздействующая функция газет заключается в информировании читателей, одновременном выражении определенной общественной позиции и убеждении читателя в истинности данной позиции [5, с. 35]. Для выражения этой позиции в медиатексте используются разноплановые лингвистические средства. В том числе, данная функция реализуется с помощью лексики, которая включает в себя денотативный и коннотативный компонент значения. Денотативный компонент служит для передачи общего лексического понятия, коннотативный – выражает дополнительные оттенки значения [3, с. 69]. Одним из составляющих элементов коннотативного компонента является оценочность [1, с. 156].

Н.Д. Арутюнова отмечает, что существуют обще- и частнооценочные значения. Общая оценка выражается с помощью прилагательных «хороший», «плохой» и их синонимов. Частнооценочные значения оценивают один из аспектов объекта с определенной точки зрения. Общая оценка осуществляется по совокупности признаков, при этом разные объекты предполагают наличие разных требований, которые должны быть удовлетворены для их положительной квалификации [2, с. 198-201]. Т.П. Филичкина отмечает, что «когнитивное содержание рациональной оценки – это мнение субъекта оценки о положительной или отрицательной ценности обозначаемого в целом или какого-либо его свойства, основанное на знании неписанных, но узуальных норм ценностной картины мира» [4, с. 187].

В данной статье произведен анализ контекстов, в которых встречаются прилагательные, имеющие общеоценочные значения. Данные контексты были выявлены с помощью автоматического поиска на информационных порталах Германии – „Süddeutsche Zeitung", „Deutsche Welle", „Die Zeit". Для анализа были избраны по 50 прилагательных со значением положительной общей оценки (gut, einwandfrei, erstklassig) и отрицательной общей оценки (schlecht, negativ, dramatisch).

Прежде всего, целесообразно привести определения анализируемых прилагательных из толкового словаря немецкого языка „Duden“.

Gut (хороший) – 1) а) удовлетворяющий требованиям, удовлетворительного качества, без недостатков, б) добивающийся успехов, успешно выполняющий свое задание, в) эффективный, полезный, г) благоприятный, подходящий для чего-либо; 2) приятный, радостный, положительно влияющий; 3) а) большой, обильный, б) большого размера; 4) а) безупречный, порядочный, б) морально безупречный, значимый; 5) дружески расположенный к другим; 6) не предназначенный для повседневного использования, оставленный для особых, праздничных случаев; 7) происходящий или делающийся без особых усилий.

Einwandfrei (безупречный) – 1) а) не дающий повода для претензий, в безупречном состоянии, без ошибок или недостатков, б) безупречный, такой, что нельзя ни в чем упрекать; 2) несомненный, однозначный.

Erstklassig (первоклассный) – а) отличный, выдающийся, превосходный, б) играющий в первой, высшей категории.

Schlecht (плохой) – 1) низкого качества, имеющий множество недостатков, низкокачественный; 2) слабый, недостаточный (по количеству, силе, объему); 3) а) неблагоприятный, невыгодный, неудачный, скверный, б) неприятный; 4) по своему характеру, морально не безупречный, злой; 5) плохо себя чувствующий; 6) едва ли; 7) простой (устар.).

Negativ (негативный) – 1) а) отклоняющийся, б) отрицаемый (из логики); 2) а) неблагоприятный, невыгодный, нежелательный, б) находящийся в нижней части ценностной шкалы, плохой; 3) ниже нуля (в математике); 4) касающийся одной из двух форм электрических зарядов (в физике); 5) по отношению к предмету съемки в зеркальном отображении или в отношении света и темноты наоборот, или дополнительно в плане цветов (в фотографии); 6) представляющий собой возможное видимое положение дел как несуществующее (в медицине).

Dramatisch (драматический, драматичный) – 1) драматический, относящийся к драме; 2) а) волнующий, захватывающий, б) резкий, радикальный [6].

В результате исследования была произведена классификация контекстов с перечисленными прилагательными в зависимости от употребления в определенной тематической рубрике. Представим результаты исследования в диаграммах.

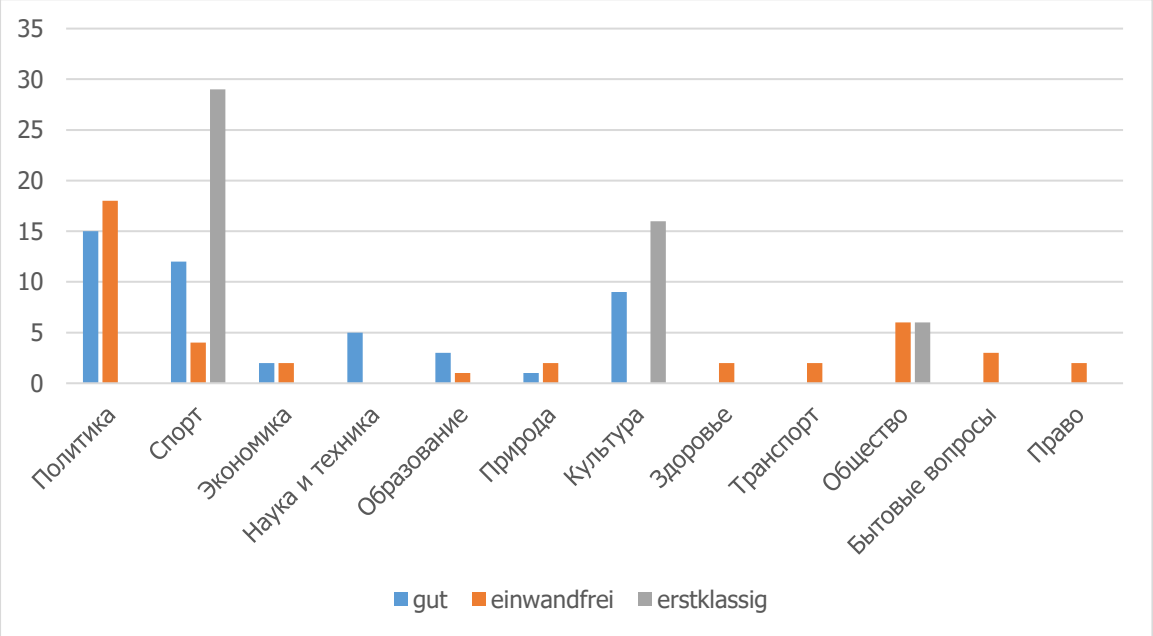

Диаграмма 1. Прилагательные со значением положительной оценки

Статистические данные показывают, что прилагательное gut наиболее часто используется в следующих тематических областях:

- «политика», например: *Söder greift eine alte Strategie auf, die sich aus seiner Sicht bewährt hat:* ***Gute*** *Kontakte zu den Nachbarn an der Donau; mehr Respekt für kleinere Länder*. (SZ);
- «спорт»: *"Es war eine schwere Saison, wir haben eine tiefe Mannschaft und viele* ***gute*** *Spieler", sagte King*. (SZ);
- «культура»: *Dass der Film, für den er nun nominiert ist, ebenfalls um das deutsch-deutsche Thema kreist, ist eine hübsche Klammer. Und vielleicht ein* ***gutes*** *Omen.* (SZ);
- «наука и техника»: *Kommt ein Virus oder Trojaner durch das Absperrgitter durch, erkennt eine* ***gute*** *Software ihn spätestens dann, wenn er anfängt etwas zu tun, was er nicht soll* (DW).

Прилагательное einwandfrei преимущественно встречается в следующих рубриках:

- «политика»: *Chinas allmächtige Kommunistische Partei möchte den moralisch* ***einwandfreien*** *und ehrlichen Bürger heranziehen*. (DW);
- «спорт»: *"****Einwandfrei****! Er hat das super gelöst, super gemacht, besser geht es überhaupt nicht", sagte Gold-Schützin Barbara Engleder begeistert*. (DW);
- «общество»: *"Und auch die Baufirma genießt einen* ***einwandfreien*** *Ruf", betonte er. "Es stehen alle Fachleute hier und sind sprachlos."* (DW).

Данные показывают, что прилагательное *einwandfrei* используется практически во всех тематических областях. Наиболее часто оно используется в текстах, связанных с политикой, однако оно оценивает преимущественно не текущую ситуацию, а события, прогнозируемые в будущем, как в приведенном примере.

Прилагательное erstklassig служит для реализации общей оценки главным образом в сферах:

- «спорт»: *Kroatien folgt dagegen Deutschland in die B-Division, Spanien bleibt als Zweiter der Gruppe 4* ***erstklassig***. (DW);
- «культура»: Deshalb braucht man für die Johannes-Passion erstklassige Solisten (SZ).

Кроме того, данное прилагательное упоминается при оценке разных событий общества, например: *"**Erstklassige** Gestaltung, Konzeption und Verarbeitung" sind die Kriterien, anhand derer die unabhängige Jury ihre Auswahl der schönsten deutschen Bücher trifft* (DW). – В данном примере приводятся характеристики при оценивании самой красивой книги.

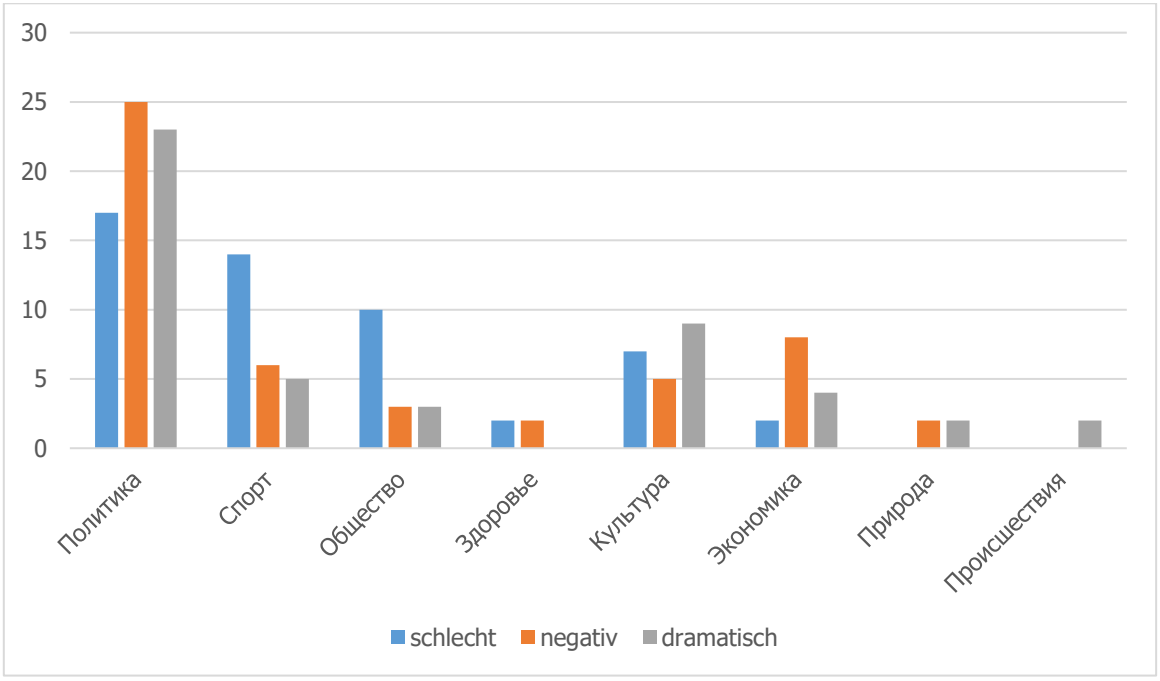

Диаграмма 2. Прилагательные со значением отрицательной оценки

Далее рассмотрим функционирование прилагательных со значением отрицательной общей оценки. Так, прилагательное schlecht наиболее часто встречается в предложениях следующей тематики:

- «политика»: *62 Prozent der Befragten sind weniger oder gar nicht zufrieden mit dem Kurs des Berliner Kabinetts. Allerdings waren die Werte auch schon* ***schlechter***. (DW);

- «спорт»: *Auch er fiebert dem Anpfiff entgegen: "Es ist natürlich besser, gegen eine **schlechtere** Mannschaft zu spielen, aber wir können Chelsea schlagen."* (DW);
- «общество»: *Viele der betreuten Wohneinheiten sind **schlecht** an öffentliche Verkehrsmittel angebunden* (SZ).

Прилагательное negativ чаще используется в следующих тематических областях:

- «политика»: *"Armin Laschet macht eine Politik für die oberen 10 000 und greift **negativ** in die Mitte der Gesellschaft ein", kritisierte Hartmann.* (SZ);
- «экономика»: *Nach Einschätzung von Volkswirten wirkt sich aber auch die Wirtschaftspolitik der Regierung **negativ** aus.* (DW);
- «спорт»: *Man müsse zielgerichtet vor allem mit den Referees sprechen, "die das Handspiel falsch auslegen und somit **negative** Referenzfälle liefern, so dass das ganze System in der Öffentlichkeit immer wieder infrage gestellt wird".* (SZ).

Прилагательное dramatisch чаще используется в контексте следующей тематики:

- «политика»: *Die **dramatische** Spaltung in der deutschen Gesellschaft spiegelte einen Dissens bei den Verantwortlichen ins Übergroße.* (SZ);
- «культура»: *Er war der Meister der Hell-Dunkel-Kontraste, setzte Licht mit **dramatischem** Effekt ein.* (DW);
- «спорт»: *Es war nicht das erste **dramatische** Comeback, das Klopp in seiner Trainerkarriere erlebte* (DW).

Таким образом, исследование показало, что прилагательные со значением общей положительной и отрицательной оценки чаще всего используются в медиатекстах таких тематик, как «политика», «спорт», «культура», «общество». Прилагательные с отрицательной оценкой также встречаются в медиатекстах, посвященных экономическим проблемам. Следует отметить, что положительная оценка присутствует в медиатекстах более разнообразных тематик («наука и техника», «образование», «право», «транспорт», «бытовые вопросы»), чем отрицательная. В политических и экономических медиатекстах преобладают отрицательные оценки.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 4-е изд., испр. и доп. М. : Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. XV, 896 с.

3. Елисеева В. В. Лексикология современного английского языка (базовый курс): учеб. пособие. Изд-во С.-Петерб. ун-та, СПб. : 2015. 232 с.
4. Филичкина Т.П. Оценочность прецедентных феноменов в англоязычном политическом дискурсе // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 2 (79). С. 186-189.
5. Чурюканова Е. О. Открытая оценочность речи как одно из проявлений воздействующей функции газеты (на примере использования американизмов) // Вестник ТГПУ. 2016. №6 (171). С. 35–38.
6. Duden [Электронный ресурс] / Bibliographisches Institut GmbH. 2019. URL : http://www.duden.de/ (Дата обращения: 18.05.2019).

Список источников

1. Deutsche Welle (DW) [Электронный ресурс]. URL: https://www.dw.com/de/themen/s-9077 (Дата обращения: 20.05.2019).
2. Süddeutsche Zeitung (SZ) [Электронный ресурс]. URL: https://www.sueddeutsche.de/ (Дата обращения: 20.05.2019).

УДК 10.02.04

Семантический анализ словарных дефиниций языковых моделей в современном английском языке

Гончарова Алена Владимировна
канд. филол. наук, доцент Центра лингвистики и межкультурной коммуникации
Института права и национальной безопасности
Российской Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, РФ, г. Москва
litera2306@mail.ru

Калашникова Ольга Кимовна
ст. преподаватель Центра лингвистики и межкультурной коммуникации
Института права и национальной безопасности
Российской Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, РФ, г. Москва
olgakalashnikova2008@yandex.ru

Semantic analysis of lexical definitions of speech patterns in the English language

Goncharova Alena Vladimirovna
PhD in Philology, Assistant Professor of the Center for Linguistics
and Professional Communication, Institute of Law and National security
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow

Kalashnikova Olga Kimovna
Senior Lecturer of the Center for Linguistics and Professional Communication
Institute of Law and National security, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow

Аннотация. Данная статья посвящена детальному семантическому анализу особенностей устойчивых языковых моделей нефразеологического характера, их отличию от других устойчивых сочетаний. В работе рассматриваются пары схожих по значению устойчивых словосочетаний. Авторы анализируют семантику прилагательных, входящих в их состав, с целью выяснить, влияет ли замена прилагательного на значение всего словосочетания. Методом изучения избран анализ словарных дефиниций в англоязычных толковых словарях путем сравнения денотативных и коннотативных компонентов их значения, общих и различных для данных словосочетаний. Контекстуальное значение исследуемых словосочетаний анализируется с помощью примеров из англоязычной литературы.

Ключевые слова: устойчивые языковые модели, семантическое значение, нефразеологические устойчивые словосочетания, дефиниционный анализ, денотативный компонент, коннотативный компонент, семантический компонент, семантические признаки, тождественное значение лексических единиц, постоянство лексического состава.

Abstract. The article provides a detailed analysis of specific semantic features of some non-phraseological stable language models and their differences from other set expressions. The paper focuses on stable language models similar in meaning. The authors carry out semantic analysis of the adjectives in these language models, finding out if a change of these adjectives results in a change of the meaning of the whole word partnership. The research is based on the comparative analysis of the definitions of these stable language models from a range of English dictionaries. The common and peculiar denotation and connotation components of their meanings are studied. The contextual meaning of the above-mentioned models are examined with the help of examples from English fiction.

Key words: stable language models, semantic meaning, non-phraseological stable phrases, definitional analysis, denotation component, connotation component, semantic component, semantic features, identical meaning of lexical units, lexical consistency.

Вопрос об английских устойчивых выражениях или языковых моделях периодически поднимается в лингвистике ввиду отсутствия единой точки зрения на правила их функционирования.

Л. Брендон рассматривает устойчивые словосочетания как вариативность идиоматических сращений, не сумевших стать подлинными фразеологизмами в силу различных причин [2.с.79].

Л. Уилли-Мэйсон в своей известной работе о вариативности словоформ затрагивал тему дефиниций языковых моделей, однако ограничился их сжатой классификацией. Он считал, что любой язык создает подобные устойчивые выражения по единым понятийным параметрам, присущим всем языкам [6. с.68.].

С.М Солтанов считает, что язык в процессе эволюции создает и затем забраковывает множество синонимичных схем и языковых моделей, которые в силу различных причин не получили сильного семантического обоснования и являются просто одним из компонентов синонимического ряда. Этим объясняется большое количество устаревших сочетаний в английском языке, которые можно понять лишь с использованием толковых и этимологических словарей [4.с.78].

Д. Кэррон полагает, что любой язык в силу определенных причин и исторических этапов своего развития создает разнообразные словоформы и словосочетания, некоторым из которых суждено стать фразеологическими единствами. Но большинство из них все же переходит в разряд устойчивых сочетаний.

Он также отмечал, что при анализе дефиниций подобных устойчивых моделей большую помощь может оказать психолингвистический анализ базовых языковых категорий, которые являются общими для всех языков [5.с.78].

Действительно, обращает на себя внимание тот факт, что при ближайшем рассмотрении устойчивые модели в современном английском языке совпадают по многим параметрам с русскими сочетаниями.

Например, один из компонентов как правило является ведущим, то есть несет базовую смысловую нагрузку, в то время как второй или последующие составные части уже несут побочное добавочно-экспрессивное значение.

А.В.Антонов обращает внимание на устойчивые словосочетания нефразеологического характера, которые являют собой значительный и малоизученный лексический пласт в структуре языка. Он предлагает свою классификацию в зависимости от семантического сходства или различия составляющих компонентов языковых моделей [1.с.147].

В настоящей работе мы будем частично опираться на классификацию А.В.Антонова, которая, с нашей точки зрения, является наиболее подходящей для нашего предстоящего исследования.

Словосочетания infectious disease – contagious disease – communicable disease, common sense – good sense, civilian clothes – plain clothes и т.п. представляют большой интерес с точки зрения семантики составляющих их компонентов. Данные словосочетания могут быть отнесены к устойчивым словосочетаниям нефразеологического характера. Они не являются фразеологическими единицами, так как не характеризуется полным или частичным переосмыслением компонентов, но устойчивы. Их устойчивость отличается от устойчивости фразеологических единиц.

Во введении к "Англо-русскому фразеологическому словарю" А.В.Кунин перечисляет признаки устойчивости словосочетаний: воспроизведение в готовом виде, семантическая осложненность, постоянство лексического состава, морфологическая и синтаксическая фиксированность, немоделируемость по схеме переменного сочетания слов. Не все перечисленные признаки характеризуют устойчивые словосочетания нефразеологического характера, некоторым из них они удовлетворяют лишь частично. К примеру, рассматриваемые словосочетания могут не обладать постоянством лексического состава, допускать замену компонентов: common sense - good sense (замена прилагательного) [3.с.43].

В настоящей статье рассматриваются пары подобных сочетаний, анализируется семантика прилагательных, входящих в их состав, с целью выяснить, влияет ли замена прилагательного на значение всего словосочетания. Методом анализа избран метод изучения словарных дефиниций в англоязычных толковых словарях, их сравнение, нахождение компонентов значения, общих и различных для сравниваемых словосочетаний.

INFECTIOUS DISEASE – CONTAGIOUS DISEASE – COMMUNICABLE DISEASE

Рассмотрим эти три словосочетания с точки зрения значения компонентов, входящих в их состав, и попытаемся определить, в каких отношениях находятся данные устойчивые сочетания друг к другу, тождественны ли их значения или различны. Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо провести дефиниционный анализ прилагательных, входящих в состав рассматриваемых сочетаний слов. Прилагательные infectious, contagious и communicable являются синонимами, т.е. имеют общий денотативный компонент, но отличаются коннотативными компонентами.

Сравним эти прилагательные. Прилагательное infectious определяется в толковых словарях следующим образом:

* communicable by infection, as from one person to another or from one part of the body to another [6.с.274].
* that can be spread by means of bacteria carried in the atmosphere or in water [7.с.49].
* which can be spread by infection, especially, in the air [9.с.302].
* liable to be transmitted by air, water [8.с.207].
* having the quality of infecting; corrupting; apt to spread [10.с.200].
* which can be passed from one person to another [11.с.38].

* spread by or likely to cause infection [12.c.152].
* that can be spread by infection [13.c.37].
* likely to cause infection, containing disease-producing organisms or matters [14.c.70].
* having the quality of power of communicating disease by infection [15.c.304].

Как видно, при толковании прилагательного infectious используются глаголы to spread, to communicate, to transmit, to pass. Эти же глаголы используются при описании прилагательного contagious:

* capable of being transmitted from one person to another, by contact, with an infected person or object [5.c.58].
* spreading by contact [6.c.98].
* that can be spread by touch [15.c.84].
* communicating disease by contact [14.c.306].
* communicable by contact; carrying disease or other contagion [15.c.38].
* which is transmitted by touching [7.c.89].
* which can be spread by touching [8.c.197].
* spread by direct or indirect contact; communicable; said of diseases [9.c.296].
* of diseases; communicable by contact [11.c.197].

Что касается прилагательного communicable, то оно описывается в толковых словарях следующим образом:

* capable of being easily communicated or transmitted [6.c.208].
* that can be communicated or imparted [14.c.69].
* that can be (easily) communicated (=passed from one person to another): a communicable disease [12.c. 111].
* that can be imparted (especially of a disease) [15.c.205].
* that may be communicated (especially of a disease); affable [9.c.207].
* which can be passed on to someone [13.c.206].
* capable of being carried or passed along from one person to another [14.c.59].
* that can be transmitted as a disease [8.c.127].
* that may be communicated or imparted [9.c.87].

Прилагательное communicable определяется с помощью тех же слов, что infectious и contagious. Это позволяет выделить во всех трех прилагательных общий семантический компонент "передающийся от одного к другому". Сходство и различие между infectious, contagious, communicable можно проиллюстрировать следующей таблицей:

Таблица 1. Сходство и различие между infectious, contagious, communicable

Исследуемые прилагательные	**Семантические признаки**		
	Передающийся от одного к другому	Способ передачи	
		Непосредственный контакт (прикосновение к больному или вещам, которыми он пользовался)	Опосредованный контакт (бактерии, грибки, вода, воздух)
infectious	+	–	+
contagious	+	+	–
communicable	+	–	–

+ наличие признака

– отсутствие признака

Очевидно, что изучаемые прилагательные весьма близки по значению друг к другу, но infectious и contagious имеют в своем составе компонент "способ передачи", причем этот способ различен, а в communicable этот компонент отсутствует, в communicable, видимо, наибольшую роль играет компонент "передающийся от одного к другому", тогда как способ передачи значения не имеет. Покажем использование изучаемых сочетаний в различных контекстах, взятых из художественных произведений. Например: *"You can't see people that have contagious diseases or you'll get them yourself" [22.c.48].*

“Panic is the most infectious disease of the lot, and the most lethal too “[19.c.45].

“On the Coast they treated me like I had some communicable disease” [26.c.69].

Очевидно, что для нелингвиста рассматриваемые словосочетания не имеют большой разницы. Различия между прилагательными весьма тонки, поэтому сочетания infectious disease, contagious disease, communicable disease используются большинством говорящих недифференцированно.

COMMON SENSE – GOOD SENSE

Эти словосочетания имеют в своем составе прилагательные, которые не являются синонимами. Тем не менее, сами словосочетания синонимичны, но довольно нелегким представляется описание разницы между ними. Сочетание common sense толкуется в словарях так:

* sound practical judgment that is independent of specialized knowledge, training, or the like; normal native intelligence [6.c.98].
* practical good sense gained by experience of life, not by special study [7.c.89].
* practical good sense and judgment gained from experience, rather than special knowledge from school or study [9.c.43].
* normal understanding, good practical sense in everyday affairs [11.c.76].
* good sense or practical sagacity [15.c.86].
* ordinary good sense [12.c.99].
* good sense and wisdom based on experience rather than special knowledge; sound practical judgment [14.c.34].
* ordinary good sense or sound practical judgment [12.c.45].
* good sound practical sense; general sagacity [14.c.76].

Многие толковые словари описывают сочетание common sense через прилагательное good, но лишь некоторые из них выносят сочетание good sense отдельной статьей и иллюстрируют его так:

* soundness of judgment; practical wisdom [5.c.79].
* the ability to judge and act wisely [12.c.128].
* native soundness of judgment [13.c.156].

Как видно, сочетание good sense трактуется не с помощью сочетания common sense, а с другими словами. Общим смысловым компонентом в сочетаниях common sense и good sense является компонент "здравость суждения". По-видимому, значения обоих сочетаний очень близкие. Доказательством этого служит их объяснение в "Webster's New Dictionary of Synonyms". Этот словарь описывает сразу четыре синонима: sense, common sense, good sense, horse sense, группируя их вокруг существительного sense. В словарной статье сказано: "All four terms imply a capacity - usually a native capacity - for seeing things as they are and without illusion or emotional bias, for making practical choices or decisions that are sane, prudent, fair, and reasonable and that commend themselves to the normal or average good mind" [14.c.206].

Особо подчеркивается врожденная здравость ума, но нам представляется, что смысловой компонент "врожденность" более характерен для сочетания good sense. Тем более, что по данным "The Shorter Oxford Dictionary on Historical Principles", появление сочетания good sense в значении general sagacity зарегистрировано раньше, чем common sense (соответственно 1688 и 1726 годы) [15.с.179]. Сочетание good sense калькировано из французского bon sens. Сочетание common sense происходит от латинского sensus communis. Оно появилось в 1535 году со значением “ordinary, normal, or average understanding”.

”Without this a man is foolish or insane” [13.с.208].

Примером употребления сочетания common sense в этом значении может служить следующее предложение:

“Poor Elisabeth had never really recovered her common sense after that analysis” [21.с.126]

В контекстах разница между сочетаниями common sense и good sense в значении general sagacity несущественна, что доказывается примерами:

"Germany needed me", Brandt went on, earnestly, convincing himself as much as the man beside him of his honesty, his rectitude, his good sense” [24.с.12].

“And though you've always liked to play the simpleton you've got a lot of common sense“ [16.с.27].

В этих примерах возможна замена прилагательных без изменения значения всего словосочетания. Однако, в некоторых случаях подобная трансформация невозможна, например:

“He had the practicality, the humour, the good sense of his mother's people“ [20.с.37].

В данном случае употреблению common вместо good препятствует наличие определения of his mother's people после словосочетания good sense, что подтверждает наше предположение о наличии компонента "врожденность" в сочетании good sense. С другой стороны, вряд ли возможно употребление сочетания good sense вместо common sense в таком примере:

“Sometimes it seems to me that the more of an artistic genius you are, the less common sense you have in everyday life” [17.с.47].

Нам представляется, что в сочетании common sense прилагательное в какой–то мере сохраняет значение "общий, присущий не одному", тогда как в сочетании good sense в прилагательном good имеется компонент положительного качества,

надежности, основательности. Подтверждением этого служат примеры, в которых перед сочетанием common sense стоит определение good:

"There will be discouragement, even difficulties between the two of you, but I'm banking on your enthusiasm and good common sense" [23.c.54].

Сочетание common sense кажется говорящему недостаточным, он усиливает значение положительности качества, употребив прилагательное good. Итак, сочетания common sense и good sense, являясь близкими по значению, все же различаются некоторыми оттенками смысла, что особенно выявляется при анализе конкретных примеров.

CIVILIAN CLOTHES – PLAIN CLOTHES

Прилагательные civilian и plain, входящие в данные устойчивые словосочетания, не являются синонимами, civilian реализует значение "non–military, not belonging to the armed forces." Plain имеет довольно много значений, но среди них нет значения non-military. Тем не менее, постараемся доказать, что словосочетания civilian clothes - plain clothes синонимы.

Civilian, как уже было сказано, описывается в толковых словарях как "non-military, of or relating to civilians, not belonging to the armed forces". Словосочетание civilian clothes в отдельной словарной статье не анализируется. Что касается сочетания plain clothes, то оно рассматривается во многих словарях, причем есть как словосочетание plain clothes, так и сложное прилагательное plain-clothes. Вот как определяется plain clothes в различных английских толковых словарях:

* plain-clothes man - a police detective who wears mufti while on duty [5.c.39].

* in plain clothes (especially of policemen) -in ordinary clothes, not in uniform [6.c.123].

* plain clothes (adj) (especially of policemen) – wearing ordinary clothes while on duty, rather than a uniform [7.c.78].

* plain clothes - unofficial dress, especially of policeman on duty but not in uniform [15.c.89].

*plain clothes (adj.) - wearing ordinary clothes, not uniform, as a policeman detective work [14.c.89].

*plain clothes ordinary/everyday clothes (not uniform) [12.c.234].

*plain clothes man - a police officer who wears civilian clothes while on duty [9.c.234].

*plain-clothes man – a detective or policeman who wears civilian clothes on duty [14.c.87].

*plain clothes – ordinary citizen dress, mufti; opp. to uniform [12.c.76].

Если обобщить все словарные дефиниции, то основными семантическими признаками сочетания plain clothes являются:

1) mufti clothes, 2) worn by a policeman, 3) on duty.

Сравним словосочетания civilian clothes и plain clothes с помощью таблицы:

Таблица 2. Сравнение словосочетаний civilian clothes и plain clothes

Исследуемые сочетания	**Семантические признаки**			
	невоенная	неформенная	принадлежащая к профессии	время ношения
civilian clothes	+	+	–	–
plain clothes	+	+	+	+

+ наличие признака

– отсутствие признака

Из таблицы ясно видно, что значение сочетания civilian clothes более широкое и менее конкретное, чем значение сочетания plain clothes. Это можно показать также на примерах из литературных произведений:

“It was a lucky thing he would still be in uniform tonight. In civilian clothes she doubted that any desk clerk would believe he was old enough to be married” [25.c.76].

"Couldn't you have a policeman in plain clothes sitting at the bar ready to arrest the taxi driver when he came to collect money?" suggested Kate [18.c.5].

В первом примере сочетание civilian clothes противопоставлено uniform, но нет указания на конкретную профессиональную принадлежность человека, о котором идет речь, а во втором случае указан род занятий - полицейский, и сочетание plain clothes также противопоставлено uniform, но это противопоставление имплицитное.

Суммируя все сказанное выше, приходим к заключению о том, что замена компонентов все-таки способствует некоторому изменению значения всего словосочетания.

Также представляется возможным сделать следующие выводы:

– часто устойчивые сочетания имеют общий денотативный компонент, но отличаются коннотативными признаками.

– практически во всех парных сочетаниях один семантический компонент является общим. Он и определяет степень сходства языковых моделей.

– не бывает лексических единиц с абсолютно тождественными значениями.

– устойчивые сочетания не характеризуются полным или частичным переосмыслением компонентов как фразеологизмы, но достаточно устойчивы и

могут частично замещать компоненты в зависимости от функционального стиля. в котором используются.

Материал, собранный в статье, и проведенные наблюдения могут представить значительный интерес для преподавателей английского языка вузов и школ.

Список литературы

1. Антонов А.В. К вопросу о фразеологических аномалиях в современном английском языке.- Казань.: КГУ, 2016-375 с.
2. Брендон Л. Фразеологические сюрпризы. Настоящее. Прошедшее. Будущее.- Казань.: КГУ, 2017-456 с.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь и этимологические дефиниции.3 изд.- М.: Наука,2015-357 с.
4. Солтанов С.М. Языковая эволюция устойчивых сочетаний слов в современном английском языке и их базовые функции.-Пермь.: Плазма,2016- 342 с.
5. Керрон Д. Устойчивые модели и языковая картина мира.- Пермь.: Плазма, 2016-453 с.
6. Уилли-Мэйсон Л. Вариативность в языке как импульс последующего развития его структуры. -Уфа.:УФГУ, 2016-543 с.

Список использованных иностранных словарей

7. Chambers 20th Century Dictionary. - Richard Clay Ltd.:Burigey Suffolk.UK,2016- 368 p.
8. Harrap's Mini–Pocket English Dictionary-4th Edition.London, 2016-437 p.
9. Longman Dictionary of Contemporary English. - Longman Croup LTD.UK, 2015- 368 p.
10. Longman Lexicon of Contemporary English. - London Group LTD.UK, 2016-487 p.
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. - Oxford University Press.UK, 2015-458 p.
12. School Dictionary. - Macmillan Publishing Co., Inc.: New York. USA,2017-596 p.
13. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford.: Clarendon Press.UK, 2015-678 p.
14. The Random House Dictionary of the English Language. College Edition.: Allied Publishers Private Limited. UK,2017-485 p.
15. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. - Oxford.: Clarendon Press.UK, 2016-569 p.
16. Webster's New Dictionary of Synonyms. - Springfield.: Massachusetts.:U.S.A.,2017- 769 p.
17. Webster's New World Dictionary of the American Language. - Second College Edition. - Cleveland.: New York.: William Collins World Publishing Co.:Inc.USA, 2016-968 p.

Список цитируемой художественной литературы

18. Christie A. Funerals are Fatal. - 6th edition.:New York.: USA,2016-196 p.
19. Christie A. The Mirror Crack'd from Side to Side. 6th edition.: New York.:USA, 2016-200 p.
20. Francis D. Dead Cert. -3rd edition.: London.:UK, 2017-269 p.
21. Hailey A., Castle J. Runway Zero-Eight. - New York.:USA,2017-365 p.
22. Leasing D. Five. -2nd edition.: London.:UK, 2017-375 p.
23. Murdoch I. The Unicorn. - 3rd edition.: Triad Panther Books.: USA,2016-486 p.

24. O'Hara J. A Rage to Live. - 3rd edition New York.: USA, 2017-375 p.
25. O'Hara J. From the Terrace. -New York.:USA,2015-476 p.
26. Shaw I. Rich Man, Poor Man.-3rd edition.: New York.:USA,2016-204 p.

УДК 821.111

Особенности передачи квазиреалий при переводе литературы в жанре фэнтези (на материале произведения Дж. Р.Р. Толкина «Властелин колец» и его немецких переводов)

Гундина Олеся Сергеевна
Студентка гр. МЛ201ЛмкА, факультет английского языка
Нижегородский государственный лингвистический университет
РФ, г. Нижний Новгород
fury2121@mail.ru

Specifics of translation of quasi-realias in the literary genre of fantasy (on the example of the novel by J.R.R. Tolkien «Lord of the Rings» and its German translations)

Gundina Olesya Sergeevna
Student of the Faculty of English Language, group ML201LmkA
Nizhny Novgorod State Linguistic University, Russia, Nizhny Novgorod

Аннотация. В данной статье рассматриваются квазиреалии – специфическая лексика произведений в жанре фэнтези, представляющая проблему при переводе из-за отсутствия эквивалента, раскрываются основные способы их перевода. В связи с тем, что о русских переводах романа уже существует огромное количество исследований, анализ концентрируется на немецких переводах, выполненных Маргарет Карру и Вольфгангом Креге. Рассматриваются варианты и приемы перевода различных квазиреалий в немецких переводах романа «Властелин колец». Кроме того, сопоставляются данные анализа перевода группы квазиэтнонимов у указанных авторов, на основе которых выявляются их переводческие стратегии.

Ключевые слова: квазиреалии, фэнтези, литературный перевод, приемы перевода.

Abstract. This article discusses the quasi-realia – the specific vocabulary of fantasy genre, which creates translation problems due to the lack of an equivalent – and reveals the main ways of their translation. Due to the fact that there is already a huge amount of research on Russian translations of the novel, the analysis focuses on German translations made by Margaret Carroux and Wolfgang Krege. In the article the options and techniques for translating various quasi-realias in German translations of the novel «The Lord of the Rings» are considered. In addition, data from the analysis of the translation of a group of quasi-ethnonyms made by specified authors is compared, on the basis of which their translation strategies are identified.

Key words: quasi-realias, fantasy, literary translation, translation techniques.

Отличительной характеристикой произведения в жанре фэнтези являются квазиреалии – предметы и явления, существующие лишь во вселенных выдуманных авторами произведений данного жанра [1]. Квазиреалии при переводе представляют особую трудность, поскольку не имеют эквивалентов в языке перевода. Проблема перевода квазиреалий в жанре фэнтези решается переводчиками различно, в зависимости от намеченной ими стратегии. Основные способы перевода квазиреалий: прямой перевод, калькирование (передача морфемного состава лексической единицы), транскрипция и транслитерация (воспроизведение звуковой и графической формы слова), аналог (подбор ближайшего по семантике слова языка перевода), переводческий неологизм (создание переводчиком эквивалента при помощи переводческих трансформаций) [2, с. 148–150].

Всемирно известное произведение Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» – один из наиболее значимых представителей жанра фэнтези. Существует два его перевода на немецкий язык – перевод Маргарет Карру (1970) и Вольфганга Креге (2000). На оба перевода большое влияние оказал сам Толкин, когда в 1967 году он, разочаровавшись в переводах романа на нидерландский и шведский языки, издал «Руководство по переводу имен собственных из «Властелина колец»». В комментарии к «Руководству» писатель предложил переводчикам на данные языки свою безвозмездную помощь уже на ранних этапах работы [5] . Таким образом, перевод Маргарет Карру на немецкий язык возник в непосредственном творческом взаимодействии переводчицы с автором.

К наиболее ярким результатам творческого обмена Толкина и Маргарет Карру можно причислить перевод квазиэтнонима «elves» как «Elben», который был сохранен и в переводе Вольфганга Креге. Данное слово соотносится с древнегерманским словом «Alb», обозначающим маленьких злых созданий, отдаленно напоминающих эльфов и образованным от него современным «Albtraum» (кошмар). Через это родство достигалась задуманная Толкином историческая псевдоэквивалентность слова. Многие другие квазиреалии Карру переводила не дословно, а при помощи этимологических соответствий. Так, имя гигантской паучихи «Shelob» в немецком переводе превратилось в «Kankra». Оригинальное слово было составлено из общеупотребительного в английском префиса «she-», подчеркивающего женский род предмета или существа, и диалектного слова «lob» – «паук»; переводчица, чтобы добиться максимального соответствия, использовала диалектное слово «Kanker», обозначающее паука-сенокосца, и окончание женского рода «-а». Данное соответствие было использовано и в переводе Креге. Исследователи

Рафал Якель и Джозеф Ярош выделяют две стратегии переводчицы: передача предметного значения и сохранение эстетических качеств исходных единиц. При этом не во всех случаях сохранение семантики имело первостепенное значение, т. к. наблюдался целый ряд онимов, для создания эквивалента которым решающим фактором выступала внешняя форма (Longholes – Langhöhlen, Diamond – Dietmute, Slinker – Schleicher). [5]

Как видно из вышесказанного, второй немецкий перевод «Властелина колец», выполненный Вольфгангом Креге, во многом заимствует совместные переводческие решения Толкина и Карру. Лишь некоторые квазиреалии в его переводе отличаются, и то – незначительно (Карру: Isengart, Krege: Isengard). «В отношении перевода квазиреалий автор делает реверанс работе предшественницы, сохраняя большинство переведенных ею имен в первозданном виде. Так, он оставляет в своем переводе её версию топонима Brandy Hall – Brandyschloß, даже не заменяя его орфографию на более современную (Brandyschloss). Но некоторые квазиреалии Креге все же корректирует. Так, в своем переводе он изменяет Orcrist Карру на Orkrist, чтобы вернуть этому названию утраченную соотнесенность с квазиэтнонимом Orc; меняет топоним See Evendim на Abendrotsee, т.к. это название не эльфийского происхождения, как могла думать Карру, но английского» [4].

Проиллюстрируем стратегии немецких переводчиков «Властелина колец» на примере передачи квазиэтнонимов.

Квазиэтнонимы, или лексические обозначения выдуманных рас, формируют обширную категорию квазиреалий романа. Нами были проанализированы 65 квазиэтнонимов оригинала и варианты их передачи в переводах М. Карру и В. Креге, предоставленные сайтом Ardapedia [3].

Три основных приема, использованных Маргарет Карру для передачи квазиэтнонимов – калькирование (30%), аналог (26%) и прямой перевод (21%). При помощи калькирования переводчица добивается максимального соответствия, копируя пофонемно структуру слова: Halflings – Halblinge, the Firstborn – die Erstgeborene, Fallohides – Falbhäute. Прием аналога позволяет найти близкую по смыслу единицу языка перевода: Dwarves – Zwerge, Wraiths – Geister. Прямой перевод помогает ей точно передать слова по смыслу без обязательного соответствия во внешней форме: Shadowmen – Schatten-Menschen, Southrons – Südländer. Несколько менее частотны у переводчицы уподобляющие приемы: 7% занимает транслитерация, 2% – транскрипция. Примеры транслитерации: Wargs – Warge, the Beornings – die Beorninger, транскрипции: Galadrhim – Galadrim, Orcs – Orks. 4 и 3% переводчица

отвела приемам переводческого неологизма (Stoors – Starren, Woses – Wasa) и модуляции (goblin – Unhold). Этноним Stoors обозначает один из видов хоббитов, отличающийся особо крепким телосложением, и происходит от древнеанглийского «stor» (большой, сильный). Переводчица, создавая неологизм, использовала похожее по звучанию немецкое слово «starr» (жесткий). Создавая этноним Wasa, обозначающий лесных дикарей, она следовала рекомендациям Толкина, исказив немецкое слово «Waise» (сирота) [6]. Проиллюстрируем это соотношение при помощи диаграммы:

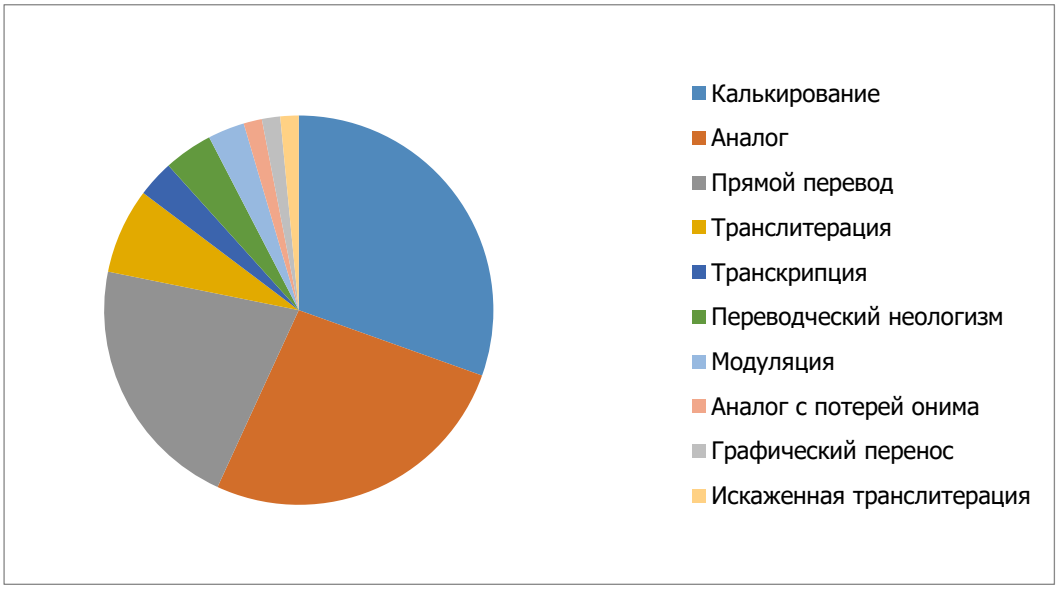

Диаграмма 1. Приемы передачи квазиэтнонимов в переводе романа "Властелин колец" М. Карру

В переводе В. Креге основными приемами являются аналог (29%): Fair Folk – Schönes Volk, калькирование (18%): Schadowmen – Schattenmenschen, Whiteskins – Weißhäute, и аналог с потерей онима (16%): Sleepless Dead – schlaflose Tote, Middle Men – mittlere Menschen. Прямой перевод используется в 13% случаев: Horse-men – Pferdemenschen. Несколько больше, чем в предыдущем, в данном переводе процент использования переводческого неологизма (6%): Fallohides – Fahlhaute. Транслитерация использовалась Креге в 4% случаев, к примеру: Isengarders – Isengarder, а транскрипция не использовалась вообще. Представим это соотношение в виде диаграммы:

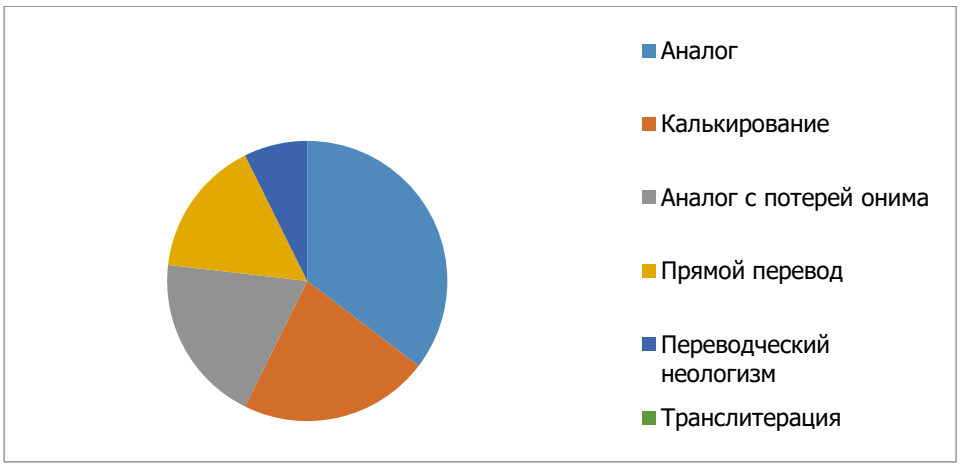

Диаграмма 2. Приемы передачи квазиэтнонимов в переводе романа "Властелин колец" В. Креге

Из двух переводчиков наиболее точный и дословный перевод квазиэтнонимов предоставляет Маргарет Карру, поскольку основные приемы, использованные ею (калькирование, аналог и прямой перевод), помогают добиться максимального соответствия. В переводе Вольфганга Креге утеряна значительная часть квазиэтнонимов, так как переводчик часто прибегает к приему аналога с потерей онима. Кроме того, Креге чаще использует прием переводческого неологизма, который зачастую искажает смысл переведенных при помощи него единиц. При этом перевод Креге также можно назвать достаточно адекватным, т.к. он, благодаря следованию примеру Карру, тоже содержит большой процент калькирования, аналога и прямого перевода. Это подтверждает идею, высказанную самим Креге, о том, что своим переводом он хотел показать, что его сильно впечатлил предыдущий перевод, но при этом он увидел роман под иным углом, нежели Карру: «Я прочитал роман намного позднее других толкиновских работ. При этом мне бросилось в глаза то, что эта книга может быть прочитана совершенно по-разному. Хотя я тоже был восхищен старым переводом, и понимаю тех людей, которые читали его по три, по четыре раза, для которых он стал чем-то вроде Библии» [4].

Некоторые решения Карру, касающиеся перевода квазиэтнонимов, в переводе Креге корректируются. Так, слово «goblin», которым Толкин обозначал не отдельную расу, а любое злое оркоподобное существо, Карру переводит при помощи модуляции устаревшим «Unhold» (изверг) – решение, которое исследователи посчитали неудачным [4]. Креге заменяет это слово аналогами: «Ork», «Kobold». Кроме того, по замечаниям исследователей, Креге элиминирует транскрибированные Карру названия, возвращая их к оригинальному написанию: «Многие квазиреалии “Властелина колец” несут свое происхождение из толкиновских квазиязыков Квеньи и Синдарина. К сожалению, Карру решает переписать некоторые из них (Galadhrim –

Galadrim, Caras Galadhon – Caras Galadon, Isengard – Isengart). Эти слова, измененные, скорее всего для облегчения прочтения на немецком языке, были возвращены Креге к своей изначальной форме» [4]. Данная тенденция также находит подтверждение в выведенной нами статистической информации.

Суммируя вышесказанное, можно прийти к выводу о переводческих стратегиях указанных авторов. Маргарет Карру использует прямолинейную стратегию, стараясь приблизить свой перевод к оригиналу настолько, насколько возможно. Вольфганга Креге так же заботит эквивалентность оригиналу, но он создает свой перевод с оглядкой на предыдущий – одновременно стараясь отдать ему дань уважения, сохраняя нетронутыми многие имена и названия, и в то же время создать иное произведение, обладающее своей оригинальностью и спецификой.

Список литературы

1. Божко Е.М. Квазиреалии мира фэнтези, их классификация и роль в воздействии текста перевода на получателя// Научно – технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – №3. – С. 188-191.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк.,1990. – 253 с.
3. Ardapedia: die offene Tolkien-Enzyklopädie (Электронный ресурс). : URL: http://ardapedia.herr-der-ringe-film.de/index.php/Hauptseite Дата обращения: 23.05.2019
4. Asilanidis N. Comparing the translations of Margaret Carroux (1970) and Wolfgang Krege (2000) [Электронный ресурс]. : URL: http://www.aslanidis.de/lotr/contents.html Дата обращения: 23.05.2019
5. Rafal Jakiel, Josef Jarosz. Zum Gebrauch der Übersetzungstechniken bei der Wiedergabe der Eigennamen in der deutschen Translation des Romans von J.R.R. Tolkien Lord of the Rings// Germanica Wratislaviensia. – 2013. – № 137 – С.95-112
6. Tolkien, J. R. R. Guide to the Names in The Lord of the Rings // A Tolkien Compass. –Ballantine Books, 1980. – 201 p.

УДК 811.11-112

Проблемы перевода рекламных слоганов (на примере экспрессивного словообразования)

Кудисова Елена Андреевна
старший преподаватель кафедры
романо-германской филологии и лингводидактики
Башкирский государственный университет
Бирский филиал, РФ, г. Бирск
kudisova1975@mail.ru

Problems of translating advertizing slogans (by the example of expressive word formation)

Kudisova Elena Andreevna
senior lecturer of the department of
Romano-Germanic philology and linguodidactics
Bashkir State University, Birsk branch, Russia, Birsk

Аннотация. В данной статье анализируются проблемы, с которыми сталкивается переводчик при переводе рекламных текстов, и способы перевода на английский и русский языки элементов рекламного текста, созданных с помощью различных языковых средств, с акцентом на вариантах перевода некоторых слоганов. Основное внимание автор концентрирует на выявлении языковых особенностей рекламных слоганов в русском и английском языках, и переводе текстов с экспрессивно заряженными элементами.

Ключевые слова: рекламный дискурс, рекламный слоган, переводческие трансформации, экспрессивное словообразование.

Abstract. The article analyzes the problems in the translation of advertising texts, and the methods of translating into English and Russian the elements of the advertising text created with the help of various linguistic means, with an emphasis on the translation options of some slogans. The author focuses on the identification of linguistic features of advertising slogans in the Russian and English languages, and the translation of texts with expressive charged elements.

Keywords: advertising discourse, advertising slogan, translation transformation, expressive word-formation.

На сегодняшний день реклама, а точнее, рекламный дискурс, является объектом пристального внимания лингвистики. Реклама призвана поражать потенциального потребителя, захватив его внимание, и убеждать в необходимости приобретения определённого товара или услуги. Для привлечения внимания адресата необходимы необычные языковые средства, способные не только произвести на реципиента сильное впечатление, но и заставить его сделать выбор в пользу рекламируемого товара. Более того, грамотное расположение и использование языковых средств в содержательной структуре рекламного текста также способно

значительно повысить эффективность их воздействия, тем самым увеличивая вероятность побуждения адресата к совершению покупки.

Перевод рекламы по праву считается одним из самых сложных видов перевода. Сложность заключается в том, что этот вид перевод требует не только передачи смысл, но и творческого подхода и умения адаптировать текст к социокультурным особенностям аудитории, для которой предназначен данный рекламный слоган. Перевод рекламы отличается от перевода художественных, политических и других текстов. Данный вид текста носит ярко выраженную коммуникативную направленность, и как совершенно справедливо замечала Е.Л. Головлева «Надо переводить дух и контекст рекламного сообщения, а не просто слова» [1, с. 256].

Объектом нашего исследования является вербальный тип рекламного текста и такая его важная часть, как рекламный слоган.

Вербальная составляющая рекламы включает в себя 4 компонента:

1) слоган;

2) заголовок;

3) основной рекламный текст;

4) эхо-фраза.

Слоган – это рекламная фраза, в сжатом виде излагающая основное рекламное предложение и входящая во все сообщения в рамках рекламной кампании [2].

Сегодня слоган – это инструмент, с помощью которого производители заявляют в рекламе об уникальности и оригинальности продукта. На рынке существует множество товаров и услуг, и слоган позволяет выделить свой продукт или услугу среди всего этого множества товаров и услуг конкурентов.

Слоган не является обязательным элементом рекламного текста. Слоган отражает идеи, принципы организации, ее корпоративную политику в различных областях. Основные требования к слогану – краткость, запоминаемость, наличие торговой марки и переводимость на другие языки. Многие компании пренебрегают последним требованием, в связи с чем возникают курьёзные случаи перевода или необходимость создания абсолютно нового слогана для определённой страны.

Отличительным признаком удачного рекламного слогана или его перевода является гармоничное соединение основной рекламной идеи с теми средствами выразительности, которые данной идее наиболее соответствуют. Важной составляющей является тональность рекламного обращения, которая придает слогану особую энергетику, усиливает его образное и языковое воздействие на массовую аудиторию [3, с. 668-669].

При переводе англоязычных рекламных слоганов русские переводчики нередко не просто переводят исходное предложение, а дают его «семантический эквивалент». Как пишет Терена Белл, «переводчики занимаются производством, и, безусловно, без них эти слоганы не существовали бы на языке перевода, но перевод слогана ни в коей мере не является оригинальным творческим произведением. Ему гораздо сложнее появится на свет, чем оригиналу. Задача переводчика заключается в том, чтобы вложить все, что известно о продукте или компании всего в несколько слов. Нужно сделать так, чтобы покупатели захотели купить этот продукт, и так, чтобы они запомнили, что это нужно сделать — и все это в мгновение ока. Этот вид вдумчивого сбора информации занимает много времени, как на языке оригинала, так и на языке перевода» [4, с. 31-35].

Мы полностью согласны с утверждением Терены Белл. Кроме этого, мы убеждены, что главная цель перевода – достижение адекватности. Для достижения данной цели необходимо грамотно производить различные переводческие трансформации для того, чтобы в тексте достигалась более точная передача основной информации текста.

А.Д. Швейцер отмечает, что адекватность исходит из того, что решение, принимаемое переводчиком, зачастую носит компромиссный характер, что перевод требует жертв и, что в процессе перевода во имя передачи главного и существенного в исходном тексте (его функциональных доминант) переводчику нередко приходится идти на известные потери [5]. Вместе с тем происходит адаптация исходного текста, вызванная тем, что переводчик вносит поправки и изменения на социально-культурные, психологические и другие различия исходного текста и целевого текста. Как показывает практика, определяющими факторами перевода текста с одного языка на другой, являются социолингвистические факторы. Помимо этого, при переводе рекламных текстов переводчик сталкивается с другими проблемами: фонетическими, лексическими, грамматическими, стилистическими игровыми приемами.

Как правило, если рекламный слоган переводится строго по грамматическим правилам языка без учета семантики и прагматики, это не приносит того результата, которого ждут рекламодатели от переводчика-копирайтера. Особенно, если идет речь о рекламном слогане, который содержит экспрессивные языковые средства. Главное правило, которому должен придерживаться переводчик при переводе рекламного слогана – это сохранение маркетинговой ценности слогана. Использование того же самого выразительного средства в рекламном слогане в переводящем языке – вовсе

не является первостепенной задачей. Во многих случаях – это невозможно сделать, но желательно. Главное, чтобы слоган был столь же удачен на переводящем языке, что и на исходном языке. И. Морозова утверждает, что главное правило при переводе слогана – не копировать, а интерпретировать [2].

Рассмотрим особенности перевода рекламных слоганов, образованных с помощью экспрессивного словообразования и попытаемся перевести их на английский язык, используя словообразовательную игру: *«Mobbiko.ru ЧЕХОЛИЗИРУЕТ СТРАНУ!!!»* (реклама акции на сайте mobbiko.ru). Данный рекламный слоган на русском языке представляет собой результат словообразовательной игры. Для перевода этого слогана нам нужно разобрать слово «чехолизовать». Существует 2 возможных версии: 1) чехолизовать – одевать в чехлы как результат глагольной суффиксации; 2) чехолизовать – как результат словослияния. Можно предположить, что слово «чехолизовать» состоит из двух слов: чехол (phone case) + мобилизировать (to mobilize). Если применить аналогичные словообразовательные языковые средства при переводе этого рекламного слогана, т.е. словослияния, то можно получить окказионализм – to phonecasize. Следовательно, мы получаем следующий рекламный текст: *Mobbiko.ru phonecasizes the country!* Данный перевод соответствует словообразовательным нормам языка, но его семантическая составляющая не совсем верна. Переведенный слоган может быть неверно понят носителем английского языка, так как в нем не отражена основная идея слогана. В первую очередь переводчику необходимо понять смысл слогана, попытаться интерпретировать его, и тогда перед ним откроется весь образ слогана, его основная идея. Слоган *«Mobbiko.ru ЧЕХОЛИЗИРУЕТ СТРАНУ!!!»* означает то, что все жители страны покупают чехлы для своих сотовых телефонов именно в этом магазине. Следовательно, нам необходимо перевести с помощью такого приема, который будет компенсировать словообразовательную игру. Например, *«Mobbiko.ru phonecases and embraces you!» (Mobbiko.ru обнимает вас и одаривает чехлами для телефонов).*

Слоган *«RE**VOLVO**LUTION»* представляет собой сложение двух слов «Volvo» – название рекламируемой марки машины + revolution – революция, а точнее вклинивание слово «volvo» в состав другого. В данном случае рекламный слоган осуществлен на базе латиницы, с привлечением интернационального слова, и в этом случае рекламный слоган тоже носит интернациональный характер. Перевод данного слогана не составляет труда, так как в русском языке в слове «революция» есть слог

близкий по звучанию - «вол»: *«peVOLVOлюция»*. Как видим, мы совершили умышленную орфографическую ошибку для наибольшей выразительности.

Таким же способом воспользуемся при переводе рекламы мюзикла, основанного на песнях АВВА: *«АББАсолютный хит-мюзикл!»* – *«ABBAsolute hit-musical!»*.

Рекламный слоган чая «Импра» - *«оЧАЙровательная Импра»* переведем с помощью словообразовательной игры *«TEAsty Impra»* (вкусный чай), применив графодеривацию. Рекламный слоган не потерял своего значения и сохранился намек на tasty (вкусный).

Подводя итог, необходимо заметить, что слоганы представляют собой совершенно особый вид текста, для перевода и адаптации которого переводчику приходится приложить немало усилий. В связи с этой проблемой переводом рекламных текстов занимается большое количество исследователей и ученых. Сложность такого вида перевода заключается в том, что в результате социолингвистической адаптации текста переводчик вынужден прибегать к использованию целого ряда переводческих трансформаций. Требуется тщательная обработка русско- и англоязычного материала для правильной интерпретации и перевода рекламного сообщения, также интеллектуальная и креативная работа. Поэтому мы считаем, что данная тема актуальна и требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Головлева Е. Л. Основы рекламы. М.: Москва, гуманитарный институт; Ростов-на-Дону.: Изд-во «Феникс», 2005. – 314 с.
2. Морозова И. Слагая слоганы. – М.: РИП-холдинг, 1998. – 172 с.
3. Апетян М. К. Особенности перевода слоганов англоязычных реклам на русский язык // Молодой ученый. – 2014. – №1. – С. 668-669. – URL https://moluch.ru/archive/60/8776/ (дата обращения: 29.05.2019).
4. Белл, Терена. Профессиональный перевод и управление информацией, комментарии специалистов – Луисвилль, Кентукки, 2011.
5. Швейцер, А. Д. Теория перевода. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215с.

УДК 372.881.111.1

Военный полевой устав как аутентичный учебный текст в англоязычном образовательном процессе

Максакова Светлана Петровна
канд. пед. наук, доцент профессор кафедры иностранных языков
Военная Академия связи им. С.М. Буденного, г. Санкт-Петербург
svetamkskva@gmail.com

Мальцева Светлана Викторовна
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Военная Академия связи им. С.М. Буденного, г. Санкт-Петербург
svemaltseva@mail.ru

Military Field Manual as an Authentic Academic Text in English Language Teaching

Maksakova Svetlana Petrovna
candidate of science, docent
professor at the department of Foreign languages
St.Petersburg Military Telecommunications Academy
Saint-Petersburg

Maltseva Svetlana Victorovna
senior teacher at the department of Foreign languages
St.Petersburg Military Telecommunications Academy
Saint-Petersburg

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью выбора эффективных способов формирования коммуникативной компетенции при профессионально-ориентированном обучении иностранному языку. Рассмотрены типы аутентичности. Цель статьи заключается в выявлении черт аутентичного учебного текста военного полевого устава (ПУ) как источника межкультурной информации и обоснование его методического потенциала, что актуально для создания учебников для военных и учебно-методического сопровождения.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, аутентичность, военный полевой устав, межкультурная компетенция, методический потенциал

Abstract. The article deals with the problem of necessary choice how to efficiently form communicative competence in a professionally-oriented teaching process. The types of authenticity are considered. The purpose of the article is to identify a military field manual (FM) as an educational text, as a source of intercultural competence with methodical potential which will be of practical importance for creating coursebooks for successful teaching English.

Keywords: professionally-oriented teaching, authenticity, military field manual, intercultural competence, methodical potential

В современном поликультурном социуме возникает потребность в высококвалифицированных специалистах различного профиля, владеющих иностранными языками в сфере профессиональной коммуникации. В условиях неязыковой среды необходимость выбора эффективных способов формирования коммуникативной компетенции при профессионально-ориентированном обучении иностранному языку, владение информацией о структуре и содержании полевого устава (ПУ) для профессиональных целей и возможностью учета данной информации при составлении учебников и учебно-методического сопровождения для военных обусловили актуальность исследуемой проблемы.

Как предполагает С.В. Кузнецова, успешность обучения будет зависеть от учебных материалов для совершенствования профессиональных и лингвистических компетенций и, скорее всего, от аутентичных обучающих текстов, поскольку процесс обучения иностранному языку проходит в атмосфере русскоязычного окружения [1, с. 97].

В связи с расширением военного присутствия и изменением геополитической обстановки в мире особую значимость приобретает изучение текстов военных документов. Несомненный интерес представляет военный полевой устав Сухопутных войск США как аутентичный текст в качестве учебно-методического материала [11]. Использование аутентичных текстов в иноязычном учебном процессе доказало свою эффективность. Отечественные методисты Носонович Е.В. и Мильруд Р.П. выделяют 7 типов аутентичности: 1) Культурологическая аутентичность. 2) Информативная аутентичность. 3) Ситуативная аутентичность. 4) Аутентичность национальной ментальности. 5) Реактивная аутентичность. 6) Аутентичность оформления. 7) Аутентичность учебных заданий к текстам [2].

А. Мартинес привносит свой вклад в теоретические положения об аутентичности, выделяя достоинства и основные недостатки аутентичных материалов [3]. К заслуге аутентичных текстов А. Мартинес относит возможности приобретения обучающимися лингвокультурных знаний, формирование и совершенствование межкультурных компетенций в рамках аутентичной ситуации общения и обеспечение вариативности видов учебной деятельности в процессе обучения. Что касается основных недостатков аутентичных материалов, то А. Мартинес пишет о сложности аутентичных текстов для восприятия и понимания иной культуры, несоответствии уровня владения языком и аутентичных языковых единиц текста, устаревание информации. Отсюда следует важный практический вывод: методически целесообразный отбор материала и система упражнений для включения этого

материала в лингвистическую базу знаний и компетенций обучающихся. Использование аутентичных материалов на практических занятиях по английскому языку при соблюдении указанных принципов способствует формированию межкультурной компетенции [4, с. 120].

Опыт практической работы с подобного рода документами позволил выделить некоторые методические характеристики, присущие ПУ как учебно-дидактическому тексту. Принимая во внимание аутентичность ПУ, важно учесть соответствие содержания аутентичного текста потребностям обучающихся (курсанты, слушатели магистратуры) как «наиглавнейший критерий отбора», так как информация должна представлять интерес для слушателей и отвечать их потребностям в обучении языку специальности в их профессиональной деятельности [1, с. 97].

Цель настоящей статьи заключается в выявлении методических свойств военно-деловых текстов, представленных полевыми уставами, которые регулируют взаимоотношения между войсками в условиях боевой обстановки.

В Соединенных Штатах на стратегическом уровне создана система документов, определяющих основные направления развития и требования к военной мощи страны, исходя из которых формируются все концептуально-установочные документы во всех видах Вооруженных Сил (ВС) и их компонентах, в том числе в сухопутных войсках. Система уставных документов сформирована следующим образом: основу данной системы составляют два документа – уставы FM-1 «Сухопутные войска» и FM 3-0 «Основы ведения боевых действий», в которых приводятся общие взгляды командования ВС США на применение войск (сил) в рамках реализации стратегий, а также наставлений Объединенного штаба ВС применительно к сухопутным войскам [5].

Полевой Устав (ПУ) - официальный документ, определяющий основные положения подготовки и ведения общевойсковых операций (боя), управления войсками, организации их передвижения, расположения на месте, а также всестороннего обеспечения в различных условиях боевой обстановки. ПУ разрабатываются на основе положений военной доктрины, состояния и перспектив развития военного дела, вооружения и военной техники, а также опыта войн и подготовки ВС. По содержанию ПУ и подобные им руководящие документы тесно связаны с боевыми уставами. ПУ является базовым документом по тактической доктрине армии США [12]. В этом определении учтены основополагающие характеристики военного документа, что явилось достаточным основанием для выбора ПУ как учебного текста, который и послужил в качестве дидактического

материала и источника информации для профессионально-ориентированного обучения курсантов и слушателей магистратуры. Поскольку, по мнению Т. М. Дридзе, именно языковой текст чаще всего выступает в качестве регулятора поведения человека в обществе, то, соответственно, текст представляет собой основной источник информации для человека [6, с.123]. Особый интерес для понимания военной иноязычной культуры и образа жизни военнослужащих представляет ПУ, поскольку этот военный текст, с точки зрения методической науки, воплощает взаимодействие языка и культуры народа изучаемого иностранного языка [7].

Известно, что обучение межкультурной коммуникации воссоздает культурный контекст и социальную действительность, прежде всего, через использование аутентичных текстов [4; 8; 9; 10]. В связи с этим методический интерес вызывают разделы ПУ, например, Information Operations in UW (Unconventional Warfare), Psychological Operations in UW, Civil-Military Operations in UW [11], которые способствуют восприятию военной культуры другого народа, адекватной профессиональной коммуникации и, в конечном итоге, успешному иноязычному общению, что является благоприятным фактором для приобщения курсантов, слушателей магистратуры к иноязычной культуре, в том числе к военной культуре в сфере профессиональной деятельности.

Так, например, в Полевом Уставе Сухопутных войск США в разделе Appendix A. Unconventional Warfare in an Urban Environment. URBAN OPERATIONS CHECKLIST представлены пункты:

- Report job opportunities noted in local commercial businesses, to include U.S. businesses. List address, phone number, and name of company.

-Report any installations visited, to include churches, libraries, theaters, embassies, restaurants, public buildings, and schools. Include location, address, and phone [11, с. 165]. Этот перечень действий военных в городе имеет образовательное значение и позволяет наметить методические направления в соответствии с целями профессионально-направленного обучения:

– выделить лексические единицы (address, phone number, name of company, churches, libraries, theaters, embassies, restaurants),

– произнести, переписать,

– назвать буквы военного алфавита при чтении топонимов. Система упражнений на уровне фонетики, лексики и грамматики способствует формированию произносительных, орфографических навыков, навыков сочетаемости слов и навыка отнесения лексических единиц к определенным частям речи, умения строить

грамматически грамотное предложение с этими лексическими единицами. Обучающиеся узнают об особенностях чтения телефонных номеров в англоязычной культуре, сравнивают с произнесением номеров в русском языке, знакомятся с англоязычными топонимами, которые обучающий снабжает обязательным достаточным лингвострановедческим комментарием [8, с. 134]. Аутентичные военные тексты во многом определяют целесообразный выбор языкового материала для практических занятий по английскому языку, методическую организацию и форму занятий.

Кроме того, аутентичный текст ПУ обладает образовательным, практическим, развивающим и воспитательным потенциалами, т.к. служит основой для военно-научной деятельности обучающихся, их выступлений и презентаций на научно-практической конференции. ПУ вызывают профессиональный интерес и желание обучающихся узнать о военно-культурном своеобразии и рассказать об особенностях организации и проведения военных операций войск США.

Благодаря наличию методических направлений ПУ приобретает специфику учебного текста с методическим потенциалом и способствует формированию межкультурных и профессиональных компетенций. Методический потенциал текстов ПУ влияет также на профессиональную культуру курсантов и слушателей магистратуры, на пополнение межкультурных знаний обучающихся, причем, и на практических занятиях, и во время выступлений на конференциях, и вносит прогрессивные изменения в динамику достижения коммуникативных и профессионально-ориентированных целей обучения. Аутентичные тексты военной направленности воплощают теорию профессиональной ориентированности иноязычного образования в терминах компетенций.

Таким образом, аутентичный текст военного полевого устава позволяет выявить отдельные методические характеристики, что подтверждает его методический потенциал как успешного учебного текста для обучения английскому языку. Подобный подход вполне согласуется с методической концепцией профессионально-направленного иноязычного образования и предлагает перспективные исследования этого направления.

Список литературы

1. Кузнецова С.В. К вопросу об использовании аутентичных текстов профессиональной направленности в процессе обучения иностранному языку в вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. - 2017. - Т. 6. - № 1 (18). - С. 96-99.

2. Носонович Е. В., Мильруд Р. П. Критерии содержательной аутентичности учебного текста / Е. В. Носонович, Р.П. Мильруд // Иностранные языки в школе. - 2008. - № 2. - С. 10-14.
3. Martinez A. Authentic Materials: An Overview [online] / A. Martinez // Karen's Linguistic Issues. - 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.scribd.com/document/252585396 (Дата обращения: 05.05.2019).
4. Минаева А.Ж. Вопросы формирования межкультурной компетенции студентов / Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2017. № 11 (16). – С. 118-122. Режим доступа: http://scipress.ru/upload/pedagogy/MPP112017.pdf (Дата обращения: 11.05.2010).
5. Балуков Н. Система концептуальных и уставных документов Сухопутных войск США / Зарубежное военное обозрение. – 2011. - № 2. - С. 35-45. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://pentagonus.ru/publ/sistema_konceptualnykh_i_ustavnykh_dokumentov_sukhoputnykh_vojsk_ssha/7-1-0-1718 (Дата обращения: 05.05.2019).
6. Дридзе Т.М. К вопросу о прагматической типологии текстов // Философские проблемы психологии общения. – Фрунзе: Илим, 1976. - С.116-134.
7. Евтушенко С. В. Взаимосвязь языка и культуры сквозь призму австралийского варианта современного английского языка / Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2018. № 6 (38). С.66-72. Режим доступа: http://scipress.ru/upload/philology/fa062018.pdf (Дата обращения: 11.05.2010).
8. Верещагин Е.М... Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - Москва: Издательство «Русский язык», 1990. - Серия «Библиотека преподавателя русского языка как иностранного». – 246 с.
9. Dr. Susan Barduhn. Developing cross-cultural awareness in the monolingual classroom. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.teachingenglish.org.uk/article/developing-cross-cultural-awareness-monolingual-classroom-0. (Дата обращения: 10.05.2019).
10. Authentic Texts and the Efficient Method of Teaching. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.teachingenglish.org.uk/blogs/tamer-osman/authentic-texts-efficient-method-teaching. (Дата обращения: 10.05.2019)

Список источников

11. FM 3-05.201. Field Manual HEADQUARTERS. - No. 3-05.201. - DEPARTMENT OF THE ARMY. - Washington, DC, 30 April 2003. - 296 p. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://csef.ru/media/articles/4366/4366.pdf. (Дата обращения: 10.05.2019)
12. Энциклопедия [Электронный ресурс] Режим доступа: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9092@morfDictionary. (Дата обращения: 11.05.2010).

УДК 811.111

Стилистическая вариативность новостных сообщений в англоязычных СМИ

Мамасадыкова Камилла Алишеровна
обучающаяся 3-го курса, Институт иностранной филологии
(с. п.) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель
Мазина Елена Николаевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
Института иностранной филологии, (с. п.) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского»

Stylistic variation in English media's news articles

Mamasadykova Kamilla Alisherovna
a 3rd-year student of the Institute of foreign philology
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol
Academic adviser

Mazina Elena Nikolayevna
Candidate of Philology, associate professor at the Department
of the English philology of the Institute of foreign philology
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена языковой вариативности, выявлению различных моделей его реализации в медиадискурсе. Представлены факторы, влияющие на языковую специфику новостных сообщений. Анализируется стилистическая вариативность статей англоязычной прессы в зависимости от прагматической цели, типа издания и целевой аудитории.

Ключевые слова: вариант, инвариант, стилистическая вариативность, лингвистическое поведение, выбор языковых средств.

Abstract. The article studies the stylistic variation phenomenon and different models of language variability in media discourse. It also deals with the factors which influence language specificities of the newspaper articles. The dependence of stylistic variation of English news articles on the aim, the type of publication, and the target audience is revealed.

Keywords: variant, invariant, stylistic variation, linguistic behavior, choice of language means.

Газеты и журналы одними из первых реагируют на динамичные процессы, происходящие вязыке, чутко улавливая все новое, яркое, актуальное. Именно этим обусловлено наше обращение к статьям современной англоязычной прессы, на материале которой можно продуктивно изучать языковые явления, характерные для английского языка начала XXI столетия.

Целью данной статьи является раскрытие принципов стилистического варьирования при передаче информации в англоязычном новостном сообщении. Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач:**

- определить сущность понятия «вариативность»;
- выявить специфику стилистической вариативности;
- описать многообразие языковых средств и стилистических приемов, определив обусловленность их использования целями и задачами медиатекста;
- рассмотреть экстралингвистические факторы, повлиявшие на выбор вариантов реализации языковой системы в тексте СМИ.

Актуальность исследования обусловлена тем, что новостные сообщения играют ключевую роль в современном информационном обществе, а стилистическая вариативность новостных сообщений нуждается в глубоком и всестороннем изучении для установления корреляции между прагматической целью и выбором языковых средств для ее достижения.

В работе применялись общефилософские **методы** анализа и синтеза, стилистический, описательный, а также сопоставительный методы. Рассмотрение стилистических особенностей речевых элементов осуществляется при помощи контекстологического анализа. Определенное место в работе также отводится социолингвистическому анализу текстов.

Впервые понятие «вариативность» упоминается в работах Ф. де Соссюра в качестве одного из свойств языка – стремления к изменчивости. Изучение данного языкового явления получило широкое распространение во всех направлениях лингвистики. Среди учёных, изучавших проблему вариативности на базе русского языка, можно выделить Р. П. Рогожникову, Л. П. Якубинского, Н. Ф. Молчанову, В. М. Солнцева. На базе германских языков – В. М. Жирмунского, А. И. Домашнева, Н. Н. Семенюк, на базе романских языков – Г. В. Степанова, М. А. Бородину, А. В. Широкову [1, с. 8].

В основе понятия «вариативность», по мнению Т. Н. Хомутовой, лежит «фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка. Вариативность характеризует общее свойство языковой системы получать реализацию в речи в виде множества вариантов. Вариант определяется как конкретная реализация языковой единицы. Под варьированием понимается процесс использования вариантов» [3, с. 28].

Обстоятельное изучение данного явления позволило ученым выделить различные модели языковой вариативности. В частности, широкое распространение

получила инвариантно-вариантная теория, которая основывается на противопоставлении понятий варианта и инварианта, где под инвариантом понимается абстрактная единица языка, а под вариантом – ее конкретная единица [3, с. 28].

В процессе дальнейшего изучения языковой вариативности была предложена константно-вариантная модель. В этой теории при описании вариативности языковых единиц выделяют зоны постоянных и вариативных признаков единицы. Константная зона представляет собой определенный набор характеристик языковой единицы, остающийся неизменным. А в вариантной зоне проявляются все константные и часть вариантных признаков.

Процесс варьирования определяется необходимостью общения людей. Для реализации общения нужен комплекс обстоятельств и условий, называемый коммуникативной ситуацией. А многообразие коммуникативных ситуаций, в свою очередь, является причиной стилистической вариативности языка. Согласно Словарю социолингвистических терминов, стилистическая вариативность языка – это «разновидность социальной вариативности, обусловленная многообразием социально-коммуникативных ситуаций и социальными характеристиками их участников. Стилистическая вариативность проявляется в сознательном отборе и употреблении единиц и подсистем языка (языковых, диалектных, функционально-стилистических), а также языков в зависимости от ситуации общения» [2, с. 193]. По мнению У. Лабова и его сторонников, на лингвистическое поведение влияет так называемая «большая четверка современной социолингвистики» [3, с. 15], в которую входят социально-экономический статус говорящего, его возраст, половая и этническая принадлежность. На речевое поведение человека также влияют такие факторы, как тема общения, формы сообщения и их жанры.

В качестве материала исследования стилистической вариативности были выбраны статьи, объединенные общей тематикой, – свадьба принца Гарри и Меган Маркл. В фокусе анализа находятся способы и средства подачи материала в зависимости от типа издания, аудитории и прагматической направленности статьи. За основу взяты статьи “Hey mon, one day my prince will come” французского издания «Charlie Hebdo», “Furious Meghan Markle can’t believe Harry hasn’t told family she’s black yet” американской сатирической газеты «The Onion» и “As Prince Harry and Meghan Markle Wed, a New Era Dawns” ежедневной американской газеты «The New York Times».

«Charlie Hebdo» – французский сатирический еженедельник, публикующий карикатуры, репортажи, дискуссии и анекдоты нонконформистского характера. Занимая левые и светские позиции, высмеивает политиков, ультраправых, ислам и христианство.

“So it's done (1): the redhead (2) has married the mulatto (3). The redhead is prince Harry. The mulatto is Meghan Markle. A scion (4) of a European royal line has married a descendent of African slaves (5)” [URL: https://charliehebdo.fr/en/edito/hey-mon-one-day-my-prince-will-come].

Автор называет принца Гарри “*redhead*” (2). Это слово, будучи применено к члену королевской семьи, звучит фамильярно, но оскорбительной коннотации в себе не несет. Лексическая единица “*mulatto*” (3), обозначающая Меган Маркл, в Кэмбриджском словаре сопровождается стилистической пометой *offensive* [URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/mulatto/], что означает крайне нежелательное использование данного слова в связи с его расистской коннотацией.

Сохраняя заданный ироничный тон, автор использует слово “*scion*” (4), подразумевающее принца Гарри и относящееся к литературному пласту. Обычно использование лексико-фразеологических единиц разной стилевой принадлежности: с одной стороны – разговорной, с другой – возвышенной, создаёт эмоционально-выразительное напряжение контраста и диссонанса.

Читателям предлагается взглянуть на два мнения относительно королевской свадьбы. Для этого автор прибегает к конструкции *either…or*. Обычно предложения с данной конструкцией не разделяются, а находятся внутри одной синтаксической единицы. Однако автор разделил эту конструкцию с целью сделать предложения самостоятельными по значению и одинаковыми по значимости.

“Either it's destiny taking wonderful revenge with a descendent of slaves joining the royal family of the country that deported her ancestors. Or it's a continuation of the slave-masters' practice of choosing from among the African women for their own pleasure” [URL: https://charliehebdo.fr/en/edito/hey-mon-one-day-my-prince-will-come].

Кроме этого, в первом предложении присутствует лексико-семантическая фигура речи – олицетворение: «destiny taking wonderful revenge». Слово “*destiny*” «очеловечивается». Будто бы судьба мстит за все страдания, испытанные предками Меган Маркл, которая выходит замуж за потомка белых, более того, королевских кровей.

Показывая, как белые навязывают свою волю африканцам, мнение которых никогда для первых не было важно, автор, дабы сделать больший акцент, использует парцелляцию:

“Because it's always the White who wants and decides. Never the African” [URL: https://charliehebdo.fr/en/edito/hey-mon-one-day-my-prince-will-come].

“In any case, the White always gets to play the hero, whether as a liberator of enslaved peoples or as a lover of African culture – so “colourful”, so “rich in its diversity”, so “bla-bla-bla-bla”. How bored the Whites must be at home to expect so much from Africa…” [URL: https://charliehebdo.fr/en/edito/hey-mon-one-day-my-prince-will-come].

Слэнгизм “*bla-bla-bla-bla*”, который в Кэмбриджском словаре описывается как «used to mean "and other words that mean very little"» [URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/blah-blah- blah?q=blah%2C+blah%2C+blah], как нельзя лучше вписывается в стилистику статьи, создавая комический эффект. Последнее предложение в абзаце обрывается. Эффект недосказанности достигается с помощью синтаксического средства выразительности – апозиопезиса.

На основании изложенного выше следует, что статья построена на конвергенции разнообразных риторических средств, употреблении лексических единиц разной стилевой принадлежности, широком использовании лексики с эмоционально-экспрессивной коннотацией для представления серьезной проблемы в комическом духе.

«The Onion» – ведущее американское интернет-издание формата «таблоид», специализирующееся на сатире, которое публикует статьи о международных, национальных и местных новостях.

Заголовок “Furious Meghan Markle can't believe Harry hasn't told family she's black yet” отлично передает настроение всей статьи, которая обещает быть скандальной и сенсационной в лучших традициях таблоидного издания.

Статья пестрит коллоквиализмами. Такой выбор лексики был определен задачей автора обрисовать конфликтную ситуацию между новобрачными. Так, например, Меган Маркл обращается к принцу Гарри такими словами:

“Jesus, Harry, what the hell?”, “Oh, God – please say your brother Prince William at least knows” [URL:https://www.theonion.com/furious-meghan-markle-can-t-believe-harry-hasn-t-told-f-1826104835].

Восклицания "*Jesus*" и "*oh, God*" относятся к разговорному пласту слов. Часто используются в неформальной беседе, имеют эмотивную и экспрессивную функции. Ругательство "*hell*" относится к вульгаризмам.

Читая статью, создается чувство когнитивного диссонанса, деформируется образ Меган Маркл. Мы не можем представить члена королевской семьи, использующего ругательства в своей речи:

"I really don't want to show up to the royal goddamned wedding" [URL:https://www.theonion.com/furious-meghan-markle-can-t-believe-harry-hasn-t-told-f-1826104835].

Это противоречие создает комический эффект. Средством создания комического эффекта в данном случае послужил определенный пласт лексики: эксплетивы, вульгаризмы, коллоквиализмы и т.д.:

"I didn't think it was a big deal", "You say they'll be cool with it" [URL:https://www.theonion.com/furious-meghan-markle-can-t-believe-harry-hasn-t-told-f-1826104835].

Помимо наличия эксплетивных выражений ("*hell*" и "*goddamned*"), в статье наблюдается привлечение нелитературных эмотивно-оценочных средств, включая даже и те, содержание которых связано с так называемой «семантикой телесного низа»:

"What the fuck he meant by…" [URL:https://www.theonion.com/furious-meghan-markle-can-t-believe-harry-hasn-t-told-f-1826104835].

Ключевая особенность данной статьи – обилие разговорной, эмоционально-оценочной лексики ненормативного характера, отличающейся ярко выраженной пейоративной окраской. У читателей создается ощущение, что автор присутствовал при этом разговоре и передает все «из первых уст». Более того, чтобы усилить эффект присутствия при разговоре, автор задействует прямую речь. Благодаря этому автор повышает степень доверия читателя, он опознается как «свой», один из читателей, только обладающий чуть большей информацией.

«The New York Times» – ежедневная газета, издаваемая в Нью-Йорке с 18 сентября 1851 года. Одна из крупнейших по тиражу газет в США. Как и основная часть американских газет, создавалась как региональное издание. Однако эта концепция не помешала ей стать одной из влиятельнейших газет сначала в США, а затем и в мире.

Третья статья "As Prince Harry and Meghan Markle wed, a new era dawns" выдержана в формальном, торжественном стиле.

Меган Маркл описывается в статье следующим образом:

“Ms. Markle, an American actress who is three years his senior, biracial, divorced and vocal about her views”, “a woman of color so publicly adored”, “an American of mixed race”, “it’s a modern version of Wallis Simpson” [URL: https://www.nytimes.com/2018/05/19/world/europe/meghan-markle-prince-harry-wedding.html]. Здесь мы наблюдаем употребление нейтрального слова “*biracial*”, эвфемизмов “*a woman of color*”, “*of mixed race*”. В статье также имеется аллюзия на Уоллис Симсон – дважды разведенную жену короля Великобритании Эдуарда VIII. Автор проводит параллель между судьбами двух американок.

В статье присутствует множество цитат, которые осуществляют текстоструктурирующую функцию. Осуществляемая цитатой внутритекстовая связь помогает скрепить пространство статьи в единое целое, при этом привнося в него новый смысл. Рассмотрим следующие цитаты:

“One of the children of slaves is marrying a royal whose forerunners sanctioned slavery; the lion is lying down with the lamb,” said Denise Crawford, a court stenographer from Brooklyn” [URL: https://www.nytimes.com/2018/05/19/world/europe/meghan-markle-prince-harry-wedding.html].

В данном контексте мы можем наблюдать несколько лексико-семантических фигур речи: перифразу и аллюзию. Образные перифразы не просто обозначают предмет, а создают особый образ, усиливая в целом выразительность текста, и эмоционально воздействуют на читателя. Описательная функция перифразы “*children of slaves*” помогает увидеть Меган Маркл глазами цитируемого и автора, в том числе. Далее следует библейская аллюзия “*the lion is lying down with the lamb*” («и лев возляжет рядом с агнцем»), создающая яркий образ. Данная аллюзия выполняет сравнительно-уподобительную функцию. Так, обратившись к претексту, читатель может мысленно воссоздать образы льва и овечки и совместить их с образами принца Гарри и Меган Маркл, соответственно.

В статье всячески подчеркивается помпезность и важность данного события. Для достижения этой цели автор использует метафоры:

“Any royal wedding is theater”, “As the wedding approached, British newspapers swung the klieg lights of their attention” [URL: https://www.nytimes.com/2018/05/19/world/europe/meghan-markle-prince-harry-wedding.html].

Первый пример содержит концептуальную метафору «свадьба – театр», воздействующую на эмоции и эстетические чувства читателей. Во втором примере

пристальное внимание британской прессы к свадьбе описывается с помощью метафоры «the klieg lights of their attention», дословно переводимой как «прожекторы внимания». У читателей сразу создается образ назойливого, «ослепляющего» внимания со стороны СМИ.

В статье имеются несколько ярких примеров перифраз «Many of those lining the streets», «it filled the chapel with the smell of growing things». Такая замена обеспечивает двойной прагматико-стилистический эффект: во-первых, интертекстуальное обогащение текста, во-вторых, экспрессивное подчеркивание отдельных деталей.

Сказанное помогает заключить, что главным средством выразительности на лексическом уровне являются такие тропы, как метафора, литота, олицетворение, перифраза. Они позволяют передать разнообразные оттенки авторского отношения к описываемому – от слегка намеченных полутонов, призванных лишь оттенить авторскую мысль, до «многокрасочных» полотен. В статье сошлись два главных, стилеобразующих признака газетно-публицистического текста – стандарт и экспрессия. С одной стороны, это лексические единицы, служащие для точного и безоценочного определения предметов и явлений, а с другой – эмоционально-оценочная лексика.

Стилистическая вариативность проявляется в сознательном отборе и употреблении единиц и подсистем языка в зависимости от ситуации общения. Коммуникативная ситуация состоит из ряда ключевых компонентов, таких как адресант и адресат, предмет речи, ситуация общения, канал общения, код и т.д. Все это находит отражение в выборе языковых средств.

Выбор языковых средств, используемых в статьях, напрямую зависит от типа издания, аудитории и прагматической направленности статьи. Так, например, уважаемые издания характеризуются отсутствием эмоционально-оценочной лексики ненормативного характера. Главным средством выразительности на лексическом уровне являются такие тропы, как метафора, литота, олицетворение, перифраза. А также наблюдается сочетание двух главных, стилеобразующих признаков газетно-публицистического текста – стандарта и экспрессии.

Частотность использования эмоционально-оценочной лексики ненормативного характера резко увеличивается в изданиях, направленных на менее требовательную аудиторию. Подобные издания характеризуются сниженным стилем речи, наиболее приближенным к разговорно-бытовому стилю общения. Статьи таких изданий легко читаются, они скандальны, сенсационны по своей природе. Умелое сочетание ненормативной лексики и лексики возвышенного стиля нацелено на

создание комического эффекта. У читателей складывается ощущение присутствия на месте события. Всем этим и обусловлена столь широкая популярность таких статей у публики.

В сатирических журналах авторы статей любят идти, что называется, по острию ножа, затрагивая самые актуальные темы. В связи с этим такие статьи находят отклик у аудитории. В большинстве своем статьи построены на конвергенции разнообразных риторических средств, использовании лексических единиц разной стилевой принадлежности, широком употреблении лексики с эмоционально-экспрессивной коннотацией для представления серьезной проблемы в комическом духе.

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть, что варьирование и развитие языка определяется необходимостью общения людей и осуществляется в процессе непрерывного использования, отбора, отбрасывания, создания различных вариантов, одним словом, в ходе непрерывного варьирования.

Список литературы

1. Лукина А.Е. Понятие «языковой вариативности» в отечественной и зарубежной лингвистической традиции // Вестник ЮУрГУ. 2014. Т. 11, №1. С. 7–11.
2. Словарь социолингвистических терминов / Кожемякина В.А., Колесник Н.Г., Крючкова Т.Б., Парфенова О.С., Трушкова Ю.В., Биткеева А.Н., Горячева М.А., Горячева М.А. и др.; под ред. Михальченко В.Ю. М. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2006.
3. Хомутова Т.Н. Теория языковой вариативности: социолингвистический аспект // Вестник ЮУрГУ. 2005. №11. С. 28–34.
4. As Prince Harry and Meghan Markle wed, a new era dawns // The New York Times URL: https://www.nytimes.com/2018/05/19/world/europe/meghan-markle-prince-harry-wedding.html (дата обращения: 09.02.2019).
5. Cambridge Dictionary URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/mulatto (дата обращения: 12.02.2019).
6. Cambridge Dictionary URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/blah-blah-blah?q=blah%2C+blah%2C+blah (дата обращения: 12.02.2019).
7. Furious Meghan Markle can't believe Harry hasn't told family she's black yet // The Onion URL: https://www.theonion.com/furious-meghan-markle-can-t-believe-harry-hasn-t-told-f-1826104835 (дата обращения: 09.02.2019).
8. Hey Mon, one day my prince will come // Charlie Hebdo URL: https://charliehebdo.fr/en/edito/hey-mon-one-day-my-prince-will-come/ (дата обращения: 09.02.2019).

УДК 811.111-26

Особенности формирования юридической терминосистемы английского языка

Матвеичева Юлия Олеговна
к. культурологии, доцент кафедры иностранных языков
Донецкая академия управления и государственной службы при Главе
Донецкой Народной Республики г. Донецк
myulia2008@yandex.ru

Features of legal terminosystem formation of the English language

Matveicheva Yulia Olegovna
Candidate of Cultural Studies, Associate professor of the Foreign Languages Department
Donetsk Academy of Management and Public Administration
under the Head of the Donetsk People's Republic, Donetsk

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей формирования юридической терминосистемы английского языка. В данной статье образование терминов изучается через призму взаимодействия терминологической и общеупотребительной лексики. В исследовании рассматривается семантический способ формирования юридической терминосистемы английского языка. Подтверждено, что семантический способ терминообразования является одним из самых распространенных способов терминообразования в английской юридической терминологии. Установлено, что в английской юридической терминологии взаимодействие общего и специального значения тесно связано с двумя основными способами вторичной номинации: метафорой и метонимией. Практическая ценность исследования заключается в возможности использования основных выводов и материала статьи в теоретическом курсе лексикологии английского языка, а также в практике обучения иностранному языку и исследовательской работе студентов.

Ключевые слова: термин, терминосистема, терминообразование, терминологизация, семантический способ, юридический английский язык, метафора, метонимия.

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the legal terminological system of the English language. The author studies the formation of terms through the prism of the interaction of terminological and general vocabulary and provides a semantic method of term formation of the legal terminosystem of the English language. The author comes to the conclusion that the semantic method of term formation is one of the most common ways of term formation in English legal terminology. It is concluded the fact that in English legal terminology the interaction of general and specific meaning is closely connected with two main ways of secondary nomination: metaphor and metonymy. The practical value of this paper lies in the possibility of applying the main conclusions and material in the theoretical course of lexicology of the English language, as well as in the practice of teaching a foreign language and students' research work.

Keywords: term, terminosystem, term formation, terminologization, semantic method, legal English, metaphor, metonymy.

Словарный состав - очень сложная и обширная часть языка, в которой отсутствуют видимые черты системы. Говоря о лексике, следует учитывать всю сложность семантической структуры слова, связанную с его логическим и субъективным содержанием, представляющим отражение объективной реальности, его лексико-грамматическое сочетание и соотнесенные связи слов со всей семантической системой словаря.

Ряд современных работ затрагивает проблему семантических процессов в специальной лексике. Системы терминологических значений исследуются преимущественно в отдельных хорошо организованных терминологических системах, с учетом особенностей лексико-семантических модификаций терминологических единиц, которые осуществляются путем анализа семантической структуры специальных лексем, выявления интегральных семантических признаков и различных компонентов значения.

Исследование лексико-терминологического образования терминов позволяет лингвистам выявить подтипы терминологической лексики, связанные с различными видами реинтерпретации, определить роль мотивационно-семантических признаков, выявить особенности метафорических и метонимических переносов, задать направления формирования и развития терминологизации в языке, а также определить некоторые закономерности использования терминов сформированных семантическим способом и их функциональную нагрузку.

Целью данной статьи является раскрытие особенностей семантического способа образования терминов в английских юридических терминологических системах. В данном исследовании семантический анализ терминов особенно актуален в смысле обретения нового специального значения терминами, уже существующими в других специальных языках, и теми, которые образовались в результате переосмысления общеупотребительных слов. Это явление называется семантическим способом терминообразования, или терминологизацией.

Семантический способ формирования термина означает появление и адаптацию новых терминов в языке путем семантической трансформации уже существующих слов. По мере того как мышление получает новые данные о действительности посредством уже известного запаса информации, возникает ситуация, при которой определенное научное понятие в силу его сходства с общим понятием может быть обозначено тем же знаком, что и последнее, а не специально образованным термином. При этом наблюдается повторное употребление лексических единиц, сопровождающееся пересмотром их семантики.

В системе английского языка существует постоянная двусторонняя связь между научной терминологией и общеупотребительной лексикой [3, С. 67]. Любое слово или словосочетание может стать термином, если его значение включено в определенную систему понятий, относящихся к определенной систематизированной области знания. Общеупотребительное слово, входящее в терминологическую систему, «сохраняет свою звуковую форму, но приобретает другое смысловое значение и начинает обозначать особое специальное понятие» [3, p. 58].

Объектом анализа статьи являются английские юридические термины и их терминологические и общеупотребительные значения, взятые из терминологических и лексикографических источников. В исследуемом языковом материале есть слова, которые, получая конкретное значение, соответствующее определенному понятию в специальной области знания, получают статус и характеристики терминов и становятся компонентами юридической терминологической системы. Этот процесс происходит без изменения первичного значения термина в словаре общеупотребительной лексики. Указанные слова прошли процесс терминологизации, если они получили специальное определение, и нашли свое место в системе конкретной терминологической науки [1, С. 15]. Изменение значения слова, которое становится термином, приводит к изменению его семантических отношений, потере связи с общеупотребительными синонимами и антонимами.

В английском языке существуют некоторые общеупотребительные лексические единицы, которые, приобретя конкретное значение в юридической терминологии, стали компонентами данной терминологической системы. Этот процесс происходит без изменения первоначального значения в общеупотребительной лексике. Такие слова становятся терминологизированными, если, получив специальное определение, занимают свое место в системе юридической терминологии. Семантический анализ английского языкового материала показал, что семантический способ терминообразования является одним из самых распространенных способов терминообразования в английской юридической терминологии.

Исследование позволило прийти к выводу, что в английской юридической терминологии взаимодействие общего и специального значения тесно связано с двумя основными способами вторичной номинации: метафорой и метонимией. В терминологии метафора – это средство, которое обеспечивает яркое выражение «конкретной научной идеи с помощью определенной картины, известной нам из предыдущего опыта, и этими средствами стимулирует наши мысли в нужном

направлении» [2, с. 13]. Начальным этапом использования метафор в терминологии является «проверка тождества свойств объектов в процессе установления новых референтных отношений, которые регулируются законами, аналогичными тем, которые были установлены ранее» [4, С. 16].

Основой метафоризации английского общеупотребительного слова, которое становится юридическим термином, является сходство между объектами. Например, термин «answer» понимается в юриспруденции как «a paper submitted by a defendant in which he/she responds to and/or denies the allegations of the plaintiff; the usual response to a complaint or petition» (документ, представленный ответчиком, в котором он отвечает и / или отрицает утверждения истца; обычный ответ на жалобу или ходатайство) [5].

В общепринятом языке этот термин используется в нескольких значениях:

1) something you say when you reply to a question that someone has asked you (что-то, что вы говорите, когда отвечаете на вопрос, который вам задали);

2) something that you write or say in reply to a question in a test or competition (что-то, что вы пишете или говорите в ответ на вопрос в тесте или конкурсе);

3) a written reply to a letter, invitation, advertisement etc. (письменный ответ на письмо, приглашение, рекламу и т. д.);

4) a way of dealing with a problem (способ решения проблемы);

5) if you get an answer when you call someone on the phone, they pick up the phone and talk to you (если вы получаете ответ, когда звоните кому-то по телефону, он берет трубку и говорит с вами);

6) if you get an answer when you knock on a door, someone opens it and talks to you (если вы получаете ответ, когда стучите в дверь, кто-то открывает ее и говорит с вами) [6].

Как мы видим, специальное значение сложилось на основе четвертого значения применительно к юридическому понятию.

Терминологическая единица «deceit» (обман) в юридической терминологии характеризуется следующим определением: «dishonesty, fraudulent conduct, false statements made knowing them to be untrue, by which the liar intends to deceive a party receiving the statements and expects the party to believe and rely on them. This is a civil wrong (tort) giving rise to the right of a person to sue the deceiver if he/she..» (нечестность, мошенническое поведение, ложные заявления, сделанные, зная, что они не являются правдой, с помощью которых лжец намеревается обмануть сторону, получающую заявления, и ожидает, что сторона поверит, и будет основываться на них. Гражданское

правонарушение (деликт), дающее право лица подать в суд на обманщика, если он/она…) [5].

В словаре Лонгман это слово трактуется как общеупотребительное:

1) behaviour that is intended to make someone believe something that is not true (поведение, направленное на то, чтобы заставить кого-то поверить в то, что не является истинным);

2) give someone the wrong opinion about something (дать кому-то неверное мнение о чем-то) [6].

Терминологическое значение тесно связано со вторым общеязыковым значением.

На основе сходства признаков образовался юридический термин «front» – «cover for criminal activity» (прикрытие преступной деятельности) из общеупотребительного слова: «front» – «surface facing forwards» (поверхность того, что обращено вперед) [7]. На основе сходства с животными юридический термин «shark» – «revenue officer» (таможенник) [5] образован от общеязыковой лексемы «shark» (акула) – «a large fish with sharp teeth that lives in the sea. Some types of shark attack people» (крупная морская рыба с несколькими рядами очень острых зубов, которая считается опасной для человека) [7]. Сходство с названием объекта или места, куда много людей ездит отдыхать («a place where a lot of people go for holidays») [6] послужило основанием для создания юридического термина «resort» – «воровское гнездо» [5].

Метонимическая передача значения осуществляется на основе связи между***:***

- ***процессом и результатом*** «report» (отчет) – общ. «a written or spoken description of a situation or event, giving people the information they need»

(письменное или устное описание ситуации или события, дающее людям необходимую информацию) [7]; юр.– «the published decisions of appeals courts in all states and federal courts, which are found in federal, state and regional series» (опубликованный том федеральных, государственных или региональных аппеляционных судебных решений и запись судопроизводства) [5];

- ***процессом и лицом*** «bag-steal» (кража сумки и вор, специализирующийся на краже сумки) [5];
- ***процессом и объектом*** «controversy» (спор) – «a dispute, which must be an actual contested issue between parties in order to be heard by a court», (правовой спор и предмет спора), «succession inheritance» – «the distribution when a person dies without leaving a valid will and the spouse and heirs will take (receive the possessions) by

the laws of descent and distribution and marital rights in the estate which may apply to a surviving spouse» (получение наследства и имущества, переходящего по наследству) [5];

- ***частью и целым*** «argument evidence» и «evidence presentation» (доказательство аргументации и представление доказательств) [5].

Ускоренное развитие семантики слов в английской юридической терминологии обусловлено специализацией значения после включения общеупотребительного слова в юридическое семантическое поле. Например, в общеупотребительном языке «instrument» (инструмент) – «a small tool used in work such as science or medicine» означает инструмент или оборудование [6], а в юридической терминологии «instrument» (инструмент) означает «правовой документ» «a written legal document such as a contract, lease, deed, will or bond» (письменный юридический документ, такой как договор, аренда, договор, завещание или облигация) [5].

Семантический анализ английских юридических терминов показал, что семантический способ терминообразования - это способ терминообразования, применяемый для образования терминологических единиц в английском языке.

Анализ языкового материала позволил сделать вывод о том, что в английской юридической терминологии взаимодействие общего и специального значений тесно связано с двумя основными способами вторичной номинации: метафорой и метонимией.

Терминологические значения этих слов закреплялись за языковыми знаками, начиная с развития юриспруденции как системы научного знания, возникающего либо в результате семантического переосмысления лексических единиц в новых функциональных системах, либо в результате повторного использования, т. е. в актах вторичной номинации. Проблема терминологизации затрагивает весь комплекс важных вопросов, определяющих необходимость функционально-семантического подхода, привлечения новых способов и методов исследования, анализа глубоких процессов, происходящих в семантической структуре слова.

Список литературы

1. Гринев-Гриневич С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев-Гриневич. М.: Изд. центр «Академия», 2008. — 304 с.
2. Мякшин К. А. Явление метафоризации в терминологии (на примере английской фонетической терминологии) // Молодой ученый. — 2013. — №7. — С. 490-494. — URL https://moluch.ru/archive/54/7343/ (дата обращения: 05.05.2019).
3. Сложеникина Ю.В. Терминологическая лексика в общеязыковой системе. Самара: СамГПУ, 2003.160 с.

4. Шарафутдинова Н. С. Терминологическая метафоризация / Н. С. Шарафутдинова // Русско-немецкие культурно-исторические контакты :материалы Междунар. науч. конф. (22–23 сентября 2004 г.). – Тольятти: ТГУ, 2004 – С. 84–86.
5. Black's Law Dictionary, - 9th Edition. Abridged. St. Paul, Minn: West Publishing Company, 2010. 1418 p.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. London: Longman Group, Ltd., 2015. 2224 p.
7. Macmillan English Dictionary. For Advanced Learners. NEW – Macmillan Publishers Limited, 2007. – 1692p.

УДК 81

Инновационные методики преподавания английского языка для студентов

Молдабаева Магира Китобаевна
магистр, ассистент профессора МОК (КазГАСА)
Международная образовательная корпорация, Казахстан, Алматы

Нургалиева Ардак Жаксылыковна
ассистент профессора МОК (КазГАСА)
Международная образовательная корпорация, Казахстан, Алматы

Innovative methods of teaching English for students

Moldabayeva Magira Kitobaevna
Master, Assistant Professor IEC (KazGASA)
International Education Corporation, Kazakhstan, Almaty

Nurgaliyeva Ardak Zhaksylykovna
Assistant Professor IEC (KazGASA)
International Education Corporation, Kazakhstan, Almaty

Аннотация. Один из самых успешных способов изучения английского языка известен как инновационные методы. Среди его успехов можно выделить новый уровень осведомленности и признательности за силу инновационных методов как средства привлечения студентов и развития их навыков чтения, письма, аудирования и разговорной речи. Мы преподаватели английского языка обычно ищем новые и интересные способы, чтобы стимулировать студентов, изучающих английские языки. Когда студенты получают удовольствие от занятий, они уделяют больше внимания учебе. Благодаря ряду образовательных возможностей, доступных для студентов нынешнего поколения, новые методы и методы, по-видимому, появились в области образования, которые полностью изменили облик традиционной системы образования. В этой статье представлены некоторые инновационные методы, которые очень полезны для эффективного и плодотворного проведения уроков английского языка.

Ключевые слова: простейшая адаптация, принятие рассказов, незавершенная история, креативная модификация, аспект языка, индивидуальность, письменные документы, логическое рассуждение, текстовые игры, соревнования, мультимедийные источники, повседневное использование.

Abstract. One of the most successful ways to learn English is known as innovative methods. Among its successes it is necessary to identify a new level of awareness and appreciation the power of innovative methods as a means of attracting students and developing their reading, writing, listening and speaking skills. As teachers of English, we usually look for new and interesting ways to stimulate students who learn English. The more the students enjoy class, the better they learn. Thanks to a number of educational opportunities available to students of the current generation, new methods and methods seem to have emerged in the field of education, which completely changed the form of traditional education system. This article presents some innovative methods that are very useful for effective and fruitful teaching English lessons.

Key words: the simplest adaptation, adoption of stories, incomplete history, creative modification, the aspect of language, individuality, written documents, logical reasoning, text games, competitions, multimedia sources, everyday use.

На сегодняшний день существует огромный выбор форм и методов обучения, которые достаточно эффективны. Однако современное развитие нашего общества требует поиска и использования более продвинутых методов и технологий. Внедрение инновационных методик обучения позволяет вывести процесс обучения на качественно иной уровень. Для быстрого и эффективного обучения иностранным языкам необходимы инновационные методики, направленные на формирование практических навыков будущих специалистов, способных решать профессиональные задачи на уровне иноязычной коммуникативной компетенции. Инновационные методы позволяют достичь следующих целей как доступность восприятия учебного материала, систематизация знаний, развитие творческих способностей обучаемых, самообразование, а также осмысление учебного материала и анализ усвоенного материала [1].

Это статья рассматривает некоторые инновационные методы обучения английскому языку.

Принятие рассказов. Различные истории, рассказы являются неотъемлемой частью преподавания языка. Эти рассказы помогают учить студентов формировать предложения, выражать свои мысли, а также помогают поддерживать интерес студентов, поскольку конец истории - это то, что каждый студент хочет знать. Любая незавершенная история всегда заинтересовывает ум обучающегося.

Хотя этот метод использования историй был реализован, процедура преподавания языка через него, как правило, неверна. Из-за этого студенты обычно склонны воспринимать истории как главу, а не рассматривать ее как интересное

чтение. История должна затрагивать творческую часть мозга. Это помогает нам быть более изобретательными, пытаясь визуализировать то, что происходит внутри истории. Она должна не только учить их языку, но и помогать им в извлечении урока из истории. Существует лучший способ использования историй на английском языке. Студенты могут принимать рассказы или пьесы. Таким образом, студенты лично участвуют в рассказах. Они могут привести свою собственную интерпретацию характера из жизни. Для студентов интересно понять персонажей и поставить себя на их месте, позволяя им создавать весь набор, назначать персонажей и воспроизводить их в соответствии с тем, что они себе представляли. Это также помогает им понять интерпретацию рассказа другими людьми и помогает им создать рассказ об этом, что снова помогает им в изучении языка. Это устраняет скучные аспекты и делает обучение более ярким, не подвергая опасности изучение языка. Это может быть не идеально, но это оставит глубокое впечатление на их уме.

История поможет им выучить язык, поскольку они могут вносит изменения в пьесы, добавить больше строк, персонажей, изменить окончание, внести интересный поворот и т.д. Чем более креативная модификация, тем больше очков, присуждаемых команде. Это также приводит к личностному развитию и помогает им работать в команде.

Например, если рассказ «Юлий Цезарь» преподавать с использованием традиционных методов вопросов и ответов, студент никогда не поймет глубокие эмоции Брута, хитрость Кассиуса, лояльность Антония, трагедию войны, блеск речи Антония и многие другие аспекты истории.

Как и в случае с такими великими историями, как Рождественская песня, Гарри Поттер и все эпические истории. Эмоции помогают определить историю, и они составляют очень важный аспект языка и индивидуальности. Если эти эмоции не учитываются, то было бы очень сложно выразить себя. С другой стороны, если такие истории будут приняты, то каждое намерение истории станет ясным. Студенты должны погрузиться в атмосферу рассказа, и им приходится ставить их на свои места. Весь этот процесс имеет много преимуществ, кроме того, что он является очень эффективным методом обучения языку; это помогает сохранить литературу, которая является не чем иным, как нашей культурой. Этот метод дает общий опыт обучения, который должен был быть предоставлен рассказом, и в конце концов студент определенно сможет ответить на вопросы, даже не готовясь к нему в качестве экзамена, кроме всего процесса - это весело и совсем не скучно, следовательно, это обеспечивает завершение процесса обучения [2].

Обучение через игры. В условиях современного мира преподавателю необходимы методы, которые способствуют оптимизации учебного процесса, что указывает на необходимость поиска средства для создания интереса студентов к предмету, а также активизации их познавательной деятельности. В качестве такого средства выступают игры. Неоспоримым преимуществом игрового метода является повышение интереса студентов к предмету, развитие мотивации учения и их познавательной активности. Всё это дает возможность студентам в естественной для них форме осваивать новое и показывать хороший результат обучения. По этой причине, использование игровых методов обучения является необходимым при овладении студентами иностранным языком. Далее приведем примеры игр на уроке английского языка.

Фонетические игры. Скороговорка (игра-имитация). Студенты произносят за учителем скороговорку, фразу, стишок на определенный звук. Например:

One-one was a race horse.
Two-two was one too.
One-one won one race.
Two-two won one too.

Six sleek swans swam swiftly southwards

Three grey geese
In a green field grazing,
Grey were the geese
And green was the grazing.

Преподаватель называет цепочку слов, в которых встречается один и тот же звук (игра-загадка). Отгадавший первым получает право загадать свою загадку. Например: two, too, swans, swam, grey, were [3]. *Орфографические игры.*

Вставь буквы. Образуются две команды. Для каждой команды на доске записаны слова, в каждом из которых пропущена буква. Представители команд поочередно выходят к доске, вставляют пропущенную букву и читают слово. Например: b…k, w…e, g…n, g ..y, p..k, y…ow, b…n.(black, white, green, grey, pink, yellow, brown). Слова с определенными буквами. Данный метод обучения можно использовать при введении новой грамматической или лексической темы, например: Adjectives. Студентам предлагается быстро просмотреть список слов, а затем назвать

слова, в которых есть заданные буквы. Выигрывает тот, кто сможет назвать больше слов.

Текстовые игры. Важнейшей частью любого языка является словарь. Понять смысл слов и использовать их в повседневной жизни, это очень сложная задача, и игры могут помочь студентам преодолеть эту трудность. Такие игры, как «scrabble», «housie» и т.д., были разработаны для этой конкретной цели. Эти игры основаны на словах и помогают учащимся развить свой словарный запас. В дополнение к этим, можно играть очень простые игры, чтобы помочь улучшить базу данных слов студентов, таких как простые конкурсы диктовки, соревнования по синонимам, головоломки слов, анаграммы. Все эти игры очень затягивают друг друга и помогают в улучшении нашего словарного запаса. Когда каждый ученик слышит новое слово, первый вопрос, который возникает, «в чем его смысл?», и таким образом словарный запас улучшается [5].

Соревнования. В большинстве случаев такие соревнования, как дебаты и призывы, также помогают студентам в изучении языка. Данный метод развивает способности и формирует необходимые навыки для ведения диалога, дискуссии. В первую очередь метод дебатов развивает критическое мышление, коммуникативную культуру, навыки публичного выступления. Также оно способствует формированию исследовательских навыков (приводимые аргументы требуют доказательства и примеров, для поиска которых необходима работа с источниками информации).

На своих уроках я использую метод дебатов в виде интеллектуального соревнования, которое помогает активно отстаивать свои взгляды и суждения, экспресс-дебаты и др. Например, в игре принимают участие две команды (одна утверждает тезис, а другая его отрицает). Команды в зависимости от формата дебатов состоят из трех или четырех игроков (спикеров). Суть игры заключается в том, чтобы убедить нейтральную третью сторону, в том, что ваши аргументы лучше (убедительнее), чем аргументы вашего оппонента. Нами осуществлялись дебаты по темам: Healthy lifestyle (Здоровый образ жизни, уровень Intermediate), Food and meals (Еда) (Beginner) и многие другие. [6].

Мультимедиа. Мультимедийные источники, такие как песни, фильмы, сериалы, журналы, газеты, играют очень важную роль в улучшении нашего языка. Этот метод следует использовать на заключительных этапах обучения. В большинстве случаев носители языка используют английский язык грамматически неправильно, и очень важно, чтобы студенты понимали этот факт, чтобы они не использовали эту форму языка в своем повседневном использовании.

Для многих студентов песни современных английских или американских групп представляют особый интерес, поэтому одним из видов деятельности на уроках служит работа с песней. Часто это сводится к чтению слов песни, их переводу на родной язык и записи нескольких новых слов в тетрадь, прослушиванию песни и совместному исполнению под фонограмму. Но этим ограничиваться не стоит. Можно придумать серию упражнений на понимание содержания песни, согласованию слов и выражений (matching), лексико-грамматические упражнения, а также упражнения на говорение с использованием слов песни и фантазии студентов. Такого рода задания внесут разнообразие в урок, а также будут направлены на повышение мотивации учащихся в изучении английского языка. Традиционные методы как чтение газет и книг, романы - также эффективны при обучении иностранному языку. Когда традиционные методы модифицируются вместе с некоторыми инновационными идеями, обучение и учебный процесс обогащаются и гарантируют успех в обучении. [7].

Новые и различные виды деятельности «вне нормы» также могут положительно повлиять на улучшение языковых навыков учащихся. Вот некоторые не очень часто используемые методы для добавления этого «нового витка» в уроки английского языка. Предоставление учащимся чего-то нового делает чудеса в избавлении от скуки, пробуждает интерес. [8].

Использование современных образовательных технологий позволяет преподавателям качественно, на новом уровне обучать студентов всем четырем типам речевой деятельности (чтение, прослушивание, письмо и говорение). Использование инновационных методов на уроках помогает преподавателю развить в студентах самостоятельность, ответственность, умение адаптироваться к сложившейся ситуации, умение работать со словарями, а также справочной литературой. Таким образом, современные педагогические технологии в сочетании с современными информационными технологиями могут существенно повысить эффективность образовательного процесса.

Список литературы

1. Edgar H. Schuster, Edgar H. Schuster, Breaking the Rules: Liberating Writers Through Innovative Grammar Instruction. - Heinemann. - 2012. - С. 25.
2. Смирнова Е.В. Использование инструментов электронного обучения в преподавании иностранного языка // Балтийский гуманитарный журнал. - 2015. - № 3 (12). С. 85- 88.
3. Linguistic Complex «English». 1st level (Beginner)//Алматы: КазГАСА.- 2016. (I том). – С.188.
4. R. Patrick Solomon, Dia N. R. Sekayi, Urban Teacher Education and Teaching: Innovative Practices for Diversity and Social Justice. Routledge. - 2007. - С. 88.

5. Patrick Schwarz, Paula Kluth You're Welcome: 30 Innovative Ideas for the Inclusive Classroom; -Heinemann. - 2007. - С. 45.
6. Белинская Д.Б. Современные методы и технологии обучения иностранному языку – Новосибирск. - 2011. - С. 37.
7. Constance Leuenberger, The New Kindergarten: Teaching Reading, Writing, & More, Publisher: Teaching Resources. - 2003. - С. 56.
8. Martha Bradshaw, Arlene Lowenstein, Innovative Teaching Strategies in Nursing and Related Health Professions. -Jones & Bartlett. - 2010. - С. 89.
9. Сафарова Ф. И. The role of innovative techniques in teaching English // Молодой ученый. — 2017. — №26. С. 170-172.

УДК 811.11

О некоторых современных лексических изменениях в словарном составе английского языка

Новоградская-Морская Нинель Антоновна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
ГОУ ВПО Донецкая академия управления и государственной службы при главе Донецкой Народной Республики, Донецк, ДНР

About some modern lexical changes in the English language vocabulary

Novogradskaya-Morskaya Ninel Antonovna
Candidate of Pedagogy, Associate Professor
Donetsk Academy of Management and Public Administration under the aegis of the Head of Donetsk People's Republic, Donetsk, DPR

Аннотация. Статья посвящена вопросам современных изменений словарного состава английского языка в связи с внедрением новых информационных технологий. В статье анализируются изменения, происходящие в английском языке, что ведет к пополнению его словаря. Рассматриваются причины возникновения новых слов в английском языке, дается оценка роли Интернета в ряде лексических изменений и появлении сленга. Автор рассматривает основные факторы, влияющие на развитие языка и особенности процесса образования новых слов. Приводятся примеры неологизмов, аббревиатур, инициализмов и Интернет-сленга; дается характеристика текстовым сообщениям и их роли в развитии английского языка.

Ключевые слова: словарный состав английского языка, лексические изменения, процесс образования новых слов, неологизмы, аббревиатуры, инициализмы, Интернет-сленг.

Abstract. The article is devoted to the issues of modern changes in the vocabulary of the English language in connection with the introduction of new information technologies. The author analyzes the changes that occur in the development of the English language which leads to the replenishment of its vocabulary. The reasons for the emergence of new words in the English language are considered, an assessment of the role of the Internet in

a number of lexical changes and the appearance of slang is given. The author considers the main factors influencing of the language development and the peculiarities of the new vocabulary's formation. Examples of neologisms, abbreviations, initialisms and Internet slang are given; text messages and their role in the development of the English language are characterized.

Key words: English vocabulary, lexical changes, formation of the new vocabulary, the Internet role, neologisms, abbreviations, initialisms, Internet slang.

Мы являемся свидетелями цифровой революции, которая оказывает огромное влияние на коммуникацию в обществе. За несколько десятилетий были разработаны методы для улучшения языковой обработки информации и обмена знаниями: лексическая, грамматическая и орфографическая стандартизация основных языков позволила быстро распространять новые научные и интеллектуальные идеи; развитие официальных языков позволило людям общаться в определенных (часто политических) границах; обучение и перевод языков способствовали обмену информацией между странами; создание редакционных и библиографических систем гарантировало качество печатной продукции; создание всемирной сети Интернет удовлетворяло различные потребности в коммуникации.

За последние двадцать лет информационные технологии помогли автоматизировать и упростить многие коммуникационные процессы: Microsoft PowerPoint заменил прозрачную пленку для проектора; электронная почта позволяет мгновенно отправлять и получать документы; Skype предлагает дешевые Интернет-звонки и проводит виртуальные встречи; аудио и видео форматы кодирования позволяют легко обмениваться мультимедийным контентом; поисковые машины обеспечивают доступ на основе ключевых слов; онлайн-сервисы, такие как Google Translate, производят быстрые, приблизительные переводы; социальные сети, такие как Facebook, Twitter и Google+, облегчают общение, совместную работу и обмен информацией. Революция в области коммуникационных технологий объединяет людей, которые говорят на разных языках. В этом процессе большая роль отведена английскому языку.

Английский язык является наиболее распространенным иностранным языком, за ним следуют французский, немецкий и испанский. Как известно, несколько лет назад английский язык смог стать языком общения в Интернете – большая часть содержания публикаций на Вебе представлена на английском языке. По мере того, как английский язык способствует объединению людей разных национальностей, он сам претерпевает изменения [1].

Цель статьи проанализировать изменения, происходящие в развитии английского языка, в частности, его лексико-семантической составляющей. Проблемами изменений в языке занимались многие ученые-лингвисты: У. Лабов, Д. Кристалл, Д. Йейтс, К. Карлоу, С. Херринг. Е. И. Горошко, Л. Ф. Компанцева и многие другие. Они освещали такие темы, как употребление слов и словотворчество, динамическое словообразование и «порождение» речи, прагматику коннотативных значений слова и тд. Бурно развивающаяся коммуникация на всей уровнях социального взаимодействия способствует дальнейшим исследованиям в данной области. В нашем исследовании были рассмотрены 60 лексических единиц, взятые из социальных сетей и социальных групп, а также неологизмы, уже включенные в Оксфордский словарь английского языка (OED).

Рассмотрим основные факторы влияния на английский язык, которые способствовали появлению уникальных трансформаций и новых слов. Как и во всем, изменение не обязательно является плохим явлением, и, поскольку потребности пользователей английского языка продолжают меняться, язык тоже будет изменяться. Как утверждал известный лингвист, писатель и лектор Дэвид Кристал (David Crystal), чьи книги «The Story of English in 100 Words (2012)», «You Say Potato (2014)», «The Cambridge Encyclopaedia of the English Language (2003)» и другие работы вдохновляли многих отечественных филологов: «*Languages are always in a state of flux. Change affects the way people speak as inevitably as it does any other area of human life. Language purists do not welcome it, but they can do very little about it. Language would stand still only if society did. A world of unchanging linguistic excellence, based on the brilliance of earlier literary forms, exists only in fantasy. The only languages which do not change are dead ones*» [5, с.367]. – Языки всегда находятся в состоянии изменения. Изменения влияют не только на то, как люди говорят, но и на любую человеческую деятельность. Языковые пуристы не приветствуют это, но они мало что могут с этим поделать. Язык будет стоять на месте, только если общество будет стоять. Мир неизменного лингвистического совершенства, основанный на блеске более ранних литературных форм, существует только в фантазии. Единственные языки, которые не изменяются – это мертвые (перевод автора статьи).

Как отмечает Э. Г. Туманян, в языках соотношение между имманентными, то есть внутренними, изменениями и изменениями, появившимися благодаря развитию общества, не является постоянным показателем. Изменения языков имеют двойственную природу: социально-детерминированную и стихийно возникающую под давлением внутренних импульсов [4, с. 87, 96].

Рассмотрим некоторые из основных факторов влияния на развитие языков:

Первым основным фактором является перемещение людей по странам и континентам, например, миграция, а в предыдущие века, колонизация. Например, сегодня носителям английского языка, вероятно, будет удобно использовать испанское слово «*loco*», чтобы описать кого-то, кто, по их мнению, «сумасшедший». Другой пример «*desperado*» – отчаянный человек; «*hasta la vista*» — до свидания, до встречи. Среди наиболее распространённых слов африканского происхождения в английском языке юга США: «*tote*» – нести, «*biddy*» – цыплёнок, «*goober*» – земляной орех, арахис, «*yam*» – батат, сладкий картофель, «*bozo*»– придурок, тупица», «*booboo*» – ошибка; «*taco*» — блюдо мексиканской кухни, тортилья из кукурузной или пшеничной муки с начинкой.

Вторым фактором, влияющим на изменения в английском языке, был и остается «Language contact», языковой контакт. Носители одного языка вступают в контакт с теми, кто говорит на другом. Языковой контакт является социальным и лингвистическим феноменом, посредством которого носители разных языков (или разных диалектов одного и того же языка) взаимодействуют друг с другом, что приводит к обмену языковыми особенностями [8]. Нет двух людей, говорящих одинаково: люди из разных географических мест говорят по-разному, и даже в пределах одной общины существуют различия в зависимости от возраста, пола, этнической принадлежности, социального и образовательного уровня говорящего [9]. Например, слово «courting» (ухаживание) стало «dating» – знакомство; «*It goes without saying*» – дословный перевод с французского «*Il va sans dire*».

Третий фактор влияния связан с развитием новых технологий, Интернет сообществ и экономических отраслей. Новый словарь неологизмов и сленга создается по мере того, как появляются и входят в нашу жизнь изобретения, Интернет-сервисы и новые профессии.

Изучение особенностей лексики интернет-коммуникаций может осуществляться в рамках *теории речевого сообщества*, позволяющей наиболее адекватно описать и интерпретировать эти особенности [2, с. 189].

Теория речевого сообщества (Speech Community Theory), вклад в развитие которой внес американский лингвист Уильям Лабов, предполагает, что в определенных группах люди разделяют ряд языковых норм и ожиданий относительно использования языка. Их объединяет общее членство в сообществе и совместное лингвистическое общение. Понятие речевого сообщества наиболее широко используется для анализа языковых вариаций и изменений. Лексические

особенности коммуникации в речевых сообществах различаются в зависимости от таких факторов, как этническая принадлежность, социальный статус группы, общие интересы и уровень формальности внутри группы. Уильям Лабов утверждает, что языки не меняются посредством немедленной замены одной формы другой, а скорее испытывают периоды изменения, когда инновационные формы конкурируют с существующими, прежде чем в конечном итоге заменить их [7, с. 123].

Например, оригинальный термин «wireless» (беспроводной) конца XIX века понимается сегодня как «*radio*»; как существительное «радиовещание» засвидетельствовано с 1903 года, впоследствии заменило слово радио. В настоящее время это слово может указывать на любой беспроводной прибор.

Мы знаем сегодня, что слово «*spam*» это нерелевантные или нежелательные сообщения, отправляемые через Интернет, в целях рекламы, распространения вредоносных программ, но мы, может быть, не знаем, что это также консервированный мясной продукт, изготовленный в основном из ветчины или «консервы» в американском английском. Возможно, файл сомнительного содержания напоминает консервную банку, которую надо открыть.

Приведем примеры новых слов, которые официально пополнили словари английского языка и проанализируем их этимологию и значения:

1. *Youthquake* (n.). Definition: *A significant cultural, political, or social change arising from the actions or influence of young people.* Значительные культурные, политические или социальные перемены, возникающие в результате действий или влияния молодежи.

Оксфордскй словарь назвал «youthquake», словом 2017 года дословно «молодежетрясение», (англ. Earthquake — землетрясение). В 2017 году это слово начали использовать в пять раз чаще по сравнению с 2016 годом. Слово года определить не просто, это не какое-то формальное понятие, а слово, определяющее настрой или тенденции в течение года.

2. *Echo chamber* (n.) дословно «эхокамера» Definition: *An environment in which a person encounters only beliefs or opinions that coincide with their own.* Среда, в которой человек сталкивается только с убеждениями или мнениями, которые совпадают с его собственными. Пример: *Consultation is not simply an echo chamber*. Первоначальное значение этого выражения, которое вполне отражено в его новой интерпретации: *a room or space in which sound echoes because it is reflected from the walls*, etc. Комната или пространство, в котором звучит эхо, потому что звук отражается от стен и т. д.

3. *Gig economy* (n.) Definition: *A labour market characterized by the prevalence of short-term contracts or freelance work as opposed to permanent jobs*. Рынок труда, характеризующийся преобладанием краткосрочных контрактов или внештатной работы, в отличие от постоянной работы. Пример: More than one third (36 percent) of U.S. workers are in the gig economy. Значение неформального слова «gig» – a single performance by a group of musicians, especially playing modern or pop music. Отдельное выступление музыканта или группы музыкантов, особенно играющих современную или поп-музыку. Пример: *The band is going to Atlanta to play a gig at the Fox Theatre*. Сравнивание современных независимых работников, работающих без привязки к одной компании, с музыкальными представлениями, по нашему мнению, имеет очень выразительную метафорическую окраску.

4. *Clickbait (n.)* Definition: *A headline on a website that encourages people to click on the link*. Заголовок на веб-сайте, который поощряет людей нажимать на ссылку. Это новое слово произошло от двух английских слов *click* «щелчок» и bait «наживка». Слово используется в маркетинге, в средствах массовой информации, в интернет-рекламе и в обычной рекламе для побуждения клиентов и пользователей к совершению требуемых действий. Для этого используются определенные «наживки»: привлекательные картинки, заголовки. Отдельный интерес представляют лексико-семантические, грамматические и синтаксические характеристики c*lickbait* заголовков: использование указательных местоимений для создания ощущения диалога с читателем; обращение к читателю на «ты», использование конструкций, бросающих вызов читателю («Ты не поверишь!», «Ты ни за что не угадаешь»); ярких эпитетов, гиперболизации, фразеологизмов, выражений из повседневной речи, неполных предложений, обычно передающих удивление или восторг, повелительное наклонение. Анализ этих характеристик может стать целью другого исследования.

Отличительная черта кликбейт – искажение смысла, по отношению к последующему контенту, на который кликбейт обращает внимание пользователя.

сообщение, текстограмма, наносит ущерб английскому языку, касался того факта, что сокращения существовали в английском языке в течение долгого времени [6]. Текстовая речь фактически была распространена 150 лет назад, о чем свидетельствует стихотворение Чарльза Бомбо «Эссе мисс Кэтрин Джей» (Charles Carroll Bombaugh, *Gleanings for the Curious From the Harvest-Fields of Literature*, 1890):

«An S A now I mean 2 write
2 U sweet K T J,
The girl without a ǁ,
The belle of U T K.
I 1 der if U got that 1
I wrote 2 U B 4
I sailed in the R K D A,
And sent by L N Moore».

Полный текст стихотворения можно найти по ссылке: https://www.futilitycloset.com/2012/05/29/essay-to-miss-catharine-jay/

Сегодня среди многих лингвистов широко распространено мнение, что Интернет оказывает негативное влияние на будущее языка и что это приведет к ухудшению языковых стандартов. Некоторые даже приписывают любое отклонение от стандартного формального английского языка увеличению использования электронных средств коммуникации. Мы наблюдаем осуждение этого стиля со стороны средств массовой информации, а также педагогов, которые уверены, что это свидетельствует о снижении грамотности. С другой стороны, дескриптивисты считают, что Интернет позволяет лучше выражать мысли посредством языка и, следовательно, выражать сам язык. Выбор языковых средств иногда отражает личный вкус, уровень образованности и принадлежность к определенным социальным группам. Высказываются предположения, что интернет-сленг является результатом отсутствия мотивации для мониторинга речи в Интернете. Однако, использование и распространение интернет-сленга неизбежно.

Теоретическая значимость этого исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в разработке современного словаря английского языка, а также в преподавании разговорного английского. Преподаватели должны обеспечить такие академические условия, чтобы учащиеся могли понимать и использовать стандарты английского языка, но, наряду с этим, быть в курсе последних изменений в его словарном составе.

Список литературы

1. Гвишиани, Н. Б. Современный английский язык: лексикология : учебник для бакалавров / Н. Б. Гвишиани. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2013. — 273 с.
2. Горошко Е. И. Гендерные особенности электронной коммуникации в Интернете // Право і Безпека. - 2005. - Т. 4, № 6. - С. 189-192.
3. Полетаева Е. Д. Инициализмы как продуктивный тип сокращения в англо-русском научно-учебном тексте экономического дискурса // Молодой ученый. — 2016. — №2. — С. 926-929.
4. Туманян Э.Г. О природе языковых изменений // Вопросы языкознания. – 1999. - № 3. – С. 86-97.
5. Crystal D. How language works. Penguin UK, 2007. Pp. 512.
6. Flood A. Our ever-changing English // The Gurdian. International edition. 19 Aug 2010 2010. Режим доступа: https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/aug/19/english-language-british-library-books (Дата обращения: 01.05.2019).
7. Labov W. Principles of linguistic change, vol. 3: Cognitive and cultural factors. Oxford: Wiley Blackwell, 2011. Pp. 419.
8. Nordquist R. Language Contact Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms // ThoughtCo. Humanities › Languages. 2018. Режим доступа: https://www.thoughtco.com/what-is-language-contact-4046714 (Дата обращения: 21.04.2019).
9. Oscar R. Language contact // SlideShare. Discover. Share. Learn. 2012. Режим доступа: https://www.slideshare.net/oscar12261/language-contact (Дата обращения: 01.05.2019).
10. New words list January 2018 // Oxford English Dictionary. The definitive record of the English language. Режим доступа: https://public.oed.com/updates/new-words-list-january-2018/ (Дата обращения: 09.05.2019)
11. English words you need for 2018 // OxfordHouse. Режим доступа: https://oxfordhousebcn.com/en/10-english-words-you-need-for-2018/ (Дата обращения: 07.04.2019).

УДК 81-139

Методы изучения культурно-языкового концепта «честь»

Самсонова Татьяна Ивановна
старший преподаватель Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва
sipssips@yandex.ru

Муравых Ольга Анатольевна
старший преподаватель Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва
olgamuravykh@yandex.ru

Methods for studying the cultural and linguistic concept of «honor»

Samsonova Tatiana Ivanovna
Senior Lecturer of the Center for Linguistics and Professional Communication, Institute of Law and National Security Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow

Muravykh Olga Anatolievna
Senior Lecturer of the Center for Linguistics and Professional Communication, Institute of Law and National Security Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow

Аннотация. Целью статьи является анализ изучения культурно-языкового концепта «честь». Раскрывается понятие сопоставительной лексикологии и представлены методики, которые применяются к сопоставительному изучению лексики в общем. Концепт «честь» исследуется при помощи четырех методов - интроспекция, компонентный анализ словарных дефиниций, концептуальное моделирование и интерпретационный анализ. Подробно описана взаимосвязь этих методов и даны примеры использования каждого метода применительно к этому концепту. Как результат использования методик и анализа, появляется возможность выявления особенностей отношения к концепту «честь» в наивной картине мира носителями английского и русского языков.

Ключевые слова: сопоставительная лексикология, честь, интроспекция, концептуальное моделирование, интерпретационный анализ.

Abstract. The aim of the article is to analyze the study of cultural and linguistic concept of «honor». The article reveals the concept of comparative lexicology and presents methods that are applied to the comparative study of vocabulary in general. The concept of

«honor» is studied by using four methods - introspection, component analysis of dictionary definitions, conceptual modeling and interpretation analysis. The interrelation of these methods is described in detail and examples of use of each method in relation to this concept are given. As a result of using above mentioned methodologies and analysis, it is possible to identify the features of the relationship to the concept of «honor» in the naive picture of the world by native speakers of English and Russian languages.

Keywords: comparative lexicology, honor, introspection, conceptual modeling, interpretation analysis.

Сопоставительная лексикология, изучающая сходства и различия словарных составов естественных языков, является одним из наиболее перспективных направлений современной лингвистики и развивается быстрыми темпами. Основой сопоставительного изучения лексики, а также и сопоставительного изучения языков вообще, служит наличие определенных общностей между всеми естественными языками мира. Общности эти, называемые языковыми универсалиями, базируются в плане выражения на единстве человеческого речевого аппарата, а в плане содержания на единстве основных свойств окружающей действительности и принципиальной общности способов отражения этой действительности человеческим мозгом. С другой стороны, в ходе исторического развития и в силу природных и прочих различий в условиях существования этносов в различных языках сформировались значительные различия, касающиеся как плана выражения, так и плана содержания. Особенно заметны эти различия на уровне лексики.

Для проникновения в семантику отдельного слова за последнее время разработан ряд методик, которые применимы и к сопоставительному изучению лексики: различные разновидности компонентного анализа, дистрибутивный анализ, психолингвистический (ассоциативный) анализ, изучение морфемного состава слов в сопоставляемых языках, сравнение статистики употребления слов, их общей частотности и распространения по подъязыкам, изучение отношений эквивалентности лексики в языках [3, с.26].

В настоящей статье для изучения культурно-языкового концепта «честь» были использованы следующие приемы и методы:

- интроспекция,
- компонентный анализ словарных дефиниций,
- концептуальное моделирование,
- интерпретационный анализ.

Интроспекция принадлежит к экспериментальным методам языкознания, т. е. к методам, дающим возможность изучать факты языка в условиях контролируемых и управляемых исследователем. Общефилософской основой применения этих методов

в языкознании является тезис о единстве теоретического и эмпирического методов познания. Объектом экспериментальных методов является человек как носитель языка, способный к порождению и восприятию текстов. В случае с методом интроспекции, исследователь имеет в виду таким объектом самого себя. При рассмотрении изучаемого понятия он основывается лишь на своем персональном опыте и абстрагируется от результатов, достигнутых другими исследователями.

Исходя из наших собственных знаний о предмете исследования, мы можем отметить, что концепт чести включает в себя, во-первых, совокупность человеческих качеств, высоко оцениваемых в данном обществе, т. е. шаблон социального одобрения, а, во-вторых, - набор общепринятых проявлений и выражений этого одобрения. В наивной картине мира, носителями которой мы являемся, человека и честь связывают отношения обладателя и имущества: иметь честь, терять честь, снискать честь, продавать честь, пропивать честь. Честь может подвергаться внешнему воздействию со стороны других лиц, что также отражается в языке: лишать чести, наносить урон чести, задевать честь, чествовать, воздавать честь. Честь может быть не только индивидуальной, но и групповой: честь фирмы, честь семьи, честь страны, честь команды, честь предприятия.

Метод компонентного анализа словарных дефиниций дает возможность выяснить примерное количество и состав лексики, используемой для передачи понятия чести в исследуемых языках, определив, таким образом, четкие границы данной номинации на материале толковых словарей, словарей синонимов, фразеологических словарей и т. д.

Например, словарь Roget’s II: The New Thesaurus приводит следующие лексические единицы, связанные с концептом чести:

- honor, deference, homage, obeisance;

- esteem, account, admiration, appreciation, consideration, estimation, favor, regard, respect;

- distinction, accolade, kudos, laurels;

- dignity, prestige, reputation, repute, status, good name;

- honesty, incorruptibility (also incorruptibleness), integrity, rectitude, uprightness.

Затем мы обращаемся к одному из толковых словарей, например, к The New American Webster Handy College Dictionary, и выясняем точный набор значений слова honor:

1. high esteem; deferential admiration.

2. high reputation; credit for honesty, etc.

3. fidelity to principles or obligations; fairness in dealing; conformance with high standards of behavior.

4. high rank, achievement, or distinction.

5. a title, decoration, diploma, etc.

6. (preceded by 'his' or 'your') a title of address to a mayor or judge.

7. chastityin a woman.

Мы видим, что все семь вышеуказанных значений согласуются с концептом чести, очерченным нами методом интроспекции, т. е. с шаблоном общественного одобрения или со способами проявления этого одобрения и, следовательно, могут использоваться нами в дальнейшей работе над данной темой.

В качестве еще одного примера рассмотрим слово disgraceful, которое Webster's New American Dictionary определяет следующим образом:

disgraceful - causing or involving disgrace; shameful.

Теперь нам следует обратиться к дефинициям слов disgrace и shameful:

disgrace - 1. the state of being in dishonor, shame.

2. anything that brings dishonor or shame.

shameful - indecent, offensive.

После того, как будут установлены дефиниции всех слов, связываемых нами с концептом «честь», станет возможным применение метода концептуального моделирования. Этот метод основывается на теории семантического метаязыка и семантических примитивов, разработанной А. Вежбицкой. Согласно этой теории человеческие языки, обнаруживая очень большое разнообразие на уровне сложных концептов (семантически сложных лексем), являющихся в основном специфичными для каждого национального языка, демонстрируют полное сходство на уровне простейших понятий, которые тем или иным способом (лексемой, грамматической формой, синтаксической конструкцией) выражаются во всех языках. В каждом естественном языке может быть выделен универсальный метаязык семантических примитивов, т. е. семантических единиц, не поддающихся разложению на более элементарные компоненты. Истолкование через эти примитивы более сложных содержательных единиц языка делает возможным сравнение всех человеческих языков и культур на единой основе. В настоящее время список примитивов, разработанный А. Вежбицкой, включает в себя следующие единицы: я, ты, кто-то, что-то, это, все, два, сказать, хотеть, не хотеть, чувствовать, думать, знать, мочь, делать, произойти, хороший, плохой, похожий, такой же, где, когда. после, из-за (причинное), если [2, с. 416]. Поскольку предметом нашего исследования является

ценностный культурно-языковой концепт «честь», то завершением процесса концептуального моделирования должно стать выделение тех или иных ценностных доминант, выражающих специфичность восприятия чести носителями английского языка.

После выделения ценностных доминант мы перейдем к интерпретационному анализу, предполагающему выход за рамки строго лингвистического исследования и привлечение данных других наук, в частности, истории общества и истории культуры. Полученные нами на языковом материале данные мы попытаемся интерпретировать в общем контексте англоязычной и русскоязычной культур.

Например, в ходе анализа текстов, являющихся прецедентными для английской культуры, в Concise Dictionary of Quotations [4] нами было обнаружено три следующих афоризма:

If peace cannot be maintained with honour, it is no longer peace.

Lord Salisburg and myself have brought you back peace - but peace, I hope, with honour.

I believe it is a peace for our time... peace with honour.

Все три высказывания принадлежат крупным государственным деятелям Великобритании и связывают понятие чести с ситуацией установления мира. В русских прецедентных текстах нам такой ситуативной связи не встретилось. Обратившись к истории Англии, мы убедимся, что уклонение от военных действий и стремление манипулировать другими державами исключительно дипломатическими методами было стержневой чертой английской внешней политики на протяжении нескольких столетий, что не могло не найти своего отражения в прецедентных текстах, в особенности в такой официально регулируемой их части, как афористика.

Таким образом, основываясь на языковом материале, полученном при помощи методов интроспекции, компонентного анализа словарных дефиниций и концептуального моделирования, а также на последующем истолковании этого материала при помощи интерпретационного анализа, мы сможем выявить особенности отношения к концепту «честь» в наивной картине мира носителей английского и русского языков.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. - М.: Школа "Языки русской культуры", 1995. - 472 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1997. - 416 с.
3. Супрун А.Е. Принципы сопоставительного изучения лексики // Методы сопоставительного изучения лексики. - М.:1989. - С. 26-30.
4. Concise Dictionary of Quotations. - Wm. Collins Sons & Co Ltd, 1985.

5. Roget's II: The New Thesaurus. - Boston: Houghton Mifflin Company, 1989
6. The New American Webster Handy College Dictionary. -New York: Penguin Group, 2001
7. Webster's New American Dictionary. - N.Y. and Washington, D.C.: Smithmark Publishers, 1995

УДК 811.112

Особенности системной организации северно-немецкой региональной лексики

Сидоренкова Марина Альбертовна
Магистрант кафедры английской филологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, РФ, г. Нижний Новгород
sidorenkova_ma@mail.ru

System organization of the North German regional vocabulary

Sidorenkova Marina Albertovna
Graduate student of the department of English philology
Nizhny Novgorod State Linguistic University, Russia, Nizhny Novgorod

Аннотация. Данная статья посвящена изучению лексики северно-немецкого регионального варианта языка. Целью статьи является описание способов отражения северно-немецкой региональной лексики в лексикографических источниках. В статье проводится анализ локализации региональных помет в структуре словарной статьи, а также исследуется взаимодействие региональных помет с другими пространственными, временными и стилистическими маркерами. Автор приходит к выводу, что представленная в лексикографических источниках информация позволяет проследить динамику развития северно-немецкой региональной лексики и точнее определить область ее распространения.

Ключевые слова: региональный вариант, региональная лексика, северно-немецкий, помета, словарная статья

Abstract. The article is devoted to the North German regional vocabulary. The article touches upon the issue of the lexicographical fixation of the North German regional vocabulary. It gives a detailed analysis of the features of regional marks localization in the structure of dictionary entries and examines the interaction of regional marks with other territorial, temporal and stylistic marks. The author comes to the conclusion that the information presented in the lexicographical sources allows us to see the development of the North German regional vocabulary and determine the area of its distribution more accurately.

Key words: regional variant, regional vocabulary, North German, mark, dictionary entry

В настоящее время проблемы региональной вариативности немецкого языка представляют большой интерес для исследователей в условиях процесса европейской интеграции и расслоения языкового сообщества в пределах одной нации на более мелкие регионы. Региональное своеобразие немецкого языка в различных ареалах его распространения нашло свое отражение в трудах многих немецких (U. Ammon, A. Lameli, A. Löffler, K. Sinner), а также отечественных лингвистов (А.И. Домашнев, В.М. Бухаров, Л.Б.Копчук, Р.С. Аликаев и др.).

Актуальность данной работы обусловлена, прежде всего, постепенным увеличением влияния региональных вариантов на языковую систему, интересом современной германистики к особенностям вариативности немецкого языка, к проблемам осмысления региональных вариантов как составной части национального языка и необходимости кодификации региональных вариантов языка.

Целью данной работы является описание способов отражения северно-немецкой региональной лексики в общем толковом словаре.

Под региональным вариантом языка А.И. Домашнев понимает «определенную совокупность местных особенностей, которые могут развиваться во всяком литературном языке с достаточно обширным ареалом распространения или на основе заметно различающихся между собой диалектов» [2. С. 906]. Он отмечает, что необходимо различать региональные и национальные варианты языка. Хотя как национальному, так и региональному вариантам языка свойственно культивирование местных (диалектных, территориальных) языковых особенностей, в национальном варианте эта местная специфика представляет собой лишь один из источников развития, в то время как для регионального варианта этот местный (диалектный, ареальный) языковой материал является питательной средой [1].

Среди лингвистов распространено мнение о существовании в пределах немецкого ареала двух региональных вариантов: южного и северного. Граница между двумя стандартами весьма расплывчата, и ее наиболее адекватно можно представить в виде полосы, которая простирается примерно по всему средненемецкому региону [4].

Север Германии является историческим ареалом распространения нижненемецкого языкового типа, который сохранил в себе часть исконной лексики, несмотря на переход к использованию верхненемецкого языка в большинстве функциональных сферах с XIX века. Таким образом, лексическую основу северно-немецкого регионального варианта языка составляет, в первую очередь, верхненемецкий языковой тип. Тем не менее, отдельные фрагменты нижненемецкой

региональной традиции проявляются в языковой системе северно-немецкого регионального варианта до настоящего времени [3].

В немецких одноязычных толковых словарях северно-немецкая региональная лексика фиксируется с помощью стилистической пометы «norddeutsch».

Для изучения особенностей системной организации северно-немецкой лексики, нами были проанализированы условия использования данной пометы, её взаимодействие с другими пометами лексикографических критериев отбора лексических единиц (пространственными, временными, стилистическими и специальными маркерами). Материалом исследования для данной работы послужил корпус языковых единиц (ЯЕ) с пометой «norddeutsch» из универсального словаря общелитературного немецкого языка Duden (Duden Deutsches Universalwörterbuch).

В ходе исследования было установлено, что помета «norddeutsch» чаще всего сопровождает основное значение слова, что можно объяснить реализацией номинативной функции языка и явлением лексической вариативности в языке, например: Pantine – nordd.: *Pantoffel; Schuh mit Holzsohle*; Wake – nordd.: *nicht od. nur oberflächlich zugefrorene Stelle in der Eisdecke eines Flusses od. Sees*; krüsch – nordd.: *wählerisch im Essen*.

Реже пометой «norddeutsch» маркированы лексико-семантические варианты (Dirn – 2. nordd.: *Mädchen;* schlecken – 2. bes. nordd.: *naschen, Süßigkeiten essen*), и микровариванты значения слова (Rummel – 2. a) bes. nordd.: *Jahrmarkt*; Klippschule – a) nordd.: *Grundschule*), что может быть обусловлено многозначностью лексем и функционально-стилистическими особенностями их использования.

Данная помета встречается и в иллюстративной части словарной статьи, где представлены устойчивые сочетания: nicht viel in die Milch zu brocken haben – nordd.: *bescheiden leben müssen, arm sein*; am Ende – 2. nordd.: *vielleicht, etwa*; einen im Hacken haben – nordd.; *betrunken sein*; die Schotten dicht machen / dichtmachen – 1. nordd.; *die Türen und Fenster schließen*.

Кроме того, пометой «norddeutsch» сопровождаются варианты морфологических форм. Данные примеры относятся к вариантам образования множественного числа: der/das Balg – die Bälger (bes. nordd.); der Kerl – die Kerls (nordd. ugs.); der Junge – die Jungs, Jungens (ugs., bes. nordd.).

Распределение анализируемой пометы по языковым критериям представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Локализация пометы «norddeutsch» в словарной статье

	ЯЕ с пометой «norddeutsch»	**% от общего числа**
Основное значение слова	297	71%
Лексико-семантический вариант	75	18%
Микровариант	23	6%
Пример употребления	20	5%
Вариант морфологической формы	3	1%
Всего	418	100%

Таким образом, в словаре достаточно последовательно используются пометы для обозначения северно-немецкой региональной лексики. Локализация пометы в структуре словарной статьи свидетельствует о фиксации в словаре лексических единиц, имеющих синонимичные варианты в литературном языке, и региональных лексем, не имеющих аналогов в общенациональном стандарте. Кроме того, лексико-семантические варианты многозначных слов литературного языка в некоторых значениях приобретают региональную окраску, что обусловлено особенностями взаимодействия регионального варианта и литературного языка. В целом прослеживается небольшая степень морфологической вариативности, что объясняется относительной стабильностью и однородностью грамматического строя языка.

Языковые единицы, сопровождаемые в словаре пометой «norddeutsch», могут взаимодействовать с пространственными, временными и стилистическими маркерами.

Наибольшее число языковых единиц с пометой «norddeutsch» сопровождаются маркерами с дополнительным значением, отражающим территориальную дифференциацию языковых единиц. К ним относятся следующие маркеры:

1. «landschaftlich»: beigehen (1. a) landsch., bes. nordd.: *an eine Sache herangehen*); Dorfkrug (landsch., bes. nordd.: *Gaststätte in einem Dorf*);
2. «regional»: Pastor (regional, bes. nordd.: *Pfarrer*); Sonnabend (regional, bes. nordd. u. md.: *sechster Tag der mit Montag beginnenden Woche; Samstag*);
3. «mitteldeutsch»: Plättwäsche (nordd., md.: *zu bügelnde Wäsche*); Kiepe (nordd., md.: *hoher Tragkorb, der auf dem Rücken getragen und mit Schulterriemen befestigt wird*);
4. «ostdeutsch»: Pamp (nordd., ostd.: *Pamps*); pampig (1. bes. nordd., ostd.: *breiig; wie Pampe*);

5. «ostmitteldeutsch»: Pfannkuchen (2. bes. nordd. u. ostmd.: *in schwimmendem Fett gebackenes, meist mit Marmelade gefülltes, kugelförmiges Gebäckstück aus Hefeteig*); Bodenluke (landsch., bes. ostmd., nordd.: *Dachluke*);

6. «westdeutsch»: bölken (nordd., westd.: 1. a) *(von Rindern, Schafen) blöken*;

b) *laut schreien*; 2. *aufstoßen; aus dem Magen hochgestiegene Luft hörbar ausstoßen*)

7. «westmitteldeutsch»: schlackern (nordd., westmd.: *a) sich lose [herab]hängend ungleichmäßig hin und her bewegen; schlenkern*; b) *sich schlackernd irgendwohin bewegen;* c) *(mit etw.) schlackernde Bewegungen machen*);

8. «berlinisch»: mang (nordd., berlin.: *mitten unter, zwischen*); Stulle (nordd., bes. berlin.: *[bestrichene, belegte] Scheibe Brot*).

Кроме того, часто помета «norddeutsch» встречается в комбинации со специальным маркером «besonders» (76 примеров). Данный маркер также свидетельствует о территориально-ограниченном употреблении языковых единиц, сопровождаемых пометой «norddeutsch».

Большое количество комбинаций пометы «norddeutsch» с пометами, отражающими территориальную дифференциацию лексики, обусловлено, прежде всего, необходимостью фиксации территориальной ограниченности употребления языковых единиц и конкретизации области их распространения. Необходимо отметить, что большинство языковых единиц приобретают дополнительные маркеры территориальной дифференциации не в силу отсутствия соответствующих понятий в литературном языке или других диалектах, а вследствие расширения значения языковых единиц, характерных для определенного региона.

На формирование фонда северно-немецкой лексики также влияет устаревшая или устаревающая лексика. Языковые пометы, сфера употребления которых в настоящее время ограничена по сравнению с предыдущим историческим периодом, обозначаются пометами «veraltend» и «veraltet»: happig (1. nordd. veraltend: *gierig*); Lucht (nordd. veraltend: *Dachboden*); Kabel (nordd. veraltet: *Gewinnanteil, Losgewinn*); Schnake, (nordd. veraltet: *lustiger, drolliger Einfall; Schnurre*).

Стилистическая дифференциация языковых единиц, маркированных как «norddeutsch» свидетельствует о принадлежности данных единиц к северно-немецкому обиходно-разговорному языку, что позволяет сделать вывод о существовании нескольких функциональных страт в северно-немецком региональном варианте. К маркерам, сопровождающим помету «norddeutsch» и

отражающим функционально-стилистическую окраску языковых единиц, можно отнести следующие пометы:

1. «umgangssprachlich»: lütt (nordd. ugs.: klein); klötern (nordd. ugs.): klappernde, rasselnde Geräusche von sich geben:
2. «abwertend»: Plörre (nordd. abwertend: dünnes, wässriges, gehaltloses, fades Getränk, besonders dünner Kaffee); Salm (landsch., bes. nordd. ugs. abwertend: umständlich-breites Gerede);
3. «salopp»: schietig (nordd. salopp: 1. schmutzig); Kruke (2. bes. nordd., berlin. salopp: liebenswert-schrullige Person);
4. «scherzhaft»: Glibberpudding (nordd. scherzh.: mit Gelatine bereitete Nachspeise; Götterspeise).

Северно-немецкая региональная лексика базируется на территориальной диалектной основе, поэтому она является более открытой в сторону диалекта, способствуя проникновению в региональный вариант большого количества функционально-стилистически окрашенной лексики.

Некоторые языковые единицы с пометой «norddeutsch» могут сопровождаться маркерами, обозначающими принадлежность к той или иной сфере деятельности человека: Höft (nordd., Fachspr.: a) *natürlicher Ufervorsprung*; b) *vorspringende Ecke von Kaimauern in einem Hafen*; c) *kurze Buhne*); Kieker, 1. (nordd., bes. Seemannsspr.: *Fernglas, Fernrohr*); Schweinebacke (bes. nordd. Kochkunst: 1. *Fleisch von der Kinnbacke des Schweins*); Rotte (1. Landwirtsch. nordd.: *Röste (2)*). Представленные сферы деятельности человека являются распространенными в северно-немецком регионе, что объясняет наличие соответствующих маркеров для их обозначения в северно-немецкой региональной лексике.

Таким образом, комбинаторика пометы «norddeutsch» с пометами, отражающими территориальную дифференциацию лексики, наиболее широко представлена в толковом словаре, что обусловлено необходимостью фиксации территориальной ограниченности употребления языковых единиц и конкретизации области их распространения. Также наличие дополнительных маркеров отражает динамику развития лексической стороны языка, например, тенденцию к выходу языковых единиц из употребления. Кроме того, дополнительные маркеры уточняют область распространения той или иной языковой единицы, а также сферу ее использования.

Список литературы

1. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. АН СССР, Ин-т языкознания. Л.: Наука, 1983. 231 с.

2. Домашнев А.И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. РАН, Ин-т лингв. исследований. СПб.: Наука, 2005. 1113 с.
3. Дубинин С.И. Лексика нижненемецкого происхождения в современном литературном языке: источники и стратификация // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве материалы пятой международной научно-практической конференции. 2015. С. 284-294.
4. Копчук Л.Б. К вопросу о соотношении регионов с национальными вариантами немецкого языка // Русская германистика. М., 2007. Т. 3. С. 319-329.
5. Duden – Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. 3. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1996. 1816 S.

УДК 81

Особенности использования фразеологических единиц в языке прессы (на материале англоязычных газет)

Сокол Анна Анатольевна
старший преподаватель кафедры теории и практики перевода
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
sokolaa@gmail.com

Черная Татьяна Николаевна
старший преподаватель кафедры теории и практики перевода
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
tblackua@gmail.com

Special aspects of the use of phraseological units in the language of the press (with examples from English-language newspapers)

Sokol Anna Anatolyevna
senior lecturer at the department of translation theory and practice
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Черная Татьяна Николаевна
senior lecturer at the department of translation theory and practice
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Аннотация. В статье рассмотрены особенности преобразований фразеологизмов в англоязычной прессе. На основе существующих классификаций модификаций и трансформаций фразеологических единиц авторами разработана собственная дополненная классификация трансформаций ФЕ. На конкретных примерах, взятых из современных англоязычных газетных изданий, продемонстрированы приемы окказиональных преобразований ФЕ. Сделаны выводы об особенностях употребления трансформированных фразеологизмов в языке прессы. Отдельно выделяется прагматическая функция ТФЕ в газетно-публицистических текстах.

Ключевые слова: фразеологические единицы, трансформация, модификация, трансформированные фразеологизмы, окказионализм, прагматическая функция, язык прессы.

Abstract. Special aspects of transformations of phraseological units in the English-language newspapers are discussed in the article. Based on the existing classifications of modifications and transformations of phraseological units, the authors developed their own supplemented classification of transformations of phraseological units. Concrete examples taken from modern English-language newspapers, are used to demonstrate methods of occasional phraseological transformations. A conclusion is drawn on the distinctive aspects of employing modified phraseology in the language of the press. Particular notice is given to the pragmatic function of phraseological transformations in the newspaper articles.

Keywords: phraseological units, transformation, modification, transformed phraseological units, occasional word, pragmatic function, language of the press.

В настоящее время все большую актуальность приобретают исследования различных аспектов языка прессы. Газета, как известно, является самым доступным источником информации, который оперативно освещает происходящие в мире события и активно участвует в формировании общественного мнения. В условиях информационного рынка, жесткой конкуренции, борьбы за читателя СМИ стремятся преподнести информацию в наиболее яркой и запоминающейся форме. Это влечет за собой сочетание языковой экспрессии и стандарта, по-разному проявляющееся в различных газетных жанрах. Журналисты используют различные выразительно-изобразительные средства, среди которых особое место занимают фразеологические единицы (ФЕ). Использование фразеологизмов и их трансформаций в англоязычных газетах – удобный и результативный прием привлечения читательского внимания к публикации.

Выбор объекта исследования определяется общей тенденцией современного языкознания к исследованиям коммуникативно-прагматических характеристик языковых явлений. Поскольку важнейшим условием реализации прагматических функций газетного текста является его экспрессивность, то трансформированные фразеологические единицы (ТФЕ) как источник экспрессии и способ реализации конструктивно-стилевых особенностей языка газеты, требуют особого изучения.

Специфика газетной речи заключается, прежде всего, в особой и намеренной ее выразительности, экспрессивности и оценочности, одним из средств достижения которых является трансформация фразеологизмов. Хотя существенным свойством фразеологических единиц является устойчивость компонентов и воспроизводимость их в готовом виде, в газете, напротив, наблюдается тенденция к тому или иному изменению семантики или обновлению структуры ФЕ.

С целью расширить экспрессивные возможности фразеологизмов, усилить их функционально-стилистическую значимость и привести «в еще большее соответствие с задачами дискурса, преобразовать в соответствии со своим творческим замыслом», журналисты используют разные способы и приемы окказиональных преобразований ФЕ [1, с. 125].

Б.И. Лабинская использует термин «модификация» для обозначения окказиональных изменений ФЕ. Под модификацией она понимает стилистическое средство, суть которого состоит в целенаправленном обновлении семантики и структуры традиционных ФЕ [2, с.313].

По мнению Б.И. Лабинской, специфика ФЕ, которые являются раздельнооформленными образованиями и характеризуются проницаемостью структуры, предусматривает возможность разных структурно-семантических, лексических и семантических модификаций не только путем образования новых отношений и связей с окружающими их языковыми единицами, а также путем видоизменений форм устойчивых оборотов.

Целостность образа и раздельнооформленность фразеологизма обеспечивают взаимозаменяемость его компонентов и, в то же время, семантическую стабильность ФЕ при ее варьируемости. Благодаря этим свойствам становится возможна трансформация уже имеющихся в языке ФЕ и узнаваемость трансформированных ФЕ.

Указывая на преимущества модификаций ФЕ, исследователи подчеркивают, что механизмы модификаций фразеологизмов существуют в системе языка как потенциал их окказиональной реализации. Поэтому модификации являются обычным способом употребления фразеологизмов, который потенциально увеличивает их экспрессивность и является одной из их закономерных характеристик [2, с.313].

В данной работе для обозначения индивидуально-авторских преобразований фразеологизмов мы будем использовать термин «трансформация», разделяя мнение Т.С. Гусейновой о том, что это понятие обозначает «импровизированное изменение фразеологизма в экспрессивно-стилистических целях» [3, с.134].

В газетном тексте ТФЕ выполняют прагматическую функцию. Разновидностями прагматической функции ТФЕ являются стилистическая и оценочная функции. Стилистическая функция – это особая, по сравнению с нейтральным способом выражения, направленность языковых средств в целях достижения стилистического эффекта при сохранении общего содержания

высказывания [4, с.136]. Стилистическая функция реализует в речи коннотативные особенности фразеологизма.

Оценочная функция ТФЕ – это объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно [4, с.212]. Оценка выражена эксплицитно, если хотя бы один компонент ФЕ является оценочным или её внутренняя форма носит оценочный характер. Если в ФЕ нет ни одного оценочного компонента, но их внутренняя форма, живая или стертая, является оценочной, то оценка является имплицитной (косвенной).

Следует отметить, что до сих пор еще не существует единой общепринятой классификации трансформаций ФЕ, а границы между тем или иным способом трансформации условны.

А.В. Кунин выделяет формальные (недеривационные) и собственно деривационные модификации [5, www]. К последним относятся те семантические и структурно-семантические преобразования, в результате которых возникают словесные комплексы, обладающие статусом новых ФЕ. Принимая за основу типологию Кунина, И.И. Гуменюк [6] относит к недеривационным модификациям *морфологические и словообразовательные изменения* компонентов ФЕ, *дистантное размещение* компонентов ФЕ, *амплификацию* ФЕ (введение в структуру ФЕ дополнительного компонента, конкретизирующего весь фразеологизм в целом либо его отдельные компоненты), *редукцию*. К деривационным модификациям исследователь относит *субституцию* компонентов, *дефразеологизацию* и *контаминацию* ФЕ.

Критерием различения видов структурных и семантических модификаций в типологии Б.И. Лабинской [2, с. 315] является сохранение или изменение количества компонентов базовой ФЕ. Лабинская различает 1) *лексические модификации*, самыми распространенными среди которых являются расширение компонентного состава ФЕ, замена компонентов ФЕ, сокращение (эллипсис), фразеологическая контаминация; 2) *семантические модификации*, вызванные актуализацией ФЕ в особых контекстуальных условиях, вследствие чего узуальное фразеологическое значение приобретает дополнительные оттенки. К семантической модификации относится двойная актуализация ФЕ.

Малышева Н.В. [7] и вслед за ней Кугультинова Н.С. [8] выделяют *семантические трансформации,* включающие в себя двойную семантизацию, экспликацию, буквализацию; и *структурные трансформации,* такие как:

синтаксическая инверсия, расширение/усечение ФЕ, «нарушение привычных дистрибутивных связей». Под *структурно-семантическими трансформациями* исследователи понимают модификации, затрагивающие «как внутреннюю, так и внешнюю сторону фразеологической единицы» [8, с. 85].

В данной работе за основу взята классификация трансформаций ФЕ, предложенная И.И. Гуменюк. Мы дополнили эту классификацию тремя трансформациями, которые также широко используются в языке газет, имеют функциональные особенности, а также ряд структурных и семантических отличий от трансформаций, вошедших в классификацию И.И. Гуменюк. Это пролонгация, двойная актуализация и фразеологический каламбур.

Рассмотрим более подробно эти трансформации.

1) Морфологические и словообразовательные изменения компонентов. К данному типу трансформации относятся изменения в грамматическом аспекте ФЕ: модификация артиклей, числа существительных, форм степеней сравнения прилагательных, временных форм глаголов, а также субстантивация, адъективация и т.п.

In 2008, Mr. Elmer posted some of his documents on Wikileaks, a Web site that publishes whistle-blower information about government and corporate activity [N.Y.T. – Jan. 19, 2010, p.B2] (blow the whistle on smb / smth – выдать кого-л полиции; выступить с разоблачениями кого-л. или чего-л.).

In any case, the administration acknowledges that its blueprint might not pass before Election Day, or even in the lame-duck Congress afterward [N.Y.T. – Sept. 8, 2010, p.A19] (a lame duck – неудачник; «несчастненький», калека).

2) Расширение компонентного состава ФЕ. Этот вид трансформации представлен тремя подвидами: дистантным размещением компонентов, амплификацией и пролонгацией фразеологизмов.

– ***Дистантное размещение компонентов*** – используемый фразеологизм разбивается другими словами, не входящими в его состав.

Instead of pulling some obscure politician from Northern Ireland's troubled history out of the bag, Trimble opts to speak about his love for Elvis Presley [I. – Aug. 10, 2007, p.14] (pull smth out of the bag – «вытащить что-л. из рукава», произвести неожиданный эффект, найти неожиданный выход из положения).

But there was, all the same, something … I can't quite type "likeable", but original about him. He thought, as they say, outside the box [G. – Jan. 6, 2011, p.22] (think outside the box – мыслить неординарно, нестандартно, творчески).

– ***Амплификация*** – введение в структуру фразеологизма дополнительного компонента, конкретизирующего весь фразеологизм в целом или его отдельные компоненты. Такая конкретизация осуществляется в большинстве случаев за счет вклинивания определений или дополнений к традиционным компонентам фразеологизма.

He openly solicits the backing of Mr. Hussein's admirers and supporters and toes an Arab nationalist line that condemns Iran and the United States in the same breath [N.Y.T. – Jan. 19, p.A6] (toe the line – подчиняться требованиям, строго придерживаться правил).

Brazilian officials argue that China also gives its exports an added edge by undervaluing the yuan [W.S.J. – March 11, 2011, p.A2] (give an edge to – обострять, усиливать, стимулировать).

– ***Пролонгация*** – такое преобразование ФЕ, когда автор, нарушая целостность идиомы, продлевает ее неожиданным образом с целью создания комического эффекта.

He [Mr. Galloway] mocked the three main parties as «Tweedledee, Tweedledum and Tweedle-Dee-and-a-half» [I. – April 15, 2004, p.30] (tweedledum amd tweedledee – двойники; две трудно различаемые вещи, разница только в названии; похожи как две капли воды).

Vice President Cheney and Addington remain enabled by a president, attorney general (Mukasey) and CIA director (Hayden) who won't shut the door firmly on torture even now [H.T. – July 14, 2008, p.7] (shut the door on smth – закрыть путь чему-л., отказываться от чего-л.).

3) Редукция фразеологических единиц. Противоположно расширению явление редукции, или сокращения компонентного состава ФЕ. При этом фразеологическая редукция должна «ощущаться» говорящим, его сознание должно стремиться «восстановить недостающее слово (или недостающие слова)» [9, с. 49].

Defending his approach, Obama said Friday that such steps are "slowly tightening the noose" on the Libyan leader, as the Treasury Department widened sanctions to include additional Libyan officials, Gaddafi's wife and several of his children [W.P. – March 12, 2011, p.A11] (tighten the noose around smb's neck – затянуть петлю на чьей-л. шее).

He said rebels faced a "tough row" because Col. Gadhafi has surrounded himself with the "most luxuriously equipped and the best-trained" troops in the country [W.S.J. – March 11, 2011, p.A6] (a tough row to hoe – трудная задача, трудное дело; «крепкий орешек»).

4) Контаминация фразеологизмов. Этот способ в лингвистике рассматривается как «разновидность отклонения от нормы (от лат. contaminatio – соприкосновение, смешение) – взаимодействие, скрещивание, объединение языковых единиц или их частей на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению, а также к образованию новой языковой единицы» [10, с. 144].

Top California Legislators Pull Strings Behind Scenes [W.S.J. – March 11, 2011, p.A5] (pull strings – тайно влиять на ход дела + behind the scenes – за кулисами, скрытно, тайно).

Bringing the black dog to heel [T. – June 16, 2005, p.3 (career)] (the black dog – хандра, уныние, меланхолия + bring smb to heel – усмирить, унять кого-л, справиться с кем-л.).

5) Субституция компонентов ФЕ. Эта трансформация представляет собой замену компонента фразеологизма авторским компонентом. ФЕ может быть заменена «словом или словосочетанием, синонимичным, но отличающимся оттенком, … контекстуальным синонимом, … словом, не являющимся синонимом» [9, с. 48].

The Ringo connection is important, and useful – as it grabs headlines – but the real story is the battle to stop a deluded council pursuing a regressive policy of mass demolition [G. – Jan. 6, 2011, p.35] (hit / make the headlines – стать темой газетных заголовков; попасть на страницы газет).

Mr. Elmer's disclosures are attracting particular interest as the Internal Revenue Service and the Justice Department embark upon a strategy of «it takes a rogue to catch a thief» to encourage insiders who engaged in wrongdoing to reveal the secrets of their employers [N.Y.T. – Jan. 19, 2010, p.B2] (it takes a thief to catch a thief – чтобы поймать вора, нужен вор).

6) Двойная актуализация. Этот тип трансформации заключается в переосмыслении фразеологизмов, в использовании их одновременно в двух значениях – прямом и переносном. Двойная актуализация возможна только в случае наличия свободного словосочетания – генетического прототипа фразеологизма [2, с. 314]. Двойная актуализация становится возможной только в определенном контексте, и поэтому требует от читателя прочтения целого фрагмента или всей статьи.

Cook had won a music scholarship to Bedford, but music was soon playing second fiddle to cricket [G. – Jan. 6, 2011, p.3] (play second fiddle – быть на вторых ролях,

занимать второстепенное положение).

This was the 10th major assessment of possible menu offerings, and in the sweltering kitchen the tasters literally rolled up their sleeves… [N.Y.T. – Sept. 8, 2010, p.D5] (roll up one's sleeves – закатать рукава, приготовиться к чему-либо).

7) Фразеологический каламбур – это каламбурное преобразование фразеологизма, явление семантического разложения фразеологизма с целью создания комического эффекта.

London's mayor, like Napoleon, needs to face his water loo problem [T. –July 1, 2005, p.23]. (Waterloo – Ватерлоо, деревня, в битве при которой была разбита армия Наполеона; water loo – вода в уборной).

Clash of the day: the 4 bn pounds battle to win the hearts (and wallets) of the armchair fans [I. – Aug. 10, 2007, p.14] (win the heart – покорить сердце, wallet – кошелек).

8) Дефразеологизация. Под дефразеологизацией мы понимаем использование не всей ФЕ, а только ее образа, что, однако, не мешает ФЕ потенциально проявлять свое идиоматическое значение.

Someone stands up and rips the subject to shreds; picks on all their faults and bad habits; rifles through their past, unearthing long-forgotten, dark secrets; and through their cupboard, tossing out the skeletons [G. – Jan. 6, 2011, p.25(3] (skeleton in the cupboard – семейная тайна).

Asian carriers, amid gloom, see silver lining [H.T. – July 14, 2008, p.11] (every cloud has a silver lining – нет худа без добра).

9) Конвергенция трансформационных приемов. Нередко на страницах англоязычной прессы можно встретить конвергенцию – одновременное использование нескольких приемов трансформации.

Субституция + амплификация + двойная актуализация: *Yet, none of these rival tablets, such as Samsung's Galaxy Tab or Motorola Xoom, seems to have left much of a dent in the iPad's shiny exterior* [W.P. – March 12, 2011, p. A14] (make a dent in smth – уменьшить, ослабить что-л., повредить чему-л.).

Субституция + амплификация: *Although some observers say the government should get rid of the deduction to help plug its budget gap, others say homeowners should be allowed to keep their money* [W.P. – March 12, 2011, p.E9] (bridge / close a gap – уменьшать/сокращать разрыв).

Таким образом, делаем следующие выводы: 1) Фразеологические обороты, пословицы, поговорки и крылатые выражения являются обязательным

стилистическим компонентом языка газеты, важным источником экспрессивно-эмоциональной насыщенности. 2) В стилистических целях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами. 3) ТФЕ, будучи окказиональным образованием, «живет» в конкретном тексте, вне которого может потерять свое значение. Прагматическое значение ТФЕ связано и обусловлено прагматическим содержанием всего текста, т.е. текста статьи. 4) Прагматическая функция ТФЕ включает функцию воздействия на читателя и функцию оценки.

Список литературы

1. Третьякова И.Ю. К вопросу об окказиональных модификциях фразеологизмов в политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – С. 124-130. URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/300720 (дата обращения: 08.05.2019).
2. Лабінська Б.І. Значення структурно-семантичних модифікацій у сучасній фразеологічній науці / Б.І. Лабінська // Гуманітарний вісник. Сер. Іноземна філологія: зб. наук. пр. Число 10: Т 2. – Черкаси: ЧДТУ, 2006. – с. 313–316.
3. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии / Т.С. Гусейнова. – Махачкала: Правда, 1997. – 165 с.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-ов и фак. иностр.яз / А.В. Кунин. –Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
5. Кунин А.В. О переводе английских фразеологизмов [Электронный ресурс] / А.В. Кунин. – URL: http://zhurnal.lib.ru/w/wagapow_a_s/transl-book-kunin.shtml (дата обращения: 25.04.2019)/
6. Гуменюк І.І. Використання фразеологічних одиниць у публіцистичних текстах (за матеріалами англо- та російськомовних видань) / І.І. Гуменюк // Гуманітарний вісник. Серія: Іноземна філологія. – Черкаси, 2006. – № 9. – с. 154–161.
7. Малышева Н.В. Фразеологические трансформации в речевой деятельности и переводческой практике (на материале произведений В. Высоцкого и Л. Филатова). Дисс. … канд филол. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2008. – 864 с.
8. Кугультинова Н.С. Трансформация фразеологизмов в газетных текстах (на примере газеты «Известия Калмыкии» [Электронный ресурс] // Вестник Калмыцкого университета. – 2018. – № 1. – С. 83-90. – URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/307151 (дата обращения: 08.05.2019).
9. Гарусина Т.Г. Структурно-семантические трансформации фразеологических единиц в письмах И.С. Тургенева [Электронный ресурс] // Rhema. Рема. – 2012. – № 2. – С. 47-54. – URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/309158 (дата обращения: 08.05.2019).

Список источников

10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Высшая школа, 1966. – 296 с.

Источники иллюстративного материала

11. The Guardian (G.) – January 6, 2011.
12. Herald Tribune (H.T.) – July 14, 2008.
13. The Independent (I.) – April 15, 2004; August 10, 2007.
14. The New York Times (N.Y.T.) – January 19, 2010; September 8, 2010.
15. The Times (T.) – June 16, 2005; July 1, 2005.
16. The Wall Street Journal (W.S.J.) – March 11, 2011.
17. The Washington Post (W.P.) – March 12, 2011.

УДК 811.111

Лексические средства воздействия фильмонимов (на материале английского языка)

Чернецова Валерия Викторовна
старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и лингводидактики
Северо-Кавказский федеральный университет, РФ, г.Ставрополь
willow88@mail.ru

Криулина Татьяна Андреевна
студент Гуманитарного института
Северо-Кавказский федеральный университет, РФ, г.Ставрополь
tanyakril09@gmail.com

Lexical means of film titles' affecting (on the basis of English language)

Chernetsova Valeria Viktorovna
Senior Lecturer of Foreign language department
North –Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

Kriulina Tatiana Andreevna
Student of Foreign language department
North –Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

Аннотация. Вопрос об изучении фильмонимов является одним из самых сложных и дискуссионных вопросов современной лингвистики. В данной статье рассматриваются лексические особенности названий художественных фильмов. На примере англоязычных художественных кинолент были изучены лексические средства воздействия фильмонимов на зрителя. В процессе исследования были выделены следующие основные языковые приемы английских фильмонимов: на лексическом уровне использование тропов и различных стилистических фигур, например: метафора, эпитет, перифраза, оксюморон, гипербола, антитеза, эллипсис, каламбур и плеоназм; а также употребление неологизмов; и на морфологическом уровне наличие акронимов и аббревиатур.

Ключевые слова: фильмоним, название фильма, троп, стилистическая фигура, неологизм, акроним, аббревиатура.

Abstract. The issue of studying of film titles is one of the most difficult and debatable issues of modern linguistics. The article reveals the problem of lexical peculiarities of feature films' titles. We have used examples of English feature films, we have tried to study the lexical means of influence of film titles on the viewer. As a result of this study, the following main language techniques of English film titles were revealed: at the lexical level, the use of tropes and various stylistic figures, for example: metaphor, epithet, paraphrase, oxymoron, hyperbole, antithesis, ellipsis, pun and pleonasm; also the use of neologisms; and at the morphological level, the presence of acronyms and abbreviations.

Keywords: filmonyms, movie title, stylistic figures, tropes, neology, acronym, abbreviation.

Языковое воздействие на сознание человека осуществляется посредством многих коммуникационных каналов, среди которых на сегодняшний день нет более влиятельного, чем кино и соответственно названий кинофильмов. Подобная роль фильмонимов достигается доступностью, широким охватом аудитории, многоплановостью (так как мы можем увидеть различные жанры), социальной ориентированностью и др.

При изучении лексических особенностей названий кинофильмов, необходимо отметить, что исследователь должен обращать внимание на ряд внеязыковых экстралингвистических факторов: цели авторов и – самое главное – целевую аудиторию, которой предназначено это сообщение.

Сегодня при работе с названием фильма создатели используют довольно широкий арсенал приемов влияния на общественное сознание, в первую очередь можно выделить преобразование коммуникативно-функциональной стороны информации, эмоциональное воздействие, а также языковые приемы.

Основными лексическими особенностями языка фильмонимов выступают: использование различных тропов и стилистических фигур, а также употребление неологизмов; на морфологическом уровне можно выделить тенденцию к усечению слов, отсюда появляются акронимы и аббревиатуры.

Рассмотрим эти особенности более подробно.

Так как тропы являются стилистическим переносом названия, они чаще всего используются в качестве декоративных средств художественной речи и увеличивают выразительность высказывания. Разберем стилистические средства, употребляемые в наименованиях английских фильмов.

Доминирующим тропом в названиях кинофильмов выступает метафора. Метафора представляет собой слово или выражение, употребляемое в переносном смысле на основе сходства двух предметов или явлений в некотором плане. О.С. Ахманова охарактеризовала метафору как «троп, состоящий в употреблении слов и

выражений в переносном значении на базе схожести и аналогии» [1, с. 231]. Также метафора подразумевает собой скрытое сравнение, осуществляемое с помощью употребления наименования одного предмета к другому и раскрывающим таким образом определенную существенную черту второго. Метафоричные высказывания усиливают выразительность заголовка, привлекают зрителя, передают в какой-то степени отношение автора к работе.

Примерами названий с использованием метафоры являются: ***Devil Wears Prada*** - Дьявол носит Прада, 2006; ***Harvest of Fear*** - Что сеет страх, 2004; ***The Silence of the Lambs*** - Молчание ягнят, 1990. Также нередко и использование скрытой метафоры. Так, автор картины ***Heartbreakers*** **(**Сердцеедки, 2001) назвал сердцеедками двух героинь – мать и дочь. Женщины использовали собственную красоту в мошеннических целях, так они соблазняли богатых мужчин, выходили за них замуж и затем получали их имущество. Таким образом, *heartbreakers* в данном случае выступает скрытой метафорой сравнением для изображения главных героинь фильма.

Одним из видов метафоры является метонимия - слово или выражение, используемое в переносном смысле на основе внешней или внутренней связи между двумя предметами либо явлениями. Д. Э. Розенталь утверждал, что «такая связь может затрагивать:

1) содержимое и содержащее;

2) автора и его работу;

3) действие и орудие этого действия;

4) предмет и материал, из которого произведен предмет;

5) место и людей, которые находятся в данном месте» [6, с. 695-696].

Следует отметить, что метонимия является переносом наименования, который совершается на основании смежности, то есть соприкосновения вещей в пространстве и во времени, а не основе сходства внешних и внутренних признаков.

Примером может являться название фильма ***Almost Forgot My Bones*** - В поисках себя, 2004. Выражение *my bones* означает реального человека.

Следующим стилистическим приемом является эпитет, который представляет собой слово, определяющее предмет или действие и выделяет в нем некоторую характерную черту. Чаще всего в роли эпитетов выступают прилагательные или причастия. Обычно эпитеты в названиях фильмов подчеркивают красочность, образность, заставляют зрителя задуматься о содержании. Необходимо добавить, что часто заглавия, содержащие эпитеты, являются полиассоциативными.

Например, ***Sweet Home Alabama*** - Алабама — дом родной, 2002; ***Braveheart*** - Храброе сердце, 1995; ***The NeverEnding Story*** - Бесконечная история, 1984. Также к использованию эпитета можно отнести фильм ***Sweet November*** (Сладкий ноябрь, 2001), в котором главная героиня – молодая девушка, страдает от неизлечимой болезни. Также девушка опасается влюбиться, понимая, что вскоре наступит конец. Тем не менее, чувство все же приходит, и героиня проводит один счастливый, радостный месяц, а именно – *сладкий* ноябрь. В данном примере слово *sweet* используется в своем переносном значении.

Довольно часто в названиях фильмов встречается перифраза, что, по словам Розенталя, представляет собой «оборот, который заключается в смене наименования предмета либо явления изображением его существенных примет или указанием на его существенные характеристики» [6, с. 698]. Иногда данный прием используется в эвфемистических целях, то есть представляет собой троп, который состоит в непрямом, вежливом, смягченном обозначении определенного предмета или явления, который также реализовывает декоративную функцию.

Примерами данной группы названий могут служить наименования фильмов ***America's Sweethearts*** - Любимцы Америки, 2001; ***The New Guy*** - Новенький, 2007; ***The Iron Giant*** - Железный гигант, 1999; ***Get Carter*** - Убрать Картера, 2000.

Иногда фильмонимы предстают в виде оксюморона, который представляет собой семантическое преобразование, и чьи образные возможности основываются на взаимопроникновении разнонаправленных смысловых элементов названия и употребляющегося преимущественно в атрибутивных сочетаниях. О.С. Ахманова охарактеризовала оксюморон как «фигуру речи, которая состоит в объединении двух антонимических представлений, двух слов, которые противоположны друг другу по смыслу» [1, с. 286]. Данный стилистический прием используется для придания экспрессивности и красочности заголовку.

Примерами таких наименований фильмов могут являться ***Dead Souls*** - Мертвые души, 2012; ***True Lies*** - Правдивая ложь, 1994; ***Dead Poets Society*** - Общество мертвых поэтов, 1989; ***Silent Screams*** - Немой крик, 1998, здесь мы видим яркое использование двух противоречащих друг другу слова.

Нередко авторы заголовков прибегают к употреблению гиперболы, которая представляет собой фигуру речи, заключающуюся в настолько неправдоподобном утрировании и преувеличении, что зачастую прямой ее смысл исключен. Гипербола используется для усиления высказывания и для того чтобы дать ему экспрессивность, для выделения признаков, свойств или сторон предмета. Согласно О.С. Ахмановой,

гипербола выступает «фигурой речи, которая состоит в заведомом раздувании, множащем выразительность, сообщающем высказываемому эмфатический характер» [1, с. 99].

Примером может являться наименование фильма ***One Man Dies a Million Times*** - Человек умирает миллион раз, 2019 и др.

Иногда в названиях фильмов мы можем встретить и антитезу, которая является «оборотом для повышения экспрессии речи, где резко противопоставляются противоположные понятия» [6, с. 700]. Также следует добавить, что данная фигура речи, состоит в антонимировании сочетаний слов и обнаруживается лишь только в контексте.

Например, ***War and Peace*** - Война и мир, 1969; ***Angels & Demons*** - Ангелы и Демоны, 2009; ***The Prince and the Pauper*** - Принц и Нищий, 1977 и т.д.

В наименованиях кинофильмов вполне возможно встретить эллипсис. Д.Э. Розенталь охарактеризовал эллипсис в качестве «стилистической фигуры, состоящей в пропуске определенного подразумевающегося члена предложения», который служит для выразительности речи [6, с. 701]. Авторы прибегают к употреблению такого стилистического приема, для того чтобы сэкономить пространство и придать заголовку красочность.

Например, главному герою фильма ***Stealing Harvard*** (Украсть Гарвард, 2002) необходимо совершать кражи, для того чтобы оплачивать учебу сына в Гарварде. Таким образом, под фразой *stealing Harvard* понимается *stealing for Harvard* - «украсть ради Гарварда».

Иногда авторы прибегают к использованию каламбура в названиях фильмов, для привлечения внимания зрителя. В. П. Московин характеризует «каламбур в качестве остроумного выражения, в основе которого находится определенный прием языковой игры» [4, с. 68]. Данное языковое средство используется автором для привлечения внимания аудитории.

К названиям, созданным на каламбурной рифме, можно отнести ***Deuce Bigalow: Male Gigolo*** - Жигало Дьюс Бигало и ***Deuce Bigalow: European Gigolo*** - Мужчина по вызову, 1999.

Еще одним часто используемым тропом в названиях фильмов является плеоназм, представляющий собой «фигуру речи, состоящую в накоплении синонимических выражений» [1, с. 325]. Плеоназм служит для добавления красочности и необычности заголовку.

К данной группе можно причислить название фильма ***The Month of May*** - Месяц май, 2014, ***A Moment to Remember*** - Памятный момент, 2017.

Помимо различных стилистических тропов и приемов в названиях кинофильмов зачастую встречаются неологизмы, отображающие изменения, которые происходят в обществе и языке. Присутствие неологизмов можно объяснить тем, что одна из целей фильмонимов – показывать новинки и тем самым привлекать внимание аудитории.

Рассмотрим следующие примеры неологизмов в названиях кинофильмов: *Dr. Horrible's Sing-Along* ***Blog*** - Музыкальный **блог** Доктора Ужасного (мини-сериал), 2008; *The* ***Business*** - Конкретный **бизнес**, 2005; ***Weekend*** - **Уик-энд**, 2011; ***Hacker*** - **Хакер**, 2014.

Фильмонимы являются и средствами проникновения акронимов и аббревиатур в разговорный язык. Использование усеченных форм и сокращений позволяет авторам привлекать внимание аудитории и экономить языковые средства в заголовке. Также они придают некую загадочность, недосказанность.

Рассмотрим использование акронимов и аббревиатур: ***FBI*** (*Federal Bureau of Investigation*) – **ФБР** (Федеральное бюро расследований), 2018-...; ***Mr. & Mrs.*** *Smith* (*Mister and Mistress*) – **Мистер** и **Миссис** Смит, 2005; ***LOL*** (Louthing out loud) – Лето. Одноклассники. Любовь, 2012; ***XOXO*** (Hugs, Kisses...) – Поцелуй, 2016.

Таким образом, цель авторов названий состоит в привлечении внимания зрителей к конкретному кинофильму, формировании восприятия зрителя, способствовании проявления таких эмоций как удивление, любопытство, негодование, восторг и т.д. Для достижения данной цели авторы фильмов используют на лексическом уровне неологизмы, тропы и различные стилистические фигуры: метафора, эпитет, перифраза, оксюморон, гипербола, антитеза, эллипсис, каламбур и плеоназм; и на морфологическом уровне акронимы и аббревиатуры.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2007. 567с.
2. Горшкова В. Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики – Вып. 10. – 2014. – С. 26-37
3. Горшкова, В.Е. Перевод в кино: монография. – Иркутск, М.: ИГЛУ, 2014. 415 с.
4. Дорошенко, А.В. Стилистика русского языка и культура речи курс лекций. – М.: МГЮА, 2014. 160 с.
5. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс В.П. Москвин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 630 с.

6. Розенталь Д.Э. Русский язык. Справочник-практикум: Управление в русском языке. Практическая стилистика / Д. Э. Розенталь. М.: Оникс: Мир и образование, 2007. 752 с.
7. Руфова Е. С. Семантическая интерпретация фильмонимов (на материале японского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72). Ч. 1. С. 127-129

УДК 811.112.2

Современное состояние процесса заимствования из английского языка в немецком публицистическом тексте

Фомичева Марина Петровна
ст. преподаватель кафедры романо-германских языков Московского государственного гуманитарно-экономического университета (МГГЭУ), РФ, Москва

Косяк Мария Андреевна
студентка 5 курса факультета иностранных языков Московского государственного гуманитарно-экономического университета (МГГЭУ), РФ, Москва

The current state of the process of borrowing from English in German journalism texts

Fomicheva Marina Petrovna
senior lecturer of Romano-Germanic languages department, Moscow State University of Humanities and Economics, Russia, Moscow

Kosyak Maria Andreevna
graduate student of Moscow State University of Humanities and Economics Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции развития лексического состава немецкого публицистического дискурса. Словарный состав любого современного языка постоянно пребывает в движении, претерпевает измененияпутем обновления лексики, а также в связи с увеличением числа заимствований. Немецкий язык не является исключением. Данная статья посвящена анализу английских заимствований в немецком языке, а именно в современной немецкой публицистике (на материале молодежного журнала *Juma*) и выведению их основных признаков. Авторы анализируют заимствованную лексику по различным критериям, включаястепень ассимиляции англицизмов, а также с учетом критерия «индекс англицизмов».

Ключевые слова: лексический состав немецкого языка, процесс заимствования, степень ассимиляции заимствований, нулевая ассимиляция, частичная ассимиляция, полная ассимиляция, англицизмы, индекс англицизмов.

Abstract. The article discusses the current trends in the development of the lexical structure of the German publicistic discourse. The vocabulary of any modern language is constantly in motion, undergoing changes by updating the vocabulary, as well as due to the increase in the number of borrowings. German is no exception. This article is devoted to the analysis of English borrowings in the German language, namely in the modern German publicistic style (on the material of the youth magazine "Juma") and the derivation of their main features. The authors analyze the borrowed vocabulary according to various criteria, including the degree of assimilation of English loan words, as well as taking into account the criterion of "anglicism index".

Key words: the lexical composition of German, the process of borrowing, degree of assimilation of borrowings, zero assimilation, partial assimilation, full assimilation, anglicisms, anglicism index.

Исследователи всегда уделяли большое внимание взаимосвязи языков и культур. В настоящее время интерес к данному вопросу увеличился, что связано с установлением все более тесных контактов между представителями различных национальностей. Словарный состав языка очень быстро реагирует на все изменения, происходящие в общественной жизни, появлением заимствованных слов и выражений. С прошлого столетия наблюдается увеличение числа англицизмов в словарном составе многих языков, и немецкий язык не является исключением.

Особенно активно англицизмы пополняют состав публицистического дискурса и язык молодежи.

Теоретическое обоснование проблемы взаимодействия языков впервые встречается у И.А. Бодуэна де Куртенэ. Он отмечал, что «…нет и не может быть ни одного чистого, не смешанного языкового целого. Смешение есть начало всякой жизни…» [2, с. 362]. Вслед за ним многие лингвисты посвятили свои работы феномену заимствования. Хотя исследователи сходятся во мнениях относительно природы такого явления, как заимствование иностранной лексики, среди них не существует единого мнения касательно определения данного термина.

В данной работе мы будем придерживаться определения, данного лингвистом Ю.С. Сорокиным. Под заимствованием он понимает «двусторонний процесс заимствования иноязычных слов. Это не только простая передача готовых элементов одним языком во владения другого языка. Это вместе с тем процесс их освоения системой данного языка, их приспособления к его собственным нуждам, их преобразования – формального и семантического – в условиях иной системы» [7, с.4].

В нашем исследовании мы задавались целью выявить современные тенденции развития лексического состава немецкого публицистического дискурса.

В современном немецком языке, как и в любом другом, наблюдается резкое увеличение числа заимствований. Это объясняется изменениями в жизни Германии,

а именно, в политической, экономической, социальной жизни, а также изменениями в области науки и техники. Все это влияет на количественный рост новых слов, постепенно входящих в состав языка. При исследовании картографических сводок издательства DUDEN следует отметить, что история заимствования англоязычных слов в немецком языке делится на два больших этапа: 1) индустриальная революция конца XIX века – начало XX века; 2) политические события после окончания второй мировой войны.

В XXI веке в течение первого десятилетия в немецком языке образовалось много новых слов, некоторые слова получили новое значение, в то время как другие или имели свое значение, или уже стали неактуальны в рамках нового времени.

Далее закономерным представляется привести классификацию заимствований. Однако и в данном вопросе лингвисты не пришли к единому мнению. Впервые Э. Хауген попытался классифицировать заимствования по структурным, или формальным признакам. Исследователь делит заимствованные слова на собственно заимствования (когда из иностранного языка заимствуется как значение, так и звуковая оболочка слова) и гибридные заимствования, образованные частично из родного и частично из иностранного [8]. Опираясь на классификацию Хаугена, многие лингвисты посвящали свои исследования данной проблеме, среди них: Е.А. Войнова, К. Л. Егорова, С.В. Гринев, Л.М. Баш, В.Н. Ярцева, И.В. Арнольд.

В данной работе за основу была принята классификация С.В. Гринева, в которой лингвист анализирует заимствованную лексику по четырем пунктам: 1) время заимствования; 2) язык источник заимствования; 3) сфера употребления заимствованных слов (общеупотребительные и специальные); 4) характер заимствованного материала:

а) прямое или материальное заимствование, т. е. заимствование из чужого языка как материальной (звуковой или графической) стороны знака, так и его значение;

б) калькирование, представленное тремя разновидностями:

-словообразовательное калькирование;

- смысловое или семантическое калькирование, при котором у слов национального языка под влиянием чужого появляются новые значения;

-фразеологическое калькирование [3].

Общеизвестно, что язык – мощное средство регуляции деятельности людей в различных сферах. В данной работе в качестве материала исследования был выбран молодежный интернет-журнал Juma, так как в последнее время в условиях

расширяющихся международных контактов язык молодежи становится объектом интереса многих лингвистов.

При анализе текстов, представленных на онлайн платформе, методом сплошной выборки были выделены 56 примеров англоязычных заимствований, которые были рассмотрены с опорой на классификацию С.В. Гринева. Также во внимание была принята степень ассимиляции англицизмов в публицистических текстах.

Ассимиляция англо-американских заимствований в немецком языке происходит по различным аспектам. Иноязычные слова адаптируются согласно правилам немецкой грамматики, фонетики, семантики, морфологии. Но в рамках небольшой статьи осветить все эти аспекты не представляется возможным. Кроме того, материал нашего исследования представляет собой письменные тексты, и задачи проанализировать степень фонетической ассимиляции не ставилось. Отметим лишь, что «заимствование адаптируется к немецкому произношению или используется с произношением, максимально приближенным к правильному английскому языку» [5, с.13]. Мы остановимся на орфографическом и морфологическом аспектах.

Все исследователи отмечают, что английские заимствования преимущественно сохраняют написание слов-прототипов в языке-доноре. В немецком языке английские существительные в большинстве случаев приобретают категорию рода, вырабатывают форму образования множественного числа. А также происходит замена написания имени существительного со строчной буквы на заглавную. Следует заметить, что большинство заимствований из английского языка являются существительными (до 90 %) [4].

Традиционные классификации по степени ассимиляции выделяют следующие заимствования:

1) Неосвоенные заимствования (нулевая ассимиляция). Она подразумевает сохранение слов в том виде, в каком они функционируют в родном языке. Часто нулевая ассимиляция наблюдается в устойчивых выражениях и цитатах. Приведем примеры: young-leaders (молодые лидеры), unter dem Motto „Action live“ (под девизом *«да здравствует действие»), soundcloud (онлайн-платформа для распространения оцифрованной звуковой информации*).

2) Частично освоенные заимствования (частичная ассимиляция). Имена существительные пишутся с заглавной буквы. Например: *Lieblings-Baby, fine-City (прекрасный город);* Здесь мы видим неполное уподобление немецкой орфографии,

поскольку композиты в немецком языке пишутся слитно. О частичной ассимиляции свидетельствует дефис в написании сложных существительных [1].

В некоторых случаях происходит замена английских букв и сочетаний на соответствующие им в немецком языке, например, английские *ch-* или *sh-* на немецкое *sch-*, или замена английской буквы *c* на немецкую *k*. Примеры такой замены: *Scheck (Check), inklusiv (inclusive), Kamera (camera)*. Интересно, что немецкие слова и английские эквиваленты существуют «параллельно» [5, с.14].

3) Освоенные заимствования (полная ассимиляция) включает в себя иноязычные слова, которые полностью адаптировались в принимающем языке, получив необходимые категории рода, числа, падежа [1]. Например: *der Boy (-s), das Team(-s), die Party(-s)*. Англицизмы, имеющие суффикс *-s* во множественном числе, как правило, сохраняют его в немецком языке.

Заимствованные глаголы обязательно оформляются окончанием инфинитива *-en*, включаются в системы спряжения языка-реципиента, образуя различные грамматические формы по типичным для слабых глаголов моделям [4]. Некоторые глаголы получают удвоенную согласную, показывая таким образом краткость гласного звука. Например: *jobben – подрабатывать, joggen –бегать трусцой, chatten – общаться в сети(в чате, в социальных сетях и т. п.)*.

Что касается имен прилагательных, то многие приобретают «типичную для немецкого языка флексию склонения» [5, с.15]. Например: *diverse Medien (различные средства информации), welch cleverer Gedanke (какая дельная мысль)*.

Из приведенных примеров видно, что заимствования встраиваются в немецкую систему на различных языковых уровнях (фонетика, орфография, морфология).

Также все отобранные примеры были проанализированы с учетом критерия «*Индекс англицизмов*». Справочник с таким названием выпускает издательство «Немецкий язык» (Verlag Deutsche Sprache GmbH) и помогает «сориентироваться всем, кто не понимает немецкие тексты с английскими и псевдоанглийскими выражениями» [10]. Справочник «Индекс англицизмов» постоянно обновляется и в настоящее время содержит около 7500 слов. Справочник предлагает каждому английскому слову и выражению соответствие в немецком языке и присваивает англицизмам определенный индекс.

«Дополняющие (*ergänzend*) – это англицизмы, заполняющие некоторые лексические лакуны, существующие в языке. Именно поэтому появляются новые возможности для большей выразительности, но с точки фонетики и грамматики они ещё не полностью ассимилированы, не вполне соответствуют правилам немецкого

языка. Примеры соответствий: *job (Kurzfrist-Arbeit, Billigarbeit ohne Qualifikation, Job); management (Geschäftsführung, Leitung, Verwaltung); marketing (Vermarktung, Absatzwirtschaft)*

«Различающие» (*differenzierend*) англицизмы означают новые факты и явления, для них определения ещё нужно придумать. Немецкие соответствия для таких англицизмов в немецком языке тоже предложены. Например: *call center (Anrufzentrale, Telefonkundendienst); camp (Zeltlager); jet (Düse, Strahl, Düsenflugzeug); make-up (Kosmetik, Schminke)*

В качестве «вытесняющих» (*verdrängend*) обозначаются англицизмы, которые всё чаще заменяют в языке уже существующие и всем понятные немецкие слова. Употребление их затрудняют понимание и, по оценке многих немецких лингвистов, заинтересованных в чистоте и сохранении самобытности родного языка, угрожает вытеснить полностью многие слова немецкого языка. Например: *academy (Akademie, Hochschule); background (Hintergrund), lemon squash (Zitronenlimonade), keeper (Torwart)*

На данном этапа мы подробнее остановимся на каждом критерии классификации С. В. Гринева, степени ассимиляции и индексе англицизмов.

В рамках первого критерия *Время (период) заимствования* необходимо отметить, что все отобранные примеры были разделены на два значимых временных отрезка: индустриальная революция конца XIX века – начало XX века и период после Второй мировой войны [6]. Таким образом, были отобраны 22 примера из первого периода и 34 примера из второго периода.

Согласно следующей характеристике *Язык источник заимствования*, отмечаем, что все примеры были взяты из английского языка.

Переходим к следующему критерию *Сфера употребления*. Были выделены 53 примера общеупотребительной лексики и 3 примера специальной. Процент специальной лексики в отобранных нами примерах сравнительно невелик. По-нашему мнению, причина заключается в том, что материалом для исследования послужил молодежный интернет-журнал, в котором обычно не затрагиваются темы, требующие использования специальной лексики.

Переходим к рассмотрению следующей характеристики *Характер заимствованного материала*. Все отобранные примеры были согласно онлайн-словарю Duden отнесены к прямым и материальным заимствованиям.

Следующим рассмотренным критерием является *Степень ассимиляции*. Проанализировав весь материл, мы выявили 7 примеров – нулевой ассимиляции, 43 примера – частичной ассимиляции, 6 примеров – полной ассимиляции.

По критерию *Индекс англицизмов* были выделены 46 примера вытесняющих англицизмов, 7 примеров – различающих англицизмов и 3 примера – дополняющих. Согласно данным чаще всего в тексте встречаются вытесняющие англицизмы.

Приведем несколько примеров:

der Hipster– сленг. джазовый музыкант; фанат джаза; модник;стиляга

1) время заимствования – второй период; 2) язык источник заимствования – английский язык; 3) сфера употребления заимствованных слов – общеупотребительная; 4) характер заимствованного материала – прямое, материальное; 5) степень ассимиляции – частичная; 6) индекс англицизмов – различающий.

das Highlight (Gipfel, Glanzlicht, Glanzpunkt, Höhepunkt) – кульминационный пункт; вершина – 1) время заимствования – второй период; 2) язык источник заимствования – английский язык; 3) сфера употребления заимствованных слов – общеупотребительная; 4) характер заимствованного материала – прямое, материальное; 5) степень ассимиляции – частичная; 6) индекс англицизмов – вытесняющий.

Roadtrip (*motorisiertes Reiseabenteuer) дорожное приключение* –1) время заимствования – точно неизвестно, предположительно первый период (возможно с началом использования автомобиля как универсального средства передвижения); 2) язык источник заимствования – английский; 4) сфера употребления заимствованных слов – общеупотребительная; 4) характер заимствованного материала – прямое, материальное; 5) степень ассимиляции – частичная; 6) индекс англицизмов – вытесняющий.

der Teamer (Arbeitsgruppenleiter, Referent, Seminarleiter) – руководитель рабочей группы – 1) время заимствования – точно неизвестно, предположительно первый период; 2) язык источник заимствования – английский язык; 3) сфера употребления заимствованных слов – общеупотребительная; 4) характер заимствованного материала – прямое, материальное; 5) степень ассимиляции – полная; 6) индекс англицизмов – вытесняющий.

der Workshop (1. Werkstatt; 2. Arbeitstagung, Arbeitstreff,Kurs, Seminar) – 1. мастерская; 2. рабочее совещание, встреча; семинар; курс; – 1) время заимствования –второй период; 2) язык источник заимствования – английский язык;

3) сфера употребления заимствованных слов – общеупотребительная; 4) характер заимствованного материала – прямое, материальное; 5) степень ассимиляции – частичная; 6) индекс англицизмов – первое значение – вытесняющий; второе значение –*различающий*.

der Laptop (Klapprechner, Mobilrechner) – портативный складной компьютер; ноутбук –1) время заимствования – второй период; 2) язык источник заимствования – английский язык; 3) сфера употребления заимствованных слов – общеупотребительная; 4) характер заимствованного материала – прямое, материальное; 5) степень ассимиляции – частичная; 6) индекс англицизмов – вытесняющий.

Согласно полученным данным, можно говорить о некоторых тенденциях в функционировании англоязычных заимствовании в языке немецкой публицистики. Как видим, все заимствования взяты из английского языка, и характер заимствованного материала является материальным. Чаще всего в тексте встречаются англицизмы, заимствованные во второй исторический период (после Второй мировой войны). Основное большинство англицизмов функционируют в рамках общеупотребительной лексики, обладают частичной степенью ассимиляции и относятся к вытесняющим англицизмам.

Список литературы

1. Банщикова М.А. Особенности интеграции заимствований из англоязычного профессионального жаргона специалистов рекламы (на материале немецкого медиадискурса) / Известия РГПУ им. А.И. Герцена 2010. № 126. С. 143-150. – [Электронный ресурс]. URL: https://docplayer.ru/75883241-Osobennosti-integracii-zaimstvovaniy-iz-angloyazychnogo-professionalnogo-zhargona-specialistov-reklamy-na-materiale-nemeckogo-mediadiskursa.html(дата обращения: 06.05.2019).
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков. – Избранные труды по общему языкознанию.– М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.
3. Гринев С. В. Введение в терминоведение/ С. В. Гринев. - М.: Московский лицей, 1993. - 309 с.
4. Кузина М.А. Особенности лексико-семантической ассимиляции английских заимствований в современном немецком языке. Автореферат диссертации. - 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://cheloveknauka.com/osobennosti-leksiko-semanticheskoy-assimilyatsii-angliyskih-zaimstvovaniy-v-sovremennom-nemetskom-yazyke#ixzz5qCHkHuey (дата обращения: 07.06.2019).
5. Патрикеева А.А. Англицизмы в немецком языке: на материале языка рекламы: автореферат дис. – Москва – 2009. — [Электронный ресурс]. URL:https://dlib.rsl.ru/viewer/01003462376#?page=1 (дата обращения: 08.06.2019).
6. Розен Е.В. Новый слова и устойчивые словосочетания в немецком языке: Кн. для учителя / Е. В. Розен. - М.: Просвещение, 1991. - 189 с.

7. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского языка. 30 – 90-е гг. XIX в. – М.: Наука, 1965. – 565 с.
8. Хауген Э. Процесс заимствования. / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972 – Вып. 6 – С. 344-382.
9. Шумкова Ю. Е., Пузырев В. В. Английские заимствования в современном немецком языке // Молодой ученый. — 2015. — №10.5. — С. 58-59. — URL https://moluch.ru/archive/90/18139/ (дата обращения: 07.05.2019).
10. Der Anglizismen-Index / Ausgabe 2018. Verein Deutsche Sprache; Sprachkreis Deutsch, Bern und Verein Muttersprache, Wien. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vds-ev.de/denglisch-und-anglizismen/anglizismenindex/ag-anglizismenindex/

УДК 808.3

Некоторые грамматические и лексические особенности немецкой проповеди

Щербина Сергей Юрьевич
канд. филол. наук, доцент кафедры РГФ (П)
Тихоокеанский госуниверситет, РФ, г. Хабаровск
sjus60@mail.ru

Some grammatical and lexical features of the German sermon

Shcherbina Sergei Juryevich
candidate of Science, assistant professor
Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Аннотация. Проповедь как тип текста лишь недавно стала предметом изучения отечественной германистики. В зависимости от фокуса изучения проповедь рассматривают в рамках религиозного дискурса, как устный жанр институционального и бытийного типов дискурса или как тип текста в рамках сакрального (религиозного) функционального стиля. В статьи проповедь рассматривается с позиций функциональной стилистики, для которой очевидна специфика указанной сферы коммуникации. Конкретно предметом анализа являются некоторые грамматические и лексические особенности проповеди.

Ключевые слова: сакральный (религиозный) функциональный стиль, проповедь, устный текст, письменный текст, грамматические средства, лексические средства, адресант, адресат.

Abstract. Sermon as a type of religious text hasn't been studied in modern Germanic philology until recently. Depending on the focus of attention sermon is viewed as a type of religious discourse, as an oral genre of institutional or existential discourse, or as a type of text belonging to sacral functional style. The author views sermon through the lens of functional stylistics, analyzing some of its lexical and grammatical peculiarities.

Key words: sacral (religious) functional style, sermon, oral text, written text, grammatical means, lexical means, addressee, addresser.

В отечественной лингвистике факт существования религиозного стиля в русском литературном языке был осознан в 1990-е годы и, как следствие, возникла необходимость его выделения и описания [7, с. 19]. Этому способствовало изменение общественной ситуации в стране в 1980-1990 годы [6, с. 7].

По аналогичной причине в отечественной германистике при описании функциональных стилей немецкого языка указанная сфера коммуникации также не выделалась. Это касается также вышедшей в постсоветское время стилистики современного немецкого языка 2005 и 2008 гг. издания Н.А. Богатыревой и Л.А. Ноздриной [3]. Заслуга выделения и описания в фундаментальной работе «стиля религиозной коммуникации» или «сакрального стиля» принадлежит Е.А. Гончаровой [5, с. 77-79], где в теоретическом плане осмыслены предшествующие публикации зарубежных и отечественных исследователей.

Таким образом, в отечественной лингвистической науке был закончен процесс осознания факта, что религия как особая сфера коммуникации, обслуживается определенным функциональным стилем речи. Разумеется, существуют и другие подходы к изучению этой области коммуникации, например, как к религиозному дискурсу [2, с. 162], либо как к устному жанру, сочетающему свойства институционального и бытийного типов дискурса [8, с. 5],

Нам ближе подход функциональной стилистики, для которой очевидна специфика указанной сферы коммуникации, а также тот факт, что сакральный стиль имеет ряд языковых особенностей. Для религиозной коммуникации, целью которой является познание слова Божия и воздействие на верующих, характерны предварительное структурирование речи, определенный церемониал и некая архаичность языковых средств. Это в полной мере относиться к такому типу текста, как проповедь.

Под религиозной проповедью «понимается речь, произносимая, как правило, в церкви священнослужителем (адресантом) перед общиной (адресатом) по определенному поводу с целью оказания религиозно мотивированного воздействия» [1, с. 6].

Сугубо устный характер проповеди иногда ставят под сомнение. Дискуссия о ее принадлежности к устным или письменным текстам продолжается потому, что проповедь всегда является подготовленной речью. Даже в том случае, когда произносится во время богослужения в церкви, по радио или телевидению. Серьезная подготовка священнослужителя к разработке темы проповеди, ее плана (и, вероятно, плана и конспекта основных положений) сближает ее с письменными типами текстов.

Нередко проповедь действительно существует в двух ипостасях: как (полностью или частично подготовленный письменный текст или рукопись) и как устное сообщение, т.е. как публичный жанр. Разумеется, проповедь предназначена для общения с паствой в церкви. Но во многих странах проповедник обращается к своей аудитории во время специальных передач на радио и телевидении. Иногда тексты проповедей известных проповедников печатаются.

Отметим, что проповедь является одним из ключевых средств уполномоченной религиозной коммуникации. Помимо толкования и обоснования веры она может использоваться для пропаганды идей и ценностей, конфессиональной или внутрицерковной полемики или, выражаясь в терминах лингвистики, в прагматических целях. Поэтому в проповеди используются разные языковые средства, которые воздействуют на слушателя и его образ мышления. Особое место среди них занимают лексические и грамматические средства.

Предметом нашего лингвистического анализа послужили печатные тексты протестантских проповедей, которые возникли в Германии во второй половине XX века [9].

Анализ грамматических особенностей текстов проповедей выявил предпочтительное употребление сослагательного наклонения, хотя в других функциональных стилях современного немецкого языка некоторые его формы практически исчезли. Известно, что в устной разговорной речи употребляют, например, преимущественно клише типа «gottseidank!», «gottbewahre!», а также аналитические конструкции с «würde» или «möchte». Формы Konjunktiv I можно встретить в деловой прозе и поэзии, так как они вследствие архаичности и принадлежности к высокому стилю речи могут создавать эффект официальности, торжественности, возвышенности, что не характерно для устной, особенно спонтанной речи. Указанный прагматический эффект в контексте исторически обусловленного уклада и языковых традиций богослужения обусловливают использование отдельных форм сослагательного наклонения в проповеди.

Обратимся к текстовым примерам:

„Weil der Gekreuzigte unser Herr werden sollte, der Herr, der uns hilft vor Gott, ja zu sagen.“

„Und der Leib diene nicht der Unzucht, sondern dem Herrn, wie der Herr zum Leib gehört.“

„Nun, wer wüsste das nicht.“

Кроме того, в проповеди также священнослужитель эксплицитно выражает отношение к ее предмету, что не в последнюю очередь передают формы сослагательного наклонения:

„Man müsste zu diesem Text noch einige Bemerkungen machen.“

„Aber genau das wäre fürs erste die missverstandene Freiheit.“

Таким образом, помимо архаичности и торжественности конъюнктив может передавать разнообразные модальные оттенки: (мягкую) императивность, вежливость и т.п.

При анализе специфики объема предложения в проповедях было установлено преобладание простых предложений над сложными. В текстах превалируют короткие предложения, которые состоят из трех-пяти простых членов, или средние предложения из четырех-семи (распространенных) членов. Простые и средние предложения придают проповедям оттенок разговорности, кроме того легче воспринимаются аудиторией.

Интересно в этой связи частое употребление союзов «aber» и «und» в начальной позиции, что типично для Священного писания и некоторых других религиозных текстов, а также для неподготовленной устной речи.

В качестве иллюстрации приведем сначала ряд коротких предложений:

„Dorthin will er selber reisen. Es war dieser Aufenthalt nur als Zwischenstation eingeplant. Der Apostel will über Rom in den Westen, nach Spanien, gehen. Aber es wird anders kommen. Dem Apostel wird vorher in Jerusalem der Prozess gemacht werden. Jesu Kreuz wird ihm dort noch erspart bleiben. Aber in Rom wird er hingerichtet werden. Und von da an wird Rom mit der Stadt Jerusalem konkurrieren.“

Адресант формулирует текст синтактически максимально просто, чтобы он легко воспринимался прихожанами разного возраста, пола, социального статуса и образовательного ценза. Наряду с этим, текст проповеди в определенной мере архаичен и/или просторечен, что является данью традиции религиозной речи, обращенной к народу. Следует отметить в этом отрывке также выдвижение ремы, выраженными наречиями или дополнениями, („dorthin“, „dem Apostel“, „Jesu Kreuz“) в начальную позицию предложения в тех случаях, когда оно начинается не с союзов «aber» и «und». Кроме того само по себе сочетание „Jesu Kreuz“ с грамматической точки зрения архаично. Таким образом, стиль проповеди формируется комплексом грамматических средств.

Обратимся теперь к отрывкам, в которых отмечены предложения средней длины:

„Deshalb allein geht er zu den Juden als Jude, der unter dem Gesetz ist, zu den Heiden als einer, der unter keinem Gesetz ist. Nimmt man beide zusammen, so fehlt weder das Gesetz noch die Gesetzlosigkeit, sondern auf beide Seiten gehört Gottesgnadenwort, das der Apostel bringt.“

Как явствует из примеров, такие предложения, с одной стороны, более емкие, чем простые, а с другой, вследствие своей обозримости не должны представлять сложность для восприятия аудиторией. В основном они состоят из главного и придаточного предложения. Значительно реже используются два или более придаточных предложений. Это происходит, видимо, потому что их восприятие на слух является более проблематичным. Кроме того, сложносочиненные предложения в проповедях встречаются значительно чаще, чем сложноподчиненные. Можно предположить, что восприятие сложносочиненных предложений требует от реципиента меньших ментальных усилий. Другим возможным объяснением может являться то обстоятельство, что последовательность сложносочиненных предложений может вследствие присущего ей ритмико-интонационного рисунка создавать как бы непрерывный континуум при рассказе или пересказе библейских историй. Безусловно, данный вопрос требует дополнительного изучения.

Очень важными выразительными синтаксическими средствами в проповеди являются редукция или экспансия синтаксической структуры, трансформация предложения и сознательное нарушение порядка слов.

Под редукцией синтаксической структуры понимают «опущение одного или нескольких необходимых членов предложения». Это характерно для спонтанной речи, что и придает ей естественную выразительность [3, с. 243]. Поэтому не случайно наличие усеченных структур характеризует тексты проповедей. Нередко редукция отмечена при ответах на риторические вопросы, которые, как известно, призваны активизировать слушателей и привлечь их внимание:

„Womit dient Paulus? Mit der göttlichen Botschaft.“

„Was sehen wir da? Das Ende des Gesetztes.“

Благодаря такой «спонтанности» речь проповедника становится более естественной и живой. Кроме того, нельзя не отметить, что подобные эллиптические конструкции являются, по сути, выносом за (потенциальную) рамочную конструкцию, при котором на них переносится акцент (эмфаза).

Противоположное редукции явление экспансии или расширения синтаксической структуры происходит двояким образом: вследствие линейного увеличения количества единиц, входящих в нее, или усложнения структуры путем

введения в группу главных членов предложения дополнительных единиц [3, с. 245]. К приемам расширения структуры относятся перечисление и разные виды повторов и параллелизмов.

В текстах проповедей отмечены, например, перечисления. Их выразительные возможности весьма разнообразны. В устной речи их используют как средство языковой экономии, как прием выделения наиболее значимого в тексте компонента или как способ синтаксического упорядочивания:

„Schwachheiten des Leibes, Anmaßungen, Nöte, weil Paulus überallhin wandern muss, Verfolgung durch heidnische Behörden, Bedrängnisse in der eigenen Gemeinde, das sind die Minuspunkte, eine Bilanz der Reisen des Apostels.“

Наряду с перечислениями авторы проповедей охотно используют такой прием как повтор. Основное назначение повторов заключается в смысловом и эмоциональном усилении какой-либо части высказывания. Но не стоит забывать и о значении повторов для ритмической организации текста. В текстах проповедей встречаются различные виды повторов (простой контактный, редуцированный, подхват, анафорический, эпифорический повтор, дистантный повтор, плеоназм и др.). Обратимся теперь к примерам:

„Und wo er lebt und leben will, da lebt Gott.“

„Was sich drinnen ereignet, das ist die Bedingung, Paulus sagt: Allein der Glaube. Der Glaube hat seinen wahren Platz im Gottesdienst.“

„Liebe ohne Geist ist eine verkorkste Sache. Liebe im Geist ist selbstlos.“

„Und diesem Miteinander, dem radikalen Miteinander in die Liebe, dem gilt die ganze göttliche Gewalt. Das heißt eben: Gerade dieses Miteinander ist die göttliche Gewalt.“

„Jesus Christus, der Sohn Gottes, das ist der Name.“

Известно, что повторы могут усиливать семантическую и логическую связь частей высказывания, придавать звучащей речи естественность и определенную просодику, а также создавать атмосферу размеренности, торжественности. Они могут также создавать требуемый эмоциональный фон.

В проповедях вполне ожидаемо превалируют повествовательные предложения. Однако в них нельзя обойтись без вопросительных и восклицательных предложений, которые повышают экспрессивность речи и выполняют контактно-устанавливающую функцию. Так, риторические вопросы служат в основном для привлечения внимания верующих. Они побуждают прихожан к размышлению и иллюстрируют ход мыслей священнослужителя:

„Was bedeutet es, wenn Gott mit uns Gemeinschaft haben will, vermittelt durch Jesus Christus, seinen lieben Sohn? Was bedeutet das? Wie steht es denn da mit Gott und uns?“

Свою роль выполняют в проповеди и восклицательные предложения, которые усиливают эмоциональность речи. В таком случае проповедь апеллирует не к разуму, а к эмоциям прихожан, чтобы воздействовать на них определенным образом:

„Wer vom Gottesverdienst fernbleibt, der kann das Glaubenserlebnis nicht mehr haben. Glaube ist eben keineswegs bloß Privatglaube!“

Несколько неожиданным является факт использования в текстах проповедей такого стилистического приема, как парантеза, т.е. семантически и грамматически независимой от главного предложения вставной конструкции:

„Zur Freiheit gehört eben – das ist der Kardinalpunkt meiner Hermeneutik – auch die Zeit der Freiheit, so wie zum Sonntag die Zeit des Sonntags gehört.“

Причинами появления вставных конструкций в речи могут быть новые мысли и факты, размышления и уточнение. Парантеза может создавать определенный эмоциональный фон: передавать положительные или отрицательные эмоции, комизм ситуации, иронию и т.п.

Следующим важным параметром проповеди является соотношение номинативного и глагольного стиля. Так как проповедь может существовать и в письменной, и в устной форме, для нее типично варьирование стилей. Следующие примеры демонстрируют употребление номинативного стиля:

„Zur Freiheit gehört eben – das ist der Kardinalpunkt meiner Hermeneutik – auch die Zeit der Freiheit, so wie zum Sonntag die Zeit des Sonntags gehört.“

Налицо частое употребление существительных в приведенном фрагменте. Номинативный стиль превалирует всегда, когда в проповеди констатируются какие-то факты. В нарративной части проповеди, а также при использовании императивных конструкций, преобладает глагольный стиль:

„Also übertreibt doch nicht und tut nicht so, als könnet ihr nicht zusammenzählen.“

«Der Apostel Paulus war mit seiner Wanderung auf der sogenannten 2. Missionsreise bis zur Hafenstadt Korinth vorgedrungen.“

Кроме того, необходимо отметить высокую частотность модальных частиц с разговорной окраской, как, например, eben, auch, also, doch, denn и некоторых других. Они расцвечивают и оживляют устную речь и эксплицитно выражают отношение священнослужителя к сказанному. Хорошо известно, что без них устная речь звучит сухо и неестественно.

Рассмотрим теперь некоторые лексические особенности проповеди. Сначала следует отметить роль лексико-семантического поля «религия», к которому можно отнести значимые части речи (существительные, глаголы, прилагательные): der Gott, Jesus Christus, der Heilige Geist, predigten, bewahren, festigen, der Gottesdienst, die Kirche, Gottes Wort, Gottes Kinder, Gottes Werk, Gottes Hand, das Evangelium, der Opfertod, die Botschaft, göttlich, kirchlich, eingeboren, herrlich, christlich. Приведем фрагмент проповеди, который содержит ряд указанных лексических элементов:

„Voraus geht die Geschichte, wie Petrus und der andere Jünger, „den Jesus lieb hatte“, wie es dort heißt, am Ostermorgen zum Grabe gehen, ja eilen, und jeder sich bemüht, zuerst hinein zu kommen, weil Jesu Leichnam verschwunden ist.“

„Einerseits soll dadurch Gottes Kraft bei uns ihr rechtes Ansehen bekommen.“

Разумеется, в проповеди используют и общеупотребительные слова, которые не обязательно входят в упомянутое лексико-семантическое полем. Но иногда они переосмысливаются, получают дополнительное содержание и новыми ЛСВ входят в семантическое пространство религии. Среди них можно, в частности, назвать лексемы Leben, Tat, Werk, Gesetz, Fall, Gerechtigkeit. Так, das Gesetz понимается как Закон Божий, das Leben означает гармоничное сосуществование с Богом:

„Dieses Hindernis ist die alte Feindschaft zwischen Gott und Mensch, wie man sie am Wort Gottes im Gesetz erkennt. Das Gesetz sagt nein zum Sünder und packt uns deshalb bei unserer Schuld.“

„Wo wir den Tod fürchten, da sagt Gott Leben an, das andere Leben, das ewige Leben.“

Обращает на себя внимание использование синонимов в проповеди, в том числе контекстуальных. Синонимы в текстах проповедей нередко используются для наименования Бога и его Сына Иисуса Христа. Проповедник, как правило, старается не употреблять при упоминании Бога или Христа личное местоимение Er. Обычно священнослужитель употребляет его только в предложениях, где Бог или Христос уже были упомянуты. Связано это, безусловно, с соблюдением авторитета и пиетета. Ведь Бог есть высшее существо. Это Творец, к которому обращены молитвы прихожан. Христос же – Его сын, заветы которого образуют основу христианского вероисповедания. В связи с фактическим табу на использование прямой номинации проповедник отдает предпочтение контекстуальным синонимам (своего рода косвенной номинации), а не личным местоимениям:

„Also: „Mein Vater“, so spricht der ewige Sohn Gottes. „Zu eurem Vater“, dieser Sohn ist das Licht der Welt, der Eingeborene (also hat Gott die Welt geliebt, dass er seinen

eingeborenen Sohn gab, heißt es ja), und er vertraut hier der Maria an – was nämlich? –, wo er zu finden ist!“

Для наименования Бога используют, например, такие контекстуальные синонимы, как Herr (im Himmele), Vater, der Reichtum des Glaubens, а Христос обозначается как der ewige Sohn Gottes, der Sohn, das Licht der Welt, der Eingeborene, der Herr. Сравнения, метафоры или метонимии как средства образности и экспрессии позволяют не только варьировать текст проповеди, но и усилить эмоциональное воздействие на прихожан.

Заметим также предпочтительное употребление личного местоимения 1 лица, мн. числа wir и производного uns в проповеди, если в ней отсутствует прямое обращение к аудитории:

„Das kann Jesus tun, weil er bei uns zu dem Namen wird, der aus uns seine Brüder macht. Jesus Christus, der Sohn Gottes, das ist der Name. Also: Wir sind Brüder, wo wir das Recht seines Namens erfahren. In seinem Namen endet alle Klage.“

Употребление личного местоимения wir обусловлено тем, что адресатом проповеди является особая социально-психологическая группа (церковная община), которую объединяют общие цели, задачи и ценности. Грамматические справочники указывают на то, что местоимение wir содержит сему «включенности/неразрывности» коммуникантов. Поэтому оно в немецкоязычных текстах выполняет функцию сближения адресанта и адресата, которые должны ощущать себя как единое целое. Тем самым эксплицируется их сопричастность определенной религии, вере в Бога,

Подведем итоги проведенного исследования. В настоящей статье выявлены некоторые типичные для проповеди как типа текста грамматические и лексические особенности. К ним можно отнести употребление некоторых форм сослагательного наклонения, которые придают торжественность и/или архаичность и практически не используются в обыденной устной речи. В синтаксическом плане продуктивны короткие и средние предложения, а сложносочиненные предложения преобладают над сложноподчиненными. Наряду с редукцией синтаксической структуры возможна и экспансия предложений за счет повторов и перечислений. В целях эмоционального воздействия на аудиторию в проповеди используются также вопросительные и восклицательные предложения.

На лексическом уровне важную роль играет лексика религиозного содержания, узуальные и контекстуальные синонимы, а также метафорически и метонимически переосмысленные ЛСВ общеупотребительных слов.

Стиль проповедей отличает некая архаичность и торжественность, в сочетании с определенными признаками разговорной речи. К ним, в частности, относится и экспрессивность, которая усиливает влияние речи проповедника на слушателя (адресата).

Список литературы

1. Агеева Г.А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации (на материале современных немецкоязычных проповедей): автореф. дис. … канд. филол. наук / Г.А. Агеева; Иркутск. гос. лингв. ун-т. – Иркутск, 1998. – 18 с.
2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения (Знание, понимание умение)2008 № 1с.162-167
3. Богатырева Н.А. Стилистика современного немецкого языка = Stilistik der deutschen Gegenwartssprache: Учебное пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Н.А. Богатырева, Л.А. Ноздрина. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 336 с.
4. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка (для институтов и факультетов иностранных языков): Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. / М.П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1990. – 320 с.
5. Гончарова Е.А. Теория и практика стилистического анализа = Theorie und Praxis der Stilanalyse: учеб. пособие для студ. филол. фак. высших учебных заведений / Е.А. Гончарова. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 352 с.
6. Ицкович Т.Д. Православная проповедь как тип текста: автореф. дис. … канд. филол. наук / Т.Д. Ицкович. – Екатеринбург 2007. – 24 с.
7. Прохватилова О.А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Вып. 5. 2006. – С. 19-26.
8. Салахова А.Г. Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях: автореф. дис. … канд. филол. наук / А.Г. Салахова. – Уфа 2006. – 23 с.
9. Stählin W. Letzte Predigten / W. Sählin (Hrsg. Von R. Mumm). – Stuttgart: Evangelisches Verlagswerk, 1976. – 215 S.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811-13

Словообразовательные особенности авторских неологизмов Фредерика Дара

Клейменова Наталья Михайловна
канд. филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет», РФ, г. Москва
n.kleimenova@mail.ru

Брагина Анастасия Борисовна
бакалавр Института иностранных языков ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет» РФ, г. Москва
nanyabragina@mail.ru

Word-formation features of Frédéric Dard's neologisms.

Kleimenova Natalya Mikhailovna
Candidate of Science, assistant professor of Romance Philology department Moscow City Pedagogical University, Russia, Moscow

Bragina Anastasia Borisovna
undergraduate student of Foreigne languages departement Moscow City Pedagogical University, Russia, Moscow

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям формирования неологизмов в цикле романов Фредерика Дара «San-Antonio». В своём творчестве Фредерик Дар осуществляет различные лингвистические эксперименты, используя нестандартные для классической литературы приёмы: гибридное словообразование, языковые каламбуры, формирование необычных форм женского рода и языковую компрессию. Неологизмы Фредерика Дара настолько многочисленны и интересны для лингвистов, что были удостоены создания отдельного словаря.

Ключевые слова: неологизация, словотворчество, писатель-новатор, авторские неологизмы, способы образования неологизмов, языковая ассимиляция.

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of the formation of neologisms in the cycle of novels by Frederick Dar "San-Antonio". In his work, frédéric Dar carries out various linguistic experiments using non-standard methods for classical literature: hybrid word formation, language puns, the formation of unusual forms of feminine and language compression. The neologisms of Frederick Dar Are so numerous and interesting for linguists that they were awarded the creation of a separate dictionary.

Keywords: neologisms, word creation, writer-innovator, author neologisms, neologisms formation methods, language assimilation.

В современной Франции процесс словотворчества настолько развит, что трудно перечислить всех авторов, чьи произведения изобилуют индивидуально-авторскими неологизмами. Одним из писателей-новаторов является Сан-Антонио (псевдоним Фредерика Дара, 1921-2000). Основное место в романах занимают его собственные авторские неологизмы, которых существует больше двадцати тысяч.

Фредерик Дар (1921 — 2000гг.) является одним из самых популярных французских писателей второй половины XX и начала XXI в. Он прославился серией романов, состоящей из 183 книг, о приключениях комиссара французской полиции Сан-Антонио и его помощника Берюрье. Читатели до сих пор считают его самым остроумным и виртуозным писателем современности. Также его называют «французским феноменом», «гением юмора», «волшебником французского языка», «витамином для души», «самым проницательным человеком в этой человеческой комедии».

Свою литературную карьеру Фредерик Дар начал в качестве редакционного секретаря в издательстве местной газеты «Le Mois», в которой анонимно публиковал статьи. В 1940 году автор издал свою первую книгу «La Peuchère» («Крестьянка»), награжденную премией Prix Lugdunum и принесшую ему славу в 1941 году. С этого момента автор начинает писать книги для детей и романы. В это время его известность начинает распространяться за пределы Лиона и, таким образом, Сан-Антонио знакомится с Ж. Сименоном, который помогает написать предисловие к роману «Au massacre mondain». Через некоторое время появляются его пьесы, которые увенчались успехом. В 1954 году появляется написанная совместно с Р. Хоссейном пьеса «Les salauds vont en enfer». Вскоре вышла первая книга про полицейского Сан-Антонио, которая имела колоссальный успех. После этого Дар начинает много трудится. В год он выпускает 4-5 книги и, таким образом, в 1964 году писатель поставил рекорд по количеству продаж года за всю историю Франции.

Фредерик Дар является самым читаемым автором XX века и начала XXI века. Тираж его произведений превысил 300 миллионов экземпляров. Стоит отметить, что в настоящий момент ежемесячно переиздаются минимум три его книги. За свою жизнь автор создал 288 романов, 250 новелл, 20 театральных постановок и 16 киносценариев [http://detectivemethod.ru].

Произведения Сан-Антонио изобилуют просторечиями и арго. Основное место в романах занимают его собственные авторские неологизмы, которых существует больше двадцати тысяч. Все они собраны в словаре Сан-Антонио и имеют своё название — les san-antonionismes (сан-антонизмы). По этому случаю автор однажды

сказал: «Я сделал свою карьеру с помощью трёхсот слов, все остальные я придумал сам». Его творчество является одним из наиболее дискуссионных вопросов в наши дни. Сан-антонизмы необычны своей формой; благодаря экспрессивности и выразительности современники назвали Сан-Антонио преемником ещё одного новатора французского языка – Франсуа Рабле. Изобретения Сан-Антонио находят отражение в современных тенденциях развития французского языка в различных областях: в словообразовании, грамматических и фонетических трансформациях.

Что касается грамматических особенностей, то для романов Сан-Антонио характерными являются замена форм времён и наклонений, а также новообразования, созданные на основе уже существующих инфинитивов глаголов. В настоящее время употребление в речи несуществующих сверхсложных форм глаголов, образованных путём присоединения нескольких суффиксов разных времён к основе одной лексемы, распространяется среди малообразованных французов, стремящихся выглядеть культурными. Например, комичный гибрид Сан-Антонио *«Si vous m'eusseriez laissé»* является сочетанием практически неупотребляемого сегодня *Imparfait du subjonctif* с сослагательным наклонением, *Conditionnel*. Глагольные инфинитивы приобретают у писателя неожиданные формы (parvenir → *parviendre «достигнуть»*; obtenir → *obtiendre «получать»*), имеющие более «ученый вид». Противоположной тенденцией является упрощение инфинитивов глаголов третьей группы, образованных по типу первой группы croire → *croirer «верить»*.

Современные лингвисты говорят об огромном влиянии английского языка на все языки мира. Герои Сан-Антонио употребляют англицизмы, чтобы казаться более современными, модными или высокообразованными, но, в итоге, выглядят довольно нелепо или манерно. Отметим, что некоторые лингвисты, желая избавить французов от «американофилии», предлагают способ французского написания английских слов, который, по их мнению, лишит иноязычное слово привлекательности. Такой орфографии часто придерживается в своих произведениях Сан-Антонио. Например, *night club → «naïte-clube»*; *sister → «sisteur»*.

Согласимся с мнением, что категория авторских новообразований непроста и неоднозначна, она требует особого подхода при их классификации [2: 135]. Мы произвели анализ словаря Сан-Антонио с целью выявления основных тенденций в словотворчестве писателя (Рис.1). Было выяснено, что самым распространённым способом создания авторских неологизмов является суффиксация. Этим способом образовано 25% слов — *grumelocher*, *dargiflard*. Среди суффиксов доминируют морфемы, образующие слова стилистически-сниженного регистра:

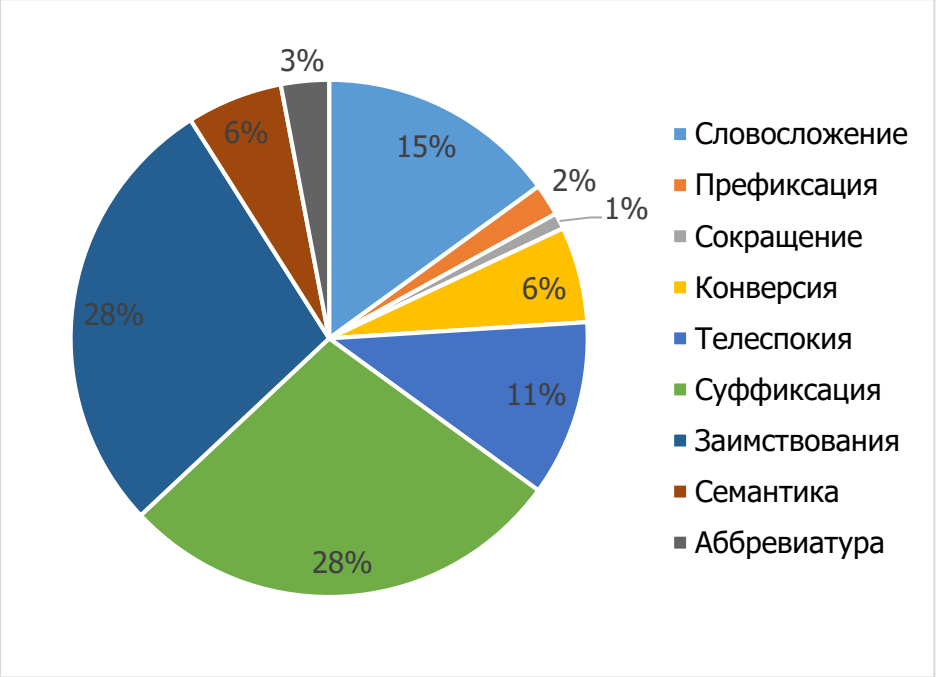

Рисунок 1. Неологизмы Сан-Антонио

1. Просторечные суффиксы:

- ot: *chacale → chacalot «шакалишка»*;

- os: *peinard → peinardos «беззаботный»*.

2. Арготические суффиксы:

- ouille: *japonouille «япошка»*;

- anche: *respiranche «дыхалка»*;

- ard: *gosier → gosiard «глотка»*.

В этих примерах имеет место сохранение первоначального лексического значения слова, но создаются более эмоционально насыщенные семантические дублеты. Присоединение к основе слова арготичного или просторечного суффикса часто противоречит правилам французской фонологии, что делает слово неожиданно экспрессивным и выразительным.

Для суффиксального словообразования автора также характерно появление форм женского рода у имён существительных мужского рода и у неизменяемых прилагательных. Разговорная речь построена на экономии времени и языковых средств, то есть проще образовать слово женского рода с помощью суффикса, чем употребить целое выражение. Появляясь впервые в тексте автора, подобные образования являются стилистически маркированными, однако нельзя не согласиться с мнением, что «стилистические неологизмы, как и номинативные, постепенно переходят в класс общеупотребительной лексики» [3:155].

Образование форм женского рода проходит по следующим моделям:

1. Присоединение суффикса:

– ette: zigue «субъект» → *ziguette «субъектша»*;

- esse: pote «приятель» → *potesse «приятельница»*;

2. замена суффикса:

- et на –ette: mastroquet «трактирщик» → *mastroquette «трактирщица»*;

- oux на –ouse: sioux «замысловатый» → *siouse «замысловатая»*.

3. присоединение согласной -t- и конечной гласной -e для различения рода: pharmago «фармацевт» → *pharmagote «фармацевтша»*;

4. вставка суффикса -t- перед окончанием -e для различения рода:

sosie «близнец» → *sosite «близнец женского пола»*.

Также были использованы следующие способы словопроизводства:

- конверсия — 15%, причем вербализация существительных и прилагательных путем прибавления окончания *–er* представлена особенно ярко, например, *gaffer*;
- словосложение — 10%, например, *gardemanger*, состоящее из слов *«garder»* и *«manger»*;
- способ сокращения составил 11% — *estom'* → *estomac*. Стоит отметить, что среди сан-антонизмов присутствует большое количество аферез, то есть сокращений начальных слогов, например, *ragaillardi* → *gaillardi*, что менее характерно для современного языка, чем сокращение конечных слогов, апокоп;
- англицизмы — 6%, *pickpocket* → *«piquepoquète»*;
- наименее употребительным способом является телескопия — 3%, *«pudibonderie» + «bondieuserie» → «pudibondieuserie»*.

Писатель не просто экспериментирует с языком, он прямо показывает тенденцию, которую современные лингвисты называют языковой компрессией, «одним из аспектов выражения закона языковой экономии и, одновременно, средством достижения ясности высказывания» [4: 87]. В литературных экспериментах писателя-новатора Р. Кено можно наблюдать слитное написание синтаксических конструкций. Сан-Антонио, не останавливаясь на достигнутом, делает из подобных конструкций глаголы, например, *se mettre au garde-à-vous → «gardavouser»*. Отличительной чертой авторского стиля Сан-Антонио является создание большого количества неологизмов с помощью каламбура. Такой феномен занимает в творчестве писателя 23%. Например, *gardien de la paix → «gardien de*

l'happé», *grammaire* → *«grand mère»*. Немало забавных каламбуров автор получил из англицизмов: *to realize* → *«riz-à-l'ail»*.

Неологизмы Сан-Антонио часто возникают благодаря слиянию словообразовательных способов. Яркими примером стал глагол, созданный с помощью конверсии и аффиксации *strangerinzenailleguetter,* являющийся своеобразной интерпретацией песни Ф. Сентары «*Strangers in the Night»,* и неологизм *gommarabiqué*, созданный путем словосложения и конверсии из словосочетания *enduit de gomme arabique.*

Для сравнения словотворческих экспериментов Сан-Антонио и новейших тенденций развития французского языка был произведен анализ списков неологизмов словаря Petit Larousse 2019 года (150 новых слов), и словаря Le Robert illustré 2019 (200 новообразований) (Рис.2).

Сравнение словообразовательных приемов в произведениях Сан-Антонио с современными тенденциями показало, что автор прекрасно чувствует новые тенденции развития языка и использует наиболее распространенные механизмы словотворчества. Более детальный сравнительный анализ неологизмов последних месяцев и сан-антонизмов показал, что у Сан-Антонио больше всего неологизмов создано с помощью суффиксации, в то время, как нынешняя тенденция словообразования имеет два равных способа создания: суффиксация и заимствования.

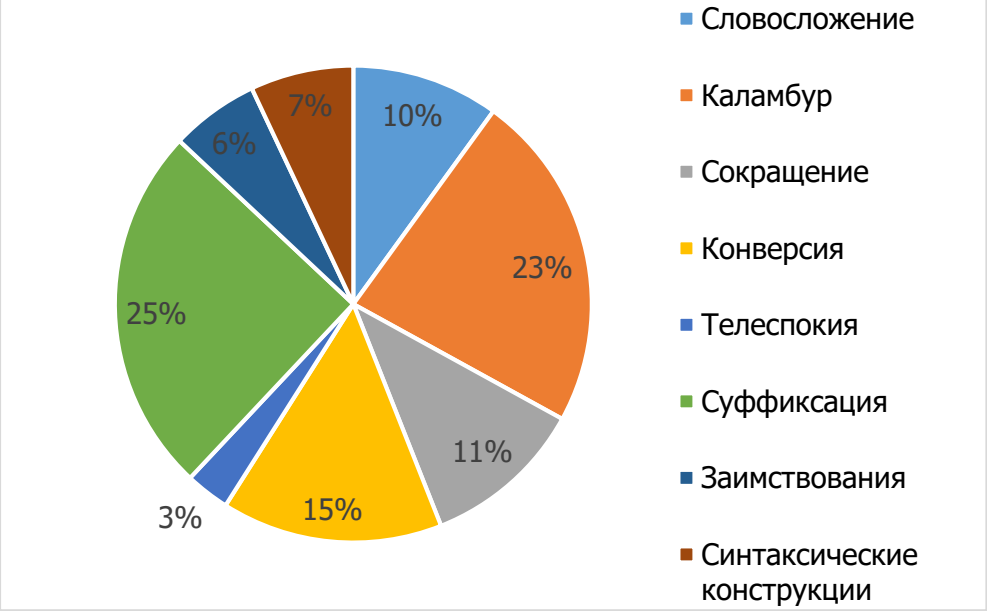

Рисунок. 2 Неологизмы в словарях

Следовательно, можно сказать, что любое произведение Сан-Антонио является не только литературным, но и лингвистическим трудом, который заставляет читателя обратить внимание на многие неординарные аспекты, тем самым проявляя интерес

читателя к языкознанию и побуждая к изучению актуальных тенденций французского языка, активно развивающегося и по сей день.

Список литературы

1. Биография и творческий путь Фредерика Дара — URL: http://detectivemethod.ru/french/frederic-dard/ (дата обращения18.11.2018).
2. Кравцова Т.В. Механизмы формирования индивидуально-авторских неологизмов в современном французском языке: дис. канд. фил. наук, 2010 — 240 с.
3. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е.А. Земская. —М.: КомКнига, 2005. —224 с.
4. Полонникова О.Л. Компрессия как средство выражения языковой экономии в современном английском языке. // Филологический аспект — 2016 — № 11 (19) —С. 87-91
5. Dictionnaire Le Robert illustré. – Paris: Sejer, 2019–2144p.
6. Dictionnaire Le petit Larousse illustré. – Paris: Larousse, 2019–2044p.
7. Dictionnaire San-Antonio. – Paris: Fleuve éditions, 1993 –1087p.
8. Frédéric Dard dit San-Antonio — URL: https://www.bepolar.fr/Frederic-Dard-dit-San-Antonio (дата обращения 19.11.2018).

УДК 811-13

Лексико-грамматические особенности квебекского французского на примере фильмов Ксавье Долана

Клейменова Наталья Михайловна
канд. филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет», РФ, г. Москва
n.kleimenova@mail.ru

Камелова Валерия Равильевна
бакалавр Института иностранных языков, ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет», РФ, г. Москва
vkamelova@gmail.com

Lexico-grammatical particularities of Quebec French based on Xavier Dolan’s films

Kleimenova Natalya Mikhailovna
PhD in Philology, assistant professor of Romance Philology department
Moscow City Pedagogical University, Russia, Moscow

Kamelova Valeriya Ravilievna
undergraduate student of Foreigne languages departement
Moscow City Pedagogical University, Russia, Moscow

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию современного французского языка Квебека на материале фильмов К. Долана. Дано определение национального варианта языка и представлены отношения квебекских ученых к общепринятым стандартам. Показано, что устный вариант французского языка Квебека значительно отличается от французского языка метрополии. Характерные для Квебека лексические единицы, так называемые квебецизмы, рассматриваются с точки зрения их истории и современных влияний на примере фильмов молодого квебекского режиссера К. Долана

Ключевые слова и фразы: национальный вариант языка, языковая норма, квебецизмы, жуаль, архаизмы, диалектизмы, неологизмы, английские заимствования

Abstract. This article is devoted to the study of contemporary French language of Quebec on the material of the films of K. Dolan. The definition of the national version of the language is given, and the relations of Quebec scientists to generally accepted standards are presented. It is shown that the oral version of French Quebec is significantly different from the French language of the metropolis. Typical for Quebec lexical units, the so-called Quebetsism, are considered from the point of view of their history and modern influences on the example of films by a young Quebec director K. Dolan.

Key words: national version of the language, the norm of language, Quebecism, rogue, archaisms, dialectisms, neologisms, English borrowings

Квебекский французский (далее FQ) является разновидностью французского языка, на котором говорят в основном франкофоны Квебека. Понятия *французский язык в Канаде* и *французский язык в Квебеке* всё больше совпадают, хотя исторически они не совсем тождественны, учитывая федеративное устройство Канады и наличие в ней ещё одной двуязычной провинции: Нью-Брансуик. Квебек играет особую роль в становлении национальной языковой формы и сохранении французского языка в целом. Как отмечают Л. Оукс и Дж. Уоррен, существование квебекского варианта французского нужно рассматривать как некий гарант сохранения французского языка, являющегося, благодаря Квебеку, одним из четырех основных языков, распространенных на территории Северной и Южной Америки [11]. Словарь Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание (2011) под редакцией Т.В. Жеребило даёт следующее определение варианта языка*:* это одна из форм существования языка, представляющая собой модификацию инварианта. Выделяются следующие типы вариантов языка:

1) национальные, появившиеся в результате территориального обособления носителей языка;

2) этнические (этнолекты), возникшие в зонах контактирования данного языка с другими языками в результате появления различий под воздействием интерференции;

4) социальные (социальные диалекты, социолекты), возникшие в связи с функционированием языка в разных социальных слоях (профессиональные жаргоны, корпоративные жаргоны, просторечие и т.п.) [2].

Мы считаем, что французский язык, используемый в Канаде, является *квебекским национальным вариантом французского языка,* так как лингвистические особенности французского квебекского варианта напрямую связаны именно с территориальным обособлением его носителей. Словарь лингвистических терминов дает следующее определение национального варианта языка: это язык, приобретший различия вследствие его развития в различных условиях, на разных территориях, не связанных между собой [4:11].

Сегодня многие исследователи, например, Э. Каджоле-Лаганьер, квебекский лингвист и член OQLF (Квебекского управления французского языка), автор многочисленных трудов, посвященных идентификации квебекского французского языка, отмечают неоднородность лексики французского языка Квебека. В ней можно выделить слова основного словарного фонда, общие с французским языком Франции и составляющие основную часть лексики FQ, но также и лексические элементы, являющиеся отличительными признаками FQ – квебецизмами, которые представлены архаизмами, диалектизмами, неологизмами, английскими и индейскими заимствованиями [10]. Квебецизм является основной лексической единицей квебекского варианта французского языка, имеющей различные этимологические и исторические связи с другими языками и функционирующей в лингвистическом ареале франкоквебекского языка [4: 12].

Стандартный FQ используется в публичных выступлениях и образованными ораторами, но во всех случаях он значительно отличается от французского языка Франции (далее FF). Устный французский язык Квебека значительно отличается от письменного, так как имеет свои синтаксические и фонетические особенности. Устный FQ представлен различными регистрами: от французского, который может быть описан как официальный, нормативный или стандартный, до жуаля, часто считающийся значительно англицизированым и архаичным по сравнению с FF.

Для исследования устного варианта FQ мы произвели транскрипцию трех фильмов К. Долана: *J'ai tué ma mère*», «*Les amours imaginaires*», а также «*Mommy»* и методом сплошной выборки выявили те лексические единицы, которые можно было бы назвать квебецизмами. Ксавье Долан – канадский режиссер и актер, сценарист и продюсер, участник и призер кинофестивалей в Каннах. Журналист А. Ларси пишет: «Ксавье Долан почти физически погружает нас в свой кинематографический мир, в

его произведениях мы слышим поэтический, ритмичный и честный язык, на котором действительно сегодня говорят в Квебеке» [1].

Анализ транскрипций трех фильмов К. Долана выявил 268 квебецизмов, среди которых 22 архаизма, 25 диалектизмов, 99 англицизмов и 122 семантических деривата (то есть таких единиц, семантика которых отличается от семантики этих же единиц во FF).

FQ считается достаточно архаичным из-за длительного отсутствия связей с континентальной Францией [5: 20]. Архаизмами являются устаревшие лексические формы, исчезнувшие или находящиеся на грани исчезновения в современном стандартном французском, но всё еще присутствующие в различных регионах Франкофонии. Например, глагол ***jaser*** в FQ используется как синоним *bavarder agréablement, causer avec quelqu'un*. В Квебеке это слово не имеет уничижительного смысла, как во Франции —*répandre une rumeur*.

*Ça me fait plaisir de **jaser de ça** (Мне в удовольствие поболтать об этом)* [9].

Архаизмы мы находим и среди прилагательных. Например, *plaisant,* употребляемое вместо *agréable,* которое используется в FF:

*C'etait tres **plaisant,** c'était le fun! (Это было очень здорово, было весело)* [8].

Ещё одной характерной особенностью FQ являются диалектизмы – лексические единицы, характерные для территориального или социального диалекта. Частотным диалектизмом является слово *bec* и словосочетание *donner un bec* в значении *поцелуй\поцеловать:*

*J'aurai aimé ça, lui **donner un gros bec**, par exemple (Я бы хотела его поцеловать, в конце концов)* [8].

Поскольку предки квебекцев происходили в основном из Нормандии и западной Франции, язык Квебека имеет много исчезнувших из FF слов и выражений, или же напротив, активно используемых и сегодня в этих регионах. Среди них мы можем упомянуть диалектизмы области Пуату, Нормандии, Анжу:

barrer/débarrer (une porte) Poitou в значении verrouiller, fermer à clé/déverrouiller, ouvrir:

***– Débarre** la porte je te dis!*

*– Elle est **débarrée**! (Открой дверь, я тебе говорю! Она открыта!)* [7].

Выражение **de même** может быть переведено как эквивалент *ainsi, comme ça*:

*Il y a des matins **de même** (Такие утра случаются)* [9].

Одной из главных отличительных особенностей FQ является так называемый жуаль. Жуаль характеризуется очень устойчивыми фонетическими особенностями и

лексическим полем, включающим в себя определенное количество архаизмов, диалектизмов, заимствований и неологизмов. Использование жуаля хорошо зарекомендовало себя в художественном пространстве. В современной культуре, например, фильм Ксавье Долана «Mommy» 2014 является отличным примером международной кинематографической работы, где герои говорят на жуале. Люди из других франкоговорящих стран смотрят этот художественный фильм с адаптированными французскими субтитрами. Ксавье Долан отмечает, что использование жуаля было необходимо для создания реалистичной картины. По словам режиссера, этот язык особенно музыкален, Долан представляет себе, что персонажи будто пробивают экран своими словами и выражениями. Кроме того, молодой режиссер убежден, что его персонажи имеют право говорить так, как они говорят на самом деле [1].

Главная героиня фильма Диан представляется зрителям умной и креативной женщиной, которая даже придумывает новые слова. В ходе исследования фильма, нами было выявлен неологизм, который К. Долан специально придумал для своей героини: Dans ces prisons-là, ils passent le cadre de portes, pis ils sont ***folbols*** (*В этих тюрьмах, они проходят дверную коробку и всё – они идиоты*) [9].

Значительное количество английских заимствований свойственно не только жуалю, но и квебекскому французскому языку в целом. Английский язык оказал значительное и многоуровневое влияние на FQ. Это объясняется, сосуществованием английского и французского языков на территории Канады в течение нескольких столетий. Большая часть заимствований связана с обычными, даже ежедневными, реалиями*: traffic – bouchon –пробка, chum – copain – парень, cute –joli –милый, cash – argent – деньги и т.д.* [3].

Je peux-tu avoir ***un break? (****Могу я хоть отдохнуть?)* [9].

J'ai ***une jobe*** *toi! (У меня вообще-то есть работа!)* [9].

Часто английские глаголы приобретают французскую форму. Типичным является использование окончания 1 первой группы глаголов *-er*:

Je ***tchéques*** *mon agenda pour toi! (Ради тебя я проверю своё расписание!)* [9].

On a toutes notre façon ***de dealer*** [9].

В результате ассимиляции на морфологическом уровне во франкоквебекский язык вошли единицы, образованные с помощью прибавления типичного французского суффикса к английской основе:

Badloque*, mon Kevin* (от англ. *bad luck – неудача*) [9].

Семантические дериваты, то есть слова, употребленные в несвойственных для FF значениях, весьма распространены в Квебеке. Среди семантических дериватов мы находим слово ***laveuse****,* означающее *machine à laver* (FF). В FF это слово обозначает женщину, которая занимается стиркой белья или машину для сушки шерсти в текстильной промышленности.

Tu as une petite ***laveuse*** *icitte* [7].

В FF слово ***dépanneur*** обозначает специалиста (механика, электрика и т. д.), отвечающего за устранение различных неисправностей. Основное семантическое значение этого слова во FQ – это «магазин, который остается открытым в часы и дни, когда другие торговые точки закрыты».

Y a pas de ***dépanneur*** *ici?* [9].

Известно, что одним из методов создания реалистичных диалогов является внедрение дискурсивных слов в диалоги персонажей. В спонтанной речи FQ существует много дискурсивных частиц, таких как hein, coudon', osti, là, tsé. В диалогах К.Долана было замечено значительное количество дискурсивных слов. Были выявлены самые популярные дискурсивные частицы в речи квебекцев.

Самой частотной оказалось дискурсивное слово ***là.*** Как и в FF, использование ***là*** часто подчеркивает конец предложения или добавляется после слов в разговорной речи в эмоционально окрашенных словах.

Наряду с необычной лексической базой, такие исследователи как Усманова З.А. отмечают значительные отличия в грамматическом аспекте FQ. Яркой синтаксической особенностью является использование вопросительной частицы **-*tu*?**, широко отмеченное в устном языке [4: 112]. Эта вопросительная форма очень распространена в Квебеке:

*Ça fait-****tu*** *longtemps que tu connais Nico? (И давно ли ты знаешь Нико?)* [8].

Сделав сравнительный анализ использования стандартной вопросительной конструкции *est-ce que* и вопросительной частицы *–tu,* мы пришли к заключению, что использование низкого речевого регистра, представленного преимущественно в фильме *Mommy,* предполагает превалирующее использование вопросительной частицы *–tu* для формирования вопросительных предложений.

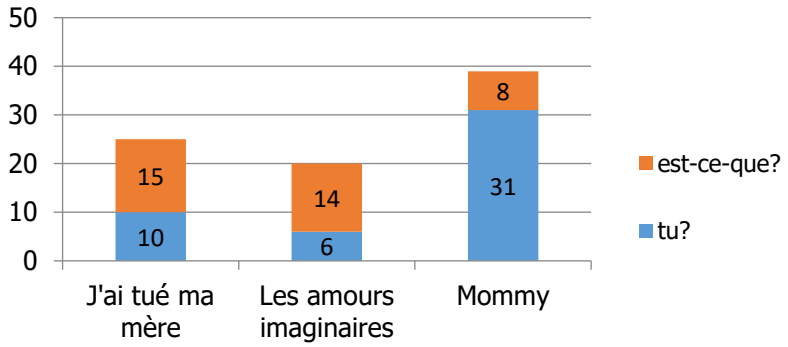

Диаграмма 1

Квебекский синтаксис отличается нестандартным употреблением предлогов. Предлог *puis*, например, часто используется в стилистически сниженном регистре и заменяет сочинительный союз *et*.

Je ne peux pas tout sacrer ça-là, ***pis*** *partir sur la go avec mon gars (Я не могу всё бросить и тусоваться с моим парнем)* [9].

С другой стороны, стилистически сниженная речь квебекцев сохранила архаичное использование предлога *à* в таких конструкциях как, *à matin et à soir*. Эти формы, очевидно, являются аналогичными формам *à midi et à minuit*:

Si vous avez rien de prévu ***à*** *soir, venez souper (Если у вас ничего не запланировано на вечер – приходите на ужин)* [9].

Также особенностью FQ является особое оформление ответа на отрицательный вопрос. Обычно *oui* используется для положительного ответа на положительную вопросительную фразу как в Квебеке, так и во Франции. Во Франции обычно используется, *si*, чтобы дать утвердительный ответ на отрицательный вопрос. Как правило, *si* не используется для утвердительного ответа на отрицательную вопросительную форму в Квебеке.

*T'écoutait même pas ce qu'il s disaient en plus –****Oui,*** *j'écoutais! (Ты даже не слушала что они говорили! Нет, я слушала!)* [7].

Таким образом, мы пришли к заключению, что квебекский французский язык обладает рядом специфических лексико-грамматических особенностей. В квебекском варианте французского языка органично сосуществуют общефранцузское ядро и вариативные особенности, обусловленные территориальной отдаленностью и языковой изоляцией на протяжении долго времени. Эти особенности затрудняют восприятие квебекской речи, поэтому фильмы К. Долана, написанные на квебекском французском, показываются с адаптированными субтитрами, так как включают большое количество квебецизмов.

Список литературы

1. Еженедельная франкоязычная онлайн газета Университета Макгилла – URL: https://www.delitfrancais.com/2016/09/27/xavier-dolan-un-artiste-absolu/, (дата обращения 17.02.2019)
2. Словари и энциклопедии на Академике – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/49430, (дата обращения: 17.02.2019)
3. Тимошенко И. С., Пояркова Е. В. Les emprunts anglais dans la langue française au Québec: Юный ученый. — Санкт-Петербург, 2016 – №5 – С. 34-38.
4. Усманова З.А. Квебекская идентичность сквозь призму лингвокультурной парадигмы: дис.канд. филол. Наук – 2014 – 209 с.
5. Bédard É. Histoire du Québec pour les nulls/essais canadiens, megapoche pour les nulls. Éditions First, 2015 – 399 p.
6. Cajolet-Laganiere H. Le système de marques d'usage et de marques, la presse de l'Université de Montréal: Presses de l'Université de Montréal. Montréal, 2008 – 418 p.
7. Dolan. X. J'ai tué ma mère, Quebec, 2009.
8. Dolan X. Les amours imaginaires, Quebec, 2010.
9. Dolan X. Mommy, Montreal, 2014.
10. Villiers M.E. Multidictionnaire de la langue française: 6-édition—Montréal, 2015—571 p.
11. Oakes L., Warren J. Language, Citizenship and Identity in Quebec, Language and Globalization, Palgrave Macmillan UK, 2011—473 p.

УДК 81.22

Способы речевой компрессии, основанные на замене компонента текста, в синхронном переводе

Хопияйнен Ольга Анатольевна
канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков
Югорский государственный университет, РФ, г. Ханты-Мансийск
o.hopiaynen@gmail.com

Мялина Анастасия Вячеславовна
Бакалавр кафедры иностранных языков
Югорский государственный университет, РФ, г. Ханты-Мансийск
anastassi_m@list.ru

Compression based on text component substitution in simultaneous interpreting

Hopiaynen Olga Anatolevna
Cand. Sci. (Philology), assistant professor
of Foreign languages department
Yugra State University, Russia, Khanty-Mansiysk

Mialina Anastasiia Vyacheslavovna
Bachelor student of Foreign languages department
Yugra State University, Russia, Khanty-Mansiysk

Аннотация. В статье рассматриваются способы речевой компрессии, основанные на замене компонента текста в синхронном переводе с английского языка на русский. Цель исследования заключается в выявлении основных способов речевой компрессии на материале синхронного перевода выступления государственных деятелей, особенностей применения способов речевой компрессии, а также определении их частотности использования. В результате проведенной работы составлена классификация способов речевой компрессии, основанных на замене компонента текста, и выявлены наиболее частотные способы компрессии речи. Материалы проведенного исследования имеют практическую значимость и могут найти применение в процессе обучения синхронному переводу.

Ключевые слова: синхронный перевод, стратегия перевода, речевая компрессия, синтаксическая компрессия, частотность

Abstract. The article discusses methods of compression based on text component substitution in English-to-Russian simultaneous interpreting. The study is aimed to identify basic methods of compression in interpreting government leaders' addresses, to describe particular features for the application of compression methods, and to measure their frequency of the latter. As a result of the work carried out, a classification of compression methods, based on text component substitution, is drawn up and the most frequently used methods of compression are identified. The study is of practical importance and the results obtained may be used in simultaneous interpreting training.

Keywords: simultaneous interpreting, interpretation strategy, speech compression, syntactic compression, frequency

Изучение особенностей синхронного перевода с точки зрения процесса подготовки и непосредственно его выполнения вызывает исследовательский интерес у отечественных и зарубежных лингвистов, что обусловлено как возрастающей потребностью в осуществлении данного вида устного перевода в контексте активного развития экономических, политических и культурных связей между разными государствами, так и повышением требований к качеству. Большое внимание со стороны исследователей уделялось изучению психолингвистических аспектов синхронного перевода (Кочкина З.А., Чернов Г.В.), психологических механизмов синхронного перевода, в частности, механизма вероятностного прогнозирования (Илюхин В.М., Фейгенберг И.М.), методике преподавания синхронного перевода (Виссон Л., Латышев Л.К., Семенов А. Л.), которые объясняют особый статус этого вида перевода. За последние пять лет так же проводились исследования, затрагивающие психологические аспекты обучения синхронному переводу [1], теоретические основы синхронного перевода [2], в частности, вопросы применения

приемов речевой компрессии в синхронном переводе [3] и его фонетические аспекты [4], что показывает сохранение актуальности обозначенных проблем.

Отличительной чертой синхронного перевода, как отмечает В.Н. Комиссаров, является одновременность выступления оратора и перевода его речи синхронистом [6, с. 98]. Учитывая в данных условиях различия системных особенностей языка оригинала и языка перевода, темп речи выступающего, не всегда возможно передать исходный текст в полном объеме. В условиях ограниченного времени переводчик, с отступом в несколько слов, должен проговаривать сам перевод, одновременно успевая осуществлять процесс вероятностного прогнозирования и принимать переводческие решения. Важно заметить, что скорость протекания когнитивных процессов, связанных с восприятием, обработкой, перекодированием и воспроизведением информации на языке перевода, у переводчиков различна [6, с.199]. Эти обстоятельства приводят к необходимости использования речевой компрессии в синхронном переводе.

Целый ряд авторов, таких как Е.В. Бреус, В.С. Виноградов, Л. Виссон, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.В. Чернов рассматривают в своих трудах способы речевой компрессии. Согласно определению И.В. Гурина и А.Ф. Ширяева, речевая компрессия представляет собой «средство уменьшения объема (слоговой длины) текста (сообщения) без нанесения ущерба коммуникативной задаче оратора» [7, с. 83].

Л. Виссон выделяет следующие случаи, когда у переводчика появляются основания применить тот или иной способ речевой компрессии:

1. На языке оригинала есть повторы.

2. На языке перевода есть ничего не значащие слова.

3. Оратор говорит слишком быстро.

4. Предметная ситуация позволяет выразить ту же мысль меньшим количеством слов, что приводит к экономии времени и соответственно возможности более полно концентрировать внимание на поступающих смысловых группах [8, с. 73].

Представленные ситуации делают процесс синхронного перевода весьма трудным для освоения. Помощь переводчику при этом оказывают различные приемы и стратегии синхронного перевода. Стратегия в синхронном переводе – способ выполнения переводческой задачи, состоящий в адекватной передаче с исходного языка на язык перевода сообщения отправителя с учетом культурологических и индивидуальных особенностей оратора. Так, В.М. Илюхин выделяет два вида

стратегий при осуществлении синхронного перевода: стратегии, связанные с фактором времени, и стратегии, обусловленные статическими факторами. Исследуемый в данной работе способ речевой компрессии относится к первой категории стратегий перевода, связанных с фактором времени [9].

Цель данного исследования состоит в выявлении различных приемов речевой компрессии, определении частотности и описании особенностей их использования в процессе синхронного перевода выступлений государственных деятелей.

Материалом исследования послужили тексты синхронного перевода с английского языка на русский язык (общим объемом 216 000 знаков), выполненные переводчиками ООН и представленные на официальном сайте ООН, а также профессиональными переводчиками, участвовавшими в конкурсе устного перевода «COSINES PI-2017» на базе МГУ.

Теоретической основой исследования послужили работы Л. Виссон, В.М. Илюхина, В.Н. Комиссарова, Г.В. Чернова, А.Ф. Ширяева, работы которых посвящены изучению приемов речевой компрессии и их классификации. Так, представляется целесообразным классифицировать способы речевой компрессии, опираясь на выделенные В.Н. Комиссаровым и А.Ф. Ширяевым две основные группы способов речевой компрессии - устранение содержательных величин и синонимические замены.

Обращение к группе способов речевой компрессии, связанных с заменой компонента текста, позволяет выделить в ее составе следующие разновидности речевых компрессий:

1) Устранение компонентов текста, содержащих информацию, которая восполняется экстралингвистической ситуацией общения.

2) Устранение компонентов, содержащих в себе инфомедию, которая не содержится в экстралингвистической ситуации общения.

Вторая группа способов речевой компрессии, основанной на синонимической замене, включает семь основных способов:

1) Слоговая компрессия;
2) Сокращение названия;
3) Преобразовывается глагольного словосочетания;
4) Преобразование придаточного предложения;
5) Замена повторов и параллелизмов;
6) Замена экстралингвистической информации;
7) Обобщение целого предложения.

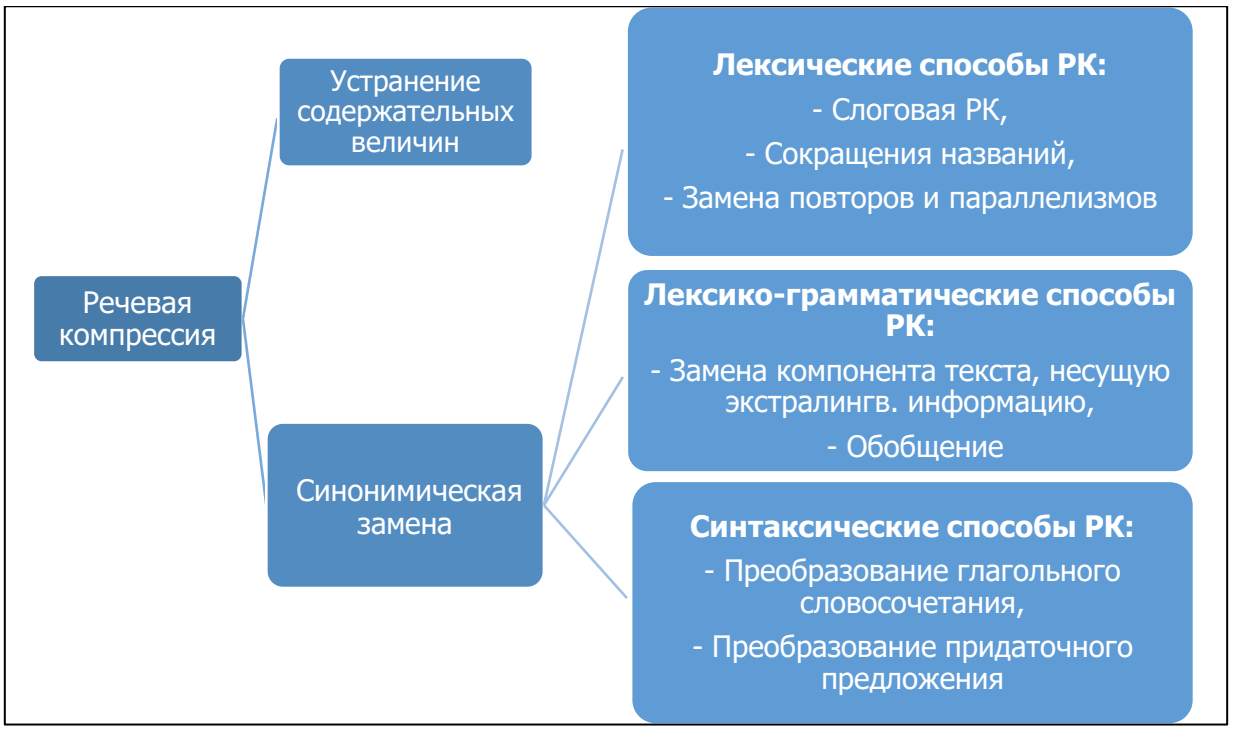

Рисунок 1. Классификация способов речевой компрессии, основанных на замене компонента текста

Таким образом, каждая из выделенных групп включает в себя ключевые способы речевой компрессии. Итоговую классификацию способов речевой компрессии можно наглядно представить в виде схемы (Рисунок 1).

Проведенный анализ эмпирического материала позволил выделить примеры использования всех основных способов речевой компрессии, основанных на синонимической замене.

1) Слоговая компрессия.

Следует подчеркнуть, что слоговая компрессия обусловлена выбором более кратких эквивалентов в языке перевода.

Кроме того, *[…] мы предлагаем…*

Also, *we are offering…*

В данном примере переводчик использовал слово «also» в качестве эквивалента фразе «кроме того». Учитывая, что возможные варианты перевода включают целый ряд лексических единиц, таких как «in addition to it», «besides», «beyond that», характеризующихся большей слоговой длиной, можно прийти к заключению о применении метода слоговой компрессии.

2) Сокращение названия.

Следует отметить, что данный способ речевой компрессии относится к наиболее частотным в переводе речей ООН. Прежде всего, он используется при переводе названия самой организации ООН:

*This means reforming our **United Nations** and the wider international system…*

*То есть, это реформа **ООН** и более широкой международной системы…*

3) Глагольное словосочетание преобразовывается в глагол.

Данный способ речевой компрессии показывает наибольшую частотность и заключается в замене глагольного словосочетания на глагол. Так, например, фразы «to pay tribute», «to say thank you», «to express gratitude» на русский язык могут быть переведены одним глаголом «(по)благодарить», как это представлено в следующем примере:

***I want to pay tribute** to Andrew, Nicola and Grace Farest and their Walk Free Foundation for inspiring our work.*

***Благодарим** специальный фонд, который вдохновил нашу работу.*

4) Преобразование придаточного предложения, например, в предложный, причастный оборот, прилагательное или другую более краткую конструкцию.

Несмотря на свою эффективность, данный способ речевой компрессии не отмечен высокой частотностью. Целое придаточное предложение может быть заменено переводчиком на предложный, причастный оборот или прилагательное, что значительно сокращает длину сообщения.

Ниже представлен пример преобразования придаточного подлежащего в дополнение.

*I don't think there was a **solution that would have provided the British with a way of avoiding the war**.*

*Поэтому я не вижу, что у Британии **был выбор и возможность избежать войны.***

5) Замена повтора

Данный прием речевой компрессии характеризуется частотностью, так как многие ораторы проявляют тенденцию к использованию в ходе своего выступления повторов, в том числе стилистических. Переводчик в целях экономии времени может опустить этот повтор.

*As we meet at this General Assembly we face **challenges** that go right to the heart of who we are as nations. **Challenges** that test our values, our vision…*

*Сейчас, когда мы проводим встречу здесь на Генеральной Ассамблее, мы задумываемся о тех **вызовах**, которые испытывают нас как нации, испытывают наше видение, нашу решимость…*

6) Обобщение

Данный способ речевой компрессии основан на обобщении информации, известной реципиенту из ситуации общения. Примеры использования данного способа речевой компрессии немногочисленны, однако несмотря на свою редкость, они представляют пример обоснованной компрессии, поскольку не несут в рассматриваемой ситуации смысловой нагрузки, соответственно, нет необходимости в их передаче.

The family's twenty one World War one medals will be brought together here ***in Oxford at Saint Peter's College***.

Двадцать одна медаль, полученная членами этой семьи во время первой мировой войны будет храниться ***в этом колледже***.

Однако переводчику никогда не следует забывать о том, что самое главное при использовании способов речевой компрессии в переводе – правильно передать аудитории слушателей смысл. Не следует, таким образом, злоупотреблять приемом обобщения, если определенная информация может быть действительно значимой для реципиента. В приведенном ниже примере переводчик заменил фразу «*стремящейся освободить мир от химического оружия*» на фразу «*по химическому оружию*», поскольку название организации *ОЗХО – Организация по запрещению химического оружия*, отражающее суть содержания ее деятельности, уже передает смысл замененной фразы и не требует дублирования.

First, we must ensure that our multilateral institutions can deliver the aspirations on which they were founded. Think of UNHCR ***looking after those who've been driven out of their homes****. The OPCW* ***striving for a world free of chemical weapons***.

Во-первых, нужно обеспечить, чтобы многосторонние институты соответствовали бы тем ожиданиям, ради которых их создавали. Например, УВКБ ***по поводу тех, кто бежит из домов****. ОЗХО* ***по химическому оружию***.

Ниже представлены примеры полного преобразования исходного сообщения, основанных на способе обобщения.

…he was saying 'come on, let's get going, let's get going', ***when a messenger arrived from Downing street, saying 'you.ve got to come back to London, because there's a job for you', and the job was to be made war secretary.***

Он постоянно подталкивал капитана: «скорее, скорее», ***но за ним пришли из Лондона и назначили его министром по военным делам.***

В результате анализа текстов синхронного перевода на предмет речевой компрессии можно сделать вывод, что к наиболее употребительным способам

речевой компрессии, основанные на замене компонента текста, относятся способ замены повторов и параллелизмов, а также способ замены компонента текста, содержащего экстралингвистическую информацию. Можно предположить, что высокая частотность данных способов речевой компрессии связана с их высокой эффективностью.

На основании анализа полученных данных исследования можно также определить частотность следующих групп речевой компрессии:

1) Лексические способы РК (слоговая компрессия, сокращение названия, устранение повторов и параллелизмов);

2) Синтаксические способы РК (преобразование глагольного словосочетания или придаточного предложения);

3) Лексико-грамматические способы РК (замена компонента текста, содержащего экстралингвистическую информацию и обобщение).

Так, на рисунке 2 видно, что превалирующим способом речевой компрессии является лексический - 57 примеров употребления, составляющих 44,19%. Лексико-грамматические способы речевой компрессии составляют 33,34%, выявлено 43 случая использования. Синтаксические приемы речевой компрессии составляют 22,48% от общего числа употреблений речевой компрессии, 29 примеров выявлено в исследуемых текстах.

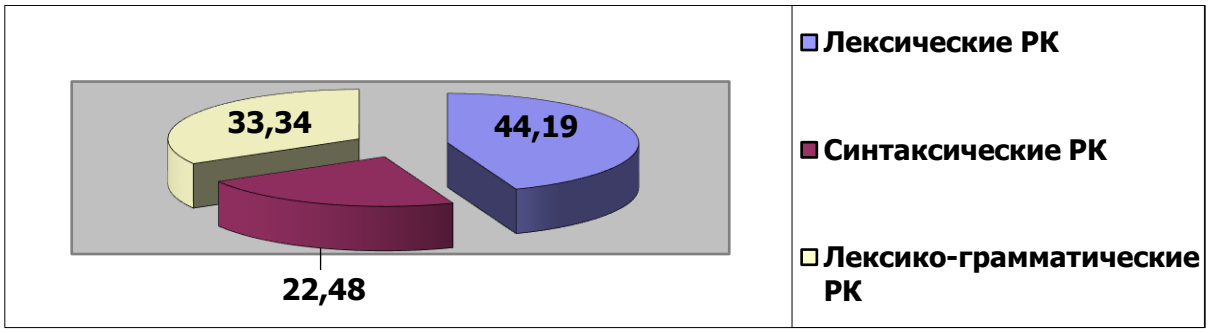

Рисунок 2. Частотность способов речевой компрессии, основанных на замене компонента текста

Более наглядно частотность различных способов речевой компрессии проиллюстрирована на рисунке 2.2

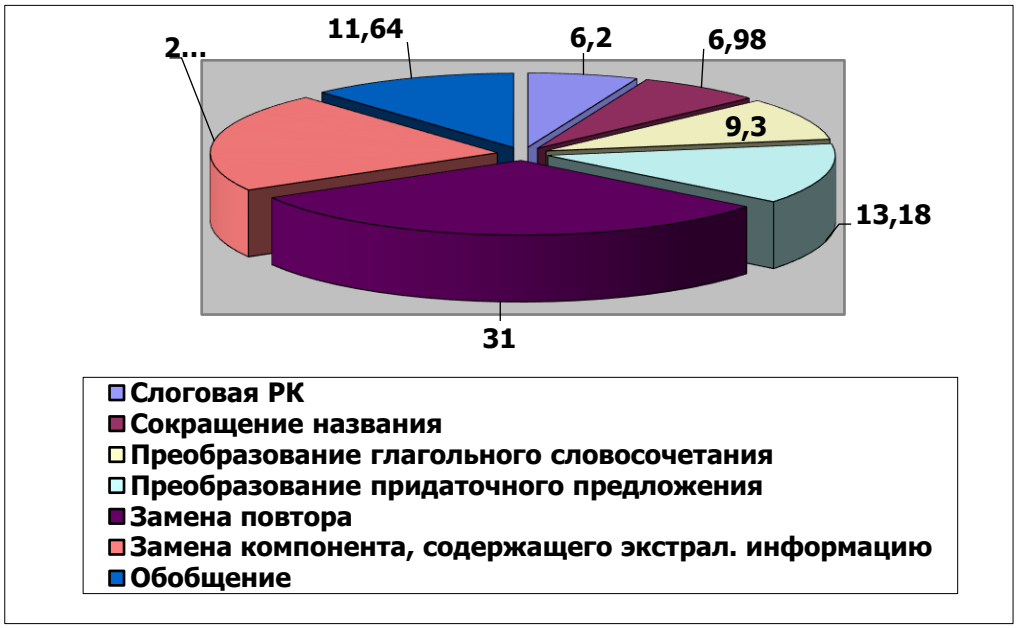

Рисунок 3. Частотность различных способов речевой компрессии, основанных на замене компоняента текста

Таким образом, в результате анализа текстов на предмет речевой компрессии можно сделать вывод о том, что к наиболее частотным способам речевой компрессии, основанной на замене компонента текста, относятся лексические способы речевой компрессии. В частности, наибольшей частотностью отмечен способ замены повтора, которому противостоит слоговый способ речевой компрессии как наименее частотный.

Синтаксические речевые компрессии представляют наибольшую трудность при переводе, поскольку изменение структуры предложения в процессе сжатия информации в синхронном переводе – задача непростая. Ее решение основано на осуществлении аналитических операций, которые требуют постоянной тренировки в ходе обучения для формирования устойчивых навыков. Знание основных способов речевых компрессий, основанных на замене компонента текста, особенностей их применения, позволяет сделать процесс обучения более эффективным.

Список литературы

1. Незнанов И.Н. Психологические аспекты обучения синхронному переводу // Вестник Южно-Уральского государственного университета. №12. 2015. – С. 68-71.
2. Хромых А.А. Конференц-перевод (попытка осмысления теоретических основ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – №9(74): в 2-х ч. Ч.1. 2017. – С.193-196.
3. Завьялова В.Л. Фонетические аспекты устного опосредованного перевода // Казанский педагогический журнал. – №6. 2015. – С. 35-47.

4. Афанасьева М.С. Употребление приемов речевой компрессии при синхронном переводе // Международный научный журнал «Символ науки» –№3. 2016. – С. 111-114.
5. Коваленко А.С. К вопросу о прагматическом аспекте синхронного перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – №9. 2014. – С. 78-94.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник для институтов и фак. ин. Языков. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
7. Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
8. Виссон. Л. Синхронный перевод с русского на английский. – М.: Р. Валент, 1999. – 243 с.
9. Илюхин В.М. Стратегии в синхронном переводе: дис. … канд. филологических наук 10.02.20. Московский ордена дружбы народов государственный лингвистический университет. М., 2001. 206 с.
10. Manshuk Zh. Yeskindirova – Zhuldyz K. Alshinbayeva. Methodology of simultaneous translation: some strategies and features // XLinguae, Volume 10, Issue 4, October 2017, ISSN 1337-8384, ISSN 2453-711X. P. 196-208. DOI: 10.18355/XL.2017.10.04.16
11. Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/en/ (дата обращения: 15.05.2019)
12. Видео конкурса «COSINES Pi – 201» [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=0jwPZWdxjHY&t=296s (дата обращения: 15.05.2019)

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

UDC 811.373.45

Theoretical Foundations of Code Switching Process in Modern Contact Linguistics

Arbuzova Nataliya Vasilevna
senior lecturer Crimean V.I. Vernadsky Federal University
Institute of Foreign Philology, Chair of Foreign languages №1

Kushnaryova Svetlana Evgenevna
Lecturer Crimean V.I. Vernadsky Federal University
Institute of Foreign Philology, Chair of Foreign languages №1
kushnarevasv92@gmail.com

Теоретические положения о процессе переключении кода в современной контактной лингвистике

Арбузова Наталия Васильевна
Старший преподаватель
КФУ им. В.И. Вернадского, Институт иностранной филологии
Кафедра иностранных языков № 1

Кушнарёва Светлана Евгеньевна
Преподаватель КФУ им. В.И. Вернадского
Институт иностранной филологии, Кафедра иностранных языков № 1

Abstract. The purpose of the article is to determine the specifics of switching language codes in the speech of bilinguals. The relevance of the work is due to the need to study the interaction of the modern languages' systems of in the further study of the scientific direction of social linguistics. The subject of the research is the process of 'code-switching', which is manifested in the verbal behavior of communicators who speak two or more languages, depending on the communication situation. The main aim of the article is to solve the following tasks: to define the notion of 'switching language codes', to consider the theoretical background of a linguistic phenomenon, to classify types of 'code-switching' depending on the functional orientation, to analyze the manifestation of switching language codes in the context of bilingualism. As a result of the solution of the tasks set, the following conclusions were made: 1) the switching of codes occurs due to the lack of a similar subject or phenomenon with the corresponding name in the initial linguistic and cultural community; 2) the change of the language code occurs in order to achieve mutual understanding between communicators and the successful conduct of the process of communication; 3) a code change occurs under the condition that the speaker speak both languages at the same level, in order to eliminate errors in speech; 4) abrupt change of language units occurs at any level of the linguistic system (phonological, morphological or syntactic).

Keywords: language code switching, bilingualism, sociolinguistics, variability, assimilation.

Аннотация. Целью статьи является определение специфики переключения языковых кодов в речи билингвов. Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования взаимодействия языковых систем в рамках дальнейшего изучения научного направления социальной лингвистики. Предметом исследования является процесс «code-switching», проявляющийся в речевом поведении коммуникантов, владеющих разными языками, в зависимости от ситуации общения. Цель предусматривает решение следующих задач: дать определение понятию «переключение языковых кодов», рассмотреть теоретические предпосылки возникновения лингвистического явления, классифицировать виды «code-switching» в зависимости от функциональной направленности, провести анализ проявления переключения языковых кодов в контексте билингвизма. В результате решения поставленных задач были сделаны следующие выводы: 1) переключение кодов происходит вследствие отсутствия в исходной лингво-культурной общности аналогичного предмета или явления с соответствующим ему наименованием; 2) изменение языкового кода происходит с целью достижения взаимопонимания между коммуникантами и успешного проведения процесса общения; 3) кодовое изменение происходит при условии владения говорящим обоими языками на одинаковом уровне, с целью исключения ошибок в речи; 4) резкая смена языковых единиц происходит на любом из уровней лингвистической системы (фонологическом, морфологическом или синтаксическом).

Ключевые слова: переключение языкового кода, билингвизм, социолингвистика, вариативность, ассимиляция.

The current stage of the sociolinguistic direction development in terms of bilingual speech variability research is characterized by an increased interest on the part of scientists to the problem of the influence of linguistic and extralinguistic factors on the choice of elements of the recipient language made by an informant in a certain communicative situation. At the same time, in the process of oral communication at any level of the language system, full conscious / unconscious transition of the speaker from one language to another occurs, implying a change in the general structure of the individual's speech flow due to the switching of language codes (code-switching).

It is assumed that the phenomenon of code switching was first described at the phonetic level in the 1949 scientific paper ‘Co-existent Phonemic Systems’ by American linguists Charles C. Fries and Kenneth L. Pike [6], who indicated the possibility of two or more phonemic systems co-existence in one and the same individual's speech.

Norwegian scientist H. Vogt, inspired by the ideas of U. Weinreich's in his work ‘Languages in Contact’ (1979) [7, p.36], suggested that code switching should be regarded as a separate linguistic phenomenon that emerged at the junction of psychology, sociology and pragmatics. Exploring the phenomenon of variability, E. Haugen [5], talked about the formation of a two-sided ‘constant continuum’, that consisted of partially-assimilated formations in the native / source language (interference), as well as structures of any level

of the secondary / system fully integrated into the native / source language primary language (code switching).

In this regard, it is necessary to distinguish between the concepts of 'interference' and 'code switching', the main difference of which is the degree and completeness of the transformation of the forms of one language under the influence of another, implemented at different levels of the language system (partial modification or complete change).

L.P. Krysin in his work 'Code Switches as a Component of Human Speech Behavior' (2000) emphasized the possibility of ensuring mutual understanding between communicators and the relative stability of the speech communication process due to the integration of the phonological, grammatical, syntactic and lexical elements of one language into another. It is stated that 'a true culture of verbal communication implies the ability of participants in communication to code switches'[1].

A significant contribution into the development of the general theory and practical results of language code switching was also made by R. Jakobson, A.D. Schweitzer, W. Labov, V.V. Vinogradov, whose works define the specifics, classification, features of the implementation of code switching in the process of communication between people who speak two or more languages, and also characterize the functional aspect of this linguistic phenomenon.

According to the sociolinguistic studies of the last decades in the field of language code switching, the elements change in the speech structure of bilinguals at the moment of real communication occurs under the influence of a number of external factors on the communicants: the situation, the environment, the conditions of communication, and the speaker's social role. In other words, from the point of view of pragmatics, this phenomenon can be characterized by the construction proposed by J. A. Fishman 'who speaks, what language, to whom and when' [3].

Being an interdisciplinary direction in the study of bilingual language and speech, associated with such areas of scientific knowledge and practice as linguistics, psycholinguistics, pragmatics, structuralism, sociology, psychology, minimalism, language switching codes has many different kinds of classifications presented in the works of foreign scientists N. Chomsky , K. Becker, S. Poplak, E. Wolford, H. Halmar, Sh. Poplak, J. Lipsky, G. Belazzi, K. Myers-Scotton, J. Scarborough, M. Klein, D. Maxvon, etc.

It is known that the founder of the theory of interlingual relations is rightly considered to be U. Weinreich, whose research in the field of the causes and manifestations of linguistic heterogeneity and speech variability in a real communication situation led to the following universal classification of the language code switching phenomenon [7, p.39]:

– external, extralinguistic (‘on the spot’ – ‘immediately’; representatives – K. Becker, A. Centella, N. Kamvangamalu, etc.) and sociolinguistic (representatives – D. Gumpertz, J.-P. Bloom, M. Heller, and others);

– internal, psycholinguistic (‘in the head’ – ‘mentally’; representatives – K. Becker, F. Rozien, P. Kollers, D. Lipsky, etc.);

– linguistic (‘out of the mouth’ – ‘oral’; representative – K. Becker); grammatical (representatives – S. Poplak, K. Myers-Scotton, P. Misken); syntactic (representatives – M.-B.Hansen, R. Butt, D. Clavans); structural (representatives – S. Sridhar, K. Sridhar).

It is considered appropriate to trace the features of the switching of language codes determined by the sociolinguistic factor, since studies of the variability of this type make it possible to analyze and identify the reasons for switching of language codes in the individual's speech flow from the point of view of a rather wide context of using language units a) representatives of a particular social group; b) under certain environmental conditions; c) in a certain situation of communication.

It is reported that the consideration of code switching in the studies of social linguistics occurs at the macro level (general) and micro level (particular), and is also based on the so-called ‘role theory’ developed by an American scientist D. Bell in 1965 [4].

The macro level is characterized by code switching in the speech behavior of bilinguals within the framework of linguistic community; there is a description of the functions of the language in various situations of communication in a multilingual society and is determined by the choice of language in the situation of communication. The macroscopic level of the language sociology is oriented towards the social and psychological aspects of the use of the linguistic variant in a multilingual society, taking into account the specifics of the social sphere of its application. American researchers Ch. A. Ferguson (the concept of ‘diglossia’) and J. Fishman (the analysis of ‘domains’) were engaged in the development of this level of code switching functioning.

Undoubtedly, depending on the social situation, the communication participants have different ranks in the production hierarchy, which makes it possible to speak about the ‘role theory’.

In this regard, the scientists J.-P. Bloom, J.J. Gumperz in 1972 [2] first proposed code switching analysis at the micro level, determined the features of changing codes in the situational (changing the communicative situation) and metaphorical (achieving a certain communicative effect) aspects. The microscopic implementation level of code switching is determined by assessing the influence of extra-linguistic factors on the language and speech

of small groups of informants or individuals in a certain communication situation, chosen as the object of study.

In conclusion it should be noted that the variability of language and speech must be considered not only in an extra-linguistic aspect with an emphasis on the social side of the language, but also at the level of morphological, phonetic and syntactic paradigms, as a result of which relations between language systems are revealed upon their contact.

Due to the constant switching of codes in the process of systematic and simultaneous use of two languages in the informant's speech, the boundaries and differences of the codes used in the native / source language are erased and cross-language interference occurs at the segmental level.

Thus, while interference mainly reflects the relationship between language systems during their contact, the code switching process is associated with the very situation of bilingualism, which proves the possibility of parallel manifestation of the mentioned linguistic phenomena in bilingual speech and their complementarity.

List of references

1. Bell D. / The Coming of Post-Industrial Society/ D. Bell. – New York: Basic Books, 1999. – pp. x–xi, xiv, xv–xvii.
2. Bloom J.-P. / Social meaning in linguistic structure: code-switching in Norway / J.-P. Bloom, J.J. Gumperz // Li W. (ed.) The Bilingualism Reader. L.: Routledge. – P. 11-136, 2000
3. Fishman J.A. / Who Speaks What Language to Whom and When? / J.A. Fishman. – Published by: Presses Universitaires de France. – La Linguistique. – Vol. 1, Fasc. 21965. – pp. 67-88
4. Fries C.C. / Co-existent Phonemic Systems / C.C. Fries, K.L. Pike– Language. – XXV, 1949
5. Haugen E. / The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior / E. Haugen, 1953 (ISBN 0-253-34115-9)
6. Krysin L.P. / Code Switches as a Component of Human Speech Behavior / L.P. Krysin. – Speech communication: specialized messenger. – Vol. 3 (11). – Krasnoyarsk, 2000. – p. 61-64)
7. Weinreich U. Language Contacts: Status and Research Issues: Trans. from English. / U. Weinreich. – Kiev: Vishcha school. Publishing house at Kiev university, 1979. – p. 36-39

УДК 811.111-26

Языковой анекдот как средство обучения языку и культуре

Гавриш Анна Сергеевна
ст. преподаватель центра лингвистики и межкультурной коммуникации
института права и национальной безопасности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, РФ, г. Москва
Ariona0606@rambler.ru

Linguistic joke as a means of teaching language and culture

Gavrish Anna Sergeevna
Senior lecturer of the Center for linguistics and professional communication
Institute of law and national security
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос применения определенных видов языковой игры в преподавании иностранных языков. Автором обосновывается идея о том, что языковая игра является незаменимым инструментом в профессиональном арсенале педагога. Основное внимание автор акцентирует на особенностях языковой игры как средства обучения иностранному языку через призму культуры. Основное содержание исследования составляет анализ научных изысканий по данному вопросу, посвященных характерным признакам такого вида языковой игры, как игра слов или каламбур. В статье также рассматривается классификация креолизованных языковых анекдотов как вида языковой игры, вызывающего особый интерес обучающихся. В статье устанавливается значимость применения языковой игры для освоения межкультурных компетенций, исключительно актуальных в современном мире, а также повышения общей мотивации и заинтересованности слушателей в предмете.

Ключевые слова: языковая игра, игра слов, каламбур, креолизованный языковой анекдот, межкультурная компетенции, мотивация, обучение иностранному языку.

Abstract. This article deals with the use of certain kinds of language game in teaching foreign languages. The idea of language game being an irreplaceable and indispensable means for any professional language teacher is justified in the paper. Special attention is given to typical features of language game used as an instrument in language teaching through culture. The article contains a detailed analysis of scientific studies devoted to the main characteristics of such kinds of language game as wordplay and pun. The article touches upon the issue of classification of creolized linguistic jokes. It draws attention to the fact that the phenomenon of such jokes always attracts language learners' attention. The importance of using language game for motivating students and increasing their interest in the subject is stated in the paper. The main conclusion drawn in the article is that language game in the form of wordplay or pun and creolized linguistic jokes is essential for mastering cross-cultural competences.

Keywords: language game, wordplay, pun, creolized linguistic jokes, cross-cultural competences, motivation, language teaching.

Появление языковой игры датируется не сегодняшним днем. С течением времени по мере развития появилось несколько форм данного явления. В этой статье мы будем говорить о языковой игре, предполагая также такие ее формы, как игра слов, каламбур и т.д. Различия между данными терминами подробно описываются в работе Е.М. Александровой «Языковая игра по правилам и без» [3], где отмечается, что игра слов и каламбур выступают в качестве синонимов и представляют собой семантическую разновидность языковой игры.

Языковая игра, безусловно, универсальна, но ее правила и особенности меняются от страны к стране, от культуры к культуре, от языка к языку.

Сходства и отличия в языковой игре в различных языковых традициях становятся объектом внимания многих исследователей, как то Гридиной, Земской, Китайгородской, Седова, Александровой и др. (см. [2-7, 9,10,12,13]).

На создание языковой игры влияют не только особенности языковой системы, но и речи: «Языковая игра является, с одной стороны, системным явлением, поскольку ее специфика во многом определена возможностями языковых систем, с другой стороны, творческим, который позволяет выявить как случаи недостатка, так и избыточности языковых правил и речевых норм» [3, с. 203].

Языковая игра может быть компонентом разных жанров. Она встречается в литературных произведениях, шутках, анекдотах, шарадах, загадках, афоризмах, частушках и др. [12, 13].

Одним из наиболее продуктивных жанров для реализации языковой игры является анекдот. В нем объединены как особенности культуры, так и языка. Краткость делает языковой анекдот удобным материалом для иллюстрации тех или иных языковых и культурологических явлений. Игра, лежащая в основе языкового анекдота, является эффективным инструментом при обучении языку.

Понимая преобладающую роль игры в личностном развитии людей, педагоги все чаще прибегают к этой практике в своих учебных задачах (см. напр. [2,3,4,10]).

Е.М. Александрова отмечает: «Например, при работе по темам “Многозначные слова”, “Омонимы”, “Фразеологизмы” возможна работа, связанная с анализом анекдотов, содержащих языковую игру, так как использование подобных построений дает возможность на практике проследить особенности данных лингвистических явлений» [2, с. 174].

С юных лет дети учатся и познают окружающий мир в процессе игры, в связи с этим педагоги, психологи и родители отмечают актуальность и полезность игры в различных ее формах. Мы также не можем игнорировать тот факт, что взрослые

используют игры для повышения собственной мотивации и, следовательно, увеличения эффективности освоения необходимого материала.

Включение шуток и каламбура в обучение иностранному языку дает, с одной стороны, прекрасную возможность учащемуся выразить свое собственное мнение по поводу содержания нестандартного учебного материала, и, с другой стороны, предоставляет преподавателю возможность изменить темп обучения, предоставив слушателю передышку, освободив на некоторое время от жестких ограничений, заложенных в правила преподавания английского.

Другими словами, учащийся непосредственно соприкасается с реалиями страны изучаемого языка через языковые анекдоты, предложенные ему в качестве особого содержания обучения. Языковой анекдот позволяет приобретать знания и получать информацию через призму культурной информации, сконцентрированную в ней, и, следовательно, развивать межкультурную компетенцию учащихся.

В дополнение к вышеперечисленным преимуществам языкового анекдота можно отметить, что они, как правило, вызывает смех, тем самым повышает общую мотивацию учащийся и способствует снятию эмоционального напряжения в аудитории.

Преподавание иностранного языка по средствам языковой игры не только благоприятно влияет на развитие умственных способностей и личности учащегося, но и обогащает словарный запас прямо или косвенно усваиваемыми лексическими единицами, а также грамматическими конструкциями.

Примечательным является тот факт, что, чтобы рассказать анекдот, в том числе и языковой, нужно обладать хорошими навыками рассказчика: привлечь и захватить внимание слушателя и создать напряженное ожидание развязки. Анекдот также приглашает к взаимодействию между рассказчиком и слушателям, т.к. учащемуся предлагается приложить усилия, чтобы понять его подтекст, передаваемые в нем сообщения. Следовательно, рассказывание анекдотов способствует развитию коммуникативной компетенции. Языковой анекдот также предоставляет возможность свободно выразить свои мысли, сообщить информацию, которую невозможно передать иными средствами из-за опасения показаться неуместным или даже грубым, т.е. благодаря анекдотам мы можем говорить о том, о чем в другой ситуации говорить бы не смогли. Таким образом, анекдот становится ключом, который облегчает вхождение в мир представителей других культур и способствует их продуктивному общению и сближению. Е.М. Александрова отмечает: «Привлечение «несерьезного» фольклорного материала, а именно кратких, быстро

запоминающихся, простых по содержанию текстов анекдотов при изучении сложных языковых явлений способствует более успешному усвоению суммы знаний, уяснению сути многих языковых явлений, более глубокому усвоению языка» [2, с.174].

Следует также отметить, что восприятие языкового анекдота зависит от слушателя: одного человека он может заставить смеяться, другого оставит равнодушным, а третьего способен шокировать. Именно поэтому изучение языка при помощи языковых анекдотов предполагает наличие у преподавателя глубокого знания культуры изучаемого языка, что обеспечивает наличие богатого и разнообразного репертуара шуток и каламбуров, использование которых можно варьировать, основываясь на особенностях тех или иных групп учащихся. Грамотно примененная шутка не вызовет у слушателя негативных эмоций, а побудит его приложить усилие, чтобы понять ее смысл, увеличит стремление изучать иностранный язык.

Особый интерес у учащихся будут вызывать так называемые креолизованные языковые анекдоты [1,8,11], представляющие собой анекдоты с картинкой, где иллюстрация может иметь разные функции. «Было выявлено, что основными формами бытования анекдота, основанного на языковой игре, являются: анекдот-смс (скриншот обмена сообщениями интернет-мессенджера (WhatsApp, Viber и др.), анекдот-комикс, анекдот-карикатура, анекдот-«интернет-открытка» и анекдот-демотиватор и т. д.» [1, с. 66]. Безусловно, такой материал повысит заинтересованность в предмете.

Выводы: языковой анекдот может использоваться как эффективное средство преподавания и изучения языка, особенно для развития межкультурных компетенций среди учащихся, а также повышения мотивации и улучшения коммуникативной компетенции.

Список литературы

1. Александрова Е. М. Креолизованный мем как новая форма бытования языковых анекдотов / Е. М. Александрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 8(74). Ч. 2. – С. 65–69.
2. Александрова Е. М. Языковая игра в оригинале и переводе (на материале английских анекдотов): учебное пособие / Е. М. Александрова. – М.: Университетская книга, 2010. – 174 с.
3. Александрова Е. М. Языковая игра по правилам и без (на материале русского, английского и французского языков): монография / Е. М. Александрова. – М.: КДУ, Университетская книга, 2018. – 252 с.
4. Александрова Е. М. Парцелляция как экспрессивно-синтаксический прием расчленения текста (на материале коротких анекдотов) / Е. М. Александрова, О. А. Астафьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6 (48). Ч. 1. – С. 13–17.

5. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996. – 214 с.
6. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра// Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – С. 172–211.
7. Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001.
8. Нежура Е. А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 47–52.
9. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
10. Седов К.Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. – М., 1998.
11. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
12. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
13. Щербина А.А. Сущность искусства словесной остроты. М., 1978.

УДК 811.111-26

Вопрос изучения концептов в контексте глобализирующегося мира

Гавриш Анна Сергеевна
Старший преподаватель Центра лингвистики и межкультурной коммуникации
Института права и национальной безопасности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, РФ, г. Москва
ariona0606@rambler.ru

Калашникова Ольга Кимовна
ст. преподаватель центра лингвистики и межкультурной коммуникации
института права и национальной безопасности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, РФ, г. Москва
olgakalashnikova2008@yandex.ru

Самсонова Татьяна Ивановна
Старший преподаватель Центра лингвистики и межкультурной коммуникации
Института права и национальной безопасности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, РФ, г. Москва
sipssips@yandex.ru

The issue of studying concepts in the context of the globalising world

Gavrish Anna Sergeevna
Senior lecturer at the Center for Linguistics and professional communication
Institute of Law and National Security
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow

Kalashnikova Olga Kimovna
Senior lecturer of the Center for linguistics and professional communication
Institute of law and national security
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow

Samsonova Tatyana Ivanovna
Senior lecturer at the Center for Linguistics and professional communication
Institute of Law and National Security
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается актуальная сегодня проблема обеспечения продуктивного взаимодействия представителей разных культур в контексте глобализирующегося мира. Исследуется возможность подробно изучать и устанавливать культурные особенности представителей других стран, носителей иностранных языков при помощи методологического аппарата лингвокультурологии. Раскрывается связь между языком и культурой, приводятся методы анализа единиц исследования в лингвокультурологии – концептов. Описывается строение лингвокультурологического поля на примере концепта «семейные ценности», исследованного на материале текстов трех ведущих партий Великобритании. Делаются выводы о его характерных особенностях и возможности использования полученных данных при преподавании дисциплин гуманитарного цикла, в том числе иностранных языков и межкультурной коммуникации, с целью повышения коммуникативной компетенции учащихся.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультурология, концепт, ценности, лингвокультурологическое поле, эвфемизм.

Abstract. The article deals with the relevant issue of ensuring efficient cooperation of representatives of various cultures in the context of the globalizing world. The opportunity to use methodological basis of cultural linguistics or linguocultural studies for examining and revealing cultural peculiarities of representatives of other countries and native speakers of other languages is studied. The connection between language and culture is disclosed; methods of examination used in cultural linguistics for studying concepts are stated. The structure of a linguocultural field is described with the example of the concept "family values". Some political texts of the major political parties of the UK are analysed. Some conclusions about characteristic features of the field of the concept "family values" are made. The authors suppose that the received data may be used for teaching humanities, especially foreign languages and cross-cultural communication, in order to increase cross-cultural competence of students.

Keywords: language, culture, cultural linguistics, concept, values, linguocultural field, euphemism.

Процесс глобализации неизбежно приводит к интенсификации взаимодействия представителей разных культур. Для повышения продуктивности данного взаимодействия и снижения риска возникновения конфликтов необходимо понимание мотивов поступков носителей другой культуры, т.е. осознание того, что является для них ценностью, что они готовы отстаивать, за что будут бороться. Авторы статьи предлагают использовать методологический аппарат лингвокультурологии, науки возникшей на стыке лингвистики и культурологии, для достижения данных целей.

Вопрос взаимодействия языка и культуры заинтересовал многих выдающихся ученых (Гумбольдт, Потебня и др.) около двух столетий назад. Важный вклад в изучение взаимосвязи языка и культуры внесли американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф, разработавшие так называемую "гипотезу лингвистической относительности". В основу теории положено утверждение о том, что человек видит мир через призму родного языка. Сепир утверждал, что «язык не существует и вне культуры, то есть внесоциально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [5, с.185].

Культура и язык неразрывно связаны: личность (как и целая нация) существует в среде, созданной одновременно обоими данными феноменами. Человек усваивает, хранит и передает накопленный опыт, традиции и ценности следующим поколениям посредством языка. Культура, в свою очередь, влияет на его формирование и развитие, питая и обогащая язык новыми понятиями и оттенками смысла.

В качестве единицы исследования В.В. Воробьев предлагает рассматривать лингвокультурему [1], а Ю.С. Степанов отдает предпочтение концепту (лингвоконцепту). В.Н. Телия называет концепт «вербализированным культурным смыслом» [7], Ю.С. Степанов - «сгустком культуры в сознании человека» [6], а В.И. Карасик считает, что «лингвоконцепт образуется единством ценностной, образной и понятийной сторон» [3, с.109]. Таким образом, лингвоконцепт (или просто концепт) и лингвокультурему можно считать синонимичными понятиями для лингвокультурологии, т.к. обе данные единицы заключают в себе объединенное языковое и культурное содержание, а также сходны по структуре.

В связи с тем, что лингвокультурология является наукой синтезирующего типа, в нее были заимствованы методы анализа из смежных дисциплин, таких как лингвистика, этнолингвистика и культурология. Данные методы используются в лингвокультурологии выборочно и являются взаимодополняющими. При изучении лингвокультурологических особенностей отдельных единиц или целых текстов

авторы считают наиболее подходящими такие методы исследования, как метод сплошной выборки лексических единиц из текстов, сравнительно-сопоставительный анализ, семантический анализ, этимологического анализ, анализа коннотативных смыслов, контекстуальный анализ, а также анализ частотности употребления отобранных лексических единиц. В.В. Воробьев предлагает использовать также метод поля, широко применяемый во многих научных дисциплинах, таких как лексикология, грамматика, лексикография и др. [1].

Для выявления особенностей концепта «семейные ценности» можно анализировать тексты официальных документов политических партий, идущих на выборы, статьи и заявления в СМИ, так как основная цель таких политических организаций – заручиться поддержкой избирателей, а значит, обратиться к тому, что является наиболее значимым не только для их привычного электората, но для всего народа, населения страны в целом.

В этой статье лингвокультурологический анализ проводится на материале текстов официальных документов (манифестов, программных статей, речей и заявлений) в области семейной политики Консервативной, Лейбористской и Либерально-демократической партий Великобритании, опубликованных на их официальных сайтах (общим объемом 39 страниц). В данной работе из текстов трех крупнейших партий Великобритании были отобраны и рассмотрены лексические единицы, входящие в состав лингвокультурологического поля концепта «семейные ценности». [9,10,11]

Критериями отбора данных единиц служит их семантическая связь с концептом «семейные ценности», являющимся именем поля, и частотность их употребления в анализируемых текстах.

Для определения интересующих нас единиц был проведен семантический анализ концепта “family values” («семейные ценности). Согласно Оксфордскому словарю, “family values - values supposedly learned within a traditional family unit, typically those of high moral standards and discipline” [8]. Из данного определения следует, что среди семейных ценностей ключевую роль в Великобритании отводят семье как среде, в которой хранятся и культивируются семейные ценности и которая сама является одной из данных ценностей. Согласно Оксфордскому словарю, слово “family” имеет следующие значения:

1. a group consisting of two parents and their children living together as a unit;
2. a group of people related by blood or marriage;
3. the children of a person or couple being discussed;

4. all the descendants of a common ancestor;

5. a group of related things (biology, linguistics, maths);

6. attrib. - designed to be suitable for children as well as adults.

Анализ частотности употребления языковых единиц, входящих в лингвокультурологическое поле «семейные ценности», был проведен при помощи специализированной программы “WFCA” (Hermetic Word Frequent Counter Advanced Version 12.89), и его результаты позволили разделить данные единицы на следующие группы: лексические единицы (существительные), составляющие ядро и центр лингвокультурологического поля «семейные ценности»; концепты, составляющие центр и периферию исследуемого поля; лексические единицы (глаголы), описывающие намерения и действия политиков по отношению к лексическим единицам и концептам, обозначающим «семейные ценности» и, соответственно, составляющие периферию исследуемого поля; лексические единицы (прилагательные), описывающие «семейные ценности» британского общества и входящие в периферию лингвокультурологического поля.

Таблица 1

	Консерваторы	**Лейбористы**	**Либ-демократы**
Существительные	175 Family – 68, Children – 41 Parents – 19 Childcare – 7	**289** Family – 98 Children – 84 Parents – 51 Childcare – 25	231 Family – 53 Children – 64 Parents – 28 Childcare – 35
Глаголы	82 to help – 19 to support – 10 to provide – 11 to ensure – 8	**110** to help – 23 to support – 18 to provide – 4 to ensure – 8	64 to help – 8 to support – 5 to provide – 16 to ensure – 14
Прилагательные	39 young – 8 parental – 4 fair - 0 flexible – 8	**84** older – 19 maternity – 10 fair – 12 flexible – 15	54 older – 11 parental – 11 fair – 8 flexible – 8

Вышеприведенная таблица является кратким обобщением, более подробно итоги сопоставления результатов исследования лингвокультурологического поля «семейные ценности» можно представить следующим образом:

Ядро поля составляют 4 наиболее часто употребляемые всеми политиками, не зависимо от партийной принадлежности, лексические единицы: “family”, “children”, “parents”, “childcare” – они указывают наиболее значимые для британцев понятия - «семейные ценности». Помощь родителям и детям приоритетна – акцент в ней

делается на предоставление родителям гибкого рабочего графика (“flexible working for parents” – предложение всех трех партий) и качественного социального обеспечения ребенку (“free childcare” – общее требование всех трех партий).

Центр поля составляют лексические единицы, употребляемые несколько реже, однако тесно связанные с ядром поля семантическими связями и представляющими собой «семейные ценности» следующего по значению порядка: “father”, “mother”, “older people”, “grandparents”, “relatives”, “couple”, “marriage” и некоторые другие (с наиболее низкой частотностью употребления). Примечательным является то, что такая ценность как “home” у консерваторов встречается лишь раз. Лейбористы упоминают “home” 11 раз, а либерал-демократы 9 раз. Однако значения данной единицы несколько разнятся. Консерваторы используют “home” (употреблено всего раз), как синоним слова «семья» (“to take children to their homes” = to adopt). В Оксфордском словаре это значение сформулировано следующим образом: “the family or social unit occupying a permanent residence”. В данном значении оно употреблено и у лейбористов (“most of who we are and what we become starts at home”). Тем не менее, чаще данная лексическая единица используется в двух других словарных значениях, а именно как: “a house or flat considered as a commercial property” (“homes affordable for all”, “bring empty homes back into use”) и как “the place where one lives permanently, especially as a member of a family or household” (to stay at home or wok part-time), т.е. ценность представляет именно некий объект недвижимости.

Все лексические единицы (существительные) составляющие ядро и центр стилистически не маркированы и характеризуются положительными коннотативными значениями: «человек, член семьи, который важен для общества и которого государство должно поддерживать и защищать», «группа людей, являющаяся основой общества и нуждающаяся в помощи и защите государства», «семейная ценность, нечто важное для полноценного существования семьи, общества и государства».

Периферия лингвокультурологического поля «семейные ценности» представлена лексическими единицами (глаголами), выражающими действия и намерения, исходящие от представителей политических партий по отношению к лексическим единицам, составляющим ядро и центр исследуемого поля, а также лексическими единицами (прилагательными), описывающими лексические единицы ядра и центра поля (“disabled children”, disabled relatives”, “dysfunctional families”, “lone parent”, etc.) или являющимися дериватами от лексических единиц ядра и центра поля (“maternity pay”, “parental leave”, ect.). Рассмотрим их подробнее. Подавляющее

большинство глаголов, встречающееся в сочетании с другими лексическими единицами лингвокультурологического поля «семейные ценности» (даже те, что недостаточно часто употребляются в текстах хотя бы одной партии для того, чтобы быть включенными в таблицу) либо стилистически нейтральны, либо характерны для официально-делового стиля. Более того, в исследованном контексте они обладают положительными коннотациями: «действие, направленное на достижение улучшения, положительного изменения» «действие, направленное на закрепление положительного результата» и т.п. (“to protect children”, “to increase the focus on the neediest families”, “to provide better access rights to non-resident parents”, “to ensure the delivery of dedicated support to disadvantaged and dysfunctional families”, “to establish nineteen month of parental leave”, “to improve childcare”, “to give quality childcare”, “to promote internet safety for children”, “to maintain tax credits which are vital to millions of low and modest income families”, “to strengthen parental engagement”)

Для выражения действий политиков по отношению к единицам лингвокультурологического поля «семейные ценности» характерно употребление времен Future Simple – для выражения обещаний и намерений, Present Perfect – для акцентирования внимания избирателей на уже достигнутых результатах, и Present Continuous (не так часто) – продолженное время употребляется специально, чтобы подчеркнуть то, что политики непрерывно в данный период времени работают над решением проблем населения и улучшением социального и финансового положения семей Великобритании (“We will help families”; “We will support”; “We will give targeted help to disadvantaged and dysfunctional families”; “We have already increased paid maternity leave”; “We are extending the right to request…”, “Labour is fighting for a future fair for all”).

В политических текстах всех партий в пространстве исследуемого лингвокультурологического поля можно выделить следующие эвфемизмы, употребляемые политиками из соображений политкорректности: - “poorer families”, “disadvantaged families”, “neediest families” вместо “poor families”; “disabled children”, “disabled relatives” вместо “children / relatives with physical or mental illnesses”, “older people”, “elderly people” вместо “old people”, “later years” вместо “old age” (старость). Можно сделать вывод, что ценностями для жителей Великобритании являются вежливость и политкорректность.

Примечательно значимое пересечение лингвокультурологического поля «семейные ценности» с полем лингвокультуремы “fairness” и, как результат, взаимопроникновение полей, когда лексическая единица “fair” может быть отнесена

к периферии исследуемого в данной работе поля. Такое соотнесение осуществляется на основании того, что в контексте анализируемых политических документов лексическая единица “fair” приобретает дополнительное подзначение к основному значению, а именно «справедливое отношение ко всем семьям и членам семей вне зависимости от их пола, возраста, физических и умственных способностей, социального положения и др. признаков» (“Labour will work to deliver a fair future for all families”)

Из собранных и проанализированных данных можно сделать вывод, что основными семейными ценностями, нашедшими свое отражение в семейной политике основных политических партий Великобритании, стали: семья (“family’), родители (“parents”), дети (“child”, “children”) и социальной обеспечение детей (“childcare”). Все три партии (Консервативная, Лейбористская и Либерально-демократическая) в большей или меньшей степени уделяют внимание поддержке семей разного социального положения и материального достатка, поддержке работающих родителей – “to support rurally remote families/ neediest families/ disadvantaged families/ dysfunctional families”; “rights for parents to request flexible working”.

Таким образом, можно проанализировать любой концепт и выстраивать взаимодействие с носителями других языков и представителями других культур с учетом полученных результатов. Информация, представленная в данной статье, может быть применена для преподавания межкультурной коммуникации и других дисциплин.

Список литературы

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2008
2. Гуревич П.С., Основы философии. – КноРус М., 2019
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение – Юрайт, М., 2019
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ.// Общ. ред. и вст. ст. А.Е.Кибрика. – М.: Изд. гр. «Прогресс», «Универс», 1993
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997
7. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов// Сокровенные смыслы: Слово, Текст, культура: Сб. статей в честь Н.Д.Арутюновой. – М., 2004
8. Oxford Dictionary of English, Revised Edition - Oxford University Press, 2005 – коллекция словарей AbbyLingvo
9. Официальный сайт Консервативной партии Великобритании [http://www.conservatives.com]
10. Официальный сайт Лейбористской партии Великобритании [http://www2.labour.org.uk]

11. Официальный сайт Либерально-Демократической партии Великобритании [http://www.libdems.org.uk]

УДК 811.111-26

Проблема перевода языковой игры в аудиовизуальных произведениях

Гавриш Анна Сергеевна
Старший преподаватель центра лингвистики и межкультурной коммуникации
института права и национальной безопасности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, РФ, г. Москва
ariona0606@rambler.ru

Муравых Ольга Анатольевна
Старший преподаватель центра лингвистики и межкультурной коммуникации
института права и национальной безопасности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, РФ, г. Москва
olgamuravykh@yandex.ru

The problem of translation of language game in audiovisual works

Gavrish Anna Sergeevna
Senior lecturer of the Center for Linguistics and professional communication,
Institute of Law and National Security
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow

Muravykh Olga Anatolievna
Senior lecturer of the Center for Linguistics and professional communication
Institute of Law and National Security
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow

Аннотация. В статье излагаются взгляды на актуальную на сегодняшний день тему проблемы аудиовизуального перевода. Раскрывается связь такого перевода как с языковыми, так и с техническими аспектами. Освещаются проблемы перевода языковой игры, перевода языковых шуток и юмористических отрывков, представленных в аудиовизуальных произведениях. Описываются стратегии и методы перевода языковой игры в контексте аудиовизуального произведения, предлагаемые в научных исследованиях. Делается вывод о том, что для выполнения качественного аудиовизуального перевода языковой игры переводчику необходимо как знание о структурных и типологических особенностях переводимого явления, так и умение правильно интерпретировать языковую игру в контексте аудиовизуального произведения в исходном языке и выбирать релевантные стратегии и методы для его передачи в переводящем языке.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, языковая игра, лингвистические шутки, юмористические отрывки, квазиперевод, каламбур

Abstract. The article deals with the pressing issue of the problem of audio-lingual translation. The paper is concerned with the connection of this kind of translation with both language and technical aspects. The problems of translating language game, language jokes and comic extracts presented in audiovisual works are studied. Strategies and methods of translating language game in the context of an audiovisual work are thoroughly described. The following conclusions are made: translators require the knowledge of structural and typological peculiarities of the phenomenon, they must be skilled at understanding and interpreting language game in the context of the audiovisual work in the source language and be able to choose relevant strategies and methods for presenting it in the target language.

Keywords: audiovisual translation, language game, linguistic jokes, comic extracts, quasi-translation, wordplay

Просматривая иностранные фильмы в дублированном или субтитрированном переводе, большинство людей испытывает разочарование по поводу качества перевода. Следует отметить, что в последнее время ситуация с качеством перевода значительно улучшилась, тем не менее она остается важной как для зрителей, так и для переводчиков.

Проблемы аудиовизуального перевода связаны не только с языковыми, но и с техническими аспектами. Переводчик должен учитывать множество различных дополнительных лингвистических и технических деталей, которые не важны для переводчиков художественной литературы. И при создании субтитров, и при создании дублированных переводов возникают как временные, так и пространственные ограничения, с которыми переводчику необходимо справиться. Переводчик аудиовизуального продукта должен принимать во внимание продолжительность реплик, их связь с видеорядом, интонацию, которая должна соответствовать жестам и выражениям лица и т.д. Переводчику часто приходится выбирать, на чем экономить, и решать, какие компоненты текста оригинала он может принести в жертву.

Перевод аудиовизуальных произведений зачастую осложняется использованием явлений, относимых к непереводимым: реалий, фразеологических единиц, имен собственных, жаргонизмов, иноязычных вкраплений, терминов и т. д. Но самые большие сложности возникают в случае перевода языковой игры и, в особенности, ее разновидностей (игры слов, каламбура). Широкое использование лингвистических шуток (шуток, основанных на языковой игре) в фольклоре, литературе, кино и рекламе, а также агностицизм исследователей в отношении проблемы перевода слов, которые часто рассматриваются как непереводимые,

провоцирует необходимость изучения данного вопроса. Тем не менее, многие переводчики зачастую относят данный феномен к сложным или непереводимым явлениям: Бойер называет юмор «межкультурным препятствием» [7]; Фитс заявляет, что «шутка может быть неприятностью», особенно когда необходимо перевести»[8, с. 39]; Люте объясняет невозможность идеального перевода тем, что существуют «лингвистические, а также историко-культурные различия» [9, с. 64].

В большинстве случаев языковые шутки при переводе могут быть опущены или прокомментированы. Однако комментарии не так интересны, как поиск подходящего варианта перевода. В случае аудиовизуального перевода вопрос о комментариях снимается.

Есть некоторые особые случаи, когда языковые шутки не могут быть опущены или прокомментированы, и одним из них является аудиовизуальный перевод: создание субтитров или дублирование. Лингвистические шутки, используемые в фильмах, имеют сильную прагматику, у них есть некоторые важные функции. Шутки помогают развить диалог, снять напряжение в разговоре, охарактеризовать персонажей, показать несоответствие осознания персонажей зрителем, вызвать реакцию аудитории (смех), высмеять серьезные предметы и события и т. д.

Перевод юмористических отрывков – один из самых интересных моментов аудиовизуального перевода.

В России переводческая традиция озвучивания более популярна, чем использование субтитров, и поэтому зачастую восприятие всего продукта зависит от качества перевода и озвучивания.

Для того чтобы научиться переводить языковую игру, нужно сначала ознакомиться с данным феноменом с целью узнавать его и правильно интерпретировать. Структура, функции и типологические особенности языковой игры на материале разных языков подробно описываются в работах Е.С. Абаевой, Е.М. Александровой и Д.И. Ермолаевича [1,2,5,6].

Переводчик по очереди выполняет роли получателя исходного текста и отправителя переведенного текста, поэтому ему нужны сначала умения расшифровывать, декодировать каламбур, а затем воспроизводить его, используя средства другого языка.

Только научившись распознавать языковую игру, переводчик может осуществить ее перевод. Рассмотрим пример из мультипликационного фильма «Aladdin» (1992):

Genie: “WellIfeelsheepish! Okay you baaa’d boy, but no more freebies.”

Не каждый переводчик сможет с первого предъявления увидеть здесь языковую игру, основанную на обыгрывании сходства звучания прилагательного *bad* (плохой) и существительного *baa* [bɑ:] (блеяние овцы).

Так, например, на сайте субтитров языковая игра не получила отражения в переводе [11].

Именно понимание структуры языкового явления может позволить переводчику выбрать правильную стратегию для передачи языковой игры. Только очень талантливые переводчики достаточно искусны, чтобы сохранить шутку и ее комический эффект, вызванный игрой слов.

Изучение специфики, алгоритмов и стратегий перевода языковой игры является важным шагом на пути создания качественного перевода. Стратегии, тактики, операции, методы и преобразования подробно описываются в работах Е.М. Александровой [2,3,4,5]. В качестве наиболее релевантной стратегии перевода языковой игры в контексте аудиовизуального произведения Е.М. Александрова предлагает «квазиперевод» (адекватный «квазиэквивалентный» перевод), который предполагает использование различных наборов тактик, направленных на сохранение как прагматических, так и семантических и синтаксических характеристик высказывания, среди которых наиболее важное значение имеют тактика сохранения одного из знаков ядра языковой игры и тактика сохранения «двусмысленности» [4, с. 64]. Е.М. Александрова также предлагает методы перевода каламбура, такие как ассоциативный метод, метод «поискового слова», а также логико-эвристический метод, которые могут быть дополнены вспомогательными методами обработки больших данных (bigdata): методом «обработки карты слова», методом «словарной ошибки», методом «краудсорсинга» [3].

Изучение теоретических положений, а также анализ уже существующих переводов способствует формированию у переводчика необходимых навыков. Удачные переводы уже не редкость.

Так, обратим внимание, при передаче следующего примера, переводчик осуществил перевод языковой игры, используя аналогичный языковой механизм (паронимию):

Я глупый баран! Ладно бээзобразник, но больше не хитрить [12].

Аналогичным образом поступает и переводчик французского языка:

Tuesbêêêteetméchant! Finis, lescadeaux! [10].

В заключение можно сказать, что далеко не в каждом случае перевод языковой игры в аудиовизуальном произведении является приемлемым.

В некоторых случаях переводчик выходит за рамки «перевода» (сохраняя только ключевое слово или слова, которые обычно называют производными объектами), используя другие формы представления текста. Наиболее удачные варианты перевода появляются, когда переводчик пытается сохранить шутку и каламбур. Языковая игра, основанная на омонимии и паронимии, является наиболее трудной для перевода, в то время как языковая игра, основанная на использовании многозначных слов и окказионализмов, может быть успешно переведена. Выбор стратегии перевода языковой игры зависит как от контекста, так и от видеоряда и прагматики шутки.

Список литературы

1. Абаева Е. С. Сложности перевода отрывков с юмористическим эффектом с русского на английский язык / Е. С. Абаева // Русский язык и культура в зеркале перевода: VII Международная научная конференция; 28.04 – 03.05. 2017, г. Афины, Греция: Материалы конференции: электронное издание. – М.: ООО Издательский дом «Неолит». 2017. – С. 7–17.
2. Александрова Е. М. Жанр анекдота: проблемы перевода (на материале русских и французских анекдотов)/ Е.М. Александрова: монография. – Орехово-Зуево, 2008. – 144 с.
3. Александрова Е.М. Перевод анекдота: проблемы адекватности и эквивалентности. автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2006. – 206 с.
4. Александрова Е. М. Перевод языковой игры: проблемы адекватности и эквивалентности: учебное пособие / Е. М. Александрова. – М.: Университетская книга, 2012. – 64 с.
5. Александрова Е. М. Языковая игра в оригинале и переводе (на материале английских анекдотов): учебное пособие / Е. М. Александрова. – М.: Университетская книга, 2010. – 174 с.
6. Ермолович Д. И. Комментарии / Д. И. Ермолович // Льюис Кэрролл. Путешествие в Зазеркалье и что там обнаружила Алиса / Пер. с англ., предисл., комм. и илл. Дмитрия Ермоловича. – На рус. и англ. языках. – М.: Auditoria, 2017. – С. 261–326.
7. Boyer, Henri. 2001. L'humour comme connivance intreculturelle et comme obstacle interculturelle. In : Laurian, Anne-Marie & Thomas Szende (eds). Les mots du rire: comment les traduire? Essaisde Lexicologie. Bern :PeterLang. 35-43.
8. Fitts, Dudley. 1959. The poetic nuance. In: Brower, Reuben A. (ed). Ontranslation. Cambridge, Massachusetts: Harvard UP. 32-37.
9. Luthe, Heinz Otto. 1995. Komikübersetzung – ein Feld aus zuhan deln der symbolischer Ordnung. In: Unger, Throsten, Brigitte Schulze & Horst Turk (eds). Differente Lachkulturen? Fremde Komikundihre Übersetzung. Tübingen: Gunter Narr. 47-66.
10. http://www.yifysubtitles.com/movie-imdb/tt0103639
11. https://subtitry.ru/subtitles/143411316/?aladdin
12. http://mega-mult.ru/disney/alladin/83-multfilm

УДК 10.02.04

Переменные и устойчивые признаки общеязыковых категорий

Гончарова Алена Владимировна
канд. филол. наук, доцент Централингвистики и межкультурной коммуникации
Института права и национальной безопасности
Российской Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, РФ, г. Москва
litera2306@mail.ru

Калашникова Ольга Кимовна
ст. преподаватель Центра лингвистики и межкультурной коммуникации
Института права и национальной безопасности
Российской Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, РФ, г. Москва
olgakalashnikova2008@yandex.ru

Гавриш Анна Сергеевна
ст. преподаватель Центра лингвистики и межкультурной коммуникации
Института права и национальной безопасности
Российской Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, РФ, г. Москва
ariona0606@rambler.ru

Variable and stable characteristics of common language categories

Goncharova Alena Vladimirovna
PhD in Philology, Assistant Professor
of the Center for Linguistics and Professional Communication,
Institute of Law and National Security,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow

Kalashnikova Olga Kimovna
Senior Lecturer of the Center for Linguistics and Professional Communication
Institute of Law and National Security Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow

Gavrish Anna Sergeevna
Senior Lecturer of the Center for Linguistics and Professional Communication
Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow

Аннотация. Данная статья посвящена детальному анализу характерных особенностей традиционных сочетаний или же стереотипных сочетаний, их отличию от других устойчивых сочетаний. В работе рассмотрены стереотипные сочетания с точки зрения их системной организации и произведена их группировка. На основании проведенного анализа стереотипных сочетаний установлено, что они могут обладать

релевантными и нерелевантными признаками на разных языковых уровнях. В работе рассматриваются традиционные сочетания с точки зрения их лексических признаков, семантики и стилистики и анализируется процесс отбора стереотипных словосочетаний для последующих исследований. В работе подтверждается гипотеза о том, что стереотипные единицы являются лингвостилистической категорией, пронизывающей ряд языковых уровней.

Ключевые слова: переменные сочетания, устойчивые сочетания, языковые уровни, стереотипные сочетания, релевантные признаки, континуум.

Abstract. The article gives a detailed analysis of typical features of traditional collocations or stereotype collocations and their differences from other set expressions. Stereotype collocations are studied from the point of view of their system organization and then they are divided into groups. Based on the performed analysis it is concluded that stereotype collocations have relevant and irrelevant features at different linguistic levels. The paper is concerned with lexical, semantic and stylistic features of traditional collocations. The article touches upon the process of selection of the abovementioned collocations for subsequent studies. The work proves the hypothesis that stereotype collocations are a linguistic category which permeates different linguistic levels.

Key words: variable collocations, set expressions, linguistic levels, stereotype collocations, relevant features, continuum.

Традиционные сочетания слов уже давно привлекают внимание лингвистов. Особая роль, которую они играют в языке массовой информации, побуждает исследователей анализировать их природу и особенности применения в различных функциональных стилях. Однако, до сих пор продолжаются споры относительно лингвистического статуса традиционных средств выражения. За ними закреплены различные термины – клише, штампы, стереотипы, стандарты и т.д. Недостаточно изучена и лингвистическая природа этих единиц.

Одним из первых поднял вопрос о структуре различных словосочетаний И.Р.Гальперин [1.с.47]. Он рассмотрел традиционные слова-штампы, применяемые в различных функциональных стилях, и выделил их базовые отличительные признаки от фразеологизмов, а именно, наличие свободных вариаций в разных стилях языка, где применяются слова-штампы, и их почти полная независимость от лексического окружения [1.с.51].

Фонд традиционных сочетаний слов весьма обширен. Сюда входят и переменные и устойчивые словосочетания. Всем этим единицам присуща достаточно высокая степень устойчивости, отличающаяся от устойчивости фразеологических единиц. Для традиционных единиц предсказуемость составляющих лексем не является универсальным признаком. В данном случае устойчивость словосочетаний обязана не связям лексем, а иным признакам и характеристикам. Они способствуют устойчивости традиционных языковых средств и не входят в противоречие с

осознанием этих единиц как "свободных" словосочетаний или фразеологизмов. Можно предположить, что этот источник устойчивости заключается в предсказуемости составляющих характеристик каждой лексемы традиционного словосочетания. Это свойство традиционных словосочетаний можно определить как стереотипность, а сами сочетания называть стереотипными. Устойчивость стереотипных словосочетаний подразумевает наличие компонентов словосочетаний с определенными характеристиками, но не конкретный компонент. Степень же устойчивости стереотипных сочетаний может повышаться или понижаться в зависимости от принадлежности единицы к фразеологизмам и переменным словосочетаниям.

Таким образом, можно утверждать, что категория стереотипных словосочетаний находится вне оппозиции "свободное словосочетание – фразеологическая единица". Отличительной чертой этих сочетаний является особая организация составляющих их признаков и отношений.

Анализ стереотипных словосочетаний, с точки зрения их системной организации, требует учета как внутренних, так и внешних связей и отношений, существующих между отдельными группами изучаемых единиц. Эти связи и отношения материализуются в виде признаков, характеризующих данную систему. Поэтому необходимо, прежде всего, рассмотреть признаки, релевантные для всей системы стереотипных словосочетаний.

Место стереотипных словосочетаний в структуре современного английского языка определяется набором свойственных им релевантных признаков. До сих пор еще не выработана система таких признаков, которая позволяла бы надежно отграничивать стереотипы от сопредельных с ними единиц. Вместе с тем наше исследование показывает, что имеется ряд признаков, характеризующих как отдельные единицы, так и всю их совокупность. Эти признаки можно разделить на ряд групп:

признаки переменных словосочетаний,

признаки фразеоматических словосочетаний,

признаки фразеологических единиц,

признаки отдельных компонентов словосочетаний.

Исходной в данной работе является гипотеза о том, что стереотипные сочетания определяются в признаковом пространстве переменных словосочетаний, фразеоматических сочетаний, фразеологических единиц, причем признаки этих

единиц организованы таким образом, что позволяют вычленить особую категорию лингвистических единиц - стереотипные словосочетания.

Очевидно, что признаковое пространство стереотипных словосочетаний образует сложное многоаспектное единство, соотносимое с различными языковыми уровнями.

Вопрос о языковых уровнях является весьма сложным. Их отношения не ограничиваются только иерархическими или линейными связями, а перекрещиваются и находятся в сложном взаимодействии друг с другом. Деление свойств стереотипных словосочетаний по уровням проводилось на основе системы языковых уровней, принятой русскими лингвистами. Естественно, что не все признаки того или иного уровня релевантны для характеристики системы стереотипных сочетаний. Релевантность их определяется функционированием стереотипного словосочетания относительно данного языкового уровня. Например, для стереотипных, как и для прочих словосочетаний, на генетическом уровне релевантными будут признаки, помогающие отделить словосочетания от слов (ударение). Прочие же фонетические признаки рассматриваются как нерелевантные по терминологии Е.А.Земской [2.с.47].

Между признаками смежных языковых уровней не всегда можно провести четкую границу. Так, например, если взять признак наличия у словосочетания синонимов, то его можно рассматривать как признак лексического уровня в связи с наличием аспекта, связанного со структурой номинации и различными оппозициями единиц номинаций. То есть его можно отнести и к стилистическому уровню с точки зрения рассмотрения стилистических функций синонимов. Лингвистикой еще не выработана система характеристик каждого языкового уровня и распределения языковых свойств единиц по уровням. Однако, гипотеза, лежащая в основе исследования, диктует необходимость поуровневой характеристики стереотипных словосочетаний. Поэтому, в связи с недостаточной разработанностью вопроса о характеристиках языковых уровней, было признано целесообразным пользоваться термином "набор признаков". Под этим термином понимается набор релевантных признаков, относящихся к одному языковому уровню. Впервые этот термин ввел Г.В. Колшанский [3.с.34].

Следует подчеркнуть, что ни отдельные релевантные признаки, ни наборы свойств основных языковых уровней не являются достаточными для выделения стереотипных словосочетаний. Только совокупность наборов таких признаков может дать искомый результат.

Признаковое пространство любой единицы, в том числе и стереотипной, представляет собой континуум. В интересах практического описания удобно представить это пространство в виде шкалы отдельных признаков, объединенных в наборы, соотнесённые с уровнями языка. Выделяются следующие наборы признаков: орфографический, акцентологический, словообразовательный (включает в себя и морфологические признаки), лексический (включает в себя семантические признаки) и стилистический. Необходимо еще раз подчеркнуть относительность закрепления тех или иных признаков за соответствующим языковым уровнем.

В задачи анализа входит рассмотрение совокупности стереотипных словосочетаний относительно шкалы признакового пространства сочетаний слов для определения комбинации признаков, свойственных стереотипным словосочетаниям. Для этой цели из совокупности словосочетаний были отобраны 38 эталонных словосочетаний, характеризуемых высокой частотностью и фиксацией в словарях с пометкой cliché. Эти сочетания адекватно отражают характеристики совокупности стереотипных словосочетаний, выявленных в ходе предварительного анализа. В количественном отношении эталонные единицы отражают распределение структурных типов стереотипных словосочетаний в общем массиве выборки: AN [прилагательное + существительное] – 21 единица, NN [существительное + существительное] – 16 единиц, N+P+N [существительное + причастие + существительное]– 11 единиц.

В данной статье анализируются некоторые сочетания из общего собранного материала.

В.Г. Равшан предполагает, что эталонные единицы представляют наиболее типичные свойства стереотипных словосочетаний [4.с.56].

Для рассмотрения характеристик эталонных словосочетаний относительно шкалы признаков была построена матрица, строчками которой служат выделенные признаки, а столбцами – эталонные стереотипные словосочетания. При анализе учитываются общекатегориальные признаки, характерные для всех исследуемых словосочетаний, и частнокатегориальные признаки, характерные для отдельных группировок стереотипных словосочетаний.

Анализ общекатегориальных признаков, которыми обладают стереотипные словосочетания, имеет особую важность в связи с тем, что эти признаки помогают показывать необходимые условия отбора этих единиц в газетном стиле английского языка. Следует различать два вида общекатегориальных признаков:

1) признаки, которыми должны обладать все стереотипные словосочетания (их положительная характеристика);

2) признаки, которыми не должны обладать все стереотипные словосочетания (их негативная характеристика).

Рассмотрение общекатегориальных признаков стереотипных словосочетаний позволяет сделать некоторые выводы относительно их природы и границ фонда. Сопоставление интегральных признаков позволяет описать всю совокупность единиц анализируемых структурных моделей в целом.

Стереотипные словосочетания характеризуются наборами признаков, соотносимыми с различными языковыми уровнями. При этом ведущими для определения стереотипных единиц являются лексический, семантический и стилистический. Именно в наборах этих признаков раскрывается природа стереотипа как образования, предполагающего обязательную совместную встречаемость признаков, составляющих компонентов стереотипного словосочетания.

С точки зрения семантики стереотипное сочетание можно описать как единицу с абстрактным значением и не выражающую специальное понятие в сфере науки и техники. У нее не может быть прибавочно-уточнительного значения. Стереотипные словосочетания предполагают наличие в своем составе многозначного компонента. При этом ни один из компонентов сочетания не должен быть десемантизирован.

В области лексических признаков выделяются только ограничения, накладываемые системой стереотипов на отбор словосочетаний. Так, сюда не входят фразеологические единицы, которые допускают возможность замены одного из компонентов словосочетания без изменения его значения. Кроме того, ограничения распространяются и на словосочетания, имеющие в своем составе компоненты, не употребляемые вне этих сочетаний.

Стилистически стереотипные словосочетания характеризуются как принадлежащие, в основном, к нейтральной литературной лексике. Все они являются средством оценки, причем эта оценка может иметь эксплицитный или имплицитный характер. В их составе не должно быть компонентов, относящихся к профессионализмам, диалектизмам или просторечным выражениям.

Рассмотрение общекатегориальных интегральных признаков позволяет выделить границы признакового пространства системы стереотипных словосочетаний анализируемой структуры. При этом следует отметить, что перечисленные признаки лишь в самом общем виде характеризуют совокупность английских стереотипных словосочетаний.

Для устойчивых и автономных систем характерно наличие нескольких наборов независимых объектов или базисов. Базис – это минимальный ограниченный набор объектов, по свойствам которых можно вычислить свойства всех остальных объектов класса. Объекты, входящие в базис, должны обладать всеми свойствами зависимых объектов и, кроме того, характеризоваться индивидуальными свойствами. Поэтому все зависимые объекты могут быть выражены через независимые, базисные объекты. Объекты, свойства которых вычислены по свойствам базисных объектов, являются зависимыми.

Базисные объекты не произвольны, они характеризуются однородностью. Их можно рассматривать как последовательность составляющих их признаков или дифференциальных свойств. А.М.Леонтьев полагает, что особенность базисных объектов заключается в том, что дифференциальные признаки, характерные для всей совокупности объектов класса, должны быть дифференциальными и для базиса. Поэтому и все свойства, которые имеются у зависимых объектов, должны быть и у базисных объектов. Таким образом, базисные объекты должны обладать всеми различительными свойствами, характерными для всей совокупности объектов класса [6.с.24].

Различительными свойствами, в первую очередь, обладают объекты, имеющие индивидуальные характеристики. Такие объекты называются маркерными. Маркерные объекты, таким образом, являются одновременно и базисными объектами. Однако, их может оказаться недостаточно для формирования базиса, ввиду обязательного условия, заключающегося в том, что признаки базисных объектов должны быть различительными для всей совокупности объектов класса. И.Р. Гальперин считал, что если это условие не соблюдается, то к маркерным добавляются другие объекты класса, которые позволили бы набору маркерных объектов стать базисом [1. с.25].

Строгая иерархическая организация классов не соответствует природе стереотипных сочетаний как устойчивых единиц. Можно предположить, что более характерной здесь будет такая организация классов, при которой в них будут выделяться зависимые и независимые единицы. Таким образом, выдвигается гипотеза о функциональной неоднородности классов стереотипных словосочетаний.

Эта гипотеза предполагает наличие в каждом классе стереотипных словосочетаний единиц, наиболее полно репрезентирующих данный класс.

Рассмотрение эталонных стереотипных словосочетаний синтаксического типа AN–[прилагательное+существительное] показывает, что индивидуальными

признаками обладают следующие единицы: burning question [актуальный вопрос], cold war [холодная война], fact–finding trip[поездка с целью сбора фактов и доказательств], Free Trade Zone [зона свободной торговли], Big Grass [высокое звание в армии].

Для первого сочетания индивидуализирующим признаком является семантический – первый компонент, который имеет эмоционально–усилительное значение. Второе словосочетание является фраземой по терминологии А.В.Кунина [5.с.37]. Его маркерным признаком является переосмысление первого компонента (семантический набор признаков). Для fact-finding trip индивидуальным признаком является наличие первого компонента – сложного слова (словообразовательно-морфологический набор свойств). Для сочетания Free Trade Zone маркерным является взаимосвязь второго и третьего компонентов. Для стереотипного словосочетания Big Grass индивидуальным признаком является стилистический – наличие второго компонента с разговорной стилистической окраской.

Таким образом, маркерные признаки принадлежат к семантическому, словообразовательно-морфологическому и стилистическому наборам признаков. Это свидетельствует о разнородности анализируемого подкласса единиц.

К независимым относятся: lasting peace [продолжительный мир], Red Tape [волокита, бюрократия], racial violence [расистское насилие], massive indifference [полное безразличие], political arena [политическая арена], communist expansion [коммунистическая экспансия].

К зависимым единицам этого класса относятся: constructive dialogue

[конструктивный диалог], great triumph [великий триумф], international tensions [международная напряженность], major issue [главный вопрос], modest increase [скромный рост], tragic situation [трагическая ситуация] и т.д.

Таким образом, указанные выше виды сочетаний образуют взаимосвязанные группы, свойства которых наиболее полно представлены маркерными единицами, которые помимо свойств, характерных для всего класса в целом, обладают еще и характерными индивидуальными признаками. Следует отметить, что признаки маркерных сочетаний не являются дифференцирующими для всех единиц данного класса. В этой связи представляется необходимым ввести в состав "протобазиса" ряд независимых словосочетаний с тем, чтобы выделить базис класса. Такими стереотипными единицами, дополняющими "протобазис", являются: far-reaching effects, acute struggle, massive indifference, political arena, racial violence, lasting peace.

В состав базиса, таким образом, входит определенное количество единиц. Необходимо отметить, что по размеру базиса это самый большой набор базисных единиц по сравнению с базисами других классов стереотипных словосочетаний.

На основании выше изложенного, класс стереотипных словосочетаний структуры AN можно представить в виде двух подклассов эталонных единиц. Охарактеризуем каждый из этих подклассов.

Подкласс маркерных единиц представляет особый интерес, так как свойства сочетаний этого класса являются индикаторами путей пополнения фонда стереотипных единиц данного класса. Рассмотрение маркерных свойств указывает на то, что такими признаками являются переосмысление значения одного или обоих компонентов словосочетания, что является релевантным признаком фразеологизмов. Другим источником пополнения стереотипных единиц этого класса являются сочетания, один из компонентов которых характеризуется разговорной стилистической окраской. Как уже указывалось выше, маркерные сочетания образуют периферию класса в том смысле, что у них имеются признаки, не характерные для всего класса в целом. Этим можно объяснить вхождение в состав маркерной единицы fact-finding trip, в которой первый компонент является сложным словом. Очевидно, что для системы стереотипных словосочетаний наличие многокомпонентных сочетаний является нетипичным ввиду их функциональных свойств (высокая частотность, требование общедоступности и т.д.).

Подкласс зависимых единиц включает в себя следующие сочетания: constructive dialogue, crucial campaign, great triumph, international tensions, major issue, modest increase, tragic situation.

Подкласс зависимых единиц особенно важен для характеристики внутреннего устройства класса, так как сочетания, его составляющие, в противоположность независимым единицам, должны обладать такими свойствами, которые являются наиболее типичными для стереотипных сочетаний этого класса. К таким обязательным свойствам относятся: семантические (оба компонента должны иметь синонимы, первый компонент должен сообщать дополнительную информацию о втором, словосочетание должно быть однозначным, оба компонента должны использоваться в буквальном значении), грамматические (характеризуются изменяемостью компонентов, строятся по структурно-семантической модели, характеризуются широкой сочетаемостью), стилистические (оба компонента характеризуются нейтральностью).

Запретными свойствами этого подкласса являются следующие: словосочетания этого подкласса не должны быть заимствованы из других языков и первый компонент не должен быть отглагольным прилагательным.

Подкласс независимых немаркерных единиц состоит из следующих сочетаний: acute struggle, lasting peace, Red Menace, racial violence, massive indifference, political arena, historic occasion, communist expansion, far-reaching effects.

Для сочетаний этого подкласса свойственны, следующие наборы свойств: синтаксический (оба компонента характеризуются широкой сочетаемостью), семантический (сочетание должно быть однозначным и второй компонент его должен обладать буквальным значением), стилистический (нейтральность второго компонента словосочетания). Единицы этого подкласса характеризуются отсутствием словосочетаний или их компонентов, заимствованных из других языков.

В результате проведенного анализа было выделено три подкласса стереотипных единиц синтаксического типа AN. В количественном отношении самым малочисленным подклассом является подкласс маркерных сочетаний. За ним следует подкласс зависимых немаркерных сочетаний, и самым многочисленным подклассом является подкласс независимых немаркерных сочетаний. Следовательно, в этом классе значительно меньше, чем в других классах, единиц с индивидуальными свойствами. Ограниченное число маркерных сочетаний может свидетельствовать о том, что этот класс стереотипных словосочетаний слабо пополняется за счет других единиц. Ведь маркерные единицы – это те, которые легко пополняются за счет других словосочетаний.

Следующее противопоставление - это противопоставление зависимых единиц независимыми. Сразу следует отметить, что зависимых единиц в этом подклассе значительно меньше, чем независимых – семь зависимых против тринадцати независимых. Это свидетельствует о том, что между элементами данной системы существуют недостаточно прочные связи. Слабость данной системы, ее "рыхлость" заключается в том, что здесь слишком мало единиц, воплощающих свойства независимых стереотипных сочетаний. Это приводит к большой диффузности границ данной системы. Следствием таких непрочных связей между элементами системы является наличие в ней одного большого базиса, включающего в себя маркерные единицы и все независимые немаркерные.

Следовательно, в вышеописанной системе реализуются три подкласса стереотипных сочетаний из четырех теоретически возможных. Это свидетельствует о естественном устройстве данной системы. Вместе с тем необходимо отметить, что в

ней практически отсутствуют нереализованные потенции. Сама система плохо поддается разного рода перестройкам. Можно предположить, что для стереотипных единиц этого типа характерна очень малая продуктивность.

Таким образом, анализ подтвердил исходное предположение о том, что стереотипные единицы – это лингвостилистическая категория, пронизывающая ряд языковых уровней. Особый характер рассматриваемой категории обусловливает включение в состав фонда стереотипных выражений таких единиц, которые по своим языковым характеристикам обычно включаются в иные лингвистические классы.

На основании рассмотренного материала можно сделать следующие выводы:

- стереотипные сочетания представляют собой сложные образования, функционирующие в различных языковых стилях;

- для стереотипных единиц характерна слабая продуктивность;

- для подкласса независимых немаркерных единиц отмечено отсутствие компонентов словосочетаний из других языков;

- первый компонент в подклассе зависимых единиц не может быть отглагольным прилагательным;

- для стереотипных сочетаний является нетипичным наличие многокомпонентных сочетаний;

- с точки зрения стилистики стереотипные сочетания являются способом выражения оценочного суждения;

- доказана функциональная неоднородность стереотипных сочетаний.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Является ли стилистика уровнем языка? // Проблемы языкознания.- 3-е изд.- М.: Наука,2017- 359 с.
2. Земская Е.А. Единицы разных уровней, грамматического строя языка и их взаимодействие. - 4-е изд.-М.: Наука, 2016-352с.
3. Колшанский Г.В. Проблемы стратификации языка // Вопросы языкознания. 2.-3-е изд.- СпБ.: Питер-Издательство филологического факультета СпБ., 2016- 68 с.
4. Равшан Б.Г. К вопросу о релевантных и нерелевантных признаках языковых категорий. - Казань.: КГУ филологический факультет, 2017 - 285 с.
5. Кунин А.В. Фразеологические единства и их роль в процессе функционирования языковых категорий.- 4 изд.- М.: Наука, 2017- 375 с.
6. Леонтьев А.М. Языковые страты и их структуры в современном английском языке. - Уфа.: Рассвет, 2015- 376 с.

UDC 378(147)

Peculiarities of Teaching Speaking through Immersion in the Language Environment

Mukusheva Gulsum Ramazanovna
cand. Sci. (Pedog). assistant professor
Karaganda Economical University of Kazpotrebsoyuz

Kolesnikova Galia Borissovna
a first-year student of Business and Law Faculty
Karaganda Economical University of Kazpotrebsoyuz

Abstract. This article is devoted to the problem of finding the optimal and effective method of teaching speaking. The authors share the experience of learning this aspect of speech activity using the method of teaching a foreign language by the immersion in the language environment. There are also mentioned advantages and disadvantages of this method.

Key words: Immersion, language environment, natural manner, Berlitz's method, real communication, full immersion.

At present, the importance of learning to communicate, in which speaking plays a primary role, cannot be overestimated. In the history of the methodology, the role of teaching this type of speech activity at different times was quite mobile.

Once in our country, the intelligentsia could freely speak and write in several foreign languages, and this was considered the rule, not the exception. Then, during the years of Soviet power, foreign languages in the school curriculum did not play such an important role. Later foreign languages have already firmly taken the place of one of the compulsory school subjects, but speaking was not so important, and reading came first.

Today we are talking about preparing students for a dialogue of cultures, where the skills of monologue and dialogical communication are very important, but the predominance towards dialogue is much stronger. This is understandable, because in real communication we rarely have to perform with long monologues. Communication is mostly either dialogical or polylogical [1].

The solution could be the creation of a language environment within your personal space, without leaving the country or even leaving your home! This is a language immersion method when learning a foreign language. This article is devoted to the advantages and disadvantages of the method of immersion in the language you are taught.

It is a mistake to suppose that the method of learning a foreign language by the immersion in the language environment has appeared quite recently. It began to be used at the end of the 19th century by a linguist and a teacher Maximilian Berlitz. A new technique, as the story claims, was born quite by accident when Berlitz asked his French colleague to

substitute him conducting several French classes. Despite the fact that the teacher did not speak English, the students' native language, they showed good results. So, in 1878, the first school of learning foreign languages by immersion was founded in the USA, and the book of Berlitz, describing the basic rules of such learning, was published. Gradually, his ideas gained popularity began to appear in other countries among those who wanted to learn a foreign language using this method.

The essence of the Berlitz's method is to consciously avoid the use of the native language in the classroom. Speaking was of paramount importance, and then the ability to write and read. Therefore, the lesson was given as much time as possible to the conversation, through which the student had to learn the meaning of words and grammatical structures. If earlier the analysis and memorization of grammatical rules was almost the end of learning a language in itself, now the emphasis was on mechanical repetition of vocabulary and individual phrases. This was partly due to the fact that the teacher, being a native speaker, could not intelligibly interpret the rule or understand why a student makes some particular mistake [4].

The most paradoxical is that the immersion method was just spread due to the fact that students had to concentrate less on the lessons, although ideally it would have been the other way around. However, in practice, the students' unwillingness to make efforts turned out to be stronger, and the teacher had to climb out of the way to at least somehow return the student's attention to what was happening in the classroom and take the lesson seriously. As a result, the lesson often turned into a theater of one actor, and the student remained a passive spectator.

It should be noted that the Berlitz's technique at first shows its effectiveness among those who better perceive information by ear. But it is unlikely to provide a solid foundation on which to build a reliable building of a foreign language. Perhaps that is why now, under the "Berlitz" brand, we can find textbooks, phrasebooks and dictionaries completely incompatible with the idea of this method's founder. And follower teachers are increasingly using other methods of teaching a foreign language in their classes.

Later on, one of the most famous teachers who popularized the method of immersion in the language was the American linguist Stephen Krashen. He insisted that students acquire knowledge of the language in a natural manner, that is, they would only cover the topics they need. The scientist also noted that speaking in the target language does not lead to its mastering, and the teaching methods offered by teachers (exercises, assignments to texts and audio materials, games) have already become classics, and we see them today in almost every textbook. But, as he himself notes in his works, such an approach is effective

only at the initial stage of education, taking into account the presence of good motivation among students.[5]

The term “immersion” appeared in the 60s of the last century in Canada. It was in this country that we faced the problem of learning a second foreign language as a native one. As we know, Canada has two official languages - English and French, but not everything is “as easy as abc”. Official documents and government papers in all provinces should be duplicated in both languages, which cannot be said about private companies and life [9].

Many Canadians can speak only one language, which creates considerable difficulties for them in hiring or everyday communication.

There 67% of Canadians were only English-speaking, 21% of Canadians (mostly Quebec) spoke only French. And only 17.7% were fluent in both languages. In the 1960s, the government decided to fix this problem in a rather extreme way: children from English-speaking families were admitted to French schools where there was not a word in English and vice versa.

This is how the method of immersion into the language environment arose, when a teacher teaches or voices instructions in a lesson in a foreign (non-native) language. As a result, a foreign language begins to be perceived as a native one [8].

The immersion method in the language environment or language immersion is a method of teaching a second or a foreign language, in which the learning itself is conducted in full or in part in the language being studied.

The Canadian experiment was successful and began to dynamically spread in other countries, and actively used to learn foreign languages

Now the immersion method can be found in private kindergartens and schools, where everything is conducted exclusively in English. Then the child comes into contact with the tongue every day for several hours. And of course, it is expensive and a rare pleasure, but the result is worth it. It was important to mention that children who began to speak two languages up to 6 years old using the immersion method have every chance to grow up bilingual, that is, they will be equally proficient in two languages as relatives.

As the intensity or the number of hours you hear or speak English, it can also be a full or partial language immersion. For example, a full immersion school curriculum should include the teaching of any discipline only in the language being studied. If you are learning English on courses or on Skype with full immersion, the use of the native language should tend to zero [8].

The immersion method is easily confused with the direct (non-transferable) teaching method, when the teacher simply communicates with students in English. Two or three classes a week is clearly not enough to immerse in the language [3].

Intensive courses, which can last from a few days to a week, are also not immerging into a language environment. They can be attributed to the communicative training, no more.

The most optimal and effective way to quickly learn English is full-time express training courses. They suggest daily hours-long English classes with full immersion in the language environment. Naturally, a person who is constantly forced to speak and understand a foreign language willy-nilly begins to do it more confidently. Therefore, at the end of intensive monthly courses, you are guaranteed to be able to communicate on general everyday topics, quite successfully understand the interlocutor and independently build simple phrases. At the same time gain a solid vocabulary [6].

Nowadays it is becoming popular to hold summer language camps for children using the method of immersion. We conducted a similar camp for the first time at the university with students who completed the first year of the specialty “English teacher”. The project was led by David Reed a Canadian colleague, a native speaker of English and French. The camp was located at the recreation area. Students, teachers and counselors (advanced undergraduates whose English was quite good) went to the camp for 20 days.

In addition to learning English, students held various entertainment events, games, and sports competitions. They had to speak only English 24 hours for 20 days. A student who spoke in his native language was fined. Each student had a certain amount of money in his account, (everyone had the same amount). At the end of the season, all fines were distributed to encourage active and non-violating students. Even in the canteen, students turned to cooks, through counselors, as the cooks spoke their native language. The results were amazing. First the students were not afraid of speaking, they were not nervous about the mistakes in speech, freely go into a conversation in English.

A similar experiment with the same method of immersion was conducted in a rural school for the students of this and nearby rural schools in that region.

The main population of the village is low-income families, whose children do not have the opportunity to go to summer camps and summer interest courses to realize their abilities and desire to learn more, the rural students have little opportunity for intellectual and social enrichment during the summer holidays.

Having worked at that school together with the Peace Corps Volunteer we saw that many children have a great desire to learn English. However, they did not have the

opportunity to learn the language outside the school. The school curriculum in English limits the ability to acquire speaking skills in English (in each class, only 2 hours a week and an English club once a week).

Another problem was the limited opportunity for the socialization and development of communication skills that are necessary for the further integration of village graduates into the urban community. Often, graduates of rural schools who are not prepared for life outside of it have difficulty in adapting to a new life in the community.

We saw the high potential of our students and their need to participate in English-language events (in addition to the classroom instruction) to develop teamwork and leadership skills. We wanted our students to get the above mentioned opportunities. Such summer experience will give them a chance to educate and better prepare them for the future, for example, studies in college and university, to be a leader in their community and country.

The goal of that project was to help students in rural schools to gain communication skills in English and self-confidence, to further integrate these village children into our community through positive interaction with Peace Corps Volunteers and local creative students.

We developed a plan of activities and training for 60 children from the nearest rural schools for a 7-day English summer camp, with the participation of 4 Peace Corps Volunteers and prepared 4 instructors (counselors) among local student youth speaking English.

Step 1: We discussed the necessity of a camp with the Principal and the other school administration then announce the whole community and parents, prepared application forms for students signed by their parents, assessed the need and requirement of the children and determine their level of communication skills in English.

Step 2: We determined the resources necessary for organizing and conducting the camp in order to meet the expectations of children (partners, trainers, instructors, equipment for the camp, etc.).

Step 3: We found out the place of the 7-day residence for Peace Corps volunteers in the village.

Step 4: we developed a plan of activities (classes) and made the schedule for the camp.

Step 5: We conducted a 3-day preparatory training course for instructors who supposed to work for the English camp.

Step 6: We identified and prepared everything needed for the formation of the camp taking all security measures related to the stay of children there and arranged the safe delivery of children to and from the camp/

Step 7: We developed a system of fines and incentives in order to achieve the goal of immersion techniques (children should speak only English). During those 7 days of the English summer camp, children were involved in various activities aimed at raising the team spirit, acquiring the skills of communication and integration into society.

The last step was the celebration of the completion of the project. There was the final show of talents and acquired skills during the summer camp for parents and everyone who wanted.

Monitoring should answer the question: “Is the project being implemented as planned?”

Action plan and budget are key control documents. The project manager must regularly check to see if the work is done according to the plan of action, or to solve small problems before they become big.

Defining indicators (performance indicators): they should help measure achievements and be reliable.

Evaluation is an indicator of how the community (school, parents) is satisfied with this project and what we and the children learned during the project implementation process.

Celebration the completion of a successful project demonstrates the capabilities of the community and its confidence in the implementation of future projects

Next step is to develop plans together with the children for follow-up joint activities to conduct them after the camp.

It is obvious that each teacher is oriented in accordance with his personal experience in the choice of methods and methods of work in teaching speaking. The use of various techniques in the framework of communicative, inductive, deductive methods gives a positive result, and, undoubtedly, contributes to improving the effectiveness of teaching speaking. Therefore, if in the process of developing the skills and abilities of speaking the best methods and techniques will be used, then the effectiveness of learning to speak will increase.

List of references

1. Bazarbayeva L. T., Lapina I. V. Method of Immersion in Teaching a Foreign Language// Languages in science and education: problems and prospects: materials of the II international research and practice media conference January 31st, 2019, Los Gatos, USA: Scientific publishing center "Open knowledge", 2019. pp 9-14

2. Baranova A.A. Makashina A.A. Language Learning in Linguistic Environment// Psychology and Pedagogy: past, present, and future: collection of articles of the International scientific-practical conference. –Ua: Aesterna, 2014. – p. 20-23.
3. "Features of learning a foreign language through immersion in the language …" http://pdf.knigi-x.ru/21pedagogika/72493-1-osobennosti-obucheniya-inostrannomu-yaziku-posredstvom-pogruzheniya-yazikovuyu-sredu.php
4. Galskova N.D. Modern methods of teaching foreign language. M., 2000.
5. Immersion method in teaching a foreign language. http://www.planz.org/metod-pogruzenia-v-obucenii-inostrannomu-azyku.html
6. Learning a foreign language by immersion: the pros and cons. http://www.jobinmoscow.ru/text.php?link=983
7. Learning languages by immersion. http://www.languages-study.com/dipping.html
8. Lightbown, Spada N. How language are learned (3rd edition).- Oxford: Oxford University Press, 2006. – 233 p.
9. Method of language immersion in learning English via Skype. https://ienglish.ru/blog/angliiskiy-po-skypu/obuchenie-angliiskomu-po-skype/metod-iazikovogo-pogruzhenia

УДК 811.11-112

Аллофронность метафоры

Массальская Юлия Владимировна
Канд.филол.наук, доцент кафедры иностранных и русского языков
Уфимский ЮИ МВД России, РФ, г. Уфа
jumas80@bk.ru

Allophrony of metaphor

Massalskaya Yulija Vladimirovna
Cand. Sci. (Philology) docent Of foreign and Russian languages department
Ufa Law Institute, Russia, Ufa

Аннотация. Статья посвящена проблеме метафоризации как проявлению аллофронии. По нашему мнению, аллофрония - это понятие, которое включает в себя не только явные противоречия, но и имплицитные. Мы выделяем такие признаки аллофронии, как многозначность языковой единицы, наличие имплицитного противоречия, грамматические и фонетические несоответствия. В статье изложена теория, что понятие аллофронии включает в себя такое явление как метафоризация за счет смещения основного значения на денотативное. Данный переход и является одним из проявлений аллофронности.

Ключевые слова: метафоризация, аллофрония, противоречие, значение, язык.

Abstract. The article deals with the problem of metaphorization as a phenomenon of allophrony. Allophrony is a concept that includes not only explicit contradictions but also implicitly. We distinguish some signs of allophrohy such as the polysemy of a language unit, the presence of implicit contradictions, grammatical and phonetic inconsistencies. The article describes the theory that allophrony includes metaphorization by changing of the main connotation. This transformation is one of the main manifestation of allophrony.

Key words: metaphorization, allophrony, contradiction, connotation, language.

Наша речь существует в двух аспектах – логичном (ортофрония) и алогичном / нелогичном (аллофрония).

Логичность (ортофрония)– это нечто однозначное, последовательное, не противоречивое. Алогичность (аллофрония) ей противоположна, то есть это что-то неоднозначное, непоследовательное, противоречивое. Согласно нашей теории, аллофрония – это практически синоним термина «противоречие» при окказиональном употреблении слов. Аллофрония – это имплицитное высказывание, стоящее за выраженной языковой единицей [1, с. 118]. Аллофрония находит свое отражение в грамматических, синтаксических, стилистических и фонетических формах. Мы можем выделить следующие признаки аллофронии: многозначность лексемы, присутствие внутреннего противоречия, наличие внешнего противоречия, грамматическая контрадикторность, фонетические несоответствия и др.

В данной статье мы остановимся на проявлении аллофронии в таком стилистическом явлении как метафоризация.

Необходимо отметить, что данная тема занимает большое место в языкознании и актуальна в настоящее время.

Традиционно под метафорой понимают выражение, применяемое в переносном значении, которое основано на неком подобие, аналоге, сходстве сопоставляемых предметов. Иное значение сопоставляется с первоначальным на основе некой внутренней формы, лежащей в ее основе.

Многие ученые полагают, что метафоризация возникает не потому, что она необходима, а потому что без нее нельзя обходиться.

Так А.Г Пауль пишет, что: «метафора – это одно из важнейших способов обозначения целого комплекса представлений, который не имеют адекватных наименований… Метафора – это нечто такое, что с неизбежностью исходит из природы человека и проявляется не только в языке поэзии и прозы, в художественной литературе, но также – или даже, прежде всего, – в повседневной речи людей, охотно прибегающей к образным эпитетам и красочным высказываниям…» [2, с. 237].

Стивенсон указывает на то, что метафора легко узнаваема и воспринимаема, поскольку ее не следует понимать дословно, она «не согласуется» с другими элементами текста. Интересуясь проблемой перевода метафор, он приходит к выводу о необходимости дифференцировать интерпретацию как предложение, которое не должно восприниматься буквально и которое означает, что метафорическое высказывание выражается ассоциативно (suggest) [3, с. 148].

Исходя из вышеизложенного и придерживаясь нашей теории, можно сделать вывод, что метафора представляет собой некое противоречие, а проявление противоречия в той или иной степени – это и есть область функционирования аллофронии. По нашему мнению, здесь как раз и проявляется связь понятий «аллофрония» («аллофронность») и «метафора». Любое иное сказание – это аллофрония.

Рассмотрим некоторые примеры с использованием метафоры, а соответственно и аллофронии, в немецких текстах.

Так Э.М. Ремарк пишет:

… ich saß trotzdem da und fühlte die Schattenflügel der Reue, der hilflosen Wut und der Trauer [4, с. 188].

«…тем не менее, я продолжал сидеть, ощущая распростертые надо мной крылья грусти, бессильной ярости и скорби» [5, с. 357].

В данном случае автор использует перенос основного значения, основанный на схожести, дабы показать, насколько сильно чувство грусти и ярости охватило героя.

Halte mich, hier in dieser Verzauberung und dem goldenen Dunkel, und vielleicht wird etwas davon …. [4, с. 111].

«Сжимай же меня крепче в этом колдовском очаровании, в этой золотистой тьме, и может быть, ….» [5, с.164].

В данном случае присутствует не только прием метафоризация, для придания большей выразительности, но и такая стилистическая фигура, как оксюморон, что также, согласно нашей теории, является проявлением аллофронии.

В данной статье мы хотим показать, что термин «аллофрония» включает в себя не только зримую контрадикторность и четкие алогизмы, но и «иные», неявные, не совсем логически верные явления, как метафора, метонимия и т.д., в которых происходит сдвиг денотативного значения относительно коннотативного.

Необходимо отметить, что аллофронная сущность метафоры заключается в том, что она правдива, поскольку выполняет номинативную функцию, но в то же

самое время неправдива, так как говорит о чем-то другом, ином, чем это предполагает языковая единица [6, с.96].

Als ich zu Bruno sagte: „Ach Bruno, würdest du mir fünfhundert Blatt unschuldiges Papier kaufen… [7, с.11].

«Когда я сказал Бруно: «Ах, Бруно, не купишь ли ты мне пятьсот листов невинной бумаги?» [8, с.1].

Так Г.Грасс в своем произведении также нередко использует прием метафоризации.

По нашему мнению, метафора представляет собой скорее разноречие, чем противоречие. Разноречие – это неполное противоречие. Тем не менее, эти два термина, согласно вышеизложенной теории, входят в понятие аллофронии.

Можно отметить, что несколько иной точки зрения придерживается профессор Т.М. Гарипов. Он считает, что противоречие можно рассматривать и как разновидность разноречия, объем которого шире объема противоречия. Таким образом, согласно его мнению, аллофрония приравнивается к разноречию.

Следует подчеркнуть, что наличие аллофронии в языке и речи не вызвано несовершенствами или недостатками, характерными для естественных языков, а является скорее результатом активного развития самого языка, который существует в синхронии, но одновременно развивается в диахронии, и эта «пластичность» языка позволяет ему, как экономить языковые средства, так и увеличивать их запас. Таким образом, мы полагаем, что наличие аллофронных элементов в любом языке способствует его развитию и совершенствованию.

Список литературы:

1. Ганеев Б.Т. Парадокс. Противоречия в языке и речи. Монография.– Уфа: Изд-во Баш.гос.пед.ун-та, 2004. – 472 с.
2. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд-во ин. лит., 1960. – 500 с.
3. Юрьева А. А. Концептуальная метафора как когнитивный механизм формирования оценочной характеристики человека в английском языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований. Матер. Междун. симпозиума по когнитивной лингвистике 30 сент. – 2 окт. 2015 г. М. – Тамбов – Санкт-Петербург, 2015 - С. 310-312.
4. Remarque E.M. Die Nacht von Lissabon. - М.: Изд-во: Каро, 2015. –384 с.
5. Ремарк Э.М. Ночь в Лиссабоне: роман – М.: АСТ, 2016. – 318 с.
6. Массальская Ю.В. Аллофрония в языке и речи (на материале немецкой литературы). Монография– Уфа, 2015. – 106 с.
7. Grass G. Die Bleichtrommel. Roman.- Göttingen: Steidl Verlag. – 1993. – 783 S.
8. Грасс Г. Жестяной барабан. //www.lib.ru

УДК 81

CLIL әдістемесінің мазмұны

Нурпейсова Назира Турсуновна
Мұғалім, КеАҚ Республикалық физика –математика мектебі

Сабирдинова Сабина Әділханқызы
Мұғалім, ҚАУ жанындағы ЮНЕСКО ассоцияланған мектеп директоры

Contents of CLIL methodology

Nurpeisova Nazira Tursunovna
Teacher, Republican School of Physics and Mathematics

Sabirdinova Sabina Adilkhanovna
Teacher, Director of the UNESCO Associated School at KAU

Аннотация. Бұл мақалада шетел тілінде пәндерді оқытудың жаңа бағдары ретінде CLIL – әдісіне түсініктеме беріліп, маңыздылығы, арттықшылығы қарастырылған. Тіл үйретудегі сәтті қолданылған әдістерінің бірі – пәндік-тілдік интеграцияланған оқыту (CLIL) болып табылады, бұл оқуды біріктіруге мүмкіндік береді, мысалы, ағылшын немесе неміс және арнайы пән, яғни, шет тілін үйренудің функционалдық тәсілі арқылы жалпы білім беру кеңістігін кеңейту. Сонымен қатар, тілді қолданудың мотивациясын айтарлықтай арттырады. Осы әдісті қолдана отырып, оқыту үрдісін жаңарту және жақсарту қажеттілігі айтылады.
Түйін сөздер: интеграцияланған оқыту, интеграция, ағылшын тілі.

Abstract. This article is devoted to the main directions of teaching disciplines in a foreign language. One of the most successful methods of language teaching is subject-lingual integrated learning (CLIL), which allows combining learning, for example, an English or German and a specific subject, ie expanding the overall educational space through the functional approach to learning a foreign language. It also significantly increases the motivation for language use. It is also said about the need to update and improve the learning process using this method.
Keywords: integrated learning, integration, English.

Қазіргі таңда тәуелсіз елдің тілегі - білімді ұрпақ. Мемлекетіміздің Елбасы ***Н. Ә. Назарбаев айтқандай, «Еліміздің ертеңі бүгінгі жас ұрпақтың қолында, ал жас ұрпақтың тағдыры ұстаздардың қолында».***

Қазіргі ұстаздар алдындағы міндет: ғылым мен техниканың даму деңгейіне сәйкес оқушының білімі терең, іскер және ойлауға қабілетті, әлемдік стандарттар негізінде жұмыс істей алатын құзырлы тұлғаны қалыптастыру [1]. Мұндай талапқа сай қызмет істеу үшін ұстаз үздіксіз ізденісте кәсіби білікті болуы тиіс.

К.Құдайбергенова «құзырлылық» ұғымына «Құзырлылық ұғымы – соңғы жылдары педагогика саласында тұлғаның субъектілік тәжірибесіне ерекше көңіл

аудару нәтижесінде ендіріліп отырған ұғым. Құзырлылықтың латын тілінен аудармасы «компетенс» белгілі сала бойынша жан – жақты хабардар білгір деген мағынаны қамти отырып, қандай да бір сұрақтар төңірегінде беделді түрде шешім шығара алады дегенді білдіреді» деген түсініктеме береді [2].

Инновациялық оқыту нәтижелері оқушының өз бетінше әрекет етуі арқылы білімді меңгеруіне ықпал етуі тиіс. Оқушының ой-өрісін кеңейтіп, дүниетанымдық көзқарастары мен танымдық белсенділігін арттыруда, зерттеушілігі арқылы шығармашылық икемділігін дамытуда, біліктілікке ұмтылуда, яғни тұлғаны жан-жақты дамытуды жүзеге асыруда оқу үдерісіне инновациялық технолгияларды енгізу шешуші рөл атқарады, оң нәтиже береді. Сондықтанда білімді ұрпақ тәрбиелеу үшін білім беру үрдісінде әр түрлі әдістерді қолдануымыз қажет. Соның бірі, қазіргі кезде тамырын жая бастаған CLIL әдісі.

CLIL терминін алғаш рет 1994 жылы Дэвид Маршам ойлап тапқан еді. «CLIL» ағылшын тілінде Content and Language Integrated Learning немесе пән мен тілді кіріктіріп оқыту әдістемесі, пәндерді екінші не үшінші /қазақ, орыс, не ағылшын/ тілде оқыту деп қарастыруға болады. Кейінгі зерттеулерде мынандай анықтама береді: «CLIL-оқушылардың шетел тілінде лингвистикалық және коммуникативтік дағдылардын қалыптастыруға мүмкіндік беретін дидактикалық әдіс» [3]. Негізі CLIL 2 мақсатты көздейді, яғни шет тілі арқылы пәнді оқу және оқытылатын пән арқылы шет тілін меңгеру. Қазақстанның үш тілдік саясаты мектеп оқушыларына тіл үйренумен бірге тіл үйрену мүмкіндігін қамтамасыз етуге бағытталған. CLIL бағдарламасы екі жаһандық мақсаттарға ие: пәннің шет тілі арқылы мектепте оқу деңгейі, сондай-ақ оқытылатын пәндер арқылы шет тілін тереңдетіп оқыту. Мұндай көзқарас студенттерге химия, математика, география, биология, жаратылыстану ғылымы, классикалық әдебиет, информатика, экономика, өнертану, философия, біртұтас үрдісінде туған және білетін тілдерінде келесі тақырыптарды түсіндіруді біріктіреді [4, 141-142 бб.].

CLIL шартты түрде 2-ге бөлінеді: hard CLIL және soft CLIL. Hard CLIL дегеніміз кез-келген мектеп пәні ағылшын тілінді жүргізіледі (тек білім алушының ағылшын тілі деңгейі L2 болуы тиіс). Бұндай оқыту барысында оқушылар география, әдебиет, биология, физика, тіпті дене шынықтыру пәндерін шет тілі арқылы зерттей алады. Ағылшын тілі мұғалімдері soft CLIL әдісін қолданады, олардың міндеті шет тілін басқа пәндердің тақырыптарын қолдану арқылы үйрету болып табылады.

CLIL әр түрлі білім беру жүйесінде қолданылады, бала-бақшаның дайындық тобынан жоғары білім беру орындарына дейін жүргізілуі мүмкін. Негізінен бұл әдістемені қолдану барысында Еуропа елдерінде негізгі 4«С» ((DoCoyle, 2008)) аспектісі қарастырылады. Олар:

Content –пән мазмұны. Пән аумағындағы білімді, шеберлікті және дағдыларды дамыту.

Communication – коммуникация. Оқыту процесіндегі шет тілін ауқымды қолдану.

Cognition –ойлау. Ойлау және тану қабілетін дамыту.

Culture –мәдениет. Пәнаралық байланысты түсіну, пән мәдениетін түсіну.

Мүмкіндігінше сөйлеу белсенділігінің барлық түрлері сабақта (CLIL) болуы керек, дегенмен, осы оқыту әдісінің ерекшелігі (CLIL) оқу уақытының көп бөлігін алуында. Дегенмен мұғалім сабақты жоспарлай алады, кейбір материал аудио мәтін түрінде ұсынылуы мүмкін және оқытудың іздеу әдістері арқылы диалог пен әңгіме арқылы материалды түсінуге болады. Тыңдалым жазылыммен біріктірілуі мүмкін (кестелерді толтыру, диаграмманы құрастыру, кемшіліктерді қалпына келтіру). Оқу материалдарын таңдағанда, жас ерекшеліктеріне және оқушылардың тілдік дайындық деңгейіне сәйкес келетін түрлі стильдердің түпнұсқа мәтіндерін таңдау керек. Сондай-ақ, аудио және бейне материалдарын пайдалануға болады. Оқу материалы екі мақсатқа қол жеткізуге тиіс: тақырып және тіл. Мәтіндер кішігірім бөліктерге бөлініп, иллюстрациялар, диаграммалар, карталар және т.б. бірге жүрсе, жақсы қабылданады [5].

Осылайша, CLIL әдісі бойынша ағылшын тілінде жүргізу метапәндік байланыстарды қамтамасыз етеді және жаңа білім беру стандарты принциптерін дамытуда практикалық нәтижелерге жетуге мүмкіндік береді, атап айтсақ, мәдени хабардарлығын, интернационализациялау, тілдік құзыретін дамытады, тек оқуға ғана даярлығын емес, сонымен қатар жаңа білімін өмірде қолдана білуге және сәйкесінше өмірлік дәлелдемесін көтеруге, табысқа мақсатталған, сайып келгенде, басты мақсатқа қол жеткізуге – болашақ түлектердің кәсіби құзыреттілігін қалыптастыруға, олардың ұтқырлығы мен тез өзгеретін өмірлік жағдайларға бейімделу қабілетін арттыруға әкеледі.

Қазақстанның барлық білім беру мектептерінде НЗМ инновациялық білім беру тәжірибесінің тиімділігін ғылыми тәсілдер арқылы және оқытушы - әдіскерлердің

ғылыми – әдістемелік ұстанымдарын зерттей келе, мынадай ерекшеліктерге тоқталып өтсек.

CLIL мақсаты:

- Пәнге байланысты оқушыларға жаңа ұғымдар мен идеяларды таныстыру.
- Оқушылардың пән мен тілді қатар меңгеруін қамтамасыз ету.
- Оқушылардың екінші тілде сөйлеу сенімділігін арттыру.
- Сабақта пән мазмұнын алдыңғы қатарға қою.
- Сабақта екінші тіл оқу жоспарына сәйкес оқушылардың қабілетіне орай жоспарлау.
- Оқушылардың түрлі ойлау қабілетін арттыратын тапсырмалар беру.
- Оқушыларды тіл мен пәнді қатар меңгеруі барысында қолдау көрсету.

Принциптері:

- CLIL біріншіден көптілділікті емес, жалпы білім беруді қамтиды. Сондықтан ол қосымша оқыту ерекшелігі болып табылады.
- Оқыту 4 «С» аспектісіне сүйене отырып жүргізіледі.
- Сабақ барысында психологиялық тепе-теңдікті талап етеді.
- Тақырыпты түсіндіру барысында мұғалім мимика, жест, әр түрлі суреттер, дауыс, т.б. қолдануға болады.

Артықшылықтары:

- ✓ Білім алушылар бір-бірімен шет тілінде сөйлесу қабілетін арттырады.
- ✓ Оқушылардың мәдениаралық білімін арттырады.
- ✓ Оқушылардың ойлау және шығармашылық қабілетін дамытады.
- ✓ Білім алушылардың сенімділігін және ынтасын жоғарылатады.
- ✓ Шет тілін білу қызығушылығын арттырып, оны әр түрлі жағдайда қолдану маңыздылығын арттырады.

Қорытындылай келе, білімді толық игеру үшін оқушылардың ойлау қабілетін дамыту, еркін өйлеуіне, өз ойын ашық және толық айтуға үйрету, ой-өрісін кеңейту – оқытудың ең басты мақсаты болып табылады, және әрбір оқушыны өз мүмкіндігіне қарай білім, дағды алатындай етіп оқытуымыз дұрыс. Осы мақсатқа жету үшін, жаңартылған оқыту үрдісіне байланысты «CLIL» - Үштілділік оқыту бағдарламасын жүзеге асырудың тиімді әдісі» болып табылады.

Қолданылған әдебиеттер

1. Тұрғанбекова Б.А. Мұғалімнің шығармашылық әлеуетін біліктілікті арттыру жағдайында дамыту: теория және тәжірибе. – Алматы: Рауан, 2005. – 250 б.
2. Құдайбергенова К. Құзырлылық – тұлға дамуының сапалық критерий // «білім сапасын бағалаудың мәселелері: әдіснамалық негізі және практикалық нәтижесі » атты халықаралық ғылыми – практикалық конференцияның материалдары. 2008. 30- 32-б
3. Marsh, D (Ed) (2002) Content and Language Integrated Learning (CLIL). A Development Trajectory.
4. Maryshkina T.V., Kalizhanova A. N. Possibilities of mechanisms of bilingual education for the formation of trilingualism // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2018. – №11 (43). – С. 138-145 с.
5. Машрапова А. С. Использование методики CLIL на уроках со вторым языком обучения // Молодой ученый. – 2017. – №18.1. – С. 48-51. – URL https://moluch.ru/archive/152/43289/

УДК 371.3

Домашнее чтение как аспект преподавания иностранного языка для специальных целей. К вопросу о самостоятельной работе студентов

Салье Татьяна Евгеньевна
доцент Санкт-Петербургского государственного университета
(кафедра английского языка в сфере филологии и искусств), г. Санкт-Петербург

Самсонова Татьяна Ивановна
старший преподаватель Центра
лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и
национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», г. Москва

Home reading as an aspect of teaching foreign language: to the issue of self-study

Sallier Tatiana Yevgenievna
Associate Professor at St.Peterburg State University
(Department of English in the sphere of philology and art)
St.Petersburg, Russia

Samsonova Tatiana Ivanovna
Senior Lecturer of the Center for Linguistics
and Professional Communication, Institute of Law and National Security
Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Russia, Moscow

Аннотация. Рассматривается роль чтения в процессе обучения в вузе. Рассматриваются различные виды чтения. Анализируется взаимодействие чтения с другими аспектами обучения языку, такими как говорение и письмо. Утверждается, что чтение на иностранном языке способствует не только языковому, но и культурному развитию.

Ключевые слова: чтение, устная практика, языковые навыки, мультимедийный подход.

Abstract. The role of reading in language teaching is considered. Various types of reading and their role in the learning process are described. Reading is viewed in interaction with other learning activities, such as speaking and writing. It is argued that reading in a foreign language contributes not only to linguistic, but also to cultural development.

Key words: reading, oral practice, language skills, multimedia, cultural development.

Чтение всегда считалось одним из ключевых аспектов обучения иностранному языку. В доперестроечные времена, когда язык в неспециальных вузах изучался сугубо пассивно, домашнее чтение, в виде самостоятельного перевода специальной литературы, всегда присутствовало в программе. Студенты называли это задание «тысячи», не видели в изучении иностранного языка особого смысла, поскольку страна была невыездной, и манкировали как могли. Однако и в таком усеченном виде это задание имело смысл, так как помогало тем, кто хотел учиться, научиться читать специальную литературу. Чтение сложного специального текста требовало знания «грамматики перевода», которая в основном и изучалась. Такая методика преподавания была, несомненно, однообразна и во многом скучна, однако выполняла свое назначение – студенты овладевали навыком чтения специальной литературы. Соответствующим образом составлялись и учебные пособия [3;5].

Когда открылись возможности выезда за границу и мотивация к изучению иностранного языка многократно увеличилась, в страну хлынул огромный поток иностранных (британских, американских, австралийских) учебников, в которых основной упор делался на развитие устной речи. Признавая необходимость и полезность такого подхода, приходится признать, что навык обучения чтению сложного текста был во многом утрачен.

Таким образом, с изменением ситуации перед преподавателем открылись небывалые возможности обучения разговорному языку, а с другой стороны обучение чтению и переводу было значительно сокращено или вообще сошло на нет.

С новыми временами изменилась и подготовленность студентов. Сейчас в гуманитарные вузы приходят абитуриенты, уже в какой-то степени владеющие разговорным языком, однако не приученные к самостоятельному чтению, в том числе и на родном языке. Увеличилось и количество часов, отведенных на изучение

иностранного языка в гуманитарных вузах, а также, как уже говорилось, возросла мотивация студентов, мечтающих о заграничных поездках, стажировках и работе за границей.

В связи с этим, как представляется, обучение чтению должно приобрести новые параметры. Обучение чтению, как представляется, должно органически сочетаться с обучением грамматике и устной речи.

В дидактической и лингвистической литературе отмечается необходимость обучения чтению разных типов студентов разного уровня подготовки (см., например: [1;2;4;7.])

Многолетний опыт автора показывает, что наиболее плодотворными являются четыре вида чтения. Рассмотрим их более подробно.

1. Аудиторное чтение. Этот достаточно традиционный аспект подразумевает сплошной или выборочный перевод, подробный разбор лексических и грамматических трудностей, встречающихся в тексте, ответы на вопросы, подробный пересказ и перевод с русского отдельных предложений или, если позволяет уровень группы, целого текста. Примеры таких текстов можно найти в учебнике английского языка, написанного под руководством одного из авторов [6].

2. Общее домашнее чтение. Студенты читают общую книгу, обсуждают и пересказывают заданный отрывок в группе. Такой вид работы является достаточно традиционным для специальных отделений филологического факультета СПбГУ, однако не всегда применяется в группах, где английский язык не является главным.

Этот вид работы подразумевает разбор трудных мест, пояснения преподавателя, поначалу возможно даже чтение в аудитории с постепенным переходом к самостоятельному «домашнему» чтению. При этом очень важно дать студентам информацию об историческом фоне событий, описываемых в изучаемом произведении. Так, при чтении романа Харпер Ли «Убить пересмешника» уместным оказался параллельный разбор текстов “The Great Depression” и “The Civil Rights Movement”, содержащихся в уже цитированном учебнике [6]. Таким образом, разбираемый текст «встраивается» в общую систему знаний.

В ходе занятия по домашнему чтению целесообразными представляются следующие виды работы:

А) разбор трудных мест (этот вид работы занимает много времени на начальных этапах, но постепенно сходит на нет, по мере того, как студенты осваивают текст).

Б) вопросы к тексту и ответы

В) краткий пересказ предыдущих частей текста

Г) пересказ и обсуждение текста.

Сочетание этих методик обеспечивает, как представляется, совместную работу студентов, способствует развитию навыка подробного и краткого пересказа, а также навыка устной речи при обсуждении текста.

Крайне важным для домашнего чтения является выбор материала. Выбранная книга должна иметь нарративный характер, т.е. описывать ряд событий, что способствует легкости пересказа; сюжет должен быть увлекательным; уровень трудности текста должен соответствовать уровню, учащихся как в плане языковой подготовки, так и в общеобразовательном аспекте.

Как представляется, наиболее пригодными для домашнего чтения являются такие авторы как Агата Кристи, Кен Фоллетт, Артур Хейли, Харпер Ли, Джон Гришем, Ирвин Шоу. Впрочем, здесь многое зависит от предпочтений преподавателя и студентов. При выборе книги целесообразно учитывать мнение студентов, предлагая несколько вариантов и предоставляя возможность выбора. Главное требование – книга должна нравиться учащимся. Чтение книги можно сочетать с просмотром фильма, созданного по данному произведению. Таким образом, общее домашнее чтение предоставляет простор для применения разнообразных методик – развитие навыков собственно чтения, полного и сокращенного пересказа, самостоятельной устной речи и аудирования.

3. Индивидуальное домашнее чтение. Такой вид чтения подразумевает самостоятельный выбор книги студентом. Преподаватель может рекомендовать ту или иную книгу, однако окончательный выбор остается за учащимся. Контроль осуществляется либо через презентацию в группе, либо через индивидуальный ответ преподавателю. Этот вид чтения подразумевает абсолютно самостоятельную работу учащегося, который, однако, может обратиться к преподавателю за помощью при разборе трудных мест.

4. Рекреационное чтение. Этот вид чтения является мечтой преподавателя – студент читает «для себя», параллельно совершенствуясь в иностранном языке. Преподаватель при этом выступает в роли советчика – его роль – порекомендовать книгу, помочь справиться с трудностями, и, конечно, похвалить молодого читателя. При общем падении интереса к рекреационному чтению (в том числе и на родном языке) приучить студента к самостоятельному чтению «для удовольствия» - трудная, но достойная задача.

5. Чтение и письменный перевод. Помимо описанных выше типов чтения представляется целесообразным сохранить практику индивидуального чтения и

письменного перевода специального текста. Учащийся выбирает материал самостоятельно (Практика показывает, что этот выбор, как правило, обусловлен темой курсовой или дипломной работы) выполняет письменный перевод, который преподаватель принимает при помощи выборочной или сплошной проверки.

Позволим себе сделать некоторые выводы:

Обучение чтению является плодотворным и крайне необходимым аспектом обучения языку, поскольку чтение является главным средством получения информации.

Обучение подразумевает сочетание традиционных и инновационных методик, более или менее подробного разбора текста, привлечения дополнительных текстовых или мультимедийных материалов.

Если студент научится и приучится читать, ему открыт путь к самостоятельному изучению иностранного языка и самостоятельному образованию и культурному развитию.

Список литературы

1. Батуева Е.В. Работа над обучением иноязычному чтению в техническом вузе. В сборнике: Методика обучения и воспитания и практика 2017/2018 учебного года Сборник материалов III Международной научно-практической конференции . 2018. С. 63-69.
2. Галимова Д.Р., Салина А.С. Методика обучения чтению аутентичных текстов в среднем звене при обучении английскому языку. В:Наука и общество в условиях глобализации. 2018. Т. 2. № 1 (5). С. 28-31.
3. Мальчевская, Т.Н.Сборник упражнений по переводу гуманитарных текстов с английского языка на русский. Ленинград, изд-во «Наука», 1970;
4. Миненкова Н.В. К вопросу щ взаимодействии обучения чтению с обучением аудированию, говорению, письму на русском языке. В: Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2017. № 3 (16). С. 62-65
5. Михельсон Т.Н., Успенская, Н.В. Сборник упражнений по основным разделам грамматики английского языка. Издательство «Наука», Ленинград - Москва, 1965.
6. Салье Т. Е., Валиева Ю.М., Воскресенская И.Н. English for Students of Communications. Английский язык для направления «Реклама и связи с общественностью». – Москва, 2011
7. Шеина Е.С. Технологии активного обучения: экстенсивное чтение при обучении английскому языку в вузе. В сборнике: Педагогические и социологические аспекты образования Материалы Международной научно- практической конференции. 2018. С. 159-160.

УДК 811.11

«Эпатажная» метафора как прием речевого воздействия в современном политическом дискурсе

Симонова Елена Петровна
старший преподаватель кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация»
Тихоокеанский государственный университет, РФ, г. Хабаровск
epsimonova@gmail.com

Янкина Юлия Алексеевна
студентка группы Л (аб)-51,
Тихоокеанский государственный университет, РФ, г. Хабаровск
yuli9797@bk.ru

"Provocative" metaphor as a method of linguistic manipulation in modern political discourse

Simonova Elena Petrovna
Senior lecturer of Linguistics and intercultural communication department
Pacific State University, Russia, Khabarovsk

Yankina Yulia Alekseevna
Student, Pacific State University, Russia, Khabarovsk

Аннотация. Данная статья посвящена изучению «эпатажной» метафоры в современном политическом дискурсе. Цель работы – выявить и проанализировать «эпатажные» метафоры в инаугурационной речи Д. Трампа. Объектом исследования является современный политический дискурс. Предмет исследования – «эпатажная» метафора как средство воздействия на общественное мнение. В статье были рассмотрены такие понятия, как: «дискурс», «политический дискурс», «речевое воздействие», «эпатаж»; были выявлены и проанализированы «эпатажные» метафоры в инаугурационной речи Д. Трампа. На основе проведенного анализа были сделаны следующие выводы: во время публичных выступлений Д. Трамп отдает предпочтение стратегии театральности. Данная стратегия представлена в речи президента самым многочисленным набором тактик (тактика побуждения, тактика кооперации, тактика размежевания, тактика информирования).

Ключевые слова: речевое воздействие, стратегии и тактики речевого воздействия, политический дискурс, инаугурационная речь, метафора, «эпатажная» метафора

Abstract. The article is devoted to the study of metaphors found in current political discourse. The purpose of the work is to identify and analyze the "provocative" metaphors in D. Trump's inaugural speech. The object of the research is current political discourse. The subject of the research is a "provocative" metaphor as a method of linguistic manipulation of public opinion. The article deals with such concepts as" discourse", "political discourse", "linguistic manipulation", "epatage". The "provocative" metaphors in D. Trump's inaugural speech were identified and analyzed. The following conclusions were made: during public speeches D. Trump prefers the strategy of theatricality. This strategy is presented in the

President's speech by the most numerous set of tactics (motivation tactics, cooperation tactics, disengagement tactics, information tactics).

Keywords: linguistic manipulation, manipulation strategies and tactics, political discourse, inaugural speech, metaphor, "provocative" metaphor

Политический дискурс приобретает всё большее значение в современном обществе. Возрастает интерес к нему как со стороны лингвистов, так и со стороны обычной аудитории, которая является третьим, косвенным участником.

Политика – одна их самых продуктивных областей, поэтому изучение особенностей политического дискурса сегодня является актуальной задачей.

С. Ю. Тюрина в своей статье «Дискурс как объект лингвистического исследования» говорит о том, что «дискурс, понимаемый как текст, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений. Политический дискурс – это явление, в котором борьба за власть является основной темой. Политический дискурс относится к особому типу общения, для которого характерна высокая степень речевого воздействия. При исследовании дискурса акцент ставится на рассмотрении языковых способов воздействия на аудиторию» [9].

В узком смысле под речевым воздействием мы пониманием «влияние на собеседника в процессе общения с помощью различных приемов с целью изменить его взгляды и мнения или побудить к каким-либо действиям» [10]. Одним из следствий широкого толкования речевого воздействия является следующее: «Речевое воздействие – это любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, речевое общение, описанное с позиции одного из коммуникантов» [6, с.3].

Речевое воздействие реализуется в стратегиях и тактиках. По мнению О. Л. Михалевой, «стратегия на понижение, на повышение и стратегия театральности являются основными. Каждой стратегии присущ свой набор тактик» [5, с. 214].

Так, например, к первому типу можно отнести:

– тактику анализ-минус (скрытое проявление негативного отношения к объекту);

– тактику оскорбления (явное нанесение обиды объекту);

– тактику обвинения (открытое приписывание вины либо за совершение предосудительных поступков, либо за личные отрицательные качества, неподкрепленное конкретными аргументами);

– тактику безличного обвинения (более сдержанное изложение того же вида вины, как и в тактике обвинения, без прямого указания на объект);

– тактику обличения (более конкретизированный вариант тактики обвинения, т.е. с использованием реальных фактов, подтверждающих обвинение);

– тактику угрозы (либо объект рассматривается как потенциальная или реальная угроза, либо это угрожающее намерение, направленное на объект).

Стратегии на повышение свойственны такие тактики, как: тактика анализ-плюс (открытое проявление позитивного отношения к объекту); тактика презентации (презентация наиболее сильных, положительных сторон объекта); тактика неявной самопрезентации (тактика презентации в отношении самого говорящего); тактика отвода критики (оправдание совершенных действий и поступков, подкрепленное веской аргументацией); тактика самооправдания (тактика отвода критики в отношении говорящего, главным образом направленная на снятие вины).

У стратегии театральности больше всего тактик. Приведем в пример некоторые из них: «тактика побуждения (осуществление призыва к действию);

тактика провокации (как крайнее выражение тактики побуждения); тактика кооперации (обращение к тем нерушимым идеалам, ценностям, которые находятся в объективе речевой манипуляции); тактика размежевания (нахождение и дальнейшая акцентуация расхождений в позициях); тактика информирования (изложение реальных фактов без какой-либо характеристики по отношению к ним)» [5, с. 214].

Было выявлено, что Д. Трамп на публичных выступлениях [11] отдает особое предпочтение стратегии театральности. Данная стратегия представлена в речи президента самым многочисленным набором тактик. Приведем в пример некоторые из них:

Тактика побуждения: There's only one choice in this election, that's vote for Troy Balderson! / Есть только один выбор – голосовать за Троя Балдерсона!

Манипуляция со стороны Д. Трампа очевидна. Президент стремится побудить аудиторию голосовать только за кандидата от Республиканской партии.

Тактика кооперации: Now that we have the best economy in the history of our country, this is the time to straighten out the worst trade deals ever made by any country on earth at any time. / Теперь, когда у нас лучшая экономика в истории нашей страны, настало время поработать над неудачными торговыми сделками, совершенными когда-то с какими-либо странами.

Д. Трамп создает привлекательный имидж собственной страны с помощью такого сочетания лексических единиц, как “the best economy in the history of our country” (лучшая экономика в истории нашей страны).

Тактика размежевания: The new platform of the Democrat Party is to abolish ICE and let's not worry about crime. Oh, really? It doesn't work that way. A vote for the Democrats is a vote to let criminals and drugs pour into our country. / Новое предложение Демократической партии – это отменить иммиграционную полицию и перестать волноваться о преступности. Да неужели? Это не сработает. Голосование за демократов – это голосование, позволяющее преступникам и наркотикам вливаться в нашу страну.

В приведенном выше отрывке явно прослеживается построение оппозиции «свой» – «чужой». Использование данной оппозиции позволяет политику противопоставить республиканскую партию своим оппонентам – демократам. За счет лексических средств с негативной коннотацией: «criminal: a person who has committed a crime; drug: a substance taken for its narcotic or stimulant effects, often illegally» [13], президенту удается дискредитировать соперников в глазах аудитории. Использование данной оппозиции позволяет автору оказать эмоциональное воздействие на слушателей и, следовательно, сделать политическую коммуникацию более эффективной.

Тактика информирования: We're defending our Constitution. We're taking care of our great vets. / Мы защищаем нашу Конституцию. Мы заботимся о наших заслуженных ветеранах.

Данная работа предполагает рассмотрение феномена эпатажа в качестве способа речевого воздействия. Сам термин «эпатаж» происходит от французского глагола e'pater. Французский толковый словарь в дефеницции слова «e'pater» выделяет следующие значения: «1.Susciter chez quelqu'un une surprise plus ou moins admirative, le laisser perplexe d'étonnement; 2. Interloquer» [15]. Согласно толковому словарю русского языка «эпатаж» – «вызывающее поведение или скандальная выходка, нарушающая общепринятые нормы; означает противостояние и конфликт с внешним миром» [16, с. 911]. В. П. Белянин полагает, что «такое поведение может проявляться как в действиях, так и в языке» [1, с. 38]. «На политической арене эпатаж – гарантированный способ стать узнаваемым среди избирателей и добиться внимания к своей персоне или деятельности» [7, с.18]. Особенность эпатажных техник в том, что они пробуждают провоцирующие, шокирующие образы, а эпатажное поведение, в свою очередь нацелено на неоднозначную реакцию у окружающих.

Эпатаж в политическом дискурсе может быть выражен метафорой, которую мы, в своей работе вслед за А.В. Завадской обозначим как «эпатажная метафора» «по аналогии с имеющимися в науке терминами - «оценочная», «образная»,

«экспрессивная», «концептуальная» метафора (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.Г. Гак)» [4, с.19].

Метафора является важным и часто употребляемым в политическом дискурсе экспрессивным средством. По замечанию специалистов в отечественной метафорологии, «метафора — это своего рода зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание на определенном этапе развития общества» [3, с.232]. По словам А.А. Горностаевой, «политическая метафора — это целый комплекс «зеркал», отражающих разные аспекты жизни общества: ментальный мир человека и общества в целом; представления людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы политических образов. Метафорическая модель позволяет представить сложную проблему как простую и хорошо знакомую, выделить какой-то аспект проблемы <…> отражает особенности национального менталитета, стереотипные представления и указывает на «болевые точки» общества, сферу конфликтов» [3, с. 232].

Тактика эпатирования, выраженная через использование эпатажных метафор, широко распространена в публичных речах и интервью Д. Трампа. В его речах акцент делается на неординарность политика, чертах, выделяющих его из числа других. Публичные речи Трампа нацелены на создание яркого эмоционально-психологического портрета. Наиболее интересным в плане исследования, на наш взгляд, является инаугурационная речь Д. Трампа, так как, несмотря на то, что она создается группой людей «личностное начало вступающего в должность президента ощущается достаточно сильно» [2, с. 115]. По словам Е. И. Шейгал «Инаугурационное обращение президента занимает особое место в жанровой структуре политического дискурса. Оно однозначно маркировано единичным адресантом, жестко привязано к определенному политическому событию, фиксировано во временном и пространственном плане» [8, с. 205]. В своей работе Е. И. Шейгал упоминает К. Кэмпбелл и К. Джеймисон, известных специалистов по президентской риторике США. По их мнению, «президентской инаугурационной речи в полной мере присущи все черты эпидейктической речи: она является важнейшей составляющей торжественной церемонии, в ней соединяется осмысление прошлого и будущего нации на фоне настоящего, воздается хвала всему, что объединяет данную общность, используется элегантный литературный стиль и приемы усиления, преувеличенного акцентирования того, что уже известно аудитории» [8, с. 205].

Проанализировав инаугурационное обращение Д. Трампа [12] с точки зрения создания ею эпатирующего эффекта, мы выявили и рассмотрели такой прием, как привлечение эпатажных метафор, рисующих объемные образы, которые являются мощными эмоциональными и экспрессивными средствами воздействия на общественное мнение. Например: (1) Mothers and children **trapped in poverty** in our inner cities, **rusted out** factories **scattered** like tombstones across the landscape of our nation, an education system **flush with cash** but which leaves our young and beautiful students deprived of all knowledge / Матери и их дети заперты в нужде, наша страна усеяна заржавленными заводами, как надгробными камнями, образование купается в деньгах, но остается недоступным для молодых людей.

Метафора “trapped in poverty” эксплицирует семы «безысходность», «безвыходная ситуация». Таким образом, президент репрезентирует текущее состояние экономики страны: у человека нет возможности самостоятельно решить сложившуюся ситуацию, поскольку на данный момент не существует рычагов воздействия на проблемы маргинальной части общества, погрязшей в бедности, в частности матерей-одиночек, которые не могут осуществлять должный уход за ребенком и работать одновременно.

Концептуальная метафора “rusted out factories scattered” акцентирует внимание реципиента на следующей проблеме: по всей стране есть множество предприятий, которые не функционируют, их состояние ухудшается без должного внимания, а, вместе с тем, каждая из них может быть местом работы и дохода для населения.

Метафора “flush with cash”, используемая для описания учебных заведений имплицирует информацию о коррупции и несоответствии масштабов их финансирования и качества образования, также косвенно представлена информация о том, что, в ряде случаев, американцы не в состоянии дать своим детям высшее образование в силу непомерной платы за обучение.

Обратимся к следующему примеру: (2) We've made other countries rich while the wealth, strength, and confidence of our country has **dissipated over the horizon.** / Мы делали другие государства богатыми, в то время как богатство, сила и вера в нашу страну растаяли за горизонтом.

Метафоризация концептуального процесса “has dissipated over the horizon” со значением «исчезать», «улетучиваться» выполняет гедонистическую функцию презентации материала и служит средством выражения экспрессии, акцентирования внимания реципиента на масштабности указанной проблемы, воздействия и формирования общественного мнения.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы: Д. Трамп на публичных выступлениях отдает особое предпочтение стратегии театральности. Данная стратегия представлена в речи президента самым многочисленным набором тактик (тактика побуждения, тактика кооперации, тактика размежевания, тактика информирования); на лексическом уровне в инаугурационной речи Д. Трампа эпатирующий эффект создается при помощи «эпатажных» метафор, которые являются мощными эмоциональными и экспрессивными средствами воздействия на общественное мнение.

Список литературы

1. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе) / В. П. Белянин. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
2. Гаврилова М.В. Инаугурационная речь // Дискурс-Пи. 2013. № 3 (13). С. 115-116
3. Горностаева А.А. Предвыборный политический дискурс США 2016 и России 2018: сопоставительный аспект // Вестник Московского государственного областного ун-та (электронный журнал). 2018. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.
4. Завадская, А. В. "Эпатажный" характер метафорических описаний образа человека в поэзии русских футуристов // А. В. Завадская. – Вестник ОГУ №1/Январь 2009, С.19-23
5. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. канд. филол. наук / О. Л. Михалева. – Иркутск, 2004. – 289 с.
6. Павлова Н. Д. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. / Н. Д. Павлова. – М.: Наука, 1990. С. 3.
7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 254 с.
8. Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3. С. 205 – 214

Электронные ресурсы

9. Тюрина С. Ю. Дискурс как объект лингвистического исследования. Режим доступа: http://www.my-luni.ru (Дата обращения: 25.04.2019).
10. Основы речевого воздействия. Режим доступа: https://studme.org (Дата обращения: 25.04.2019).
11. Speech: Donald Trump Holds a Political Rally in Lewis Center, Ohio – August 4, 2018. Режим доступа: https://factba.se (Дата обращения: 28.04.2019).
12. Remarks of president Donald J. Trump – as prepared for delivery inaugural address, Friday, January 20, 2017 Washington, D.C. – Режим доступа: https://www.whitehouse.gov (Дата обращения: 28.04.2019)
13. Oxford English Dictionary. Режим доступа: https://en.oxforddictionaries (Дата обращения: 28.04.2019).
14. Riverso Context. Режим доступа: https://context.reverso.net (Дата обращения: 28.04.2019)
15. Larousse. Режим доступа: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/ (Дата обращения: 28.04.2019)

Список источников

16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений. / С. И. Ожегов. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. С. 911.

УДК 808.5

Язык как основной инструмент социально-культурного развития личности в условиях глобализации

Сердюкова Дарья Игоревна
магистрант Лингвистического факультета
Российского государственного социального университета, РФ, Москва
darianaum27@gmail.com

Language as a main instrument of sociocultural development in a context of globalization

Serdiukova Daria Igorevna
Master's Degree Student of Faculty of Linguistics
Russian state social university, Russia, Moscow

Аннотация. Статья посвящена вопросу взаимного влияния языка и культуры друг на друга, а также их воздействия на социально-культурное развитие личности. Автор рассматривает основные концепции связи языка и культуры в рамках лингвистики, философии, антропологии и культурологии. На основе работ, посвященных взаимосвязи языка и культуры, была установлена определяющая роль языка в условиях социально-культурного развития человека и общества. Основное внимание в работе автор акцентирует на влиянии языка на культуру в условиях глобализации. Был проведен анализ основных концепций развития общества в условиях глобализации и влияние этого процесса на социально-культурное развитие личности.

Ключевые слова: язык; культура; мышление; национальный дух; культурный код; социально-культурное развитие; социальная группа; коммуникация; культурная глобализация; глокализация.

Abstract. The article is dedicated to the issue of language and culture interplay and their mutual influence on sociocultural development of a person. The author covers main concepts of language and culture relations in terms of linguistics, philosophy, anthropology and culturology. On the basis of papers highlighting the issue of language and culture interplay defining role of language was determined in terms of sociocultural development of person and society. The author places special emphasis on influence of Language upon culture in terms of globalization. The analysis of main concepts of development of society on a context of globalization and influence of the process on sociocultural development was held.

Key words: language; culture; thought; national spirit; culture code; sociocultural development; social group; communication; cultural globalization; glocalization.

Введение

С момента рождения и до самой смерти человек развивается как личность в условиях того общества, в котором он живет. Он впитывает определенные нормы морали, основы социального поведения и культурные установки, чтобы затем использовать их для коммуникации с членами того общества, частью которого он сам является. Заложение базиса для дальнейшего социально-культурного развития личности происходит на ранних этапах развития человека, то есть в детстве. В игровой форме ребенок впитывает культуру социального общения, которая в последующем обеспечит успех его коммуникации с внешним миром, сделает его социальным человеком и гармонично развитой личностью. Дети в первые годы жизни начинают познавать этот мир при помощи родителей, и одной из важных составляющих этого процесса является язык, который выступает основным носителем информации. Язык выступает главным инструментом познания внешнего мира, его культуры и правил социального взаимодействия. В своей книге «Язык и межкультурная коммуникация» С.Г. Тер-Минасова пишет: «Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи. Язык – передатчик, носитель культуры, он передает сокровища национальной культуры, хранящейся в нем, из поколения в поколение. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и обобщенный культурный опыт предшествующих поколений» [1, с. 13]. Именно посредством общения с внешним миром ребенок постигает саму культуру общения, перенимая модели поведения, культурный опыт предшествующих поколений, закрепленный в языке и передающийся через него, и основные установки социального поведения. Все это помогает ребенку в его социализации в определенном обществе и способствует его гармоничному социально-культурному развитию.

Теоретическое обоснование

Связь языка и культуры как предмет изучения волновала ученых различных областей начиная с конца XIX века. Одним из первых, кто задался этим вопросом, был философ и языковед В. фон Гумбольдт, представитель классической немецкой философии. Его теория языка предполагает тесную связь трех основных концептов: языка, мышления и культуры. Гумбольдт полагал, что материальная и духовная культуры воплощаются в языке, а значит, язык имеет свойство порождать культурные

установки, сохранять их и передавать культурные явления. Эту тенденцию можно наблюдать в пословицах, поговорках, народных песнях и сказках, которые имеют место во многих культурах, принимая разные формы. Также Гумбольдт отмечал, что язык выступает опосредующим звеном между человеком и культурой через мышление. Язык помогает ей принять определенную форму, отображает в себе окружающую человека действительность посредством языковых форм, но также и заставляет человека воспринимать окружающую действительность с позиции его языковых представлений, то есть мыслить в рамках определенных культурных категорий. Функцию передатчика язык осуществлял благодаря своей двойственной природе: с одной стороны, это был продукт деятельности (говорения), а с другой, процесс как таковой. В восприятии Гумбольдта язык представлял собой постоянную работу духа, а именно духа национального. Дух в данной концепции не имеет ничего общего с мистическим аспектом жизни, это некая когнитивная категория понимания окружающей действительности человеком и обществом. В своей работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» Гумбольдт писал: «В каждом языке заложено самобытное миросозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне» [2, с. 80]. Таким образом, язык отягощает мысль уже на стадии ее зарождения, так как язык, который облачает мысль в форму, уже заведомо вкладывает в нее культурные концепты на стадии формирования. Однако не следует полагать, что люди, говорящие на разных языках, неспособны понять друг друга в силу языковых различий. Недопонимание между представителями разных языковых групп может возникнуть на основе разного понимания окружающей действительности. Человек, овладевающий иностранным языком, открывает для себя иной способ понимания мира, другой путь формирования и выражения своей мысли. Эту концепцию развивал в своем труде «Мысль и язык» А.А. Потебня. Выдающийся лингвист полагал, что язык формировал не только восприятие действительности у определенной группы, но и весь образ мысли. Он писал: «Человек, говорящий на двух языках, переходя от одного к другому, изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли, притом так, что усилие его воли лишь изменяет колею его мысли, а на дальнейшее течение ее влияет лишь посредственно» [3, с. 260]. Как можно видеть, восприятие языка и культуры в конце XIX века строилось исключительно на взаимосвязи мышления, языка и культуры и определялось с позиций «национального духа», который формирует культуру народа, отраженную в языке.

Последователи Гумбольдта, представители неогумбольдтианства, также придерживались идей связи языка и культуры с позиций национальной идентичности. Немецкий лингвист Лео Вайсгербер считал, что язык формирует восприятие окружающего мира, то есть создает языковую картину мира, которую он напрямую связывал с менталитетом. «Он (язык) позволяет человеку объединить весь опыт в единую картину мира и заставляет его забыть о том, как раньше, до того, как он изучил язык, он воспринимал окружающий мир», - писал Вайсгербер в своей монографии «Родной язык и формирование духа» [4, с. 51]. В начале своего пути как лингвиста он приписывал языку роль исключительно стимулирующего элемента. Значительно позже по мере развития своих научных идей он приходил в тому, чтобы усиливать позиции языка в становлении мысли человека об окружающем мире. Вайсгербер признавал язык создателем человеческого восприятия мира. Именно поэтому по его мнению, даже долгое проживание в чужой стране никогда не сможет лишить человека его национального менталитета и изменить его языковую картину мира в силу разности мироощущений, так как изначально в человека были вложены культурные установки на его родном языке, языке его предков, которые полностью создали его восприятие действительности [4]. Теорию языка В. фон Гумбольдта и взгляды Лео Вайсгербера продолжает гипотеза Сепира-Уорфа или теория лингвистической относительности (лингвистического релятивизма). В ее основе лежит положение о том, что язык определяет мышление, языковая система ограничивает когнитивные категории. В рамках этой теории действует принцип того, что людям, говорящем на одном языке или смежных (родственных) языках легче понимать друг друга, так как сам язык облегчает им коммуникативную задачу. Эдуард Сепир в работе «Статус лингвистики как науки» писал: «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, - это всего лишь иллюзия. В действительности же "реальный мир" в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [5, с. 263]. В языке уже заложены определенные культурные концепты, которые понятны обоим собеседникам, а укорененные в нем социальные нормы общения обуславливают их коммуникацию. Таким образом, людям нужно прилагать минимум усилий для того, чтобы понимать друг друга, а значит, они

чувствуют тесную духовную связь. Это положение перекликается с позицией Гумбольдта о «национальном духе», закодированном в языке.

Однако важно упомянуть, что теория лингвистического релятивизма подверглась жестокой критике. Б.А. Серебренников считает, что язык – результат отражения действительности, но не определяющая его величина [6]. Окружающий мир существует таким, какой он есть, а язык является инструментом, описывающим его, не более. Тем не менее, когда речь заходит о связи языка и культуры, а также языка и мышления, то направление лингвистической относительности выступает одним из основополагающих. На данный момент гипотеза Сепира-Уорфа ищет новую трактовку в современных реалиях, так как из проведенных на ее основе экспериментов становится ясно, что ее строгая формулировка не совсем соответствует реальному положению вещей.

Язык является основным инструментом коммуникации людей, он хранит в себе социальные установки, близкие тому или иному обществу, что определяет характер его общения. При помощи языка люди договариваются о моральных нормах, культурных ценностях. Л.С. Выготский ввел понятие регулятивной функции языка [7], то есть язык отвечает за регулирование социального поведения человека и адаптацию индивида в обществе. Выступая основной формой общения, язык формирует социально-культурную идентичность личности. Люди также используют язык для того, чтобы создать предметы культуры, которые впоследствии станут культурными кодами, отраженными в языке. Из этого взаимодействия языка и культуры видно, что язык выступает инструментом культуры, формирующим ее, определяющим ее движение. Согласно теории культуры британского антрополога польского происхождения Бронислава Малиновского, культура представляет собой совокупность некоторых элементов, организованных в рамках структуры и взаимодействующих между собой. Движущей силой человека всегда являлось и является удовлетворение базовых потребностей. В поисках новых форм удовлетворения этих потребностей человек формирует новый мир, мир культуры. По мере развития общества этот мир меняется, усложняются формы его общественной организации и взаимозависимость людей, что приводит к появлению новых потребностей и новых видов их удовлетворения [8]. Язык в рамках этой теории выступает как скрепляющий инструмент: он определяет общение людей между собой, что способствует удовлетворению базовых потребностей (как пример, традиция сватовства в разных народах, где сваты должны были описать невесту и жениха друг другу самым лучшим образом, что является удовлетворением потребности

продолжения рода); накоплению опыта прошлых поколений для реализации его в настоящей ситуации (создание архетипов, легенд и мифов); регуляции общественных отношений и воспитанию социально-культурных установок (детские сказки как иллюстрация инициации) и др. Таким образом, можно сделать вывод, что язык в рамках культуры выступает не определяющей ее движущей силой, но важным инструментом, обеспечивающим ее развитие, а также социально-культурное развитие личности в определенной социальной группе.

Определенные изменения в делении людей на социальные группы привнесла стремительная глобализация мирового сообщества, то есть процесс создания целостного общества в различных сферах его деятельности. Развитие глобализации преимущественно обусловлено техническим и научным прогрессом, который двигает человечество вперед и стирает границы между культурами, создавая новое, открытое к переменам сообщество. Следует сказать, что одним из первых ученых, который занялся вопросом изучения глобализации, стал Р. Робертсон. В своей книге «Globalization: Social Theory and Global Culture» («Глобализация: социальная теория и глобальная культура») он рассматривал феномен глобализации как феномен глокализации, то есть одновременно осуществляющиеся процессы глобализации и локализации, так как считал, что «в наиболее простых вводных терминах глобализация – это сжатие мира в «одном месте» [13, с. 6]. Ряд исследователей выделяет несколько уровней глобализации, а именно экономическую, политическую и культурную. Все они имеют взаимное влияние друг на друга, так как функционирование общества в одной из этих плоскостей невозможно без влияния на нее другой. Известный политолог Е.П. Бажанов рассматривает глобализацию как процесс «стремительного взаимного проникновения и усиления взаимозависимости национальных государств в экономической, социальной, политической, идеологической и культурной областях» [9, с. 8]. В связи с этим следует выделять такой феномен как культурная глобализация или глобализация культуры. «Глобализация культуры - это такой процесс изменений в культуре, который происходит под воздействием глобализации в социально-экономической сфере и состоит в деформации национально-духовной культуры и формировании общепланетарной техногенной цивилизации» [10, с. 18].

Несмотря на то, что глобализацию принято считать закономерным процессом развития общества, который двигает его вперед, в условиях глобализации человеку становится сложно приспособиться к реалиям меняющегося мира, разночтению взаимодействующих между собой культур и сохранить свою социально-культурную

целостность. Культурная глобализация общества представляет собой крайне сложный процесс, который «имеет ярко выраженную тенденцию к унификации локальных сообществ, что проявляется в распространении общих ценностей, норм, стандартов, идеалов, отчасти имеющих универсальный характер» [11, с. 203]. Многие ученые видят в процессе культурной глобализации преимущества на пути к построению безопасного общества, свободного от культурных стереотипов и конфликтов на почве культурных различий. Однако открытие культур друг для друга может привести не только к мирному их сосуществованию в мировом сообществе, но и к неизбежному конфликту интересов, взглядов, традиций и верований, что способствует развитию идей культурного и религиозного фундаментализма. Американский социолог С. Хантингтон, который придерживается довольно пессимистичных взглядов в отношении глобализации, полагает, что разночтение культур станет основой большинства конфликтов современного мира [14]. Процесс глобализации во всем своем противоречии дает человеку безграничные возможности межличностной коммуникации и постижения других культур, но в то же время порождает отчужденность от собственной культуры и от родной социальной группы, так как полностью меняет характер социальной жизни человека. В этом многообразии культур человек рискует не выработать свою культурную идентичность, потеряться в этой культурной эклектике. Его сознание пребывает в совершенном беспорядке и не может прийти к гармонии в этом меняющемся мире и в социальной группе, к которой он принадлежит. Человек вынужден адаптироваться в информационном обществе, которое зародилось в процессе глобализации, и погрузиться в его культуру. В этом обществе человек перенимает глобально-постиндустриальные ориентиры в связи с расширением его социальной группы и установлением межкультурных контактов [12]. Однако этот вариант развития личности влечет за собой кризис социально-культурной идентичности личности. По мнению известного исследователя феномена глобализации Э. Гидденса, глобализация ведет к разложению уже известных форм социальной идентичности [15]. Человек ступает на тернистый путь выработки своего стиля жизни. Он отказывается от известных ему социально-культурных установок и вырабатывает свои собственные на основе информации, которую он получил благодаря использованию благ технологического прогресса для межкультурной коммуникации или культурного обмена.

Заключение

Проблема глобализации является как никогда актуальной и интересной для исследования. Ее процессы влекут за собой как ряд недостатков, так и множество преимуществ, а ее результатом может стать как выход социально-культурного развития личности на совершенно иной уровень, так и полная деградация социального взаимодействия людей и разложение всех культурных основ. В данном случае следует отметить, что язык как основной инструмент социально-культурного формирования и развития личности выступает определенным препятствием на пути к полному пониманию людей во время межкультурной коммуникации. Эта проблема дает возможность развития искусственных языков как носителей абсолютно новых социально-культурных установок и моральных норм.

Список литературы

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово, 2000. - 264 с.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984. - 400 с.
3. Потебня А. А. Мысль и язык. Собрание трудов. - М.: Лабиринт, 1999. - 300 с.
4. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. - М., 1993 - 224 с.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М., 1993. - С. 259-265.
6. Мечковская Н.Б. Язык и религия - М., 1998. - 352 с.
7. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 6. Научное наследство / Под ред. М.Г. Ярошевского. - М.: Педагогика, 1984. - 400 с.
8. Малиновский Б. Научная теория культуры. - М.: ОГИ, 2005. - 184 с.
9. Бажанов Е.П. Современный мир. Избранные труды / Е.П. Бажанов. М.: Известия, 2004. - 421 с.
10. Мошняга П.А. Особенности глобализации культуры в Японии: автореф. дис. ... к.филос.н. М., 2009. - 18 с.
11. Храпаль Л.Р., Камалеева А.Р.. Культурная глобализация и этнокультурная идентичность общества как факторы модернизации современного образования. - Известия Саратовского университета. Т. 2. Сер. Акмеология образования. Психология развития. Вып. 2. 2012. С. 203 - 206.
12. Семененко И. С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 5-23.
13. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. Ca: SAGE. 1992. 211 p.
14. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster. 1996. 367 p.
15. Anthony Giddens 'Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives', Taylor and Francis. 2003 104 p.

УДК 811.161.1’38

Коммуникативные стратегии и тактики в переговорном процессе

Яценко Елена Владимировна
студент 2 курса магистратуры кафедры лингвистики и перевода
Российский государственный социальный университет, РФ, г. Москва
nysikys@mail.ru

Communication strategy and tactics in a negotiation process

Iatsenko Elena Vladimirovna
master’s level student of Linguistics and translation department
Russian State Social University, Russia, Moscow

Аннотация. Данная статья посвящена обсуждению таких понятий как коммуникативные стратегии и коммуникативные тактики в переговорах. Дано определение термина переговорный процесс. Приведено понятие речевой стратегии и его взаимосвязь с коммуникативной стратегией. Дано определение речевой тактики и его отличие от коммуникативной тактики. Разобран и проанализирован коммуникативный процесс на примере шаблона проведения телефонных переговоров (предоставление/оказание услуг по проведению бизнес-форума), а также на основании отрывка из сценария американского художественного фильма «Шпионский мост» (2015). Выведена схема протекания коммуникативного процесса, которая представляет собой иерархическую систему: Общая цель (конкретная цель). Коммуникативная стратегия (речевая стратегия). Коммуникативная тактика (речевая тактика). Тактические приемы.

Ключевые слова: переговоры, переговорный процесс, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коммуникативный процесс

Abstract. This article is devoted to the discussion of such concepts as communication strategies and communication tactics in negotiations. The definition of the negotiation process is given. The concept of speech strategy and its correlation with the communication strategy could be seen. The definition of speech tactics and its difference from the communication tactics is shown. The communication process is analyzed using the example of a telephone conversation pattern (provision of services for a business forum); the excerpt from the script of the American feature film “Bridge of spies” (2015) is analyzed. We derived a flow chart of the communicative process; we derived a hierarchical system: General goal (specific goal). Communication strategy (speech strategy). Communication tactics (speech tactics). Tactical techniques.

Keywords: negotiation, negotiation process, communication strategy, communication tactics, communication process

В настоящее время можно найти большое количество научной и методической литературы, которая посвящена всестороннему изучению переговорного коммуникативного процесса как части делового общения (процесс взаимодействия, в котором происходит обмен деятельностью, предполагающий достижение определенной цели, решение конкретной проблемы).

В данных трудах часто встречаются такие термины, как коммуникативная стратегия и тактика. Статья посвящена разбору этих двух важнейших понятий, так как они во многом определяют речевое поведение участников переговорного процесса.

Сначала следует дать определение понятия переговоров. Они представляют из себя деловой вид коммуникации, который происходит между несколькими сторонами. Принято выделять следующие виды переговорного процесса в зависимости от цели их проведения: соглашение о сотрудничестве, заключение договора, координации деятельности и т. д. [1, с. 112-113].

Теперь следует разобраться с понятием коммуникативной стратегии. Ученые до сих пор не пришли к единому толкованию данного термина. В рамках исследования мы хотели бы использовать определения таких авторов, как В.Б. Кашкин и Е.В. Клюев. Первый ученый определяет коммуникативную стратегию как часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели [2, с. 116]; второй же считает, что коммуникативная стратегия – это есть не что иное, как результат, на который направлен коммуникативный акт [3, с. 17-18].

Как мы видим, оба автора пришли к выводу, что коммуникативная стратегия связана с достижением определенных результатов, целей. Основываясь на словах обоих ученых, мы можем сделать следующий вывод: коммуникативная стратегия – это коммуникативное взаимодействие с помощью вербальных и невербальных средств, которое используется для достижения цели коммуникативного акта. Нам кажется, что именно такое узкое понимание термина релевантно в рамках данного исследования (идеальные условия), так как, если брать во внимание широкое определение данного понятия у других ученых, в них можно заметить, что ценностные ориентации, мировоззренческие установки, индивидуально личностные особенности в основном определяют речевое поведение участников коммуникативного акта.

Здесь же стоит отметить, что в трудах авторов встречается и такое понятие, как речевая стратегия. Но данный термин не равнозначен понятию коммуникативной стратегии. Нам кажется, что стоит придерживаться следующего мнения: речевая стратегия реализует коммуникативную стратегию в рамках отдельной ситуации. В каждом конкретном случае участники коммуникации заняты поиском общего языка, выработкой основ диалогического взаимодействия. Можно утверждать, что речевая стратегия – это принятое говорящим решение о последовательности речевых

действий, определяющих речевое поведение в плане выбора оптимальных средств и способов для достижения целей. Таким образом, коммуникативная и речевая стратегии тесно взаимосвязаны и соотносятся между собой, как целое и часть [4, с. 26-27].

Также стоит разобраться с термином коммуникативная тактика. При проведении анализа литературы нами не было найдено толкование данного понятия, которое было бы релевантно в рамках исследования. Однако в работе Н.Н. Кирилловой было предоставлено следующее определение: «Речевая тактика – такое речевое действие, которое соответствует определенному этапу в реализации той или иной стратегии…» [4, с. 27]. Как мы выяснили в предыдущем абзаце, коммуникация – это более обобщенное понятие речи и конкретной речевой ситуации. Поэтому мы воспользуемся следующим определением: коммуникативная тактика – совокупность практических ходов в коммуникативном взаимодействии. В свою очередь, данные ходы могут быть представлены одним или несколькими тактическими приемами как способами построения высказывания.

Из всего вышеперечисленного мы пришли к выводу, что для достижения цели коммуникативные стратегии реализуются посредством применения коммуникативных тактик, которые в свою очередь реализуются тактическими приемами.

Так, коммуникативный процесс можно представить в виде иерархической системы [5]. Но, чтобы нагляднее ее показать, следует разобрать пример. Ниже представлен шаблон для телефонных переговоров, который передает его суть:

Секретарь: Компания «N». Добрый день.

Ответственное лицо: Добрый день. Меня зовут Иванов Иван, я представляю компанию «О». Я звоню по поводу проведения бизнес-форума.

С: Слушаю Вас.

О.Л: Есть ли у Вас возможность предоставить интерактивную площадку, вместительностью 130-150 человек с 1 по 11 июня?

С: Я Вас понял/поняла. Сейчас уточню информацию. […] К сожалению, помещений с такой вместимостью нет на эти даты, но Вы можете забронировать зал на 210 мест. Большие помещения лучше проветриваются. А также если Вы успели ознакомиться с прайс-листом, то могли заметить, что цена не слишком отличается.

О.Л.: Да, нам это подходит.

С.: Если Вас все устраивает, то в таком случае необходимо выслать документы на электронную почту. После подтверждения заказа нужно будет внести предоплату в размере 80% от общей стоимости.

О.Л: Отлично, спасибо за информацию. До свидания.

С: До свидания. Будем рады сотрудничать с Вами.

Попробуем разобрать этот диалог на составляющие.

Ответственное лицо позвонило секретарю для получения информации. Секретарь ответил на звонок для оказания услуги. То есть в данном случае обе стороны заинтересованы в проведении этого коммуникативного процесса. Отсюда мы можем сделать вывод, что они преследуют общую цель. В данном случае может быть конкретная цель – достижение положительного результата для обеих сторон.

Исход переговоров в большинстве случаев подразумевает сотрудничество или же компромисс. Проанализировав пример, мы видим, что секретарь и ответственное лицо пришли к соглашению на бронирование зала на 210 человек, вместо других вариантов.

Частью компромисса можно считать убеждение: секретарь приводит в пример незначительную разницу в цене, а также положительные стороны использования больших помещений летом.

Весь диалог представлен в виде вопросов и ответов, содержащих дополнительную информацию, одобрительные высказывания [6].

Прежде чем составить схему, следует проанализировать еще один пример переговорного процесса, но уже из сценария американского художественного фильма «Шпионский мост» (англ. Bridge of spies), снятого Стивеном Спилбергом. Следующий диалог происходит между главным героем фильма Джеймсом Донованом (роль исполняет Том Хэнкс) и Бобом Бэйтсом (Джошуа Харто), оба являются американскими адвокатами по страховым делам. Тема разговора – защита интересов сторон [7].

Джеймс Донован: Не называйте его мой парень. Не он мой клиент.

Боб Бэйтс: Ну, конечно же, он ваш парень. О ком мы еще говорим?

Дж.Д.: Мы говорим о парне, который был застрахован моим клиентом. Прошу Вас не путаться.

Б.Б.: Хорошо, как скажете. Суть в том, что парень, застрахованный Вашим клиентом, не отрицает, что участвовал во всех страховых случаях.

Дж.Д.: Во всех-всех случаях?

Б.Б.: Да, во всех пяти случаях […]

Дж.Д.: Хорошо, так и расскажите мне, что по-Вашему произошло и почему было пять случаев.

Б.Б.: Хорошо, без проблем. […] Застрахованный Вашим клиентом ехал по магистральному шоссе 19, не справился с управлением и врезался в пятерых парней, которые наняли меня представлять их, потому что Вы не возмещаете ущерб.

Дж.Д.: То есть мой клиент, страховая компания, не возмещают ущерб.

Б.Б.: Мистер Донован, и так понятно о ком идет речь.

Дж.Д.: Вот только мой клиент все возмещает. […] Именно, мистер Бэйтс, удовлетворяется каждый обоснованный иск в пределах их ответственности на сумму сто тысяч долларов на один случай, что указано в страховом полисе. Это один иск, как Вы и сказали, он врезался в пятерых парней. Парень, застрахованный моим клиентом, попал в одну аварию […]. Не справился с управлением и врезался в пятерых мотоциклистов.

Б.Б.: С их точки зрения это было пять самостоятельных аварий.

Дж.Д.: Послушайте, Боб. Можно Вас называть Боб? Джим. Если, играя в боулинге, я выбиваю страйк – это один бросок, а никак не десять.

Б.Б.: Джим, мои клиенты совсем не кегли. Как бы Ваш парень к ним не относился

Дж.Д.: Позвольте, дайте закончить. Если Вы застраховали дом на сто тысяч долларов и его разрушил торнадо. Он разрушил весь дом сразу, а не взял и уничтожил каждый предмет мебели по отдельности, так ведь? А если Вы утверждаете обратное, ну, тогда не будет никакого ограничения ответственности, что означает конец страхового бизнеса. И тогда, Боб, никто не будет в безопасности.

Также разберем диалог на составляющие.

Адвокаты, которые являются представителями своих клиентов, встретились для выявления интересов конфликтующих сторон. Они оба заинтересованы в проведении этого коммуникативного процесса, преследуют конкретную цель – достижение положительного результата.

Однако для каждой из сторон он представлен иначе. Для клиента Дж. Донована – это возмещение ущерба за один случай, а для подзащитных Б. Бэйтса – за пятерых пострадавших.

В данном примере не идет речь о кооперации, скорее о конфронтации. Каждая из сторон пытается доказать, что она права.

На основании всего вышеизложенного можно построить следующую иерархическую систему коммуникативного процесса:

- **Общая цель.** Обычно целью любого переговорного коммуникативного процесса является установление долгосрочных партнерских взаимоотношений.

· Конкретная цель. Можно выделить конкретную цель для каждого переговорного процесса. Это может быть достижение положительного результата, уточнение информации, сообщение сведений о дальнейшем проведении переговоров и т.д.

- **Коммуникативная стратегия.** Сюда можно отнести само сотрудничество, компромисс, к которому должны стараться прийти обе стороны, или же соперничество, приспособление.

· Речевая стратегия. В рамках каждого переговорного процесса можно также выделить отдельную речевую стратегию. Например, одна из сторон может вынудить другую пойти на значительные уступки, которые не являются компромиссным решением.

- **Коммуникативная тактика.** Здесь подразумевается применение убеждения, возможно использование приемов маркетинга.

· Речевая тактика. Используется в определенных переговорах. К примеру, сторона, предоставляющая услуги, может ссылаться на отзывы своих клиентов, а также на позиции в каких-нибудь рейтингах; дать ясно понять, что не желает выполнять просьбу.

- **Тактические приемы.** Можно выделить: вопросно-ответный ход, одобрительные высказывания, отсутствие конструкций с «не» и «нет» и т.д.

Итак, коммуникативный процесс можно представить в виде стройной иерархической системы, в которой тактический ход (или речевой прием) служит для реализации речевой стратегии, для достижения целей в речевой ситуации, отражая в то же время общие коммуникативные принципы и установки участников общения.

Список литературы

1. Данилова С.В. Деловые переговоры как основная форма деловой коммуникации // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV Междунар. науч. конф. июнь 2016 г. – Москва, 2016. – С. 112-114.
2. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
3. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. – М.: Рипол Классик, 2002. – 320 с.
4. Кириллова Н.Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных качеств. – Нижний Новгород: Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2012. – С. 26-33.
5. Худойкина Т.В., Миронова Е. А. Техника ведения переговоров. – Иваново: European science. №3(4), 2015. – С. 67-69.

6. Бутакова Л.О. Психолингвистическое моделирование процессов восприятия и понимания официально-деловых текстов профессионалами. – Омск: Вестник Омского университета. №4(74), 2014. – С. 169-174.

Список источников

8. Шпионский мост. Художественный фильм // Реж. С. Спилберг. – США, Студия "20th Century Fox", 2015. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/840884/ (дата обращения: 15.05.2019).

УДК 811.161.1'38

Языковые особенности деловых текстов переговорного коммуникативного процесса

Яценко Елена Владимировна
студент 2 курса магистратуры кафедры лингвистики и перевода
Российский государственный социальный университет, РФ, г. Москва
nysikys@mail.ru

Linguistic features of business text of a negotiation communicative process

Iatsenko Elena Vladimirovna
master's level student of Linguistics and translation department
Russian State Social University, Russia, Moscow

Аннотация. Данная статья посвящена языковым особенностям текстов официально-делового стиля переговоров. Дано определение понятию переговорного процесса. Проводится анализ отрывка из сценария американского художественного фильма «Шпионский мост» (2015). Данный отрывок (на языке оригинала и в официальном русском дубляже) посвящен ведению переговоров американского адвоката и представителя русского (советского) посольства в ГДР. На основании проведенного анализа, а также, учитывая выводы, сделанные в работе Н.А. Баландиной, выделяются четыре вида языковых особенностей, приводятся примеры. Также в статье приведены обоснования важности изучения ведения переговорных коммуникативных процессов для каждого человека.

Ключевые слова: деловое общение, переговоры, переговорный процесс, деловой текст, языковые особенности.

Abstract. This article is devoted to the linguistic features of negotiations' official-business style texts. The definition of the negotiation process is given. The excerpt from the script of the American feature film "Bridge of spies" (2015) is analyzed. This excerpt (in the original language and in the official Russian dubbing) is devoted to negotiation process between an American lawyer and a representative of the Russian (Soviet) embassy in the GDR. Based on the analysis, as well as taking into account the conclusions made in the work of Balandina N., four types of linguistic features are distinguished, examples are given. The article also presents the importance of studying the conduct of negotiation communication processes for each man/woman.

Keywords: business communication, negotiation, negotiation process, business text, linguistic features.

В эпоху глобализации новейшие технологии в самых различных областях способствуют установлению контактов между людьми из разных городов и стран. Люди могут быть других национальностей, говорить на разных языках, исповедовать отличные друг от друга религии и т.д. Но в наше время, во времена существования одновременно толерантности и культурной апроприации, многие границы стираются, а понятия изменяются: сегодня необходимо уметь объединять различные социокультурные группы, которые могут частично относиться к определенной социальной группе или к конфликтующим сторонам. Подобные различия могут базироваться на профессиональной, культурной и религиозной основе, находясь вне национальной принадлежности (один из критериев идентичности). Но данный процесс протекает очень медленно из-за культурной апроприации. К тому же не все люди сталкиваются с представителями других культур или же не каждый из тех, кто взаимодействует с ними, может понять и принять культурные особенности.

В таких условиях у людей все еще существуют проблемы с коммуникацией. До сих пор стоит проблема языкового барьера. Например, в Европе говорят примерно на 60 различных языках, на 20 из них говорят в странах Европейского Союза, причем только 9 из них – официальные. В сфере внешней политики официальными языками остаются английский и французский, но в Совете министров ЕС каждый говорит на своем родном языке [1, с. 90]. Если на различных заседаниях стран Европейского Союза, которые имеют достаточно схожую культуру, не всегда могут прийти к какому-либо соглашению, то, что уже говорить, к примеру, о переговорах между ЮАР и Японией… Так или иначе в ходе деловых международных переговоров на всех уровнях проявляются различные культурные особенности.

Но что же такое переговоры? Переговорный процесс – это происходящий между несколькими сторонами особый вид деловой коммуникации. Принято выделять следующие виды данного процесса в зависимости от цели их проведения: соглашение о сотрудничестве, заключение договора, координация деятельности и т. д. [2, с. 112-113].

При подготовке к международным переговорам помимо стандартной подготовки (изучение деятельности компании, преследуемая цель, ожидаемые результаты, отношение к выбору участников и т.д. и т.п.) следует постараться как можно подробнее изучить культуру предполагаемых партнеров.

Вообще исследование переговорного процесса является актуальным для каждого человека, так как рано или поздно, но приходится сталкиваться с деловым общением, которое непосредственно связано с технологией ведения переговоров. Для людей, непосредственно занимающихся коммерческой деятельностью, умелое владение переговорными навыками – один из важных пунктов для составления резюме [3, с. 199].

На всех этапах ведения переговоров происходит деловая коммуникация (устная и письменная) между сторонами. В основу делового общения ложится деловой текст, т.е. текст, который создан в официально-деловом стиле речи, как средстве общения в сфере деловых отношений (сфера правовых отношений и управления). Для данного вида текстов характерна специфическая лексика и терминология [4, с. 248-250].

Цель данной статьи – рассмотрение лингвистических особенностей, присущих переговорному коммуникативному процессу. Его лингвистические особенности представляют собой согласующуюся с прагматикой переговорного дискурса систему лексических, грамматических и синтаксических элементов, их комбинации и частотность использования.

В своем исследовании Н.А. Баландина выделила лингвистические особенности дискурса переговоров. Они характеризуются наличием сходных тенденций в использовании лексических средств (терминов, абстрактных существительных, оценочных прилагательных, клишированных фраз и речевых штампов), которые свойственны всем этапам переговорного процесса [5].

Для того чтобы подробнее разобраться в этом вопросе, следует проанализировать пример переговорного процесса, в качестве которого нами предоставлен отрывок из сценария американского художественного фильма «Шпионский мост» (англ. Bridge of spies), снятого Стивеном Спилбергом. Следующий диалог происходит между главным героем фильма Джеймсом Донованом (роль исполняет Том Хэнкс), американским адвокатом по страховым делам, и Иваном Шишковым (Михаил Горевой), вторым секретарем посольства СССР в ГДР. Темой разговора служит произведение обмена русского шпиона Рудольфа Абеля, которого схватили на территории США, на американского пилота, которого сбили советской ракетой над территорией СССР [7].

Таблица 1. Сопоставление оригинального (английского) и официального переводного (русского) сценария фильма «Шпионский мост» (2015)

"Bridge of spies" (2015)	**«Шпионский мост» (2015)**
James Donovan: I don't care who I talk to if it's about an exchange of personnel. Are you the person to talk to?	Джеймс Донован: Мне неважно с кем говорить, если речь пойдет об обмене пленными. Я могу это обсудить с Вами?
Ivan Shishkin: Yes, yes, yes, of course, we should talk. Ah, please, please sit. […]	Иван Шишкин: Да, да, да, разумеется, обсудим. Пожалуйста, присаживайтесь, мистер Донован. […]
J.D.: Not if you must know about me, sir. I'm a private citizen, I'm a lawyer in Brooklyn, in the United States, and I have taken time out of my busy schedule to help my client, Rudolf Abel. I'm authorized to arrange an exchange of Abel for Francis Gary Powers. […]	Дж. Д.: Полагаю, Вам уже сообщили все обо мне. Я Бруклинский адвокат из Америки, который нашел время в своем плотном графике, чтобы помочь своему клиенту, Рудольфу Абелю. Я уполномочен организовать обмен господина Абеля на Фрэнсиса Гэри Пауэрса. […]
I.S.: Yes, yes. If we release Powers, it is only to promote a good well between our countries. So, it cannot be an exchange. Perhaps, perhaps, you could release Abel as a token of a good will to our friends in Germany and then some months later we would release Powers. There is an idea.	И.Ш.: Да, да, да. Если мы освободим Пауэрса, то только ради укрепления добрых отношений между нашими странами. Так что это не может быть обмен. Возможно, Вы могли бы освободить Абеля, как жест доброй воли нашим друзьям в Германии, и затем спустя какое-то время мы освободили бы Пауэрса, как Вам идея?
J.D.: No, that's just won't work for us at all. See, we need this to be an exchange. You can call it what you want, but an exchange it must be. We can have Abel here within 48 hours. We need Powers at the same time we give you Abel.	Дж. Д.: Нет, для нас это неприемлемо, нам нужно, чтобы это был обмен. Можете называть как хотите, но это должен быть обмен. Мы можем доставить Абеля в течение 2 дней. Пауэрс нам нужен в то же время, когда мы отдадим Абеля.
I.S.: I can relay your "impatient plan" to Moscow and see what they say, but they will wonder why so impatient. […] They will think: "well, the Americans must have gotten all the information that Abel had to give. And now they are impatient to trade him […]". This is not an equitable trade, sir.	И.Ш.: Я могу передать ваш «нетерпеливый план» в Москву, посмотрим, что они скажут, но им будет интересно к чему такое нетерпение. […] Они подумают: «наверняка американцы вытащили из Абеля всю информацию, которой тот владел и теперь очень торопятся обменять его […]». Это не равноценный обмен, сэр.
J.D.: But what you're saying is if Powers has given up everything he knows that Moscow would trade, why wouldn't they? […]	Дж. Д.: То есть вы говорите, если Пауэрс расскажет все, что он знает, тогда Москва пойдет на обмен? Еще бы не пошла. […]
I.S.: How can we know this? We, little men, we just do our jobs.	И.Ш.: Так нам-то откуда знать? Мы маленькие люди, выполняющие свою работу.

“Bridge of spies” (2015)	«Шпионский мост» (2015)
J.D.: Like Lieutenant Powers. He’s just a pilot.	Дж. Д.: Как и лейтенант Пауэрс, он просто пилот.
I.S.: He was making photographs from 70,000 feet when he was shot from the sky. People in my country consider this an act of war.	И.Ш.: Он делал фотографии с высоты 20км, когда его самолет подбили. Люди в моей стране считают это открытым актом войны.
J.D.: We have to get off this merry-go-round, sir. The next mistake our countries make could be the last one. We need to have the conversation, our governments can’t.	Дж. Д.: Нам нужно слезть с этой карусели, сэр. Следующая ошибка наших стран может стать последней. Договариваться будем мы, раз наши правительства не могут.
I.S.: I will ask Moscow. Who knows what they will say? […] Can you come back tomorrow to discuss their answer, Powers for Abel?	И.Ш.: Я запрошу Москву, кто знает, что они ответят. […] Вы можете прийти завтра, обсудим ответ начальства, обмен Пауэрса на Абеля?

Как видно из примера, структура переговорного процесса почти полностью сохранена: начало разговора, запрос информации, предоставление информации, подведение итогов переговоров, договоренность о будущих планах, конец разговора (опущен).

Проанализировав предложенный нами образец переговорного процесса, а также беря во внимание типологию, предложенную Н.А. Баландиной [5], и выводы, которые были сделаны в другой работе [6, с. 183-185], мы выделили следующие языковые особенности переговорного процесса:

- **Терминологическая лексика.** Сюда входят общенаучные термины и специальные термины (бизнес, право и т.д.).
  - an exchange of personnel – обмен пленными;
  - an equitable trade – равноценный обмен.
- **Клишированные фразы, речевые штампы.** К ним относятся как клише, употребляемые в других видах коммуникативного процесса, так и специальные.
  - to take time out of busy schedule – находить время в плотном графике;
  - to be authorized to arrange – быть уполномоченным организовать;
  - a token of a good will – жест доброй воли;
  - to get off this merry-go-round – слезть с этой карусели (в значении остановить череду каких-то событий).
- **Вопросительные предложения.**
  - Are you the person to talk to? – Я могу это обсудить с Вами?
  - How can we know this? – Так нам-то откуда знать?

· Can you come back tomorrow to discuss their answer? – Вы можете прийти завтра, обсудим ответ начальства?

- **Различные средства выражения модальности, оценки и т.д.**

· No, that's just won't work for us at all. – Нет, для нас это неприемлемо.

· I can relay your plan to Moscow. – Я могу передать ваш план в Москву.

На основе всего вышесказанного мы можем прийти к выводу, что язык делового общения представляет собой близкий к идеальному образец «нетворческого» использования различных языковых единиц. Здесь преобладает использование речевых штампов и клишированных фраз, причем последние могут проявляться даже на уровне целых текстов (уставы, банковские документы и т.д. и т.п.). Неофициальная диалогическая речь между участниками переговорного процесса, как правило, также не выходит за рамки стандартных, формальных, клишированных фраз.

Список литературы

1. Громова Н.П., Ренер Е.И., Скопова Л.В. Особенности межкультурной коммуникации в деловых переговорах. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный университет. Перевод и сопоставительная лингвистика. №9, 2013. – С. 87-91.
2. Данилова С.В. Деловые переговоры как основная форма деловой коммуникации // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV Междунар. науч. конф. июнь 2016 г. – Москва, 2016. – С. 112-114.
3. Дебриян Е.А., Данилина Ю.С. Лингвистические особенности дискурса переговоров в англоязычной деловой коммуникации. – Омск: Омская гуманитарная академия. Наука о человеке: гуманитарные исследования. №2(16), 2014. – С. 197-204.
4. Сейранов С.Г., Богомолова М.Н. Переговорный процесс как инструмент установления деловых связей. – Санкт-Петербург: Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. №5(123), 2015. – С.248-254.
5. Баландина Н.А. Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Баландина. – 10.02.04. – Волгоград, 2004. – 192 с.
6. Яценко Е.В. Роль делового текста в переговорном коммуникативном процессе. – Тверь: Вестник Тверского государственного университета. №45, 2019. – С. 180-186.

Список источников

7. Шпионский мост. Художественный фильм // Реж. С. Спилберг. – США, Студия "20th Century Fox", 2015. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/840884/ (дата обращения: 15.05.2019).

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'347.78.034

Калькирование как самый употребляемый способ перевода советизмов

Алексеева Ольга Павловна
канд. филос. наук., доцент кафедры романо-германских языков
Московский государственный гуманитарно-экономический университет
РФ, г. Москва
olgaalekseeva@yahoo.com

Аграмакова Юлия Алексеевна
студентка факультета иностранных языков
Московский государственный гуманитарно-экономический университет
РФ, г. Москва
lp.julya@yandex.ru

Calques as the most widely used means of soviet terms translation

Alekseeva Olga Pavlovna
Cand. Sci. (Philosophy), assistant professor
of Romano-Germanic Languages Department
Moscow State University of Humanities and Economics, Russia, Moscow

Agramakova Yuliya Alekseevna
Student of Foreign languages department
Moscow State University of Humanities and Economics, Russia, Moscow

Аннотация. Статья представляет собой краткий экскурс в проблему передачи советизмов при переводе с русского языка на английский на материале произведений М.А. Булгакова. Актуальность работы обусловлена устойчивым интересом к творчеству советских писателей, некоторые произведения которых все еще остаются непереведёнными. Целью исследования послужило выявление специфики калькирования как одного из наиболее частотного приема перевода реалий советской эпохи. На основе анализа эффективности использования калькирования при переводе советизмов сделан вывод о том, что этот приём является наиболее продуктивным способом перевода. Отмечается, что, несмотря на столь широкое употребление, этот прием не всегда точен в передаче формы и содержания лексической единицы, а также малоэффективен с точки зрения сохранения национального колорита.

Ключевые слова: советизмы, реалии, способы перевода, калькирование, эквивалентное соответствие, транслитерация, транскрипция, советская эпоха.

Abstract. The article gives a brief insight into the problem of soviet terms translation from Russian into English on the base of works of M.A. Bulgakov. This problem is still relevant due to the strong interest to the books of soviet writers, and some of them have not been translated yet. The objective of the research is to reveal some special features of calques as one of the widely used ways of Soviet era terms translation. On the basis of the analysis of effectiveness of using loan translations, the authors state that this mean of

sovietisms translation is one of the productive ways to translate the idea. Nevertheless, this kind of translation is not always adequate regarding the form and the content of an original term. Its inefficiency is uncovered especially in the issue of national identity reproduction.

Keywords: soviet terms, realia, means of translation, loan translation, calques, equivalent, transliteration, transcription, Soviet era.

Внимание зарубежных читателей к работам советских писателей не ослабевает. Процесс перевода произведений советской эпохи до сих пор продолжается, последние переводы произведений М.А. Булгакова, С.Д. Довлатова, Д. Хармса и других известных авторов датируются началом XXI века. Подобная актуальность обусловлена интересом, как к авторскому языку, так и к самому повествованию, отражающему советскую действительность. Широкое употребление советизмов позволяет передать дух эпохи, отразить настроение и отношение героев к реалиям советского быта, однако вопрос об адекватности их перевода остается открытым. Эффективная передача авторского идиостиля с сохранением национального колорита видится важной переводческой задачей.

Целью данного исследования является анализ приема калькирования как одного из продуктивных способов перевода советизмов. Объектом исследования послужили авторские советизмы, используемые в произведениях М.А. Булгакова, отобранные методом сплошной выборки, а предметом – такой способ перевода как калькирование. Материалом исследования явились короткие рассказы в переводе разных авторов.

Процесс литературного перевода, а особенно терминов, обозначающих различные феномены чужой культуры, остается непростой задачей для переводчика. Интерпретация реалий, а в частности, советизмов зафиксирована в англоязычных лексикографических источниках. Интересен, на наш взгляд, лингвокультурологический подход, предложенный И.Х. Кортен. В англоязычном Словаре советского общества и культуры - справочнике русских слов, идиом и выражений пост-сталинской эры - автор, используя транслитерацию, поясняет значимые для русской культуры термины-феномены [10]. Благодаря многочисленным справочным изданиям, зарубежный «неподготовленный» читатель может окунуться в атмосферу эпохи советского периода, однако это затрудняет и замедляет процесс чтения. Более того, некоторые исследователи отмечают, что историко-лингвистический комментарий необходим и произведениям художественной литературы на русском языке [4, с. 198].

Специфика перевода советизмов – объект пристального внимания исследователей как в лингвистическом знании в целом, так и в переводоведении.

Среди отечественных исследователей следует отметить работы Г.В. Чернова, Н.А. Купиной, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. Зарубежные исследования представлены фундаментальными работами С.И. Влахова, С.П. Флорина, Н.В. Калох, И.Х. Кортен и др. Особенность подходов к переводу советизмов состоит в том, что они затрагивают все четыре уровня языка: лексический, синтаксический, стилистический и риторический, что должно быть отражено при переводе. Приближение к реалиям языка перевода, их «англоизация», ведет к потере коннотативного значения, необходимого для полноценного понимания контекста. В то же время интерпретация таких терминов в виде сносок нарушает беглость чтения [13, с. 178].

Советизмы обогатили словарный состав не только русского языка, но и других мировых языков. Появился значительный пласт интернациональных понятий, таких как «спутник», «большевик», «Советы» и др., с идеологической составляющей. Как отмечают В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина советизмы обозначали «идеи, понятия, связанные с социалистическим укладом, являясь при этом носителями идейного содержания, которое не может быть полностью выражено другими средствами» [6, с. 8]. В настоящее время многие из советизмов-реалий вышли из употребления или десоветизируются.

Первым, кто предложил ввести понятие «советизм», стал советский лингвист-переводчик Г.В. Чернов еще в 1950-е гг. Он относил советизмы, такие как «нарком», «МТС» и др., к терминам на основании того, что их содержание носит социально-экономический характер, имеющий определенные рамки [9, с. 223].

С.И. Влахов и С.П. Флорин уточнили значение термина «советизм», отметив, что советизмы не просто группа терминов, обладающих временным ограничением и историческим контекстом, а реалии с ярким общественно-политическим подтекстом, не всегда имеющие полного языкового покрытия и таким образом, относящиеся к безэквивалентной лексике. Основными характерными чертами реалий служат наличие национального колорита и отсутствие эквивалента в других языках [2, с. 143]. Советизмам как реалиям присущ особый общественно-политический колорит, который сложно сохранить, передав при этом как форму, так и содержание.

В своей работе «Язык и культура» Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров понимают под советизмом не только «слово, созданное после 1917 г. и характеризующее общественную жизнь страны советского периода, а также целое предложение или текст. Исследователи отмечают, что при передаче отдельных лексических единиц следует учитывать отсутствие эквивалента в языке перевода, национальную и историческую окраску [1, с. 233].

Н.А. Купина рассматривает советизмы в узком и широком понимании. В узком смысле, советизм – это политическая лексика и фразеология, имеющая тенденциозно-идеологическое смысловое наполнение. В широкой трактовке советизм – это слово или сочетание слов, обладающее значением, компонентный состав которого отражает специфику участка собственно денотативного пространства и содержит наведенные идеологической и социальной средой коннотативные приращения или культурные ограничители [5, с. 40].

Авторы данного исследования трактуют понятие советизм достаточно широко как слова, характеризующие специфику советского строя и быта, зафиксированные в разнообразных лексикографических источниках и специализированных толковых словарях.

С точки зрения способов и подходов к переводу, выделяется три группы советизмов. К первой группе относятся советизмы – реалии советского периода, которые переводятся с учетом отсутствия их референтов в стране читателя перевода, например, учитывая тот факт, что читатель из социалистической страны обладает более обширными фоновыми знаниями об СССР по сравнению с читателями из капиталистических стран. Вторую группу составляют региональные советизмы, которые переводятся на языки стран социализма принятыми там эквивалентами, обычно при помощи транскрипции или калькирования. К последней группе следует отнести интернациональные советизмы, которые переводятся с использованием транскрипции, к примеру, «большевик» / “Bolshevik”, «спутник» / “sputnik” и т.д. [2, с. 144].

Проведенный анализ показал, что при переводе советизмов используются следующие переводческие трансформации: калькирование, транскрибирование, транслитерирование, эквивалентное соответствие и лексико-семантическая замена.

Обратимся к известной классификации переводческих трансформаций, представленной отечественным переводоведом В.Н. Комиссаровым [3, с. 221], дополненной примерами перевода советских реалий.

Калькирование – это способ перевода, при котором морфема или слова (в случае устойчивых словосочетаний) лексической единицы оригинала заменяются их лексическими соответствиями в переводном языке, например, «Домком» / “House committee”, «Комиссариат просвещения» / “Commissariat of Education”, «Доброхим» / “the Friends of Chemical Defense and Industry”. Процесс создания калек зачастую осуществляется механически, без затраты усилий [7, с. 25]. Как видно из примеров, при переводе советизмов, особенно названий организаций, слова, полученные путем

сокращения, приводятся в полной расшифровке в переводе, нарушая при этом форму, но уточняя содержание и давая читателю возможность получить представление о называемом предмете или явлении.

Эквивалентное соответствие – межъязыковое соответствие, при котором в переводе сохраняются все основные части содержания исходного текста. Примерами такого сохранения может служить перевод таких слов как «милиционер» / “policeman”, «квартира» / “apartment”. Лексические единицы двух языков независимо от контекста обозначают одно и то же, но не передают национальный колорит и не погружают читателя в атмосферу советского времени.

Транскрипция и транслитерация – это способы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв переводного языка. При переводе этим способом происходит воспроизведение звуковой формы исходного иноязычного слова, а при транслитерации воспроизводится его графическая форма [3, с. 173]. С помощью транскрипции и транслитерации переведены такие лексемы как «копейка» / “kopeck”, «примус» / “primus”, «кулак» / “kulak”, «большевики» / “Bolsheviks” и т.д. Обращает на себя внимание, тот факт, что в переводе сложно отличить оба этих приема, поскольку и буквенная форма и произношение в некоторых случаях совпадают. Перевод с использованием данных приемов привлекает внимание иноязычного читателя, передает определенный национальный колорит, и в большинстве случаев, значение таких советизмов-реалий становится понятным из контекста.

Замена – способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц переводного языка, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований [3, с. 212]. Лексико-семантическая замена используется при переводе, например, следующих советизмов: «дворник» / “dustman”; «Рабфак» / “Workers school”.

Анализ способов перевода советизмов в произведениях М.А. Булгакова выявил, что наиболее часто употребляемым приёмом, используемым переводчиками явилось калькирование, составив более 30 % от общего числа задействованных способов перевода. Прием калькирования широко используется, если на переводном языке не существует обозначаемого явления или предмета, однако он не всегда является эффективным с точки зрения передачи общественно-политического колорита. Так, например, для англоязычного реципиента такой термин как “Residential association” / «жилищное товарищество» будет не совсем правильно интерпретирован, т.к.

согласно общепринятому англоязычному толкованию это организация, образованная по территориальному признаку, тогда как русский термин «жилищное товарищество» подразумевает практику создания организаций состоящих из равноправных участников с целью защиты своих интересов. Вместо общественного компонента, который содержит термин «жилищное товарищество», на первый план в англоязычном варианте выступает территориальный признак. Национальная специфика при этом не сохраняется.

Обратимся к переводу такого понятия как «агитпункт» / “propaganda office”. Используя прием калькирования, переводчик «жертвует» формой также приводит полную расшифровку советизма, что позволяет уточнить содержание и сохранить общественно-политическую окраску.

Передача коннотации также видится важной переводческой задачей. Так, например, термин «труженик» имеет положительную коннотацию, что зафиксировано пометой одобрительно в словаре советских терминов [6, с. 514], замена при переводе на “worker”, не сохраняет ни содержания, ни общественно-социального колорита.

Интересным примером советизма является понятие «фарцовщик», слово иностранного происхождения, с размытой этимологией, обозначающее того, кто добывает или спекулирует вещами с целью личной выгоды. Задействование уподобляющего перевода «фарцовщик» / “black marketeer” позволяет частично передать содержание, но не отражает форму и национальный колорит. Сравним толкование термина в языках. В русском языке под фарцовщиком понимают «спекулянта вещами, обычно перекупленными у приезжих иностранцев» [8]. Английский толковый словарь трактует “black marketer” как "a person who trades illegally in officially controlled commodities” [12]. В советской действительности фарцовка была неотъемлемой чертой экономики и подразумевала перепродажу зарубежных товаров, ведение дел с иностранцами, что не находит отражения в англоязычном варианте. Однако с термином из этой же области таким как «черный рынок» налицо другая ситуация, в которой перевод термина при помощи калькирования не только сохраняет национальную окраску, но и точен по форме и содержанию. Англоязычный источник в одном из описаний значений термина “black market“ указывает на его тесную связь с советской экономикой: “…a major structural feature of the Soviet economy…” [11, с. 114].

При использовании калькирования используются те или иные переводческие приемы, т.е. здесь мы не имеем дело с калькированием в его «чистом виде».

Например, при переводе названия такого органа как «Центральный Совет Народного хозяйства» переводчик использовал вместе с калькированием конкретизацию “National Economic Council’s Food”, сохранив при этом форму, но, не передав всей семантической окраски, так как «народный» подразумевает «относящийся к народу», сузив при этом семантическое поле термина хозяйство. Отмечается также потеря национального социально-общественного колорита. Основными чертами советской экономики являлись централизация и национализация, что отражено в русском названии и утрачено в английском варианте перевода.

Таким образом, проведенный анализ показал, что при переводе советизмов с русского языка на английский задействуется весь спектр переводческих приемов, наиболее продуктивными являются калькирование, транскрибирование и транслитерация. Калькирование, как наиболее часто используемый способ перевода, используется при переводе названий советских организаций, составных слов и словосочетаний. Эффективность данного способа перевода не всегда подтверждена, так как при сохранении формы и содержания, часто происходит потеря национального колорита. Потеря формы (замена количества слов, расшифровка) позволяет, в большинстве случаев, передать общественно-социальный колорит. Чаще всего калькирование сопровождается использование той или иной переводческой трансформацией. Наиболее частотными комбинациями являются калькирование с конкретизацией и калькирование с генерализацией.

Список литературы

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — М.: Индрик, 2005. — 1038 с.
2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. — М.: издательство Р.Валент, 2012. – 406 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб.для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
4. Козинец С.Б. Советизмы в лексикографии: от словарной фиксации к историко-лингвистическому описанию. // в сб. Проблемы филологического образования Межвузовский сборник научных трудов. Под редакцией Л.И. Черемисиновой. — Саратов: «Издательство «Саратовский источник», 2018 – С. 198-203.
5. Купина Н.А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). — Екатеринбург, 2009. – С. 35-40.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка совдепии. — Санкт-Петербургский государственный университет, 1998. – 560 с.
7. Никшикова Л.Ю. Калькирование как основной способ перевода реалий // Языкознание, филология и лингвистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник научных трудов по материалам I Международной научнопрактической конференции 30 апреля 2017. — Казань: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. — С. 25-31.

8. Ожегов С.И., Скворцова Л.И. Толковый словарь русского языка. 100000 слов, терминов и выражений; под общ. ред. Л. И. Скворцова. - 28-е изд., перераб. — М.: Мир и Образование. — 2018. – 1375 с.
9. Чернов Г.В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // В кн.: Ученые записки I МГПИИЯ. Т.16: Грамматика, лексикология и стилистика. — М., 1958. — С. 223-255.
10. Corten I.H. Vocabulary of Soviet Society and Culture: a Selected Guide to Russian Words, Idioms, and Expressions of the Post-Stalin Era, 1953-1991. — L., 1992.
11. Encyclopedia of Russian history / edited by James R. Millar. — USA: Macmillan Reference, 2004.
12. English Oxford Living Dictionaries. Oxford University Press, 2019. URL: https://en.oxforddictionaries.com/
13. Kaloh N.V. Translations of Sovietisms: A Comparative Case Study of English Translations of Bulgakov's The Master and Margarita // Journal des traducteurs. Translators' Journal. Volume 62, numéro 1, avril 2017. pp. 178-200.

Список источников

14. Булгаков М.А. Записки на манжетах. Жизнь господина де Мольера. Записки покойника М.: Издательство: Мартин, 2017 г. – 384 с.
15. Булгаков М.А. Морфий: сборник, М: Издательский дом: АСТ, 2017. – 256 с.
16. Bulgakov M.A. The Diaboliad and Other Stories. London House, 2010. – 164 p.
17. Bulgakov M.A. Notes on the Cuff and Other Stories. Ardis Publishers, 1991. – 223 p.

УДК 81.26

Мәтін тұрғысындағы көркем аударма

Бөрібай Бибігүл Іліпбекқызы
ассистент профессор Колледжа при КазГАСА, Казахстан, Алматы

Жампейсова Жанар Муратбековна
ассоц.профессор Международной образовательной корпорации

Literary translation of texts

Boribai Bibigul Ilipbekovna
assistant professor of College at KazGASA

Zhampeysova Zhanar Murabekbekovna
assoc. professor of the International Education Corporation

Аннотация. Берілген мақала әдеби аударманың теориясы мен практикасында өте маңызды орын алатын – мәтін түсінігіне арналған. Мәтіннің екі жүзге жуық анықтамасы бар. Соның ішінде ең көп қолданыстағысы – Л.П. Галпериннің : «мәтін – өзінің құрамында құрмалас жанрлары, стилдері, абстарктілі модельдері бар ,қорытындыланған анықтама болып табылады».Көркем аударманың шет елдік мәдениет пен ортада мәтіннің түпнұсқасының орынбасары ретінде қарастыруға

болады деген түсінік соңғы кездері аудармашылар арасында кең етек жаюда. Солай бола тұра мәтіннің көркем аудармасының ең оңтайлы да дұрыс нұсқаларын таңдау мәселесі аталмыш мақалада талқыға алынбақ.

Ключевые слова: мәтін, көркем аударма

Abstract. The given paper about definition of a text is very important for the theory and practice of translation, it is very unstable both in translation theory and in the "textual" field of linguistics of the text. There are more than two hundred definitions of the text as concepts. The most extensive and highly cited definition was given by I.R. Galperin: "The text is a kind of completed message that has its content, organized according to the abstract model of one of the forms of messages existing in the literary language (functional style, its varieties and genres) and characterized by its own distinctive signs. There is a common thought that the literary translated texts can be alternative version of the original text in foreign culture and area. Nevertheless, finding the most appropriate and adequate ways of literary translation is one of the most important issues nowadays.

Keywords: text, literary translation

Мәтінді анықтау аударма теориясы мен практикасы үшін аса маңызды, ол аударма теориясында да, лингвистиканың «мәтіндік» саласы – мәтін лингвистикасында да тұрақсыз сипатта болады. Мәтіннің ұғым ретінде екі жүзден астам анықтамасы бар. И.Р. Гальпериннің ең ұзақ және жиі айтылатын анықтамасынан дәйексөз келтірейік: «Мәтін – әр түрлі лексикалық, грамматикалық және логикалық жақтан байланысқан бірқатар пікірлерден, белгілі бір рухани сипаты, прагматикалық тәртібі бар және әдеби өңделген жазбаша хабарлама» [1].

Егер көркем аударманың негізгі функциясы оқырман талаптарына сәйкес келетін түпнұсқалық шығармаға ұқсас шет тілінде нұсқасын жасау болса, онда көркем аударма бастапқы мәтінді түсіндірудің бір түрі болып табылады.

Түсіндіру ұғымы логика, күнделікті сөйлеу мен көркем коммуникацияда әртүрлі түсіндіріледі және қолданылады. Түсіндірудің неғұрлым жалпы көрінісі - бұл қандай да бір мәтіннің мәнін ашу, түсіндіру.

Аударма саласының дұрыс қалыптасуына ықпал ететін сауатты аударма сыны, ал дұрыс сын қалыптаспай аударма саласы да алға жылжымайтынын, сапалы сын қалыптастыру керектігін де көтереді: «Аудармалардың жетістік жайларын көрмеу немесе оны бағаламау бүкіл аударма теориясының игі және нәтижелі қасиеттеріне нұқсан келтіреді. Кемістіктер жайында мәселені тіпті кең ауқымда, қилы–қилы кескіндерін қарастыра қою да керек–ті, алайда бұл әңгіменің ұшы–қиырсыз болуы ықтималдығын да ескергенміз жөн, үйткені әрбір осал аудармалар өзіне тән осал белгілерімен өзінше осал келеді. Ал ылғи тек кемістіктер мен кінәларды теріп айтылған пікірдің өркендеген әдебиет қозғалысына пайдалы әсері кем болмақ» [2, 5 б.].

Көркем мәтінді бірыңғай сәйкестік тұрғысынан аудармаймыз: тілдік элементтер тілдік белгінің құрылымдық-функционалдық қатыстылығына байланысты аударылатын тілдің ұқсас элементтерімен объективті түрде алмастырылмайды, өйткені әр тілде тілдік қатынастар сәйкес келмейді, демек, көбінесе бұл қатынастардың көркемдік функциялары да сәйкес келмейді. Көркемдік функцияның сәйкес келмеу проблемаларының бірі ұйқас болып табылады: аудармада сөздерді ұйқас позициясында сақтап қалу мүмкін емес, ұйқастың өзі аударылуы тиіс болғандықтан, оны басқа сөздер қалыптастырады, яғни, осылайша, аударма мәтінінде дыбыстық ұқсастық позициясына қойылған мүлдем басқа бейнелі мағыналар эмотивті түрде бөлініп шығады. Мағыналық позициялардың ауысымы жалпы көркемдік функциялардың сөзсіз өзгеруіне әкеледі. Аудармашы мүмкіндігінше түпнұсқаға жақын ұйқастарды таңдауға тырысуы керек, алайда, кейбір мағыналық айырмашылық сөзсіз сақталатын болады.

«Аударма шығарманың әрпін емес, рухын жеткізуге тиіс. Сөзді аудармау керек, ой-пікірді аудару керек, автор интонациясын, тіл, образ, стиль ерекшеліктерін сақтау шарт, аударма мейлінше жатық болсын...» [3, 52 б.].

Аударманың коммуникативтік қатынастарға ғана жұмыс істеуі керек емес, семантикалық қатынас қызметін жүзеге асыруы қажет деген қорытынды жасайды: «...әйтеуір автордың пікірін қалдырмай жеткізуге тырысады. Демек, автордың не айтқысы келгенін оқушы қалай да ұғады. Бірақ бұл дұрыс әдіс емес. Аударма мәдениетінің жоғары болуын көздеген адам бұл пікірді жақтай алмайды. Мәселе тек автордың пікірін ғана жеткізуде емес, жазу стилін де, сөйлем құру шеберлігін де, өз пікірін айқын жеткізудегі өзгешелігінің бәрін аудармада дәл беруге тырысу керек» [4, 80 б.].

Федоров аударманың лингвистикалық бағытына көңіл аударуды ұсынады. «Аударма теориясының басты бағыты - түпнұсқа мен аударманың арасындағы байланыс және түсініктеме мен нақтылықты талап ететін нақты жағдайларда қабылданған нысандардың арасындағы айырмашылық», - дейді [5, 16 б.].

Бастапқы мәтінді құрайтын тілдік белгінің немесе белгілердің бүкіл жүйесінің көркемдік функциясы көптеген жағдайларда жан-жақты білімді, «көп оқу» тәжірибесі мен түйсікті, болжамды талап етеді. Көркем аудармада жағдай күрделене түседі, аудармашыдан бастапқы мағынаны түсіну, сонымен қатар, оны басқа тілде жасап шығару қабілеті ғана емес, яғни, тілдік белгінің ұқсас көркемдік функциясы байқалатын басқа тілдік жағдай туғызу талап етіледі.

Көркем мәтінді аударудың алғашқы объективті шарты - аудармашы бұл мәтінді құрайтын тілдік белгілерді ғана емес, олардың жекелеген және тұтас көркемдік функцияларын жасап шығады.

Мысалы, ұйқас сөздер жұбы емес (мейлі, ол glove – love болсын), ал дыбыстық ұйқастық функциясы аударылады: бұл ұйқас дәстүрі белгілі мәдениеттегі ұйқас немесе дыбыстық ұқсастықтың негізгі түрі аллитерация болып табылатын мәдениеттегі аллитерация болуы мүмкін. Егер аудармашы назары ұйқастың өзіне емес, ал дыбыстық ұқсастық жағдайында оған жататын сөздер жұбына бағытталған болса, онда орыс тіліндегі аудармада сөздердің мұндай жұбы өзара дыбыстық ұқсастыққа жатпайтын «қолғап – махаббат» деген, демек, мәтіннің дыбыстық реттілігінің сипаты туралы бастапқы ақпаратты таратпайтын сөздерден тұрады.

Сөздік ұқсастығы қағидаты бойынша құрылған аударма мәтіні осылайша бір жүйеге келтіріледі де, бастапқы мәтінге қатысты ақпараттық баламасы мәртебесін жоғалтады. Әрине, бұл ретте мәтін мағынасын жоғалтуы мүмкін: бастапқы мәтіндегі ұйқас сөздер жұбы дыбыстарды ғана емес, сонымен қатар мағынасын қарама-қарсы қоя отырып, қосымша көркемдік функция атқарады. Бір жағынан аударма тілінде ұқсас немесе мағыналық маңыздылығы жақын жұпты қарастыру есебінен бұл функцияны қалпына келтіруге болады. Міне, осындай жағдайларда аудармашының шығармашылық қабілеті байқалады. Аудармашы үшін ұйқас жұптағы басты сөзді бөліп қарау бағдар бола алады. Мысалы, біздің жағдайда, мұндай сөз «glove» бола алады, сонда біз орыс тіліндегі «перчатка» сөзіне немесе оның септік формасына ұйқас іздейміз («қолғап» деген сөз «glove – love» жалпы бейнелі концептіне жатпайтынын болжауға болады).

Бастапқы функция аударылып отырған мәдениет үшін жаңалық болуы мүмкін - осылайша, осы мәдениеттің әдеби-көркемдік даму мақсаты ретінде қызмет атқара алады: орыс мәдениеті түрлі өлеңмен жазылған формаларды бойына сіңірді. Аударма шығармашылығы арқылы енгізілген формалардың бірі өте өнімді болып шықты, орыс тілінің мүмкіндіктерімен, әдеби орта мүдделерімен және оқырмандардың қажеттіліктерімен органикалық түрде шырмалып кетті. Герман тілдерінен поэтикалық аудармалармен бірге келген екінші буынға екпін түсіретін қос тармақты өлең ырғақтарының тағдыры осындай болған: өзіндік орыс поэзиясында екінші буынға екпін түсіретін қос тармақты өлең ырғақтары ұзақ уақыт бойы өте танымал болды. Басқа да аударма эксперименттері мәтіндердің санаулы санатына шырмаулы болды, мысалы, Н. Гнедичтің «Илиада» аудармасында қолданған гекзаметрінің орыс

тіліндегі ұқсастығы орыс поэзиясындағы гекзаметрге үлгі болды, бірақ осылайша жасалған «орыс гекзаметрі» поэтикалық шығармашылықта кең тараған жоқ. Аударма арқылы жаңа поэтикалық формаларды жасаудың кейбір талпыныстары тек эксперимент болып қалды, мысалы орыс поэзиясындағы силлабикалық формалар.

Бастапқы белгінің көркемдік функциясын басқа тілде тану, бағалау және жасап шығару, яғни оны түсіндіру үшін аудармашы аударылатын мәтіннің мағынасын әдеби үрдіс пен түпнұсқа тілінің айқын мүмкіндіктерімен байланыста жан-жақты түсіндіруі және осы түсіндіру негізінде сөз саптау тәсілдерімен бірлікте бейнелі жүйені қалыптастыруы тиіс.

Мағынаны, яғни сөз саптау тәсілдерімен бірлікте көркемдік мәтіннің бейнелі жүйелерін түсіну көркем аударманың екінші қажетті талабының бірі болып табылады. Түсіну үрдісі сөзсіз шығармашылық үрдіс болып табылады. Когнитивті категория сияқты түсіну бастапқы ақпараттың жүйелігіне қатысты кейбір болжамдар. Бұл болжамдар кейде дәлелденеді, кейде екінші семиозистің жайылуына, яғни мәтіннің таңбалық құрылымын түсінуге байланысты дәлелденбейді. Түсінудің бірнеше деңгейі немесе кезеңін бөліп қарауға болады. Бірінші деңгей - белгілі болғанымен сәйкестендіру арқылы белгісін тану. Бұл үрдіс іс жүзінде бейсаналық түрде болады, яғни белгілі бір дәрежеге дейін автоматтандырылады. Түсінудің бұл кезеңінде жалғыз кедергі белгіліні абсолюттеу болуы мүмкін, сол кезде бастапқы мәтіннің авторы ретінде бұл белгіні басқа сапада пайдаланады, яғни оған жаңа функция береді. Көркем мәтінмен жұмыс істеу кезінде бұл түсіну деңгейі әдетте, ең төменгі болып табылады.

Түсінудің ең жоғары деңгейі - жаңа мағына жасау арқылы белгінің көркем функциясын тану. Бұл үрдіс түрлі формаларды қабылдай алады, яғни, не алгоритмді қолдана отырып немесе (мысалы, қандай да бір силлогизмдер немесе өзге де белгілі бір шығару рәсімі) эвристика көмегімен өтеді, не аралас сипатта болады. Кәсіби аудармашылар тәжірибесі мен түйсігіне сүйенсе де, логикалық қорытынды рәсімін ешқашан елемейді.

Түсінудің жоғары деңгейі көркем мәтінді аудармашылық бағалау болып табылады. Бағалау деңгейі көркем аудармада сәтті түсіндірудің қажетті шарты, өйткені дәл осы кезеңде аудармашы бастапқы мәтінді өңдеу барысында жиналған бейнелі мағына жүйесін аударылатын тіл мен мәдениет мүмкіндіктері мен қажеттіліктеріне проекциялайды, яғни, шын мәнінде бағдарлама немесе аударма мәтінінің болжалды жалпы бейнесін әзірлейді.

Осы бағдарламаның тиімділігі көптеген шарттарға және ең алдымен қайталама семиозистің толықтығына байланысты. Аудармашы аударуға жататын мәтінге қатысты толық объективті әрекет жасайды. Бастапқы мәтіннің семиотикалық параметрлерін анықтай отырып, аудармашы бұл мәтінді таңбалы жүйелердің белгілі бір түріне жатқызады (проза — поэзия, элегия — сонет, әңгіме — роман, драма комедия және т. б.), басқаша айтқанда, бұл мәтінді оған белгілі болған басқа мәтіндерге жатқызады. Бұдан әрі қажет болған жағдайда мәтіннің семиотикалық жүйесін құрайтын белгілер сипаты, олардың арасындағы қатынас түрлері мен тәсілдері, олардың семиотикалық тереңдік және жүйелілік өлшемі анықталады, олардың (белгілердің) иерархиясы, яғни, мәтіннің нақты және ойдан шығарылған бейнелі концептерге жататындығы анықталады.

Көркем аударма практикасы көрсетіп отырғандай, сөздік қоры мол және оны қалыптастыратын құралдарды байытуға қабілетті кез келген аудармашының өзі аударма тілінде бастапқы мәтіннің ақпараттық бай таңбалы аналогтарын жасай алмайды. Көбінесе бастапқы мәтін мен болашақ аудармаға қатысты қандай түсіндіру позициясында болатындығына, яғни оның аударма мақсатына байланысты.

Аударма мақсаты – көркем аударманың үшінші маңызды шарты болып табылады. Бұл шарт өте күрделі болғандықтан, жеке қарастыруға лайық.

Аударма үрдісінде аудармашы көркем ақпараттың екі түрін кездестіреді. Оның бірі - бұл белгілерді дербес жүйе ретінде көрсететін объективті, еркін ақпарат. Екіншісі – бұл бастапқы мәтінді ұғыну, түсіну және түсіндіру үрдісінде аудармашы мүмкіндіктерімен айқындалатын субъективті ақпарат.

Объективті ақпарат мәтінді қабылдаушы тұрғысынан қарағанда жеке пайымдауға қарамастан қолданылады және субъективті ақпарат негізі ретінде кез келген басқа қабылдаушыға қол жетімді.

Субъективті ақпарат психологиялық тәуелді болып табылады және нақты байланыс үрдісінде пайда болады «мәтін - оқырман» (біздің жағдайымызда оқырман ретінде аудармашы алынады). Бұл ақпарат шын мәнінде динамикалық, жылжымалы және объективті статистикалық ақпараттың ықтимал жағдайларының бірі ретінде қалыптастырылады.

Мәтіннен ақпарат алу ауыр міндет, бастапқы мәтінді басқа тілде жаңадан жасау талап етілсе, аударма делдалдығы жағдайында екі есе қиын болады. Неғұрлым құрылым, яғни көркемдік белгінің жүйелілігі күрделі болса, көркем мәтіннің басқа

тілдік үлгісі бойынша жаңадан жасалған субъективті динамикалық ақпаратты қалыптастыруға ықпал ететін үрдістер де соғұрлым күрделі.

Егер шартты сөйлеу-ойлау бірліктерінде субъективті ақпаратты, яғни «мәтін – мағына» қабылдаушының өзі анықтаған таңбалы қатынастарды өлшесе, онда мұндай бірліктер екі аудармашыда әр түрлі екенін оңай байқауға болады. Морозовтың аудармасы мағынаның сөзбе-сөз стереотипіне сүйенеді, яғни кез келген тілдік белгі бір мезгілде тек бір хабарды жеткізуге қабілетті, яғни сызықтық ақпараттық құрылым болуы тиіс. Алайда, көркем мәтін көп мағыналылық немесе поливарианттылық, таңбалық қатынас негізінде құрылатыны белгілі. Стереотиптің шегінен шығуды талап ететін «көп ақпараттылықтың» (Ю. М. Лотман термині) бұл қасиеті аудармашы Пастернактың психологиялық мақсатында көрініс тапқан, сондықтан оның нұсқалары көбінесе бастапқы көп мағыналылықты жаңадан жасай отырып, шекспирлік мәтіннің ақпараттық-семиотикалық қасиеттерін жеткізеді.

Алайда, стереотиптің шегінен шығуды, көркем сөздің көп мағыналылығын мақсат етудің өзі бастапқы мәтінге еркін ақпараттық-семиотикалық қасиет береді. Аудармада эмоционалдық үрдістердің басымдылығы әуесқой аудармашыларда жиі кездеседі. Эмоционалдық және когнитивтік үрдістер аударма мақсатының ерекше қасиеті – терең білім және дәлме-дәл есептеуге негізделген түйсікті қалыптастыра отырып, көркем аудармада бір-бірін теңестіруі тиіс. Осылайша, аударманы - басқа тілде түпнұсқаға көркемдігі жағынан ұқсас форма жасау бойынша практикалық міндеттерді шешуге бағытталған, түсіну және аудару мақсатының когнитивтік-эмоционалдық факторларының өзара әрекеттестік жүйесі ретінде қарауға болады.

Қазіргі заманғы психологияға белгілі критерийлерді қолдана отырып, көркем аударманы көмескі немесе «айқын көрініс таппаған міндеттер» қатарына жатқызуға болады (П. Линдсей). Мұндай міндеттерді шешу үшін эвристикалық деп аталатын және эвристикалық жинақ болып саналатын стратегиялар қолданылады. «Эвристика» термині әдетте «алгоритм» терминіне қарама-қарсы қойылады, есептерді шешу үрдісінде алгоритмдерді қолдану қандай да бір міндетті қағидаға немесе бір мәнді шешімге кепілдік беретін тәсілдердің тұрақты жүйесіне сүйенеді. Алгоритмдерден айырмашылығы эвристика құндылығы ұқсас есептерді шешуде табысқа жеткенімен, әрбір келесі есепті бір мәнді етіп шешуге кепілдік бермейтін қызмет ережелері мен тәсілдері болып саналады.

Басқаша айтқанда, эвристикаға жүгіне отырып, аудармашы алдына қойған мақсатты басшылыққа алады, алгоритмге жүгіну деп алға қойған мақсатқа кепілдік

беретін нақты ережеге сүйену дегенді білдіреді. Көркем шығарма жасауға кепілдік беретін ережелер белгілі шекке дейін ғана қолданылса, онда көркем аудармада алготритмдерді қолдану саласы да шектеулі және есептердің көп бөлігі эвристика жағдайында ғана қабылдануы мүмкін.

Эквиметр ережелерін мысалға ала отырып, көркем аудармада алгоритмдер және эвристикалардың өзара әрекеттестігін қарастырайық. Аударма бағдарламасына эквиметр шарттарын қоса отырып (бастапқы мәтіннің өлең өлшемін дәл беру) аудармашы осы ережені қолдану жеткілікті және бір мәнді эквивалентті шешімге әкелетініне сүйене отырып, аударма мәтінін жасау үрдісінде алгоритмге жүгінеді. Көптеген жағдайда классикалық поэзияны аудару кезінде бұл ереже азды көпті тиімді, кейде бастапқы және аударушы көркем мәдентиетте басқа форма көрініп тұрады.

Аудармашы бастапқы және аударушы мәдениеттерде параметрлердің ара қатынасы туралы басқа түсінікте болуы мүмкін: мысалы, Константин Бальмонттің пайымдауынша, орыс тіліндегі сөз ағылшын тіліндегі сөзге қарағанда екі жарым есе ұзақ, сондықтан аударма кезінде жол өлшемі де өсуі тиіс. Бұл ретте «орташа есеппен алғанда» деген ұғым талғам, сезім, жеке болжам және т.б. сияқты көмескі категорияларды басшылыққа алуы тиіс аудармашының шешім қабылдауына қалдырып, эквиметрдің бір мәнді алгоритімін құруға мүмкіндік береді. Осылайша, аудармашы Бальмонт субъективтік бастама басым эвристикалық стратегия саласына толық көшті.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. «Очерки по стилистике английского языка» / И.Р. Гальперин. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
2. Әуезов М.О. Көркем аударманың кейбір теориялық мәселелері // Көркем аударманың кейбір мәселелері: (Аударма теориясының өзекті мәселелеріне арналған жинақ). – Алматы: Қазмемкөркәдбасп., 1957. – 172 б.
3. Әлімқұлов Т. Жемісті жолда // Көркем аударманың кейбір мәселелері: (Аударма теориясының өзекті мәселелеріне арналған жинақ). – Алматы: Қазмемкөркәдбасп., 1957. – 172 б.
4. Сатыбалдиев Ә. В.Г. Белинский шығармаларының аудармасы // Көркем аударманың кейбір мәселелері: (Аударма теориясының өзекті мәселелеріне арналған жинақ). – Алматы: Қазмемкөркәдбасп., 1957. – 172 б.
5. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.

УДК 81

Лексико-грамматические особенности перевода специальных текстов

Бузук Лилия Геннадьевна
канд. филос. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода
лингвистический факультет
Российский Государственный Социальный Университет, г. Москва
lbu-1@yandex.ru

Кулик Лидия Васильевна
студентка 2 курса магистратуры, лингвистический факультет
Российский Государственный Социальный Университет, г. Москва
lidiakulik@yahoo.com

Lexical and grammatical peculiarities of special texts' translation

Buzuk Liliya Gennadyevna
PhD., Associate Professor at the Department of Linguistics and Translation Studies
Linguistics faculty**,** Russian State Social University, Moscow

Kulik Lidiya Vasilyevna
Second year student of the master's degree Linguistics faculty
Russian State Social University, Moscow

Аннотация. В настоящей статье рассматривается перевод специальных текстов. Особое положение этой категории переводов определяется большой важностью любой переводимой информации и повышенными требованиями к точности и полноте перевода, так как содержание специальных текстов непосредственно связано с безопасностью и здоровьем человека. Сложности перевода специальных текстов обусловлены тем, что в них встречается большое количество различной терминологии, аббревиатур, сокращений, условных обозначений, а также их грамматическими особенностями.

Ключевые слова: специальные тексты; перевод; лексические и грамматические особенности; грамматическая структура

Abstract. The article deals with the translation of special texts. A special position of this category of translations is defined by the great importance of any translated information and increased requirements to the accuracy and completeness of the translation because the content of scientific and technical texts is directly connected with the person's safety and health. The difficulties of special texts' translation is conditioned by a large number of different specific terminology, abbreviation, reductions, conventions, and their grammatical peculiarities.

Key words: special texts; translation; lexical and grammatical peculiarities; grammatical structure.

Возросшее количество международных контактов и установление тесного сотрудничества между специалистами из разных стран явились причиной усиления внимания к вопросам подготовки компетентных лингвистов и переводчиков,

имеющих представление о стремительно развивающихся технологиях в тех или иных областях знаний и владеющих научно-техническим переводом на высоком уровне.

К данному виду перевода предъявляются исключительно высокие требования, поэтому и процесс перевода специальных текстов включает в себя несколько иные приемы, чем, например, художественный перевод. Перевод научно-технической литературы требует ответственного подхода и сопряжен с рядом сложностей, которые могут быть вызваны, в первую очередь, необходимостью передачи специфической лексики, которая широко представлена в научно-технических материалах – терминов, специальных сокращений, аббревиатур, условных индексных обозначений и знаков.

Терминология. «Термины – это слова и словосочетания специального (научного, технического и т. д.) языка, создаваемые или заимствованные для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов)» [1, с.14]. Терминологическая система постоянно пополняется новыми единицами. Один из путей развития терминологии связан с вовлечением в определенную отрасль знания новых подотраслей [2, с. 115].

Например: *“These two documents support the procedures introduced for*

air traffic controllers and air traffic safety electronics personnel in the Procedures for Air Navigation Services” [5].

Эти два документа обеспечивают соблюдение процедур, установленных для диспетчеров управления воздушным движением и персонала по электронным средствам обеспечения безопасности воздушного движения в документе *"Правила аэронавигационного обслуживания” [5].*

Например: “It specifies performance criteria such as that the autonomous transmission of position information needs to be capable of transmitting the information in the event of aircraft electrical power loss, at least for the expected duration of the entire flight” [5].

Они устанавливают эксплуатационные критерии – например требование о том, чтобы автономная передача информации о местоположении могла осуществляться в случае отказа бортовой системы электропитания по крайней мере в течение ожидаемой продолжительности всего полета [5].

Некоторые термины могут не иметь эквивалентов в языке перевода и переводчику необходимо изучить все его значения, прежде чем сделать выбор в пользу того или иного варианта его перевода. Другая сложность может быть вызвана и полисемией, – явлением, присущим терминологии. Ввиду того, что не для каждого

возникающего понятия создается новое слово, то нередко для его обозначения используются уже существующие названия. Таким образом, развитие в термине новых значений приводит к тому, что его семантические границы размываются и термин, помимо своего основного, приобретает одно или несколько дополнительных значений. Полисемия расценивается исследователями терминологии как недостаток. Многозначность слов можно рассматривать как нарушение «закона знака», т.е. идеального однозначного соответствия выражения и содержания [3, с. 95]. Передача терминов считается одной из наиболее

сложных задач в процессе перевода научно-технической литературы.

Сокращения. Сокращение – это «единица устной или письменной речи, созданная из отдельных (не всех) элементов звуковой или графической оболочки некоторой развёрнутой формы (слова или словосочетания), с которой данная единица находится в определённой лексико-семантической связи» [4, с. 100]. За некоторыми сокращениями может быть закреплено несколько десятков значений. В дополнение к зарегистрированным значениям сокращений, существуют также их неофициальные значения. Перевод сокращений также требует обращения к словарям и знания основных приемов их передачи. Во многих случаях общее значение конкретного сокращения можно установить с помощью изучения контекста и, проведя тщательный анализ структуры, расшифровать его компоненты.

Например: *“In Europe, the NATS Ltd was established in the United Kingdom under the Companies Act in 1996 and became a public-private-partnership in 2001”* [5].

В Европе НАТС Лтд. была создана в Соединенном Королевстве в соответствии с Законом о компаниях в 1996 году и стала государственно-частным партнерством в 2001 году [5].

Аббревиатуры. Аббревиатура – «буква или короткое сочетание букв, имеющие алфавитное сходство с исходным словом или выражением и используемые вместо этого слова или выражения для краткости» [4, с. 83]. Аббревиатуры также могут вызвать сложности при переводе научно-технической литературы, поскольку принципы их образования могут быть самыми различными. По этой причине существует множество классификаций типов аббревиатур, за основу в которых принимаются различные критерии. В. В. Борисов утверждает, что «аббревиация стала в последние десятилетия одним из наиболее продуктивных способов пополнения словарного состава многих языков» [4, с. 3].

Например: ICAO assumed responsibility as the focal point for the aviation sector facilitating communication with the WHO and other UN agencies [5].

ИКАО взяла на себя роль координатора авиационного сектора, обеспечивающего взаимодействие с ВОЗ и другими учреждениями ООН [5].

Условные индексные обозначения и знаки также встречаются в научно-технической литературе. Особенно часто они используются для маркировки различных типов летательных аппаратов, радиоэлектронного оборудования и техники. Их перевод требует обращения к официальным таблицам, которые включены в специальные англо-русские словари или соответствующие уставы.

Например: *"The SARPs specify that autonomous transmission of position information needs to be active when an aircraft is in a distress condition. This will provide a high probability of locating an accident site to within a 6 NM radius"* [5].

SARPS устанавливают, что автономная передача информации о местоположении должна активироваться, когда воздушное судно находится в состоянии бедствия. Это обеспечит высокую вероятность нахождения места происшествия в радиусе 6 миль [5].

Даже краткий обзор некоторых основных лексических особенностей научно-технической литературы в полной мере проясняет причину высоких требований к качеству ее перевода. Следовательно, в таких областях науки, как, например, фармацевтика или самолетостроение, содержащуюся в подлиннике информацию необходимо передать как можно более полно и достоверно. Переводчику не следует допускать неточностей, опущения информации или возможности ее двоякого толкования. Вся узкоспециальная лексика проверяется с помощью специализированных словарей. При переводе специальных текстов особое значение имеет сохранение стиля, присущего научно-техническим текстам, которые характеризуются точностью, сжатостью, достоверностью формулировок, последовательностью и лаконичностью изложения. Структура специальных текстов имеет не менее важное значение для тех лиц, которые будут использовать переведенный материал, поэтому ее нежелательно изменять без крайней необходимости.

Грамматические особенности научно-технической литературы (специальных текстов) характеризуются широким использованием эллиптических конструкций и клише, ограниченным набором видо-временных глагольных форм, сжатой формой изложения, использованием внутри одного предложения параллельных конструкций, выраженных инфинитивными и причастными оборотами. Практическим материалом для исследования грамматических особенностей специальных текстов послужили примеры оригинальных ежегодных отчетов ИКАО и

их русскоязычный перевод, представленные на официальном сайте этой организации.

Параллельные конструкции:*"The 38th Session of the Assembly instructed the Council, taking into account the findings and recommendations of the Safety Information Protection Task Force (SIP TF) and further work informed by the recommendation of such group, to take such steps as necessary to ensure meaningful progress toward the development of new and/or amended provisions on protection of accident and incident records in Annex 13 —Aircraft Accident and Incident Investigation, and related guidance material, before the next ordinary session of the Assembly"*[5].

38-я сессия Ассамблеи поручила Совету, принимая во внимание выводы и рекомендации Целевой группы по защите информации о безопасности полетов (SIP TF) и дальнейшую работу по этим выводам и рекомендациям, предпринять шаги, которые могут быть необходимы для достижения значимого прогресса в разработке новых и/или измененных положений о защите записей расследования авиационных происшествий и инцидентов для Приложения 13 «*Расследование авиационных происшествий и инцидентов*» и соответствующих инструктивных материалов до следующей очередной сессии Ассамблеи [5].

Эллиптичность является характерной чертой специальных текстов, которая выражается в опущении модальных глаголов и других членов предложения [3]. Эллиптические конструкции – это неполные придаточные предложения, которые состоят из союза и прилагательного или существительного.

В эллиптических конструкциях с союзами *although, though, if, once, when, while,* происходит опущение подлежащего и глагола *to be*: "*If adopted, these Standards will ensure all aircraft in oceanic airspace provide, either to the relevant Air Traffic Services Unit or to the Operator, a position report at intervals of not greater than 15 minutes"* [5].

В случае их принятия эти стандарты будут обязывать все воздушные суда, находящиеся в океаническом воздушном пространстве, передавать донесения о местоположении либо соответствующему органу обслуживания воздушного движения, либо эксплуатанту с интервалами, не

превышающими 15 мин [5].

В специальных текстах отмечается употребление эллиптических конструкций с союзами *whatever, no matter how, however.* В данном случае происходит опущение сказуемого или, реже, подлежащего: *"Russian people have to submit to new taxation, however high"* [6].

Россиянам приходится примириться с новыми налогами, какими бы высокими они ни были [6].

Эллиптические конструкции, состоящие из союзов *if, where, when* и прилагательного также встречаются в специальных текстах. В таких конструкциях отсутствует подлежащее или изменяемая часть сказуемого: "*The decision, if logical, requires a measure of courage"* [6].

Это решение, хоть оно и логично, требует известной доли мужества [6].

Специальные тексты насыщены большим количеством глагольных форм в пассивном залоге: *"The SARPs establish the requirement for an aeroplane to autonomously transmit information from which a position can be determined at least once every minute when in a distress condition*" [5].

SARPS устанавливают требование к самолету, терпящему бедствие, передавать в автономном режиме информацию, на основании которой можно определить его местоположение, по крайней мере, раз в минуту [5].

В специальных текстах часто используются инфинитивные и пассивные конструкции, такие как: самостоятельный инфинитивный оборот, сложное дополнение, сложное подлежащее.

Самостоятельный инфинитивный оборот – это оборот, состоящий из существительного в общем падеже и инфинитива: "*The aeroplanes and helicopters to be involved in commercial operations have lightweight recorder*

systems specifically designed for small aircraft" [6].

Самолеты и вертолеты, которые поставляются на рынок, оснащены переносными записывающими системами, которые были разработаны специально для небольших самолетов [6].

Сложное дополнение (Complex Object) состоит из существительного в общем падеже или личного местоимения в объектном падеже и инфинитива:*"ICAO considers this question to be of great importance"* [6].

Международная организация гражданской авиации (ИКАО) считает этот вопрос очень важным.

Сложное подлежащее (Complex Subject) которое представляет собой сочетание существительного в общем падеже или личного местоимения в именительном падеже с инфинитивом, которые в данном случае выполняют в предложении функцию подлежащего: "*They are unlikely to come in time"* [6].

Они вряд ли придут вовремя [6].

"Guidance material to support these provisions is expected to be completed by March 2017" [5].

Ожидается, что разработка инструктивных материалов по применению этих стандартов будет завершена к марту 2017 года [5].

Причастные и деепричастные обороты. Причастный оборот (Participle construction) – неличная форма глагола, которая сочетает в себе признаки прилагательного, глагола и наречия. *Present Participle I* и *Past Participle II* – причастия настоящего и прошедшего времени.

Самостоятельный причастный оборот (The Nominative Participial Construction) – это сложное обстоятельство, в котором действие, выраженное причастием, осуществляется по отношению к лицу или предмету, которым обозначено подлежащее в предложении. Самостоятельный причастный оборот чаще всего располагается в начале предложения и отделяется с помощью запятой: *"In consultation with this Group, ICAO has developed and implemented a web-based Airport Vector Control Register, providing information on the methods used by airports to control insects or animals that might transport an infectious disease"* [5].

В консультации с этой группой ИКАО разработала и внедрила онлайновый Реестр мер борьбы с переносчиками инфекции в аэропортах, содержащий информацию об используемых аэропортами методах борьбы с насекомыми или регулирования перевозки животных, которые могут быть переносчиками инфекционных заболеваний [5].

Таким образом, перевод научно-технической литературы требует ответственного подхода в целом, поскольку содержание многих специальных текстов имеет отношение к человеческой безопасности.

Грамматические особенности английских специальных текстов характеризуются своей сложностью, и выражаются в использовании инфинитивных и герундиальных оборотов, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, широким употреблением составных предлогов и союзов, а также безличных и неопределенно-личных конструкции.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Ком Книга, 2005. – 455 с.
2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. – М.: Союз, 2004. – 317 с.
3. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. – М.: КомКнига, 2005. – 120 с.

4. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В.В. Борисов; под ред. А.Д. Швейцера. – М: Военное издательство, 2004. – 320 с.
5. Отчеты ИКАО за 2016. Режим доступа: Official site ICAO: https://www.icao.int/annual-report-2016/Pages/progress-on-icaos-strategic-objectives-safety-policy-and standardization.aspx (Дата обращения: 06.04.2019).
6. Голикова Ж.А. Перевод с английского языка на русский. – М.: Новое знание, 2008. – 287 с.
7. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. Учебное пособие. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
8. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. – М.: Либроком, 2014. – 336 с.
9. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: 2007. – 256 с.
10. Мякишева Е.А. Стилистические особенности научно-технического текста // Гуманитарные научные исследования. 2018. № 5 Режим доступа: http://human.snauka.ru/2018/05/25006 (Дата обращения: 03.04.2019).
11. Мурдускина О. В. Проблема перевода терминов в научно-технических текстах на современном этапе // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков. 2006. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=26784537 (Дата обращения: 19.05.2019).
12. Паршина Т. В. Педагогический подход к формированию специальной составляющей переводческой компетенции студентов-переводчиков в высшем учебном заведении // Молодой Ученый. 2015. № 12. Режим доступа: https://moluch.ru/conf/ped/archive/185/9176/ (Дата обращения: 19.05.2019).
13. Паршина Т. В. О модели учебной дисциплины «Технический перевод» для студентов-переводчиков в высшем учебном заведении // Молодой Ученый. 2016. № 2. Режим доступа: https://moluch.ru/conf/ped/archive/187/ (Дата обращения: 19.05.2019).
14. Попова Е. Е., Семенова М. Ю. Безэквивалентные термины и их передача при переводе специальных текстов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 2. Режим доступа: https://elibrary.ru/contents.asp?id=34247576 (Дата обращения: 20.05.2019).
15. Сдобников В. В. Принципы обучения переводу, или о чем еще не было сказано. Журнал переводчиков «Мосты», 2015. № 1. Режим доступа: https://docplayer.ru/25976096-Principy-obucheniya-perevodu-ili-o-chem-eshche-ne-bylo-skazano.html (Дата обращения: 20.05.2019).

УДК 81

Анализ лексических трансформаций при переводе с английского языка на русский в научно-технических текстах

Васильева Аида Алеговна
канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков
Нижнекамский химико-технологический институт
(филиал Казанского национального исследовательского
технологического института), РФ, г. Нижнекамск
v.aida@inbox.ru

Гавариев Артур Наильевич
студент 3 курса, факультет непрерывного образования
Нижнекамский химико-технологический институт
(филиал Казанского национального исследовательского
технологического института), РФ, г. Нижнекамск
Artur-Gavariev@yandex.ru

Analysis of lexical transformations during translating from English into Russian in scientific and technical texts

Vasilyeva Aida Alegovna
PhD in Pedagogic sciences, Associate professor of Foreign Languages Department
Nizhnekamsk Institute of Chemical Technology
(the branch of Kazan National Research Technological University)
Russia, Nizhnekamsk

Gavariev Artur Nailevich
3rd year student, Faculty of Continuing Education
Nizhnekamsk Institute of Chemical Technology
(the branch of Kazan National Research Technological University)
Russia, Nizhnekamsk

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности применения лексических трансформаций с английского языка на русский в научно-технических текстах в области нефтехимического машиностроения. Анализируются основные классификации лексических трансформаций с английского языка на русский, которые являются наиболее употребительными для текстов данной тематики.

Ключевые слова: лексические трансформации, транскрипция, транслитерация, калькирование, модуляция, генерализация, конкретизация, научно-технический текст.

Abstract. The article deals with the features of special translation aspect of using lexical transformations when translating from English into Russian in scientific and technical texts in the field of petrochemical engineering. The main classifications of lexical transformations from English into Russian, which are most commonly used for texts on this subject, are analyzed here.

Keywords: lexical transformations, transcription, transliteration, calquing, modulation, generalization, concretization, scientific and technical text.

На сегодняшний день лексические трансформации при переводе научно-технических текстов играют немалую роль, их исследованием занимались такие известные ученые, как Л. С. Бархударов [1], В. Н. Комиссаров [3], Я. И. Рецкер [4] и др.

Обращаясь к определению лексических трансформаций, следует отметить, что они заключаются в преобразовании лексической структуры предложения при переводе в соответствии с лексико-структурными нормами переводящего языка.

В связи с многообразием различных классификаций видов лексических трансформаций в научно-технической литературе, в данной работе мы остановились на классификации, предложенной В.Н. Комиссаровым [3] (транскрибирование, транслитерация, калькирование, конкретизация, генерализация и модуляция). И на ее основе проанализировали основные их способы перевода с английского языка на русский язык на примере статьи «Field study and evaluation of buckling behaviour of steel tanks under geometric imperfections» из журнала «Journal of applied mechanical engeneering», опубликованного на сайте OMICS International [6].

Основным видом лексических трансформаций, с учетом проведенного исследования, оказалось *калькирование*, представляющее собой заимствование из иностранного языка той или иной синтагмы и перевод составляющих ее элементов буквально.

Примерами лексического калькирования в анализируемом тексте являются:

1. Most of these imperfections are caused by the process of welding, transportation, *inappropriate rolling*, as well as installation and implementation problems. - Большинство дефектов вызваны сваркой, транспортировкой, *не соответствующей прокаткой,* а так же проблемами при монтаже и наладке.

2. Then, *nonlinear numerical analysis of the test specimens* is performed. -

- Затем проводится *нелинейный численный анализ образцов испытания.*

3. Imperfections are generally divided into four groups of *geometrical imperfections, loading imperfections, imperfections due to boundary conditions, and imperfection associated with physical properties of materials.* **-** Дефекты, как правило, делятся на 4 группы*: геометрические дефекты, дефекты при нагрузках, дефекты граничных условий, дефекты связанные со свойствами материалов*.

Отметим, что доля лексического калькирования при анализе оригинального текста оказалась самой высокой из всех рассмотренных видов лексических трансформаций, присутствующих в тексте, и составила 35%. Это связано с наличием

в переводимом тексте различных технических определений и описания физических свойств.

Следующим по распространенности видом лексических трансформаций является *конкретизация* – выполнение замены слова или словосочетания, которое имеет более широкое предметно-логические значение с исходного языка, на слово или словосочетание, которое имеет более узкое значение переводящего языка.

Примерами конкретизации в тексте являются:

1) *Shell structures* are composed of shell bearing elements and mainly used in oil and gas tanks, offshore marine platforms, silos, funnels, cooling towers, ship and aircraft body, etc. - *Оболочки вращения* состоят из несущих элементов и используются в основном в нефтегазовых резервуарах, морских платформах, бункерах, воронках, градирнях, корпусах судов и самолетов.

2) In the construction of shells, due to the large dimensions, *curved plates or panels* can be used. - В конструкции оболочек из-за больших размеров используются *изогнутая листовая сталь или полосы.*

3) *Inelastic stability of liners of cylindrical conduits* with local imperfection under external pressure was studied by Khaled El-Sawy. - *Жесткость гильз цилиндрических трубопроводов* с местными дефектами под действием внешнего давления была изучена Халедом Эль-Сави.

Доля конкретизации в тексте ниже калькирования и составляет 23 %.

Следующий способ перевода - *модуляция,* представляющая собой замену слова или словосочетания исходного языка (ИЯ) единицей переводящего языка (ПЯ), значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

Примерами модуляции в тексте являются:

1) In this research, the imperfections made in steel cylindrical tanks being constructed *in one of the refinery site* are introduced and evaluated using a field study. - В данной работе, с помощью исследования в естественных условиях приводятся и анализируются дефекты в металлических цилиндрических резервуарах, которые были изготовлены *на территории одного из нефтеперерабатывающих заводов.*

2) Buckling of cylindrical shells *with stepwise variable* wall thickness under uniform external pressure was considered by Chen, Rotter and Doerich. - Потеря устойчивости при изгибе в цилиндрических оболочках *со ступенчато меняющейся переменной* толщиной стенки под действием внешнего давления была рассмотрена Ченом, Роттером и Дэрихом.

3) In some states, geometrical imperfections may strengthen the structure and *increase its capacity*. **-** В некоторых состояниях геометрические дефекты могут усиливать конструкцию и *увеличивать способность выдерживать более высокую нагрузку*.

Доля модуляции составляет 17% от общего числа всех лексических трансформаций в нашей выборке.

Следующую группу составляет *транслитерация*.

Примеры транслитерации:

1) Inelastic stability of liners of cylindrical conduits with local imperfection under external pressure was studied by *Khaled El-Sawy*. **-** Жесткость гильз цилиндрических трубопроводов с местными дефектами под действием внешнего давления была изучена *Халедом Эль-Сави*.

2) *Teng, Lin, Rotter and Ding* investigated the geometric imperfections in full-scale welded steel silos. - *Тенг, Лин, Роттер и Динг* исследовали геометрические дефекты стальных сварных силосов в натуральную величину.

По сравнению с модуляцией доля транслитерации составляет 14 %.

Кроме того, мы выделили такой способ перевода как *генерализация,* при которой единица исходного языка (ИЯ), имеющая более узкое значение, заменяется единицей переводящего языка (ПЯ) с более широким значением.

Например:

1) The second hole is connected to the discharge valve and *controls the flow of tank discharge*. - Второе отверстие связано с выпускным клапаном, который *регулирует расход*.

2) The rolling, transportation, and installation of these sheets cause various imperfections in the *implemented layer*. **-** Прокатка, транспортировка, монтаж листов способствует возникновению различных дефектов в *смонтированной конструкции*.

Часть, занимаемая генерализацией среди лексических трансформаций в данном тексте, сравнительно мала и составляет 7%, вероятно это связано с тем, что русский язык по сравнению с английским языком и его абстрактностью в научно-технических текстах склонен к более точным формулировкам.

Транскрибирование, как способ перевода, в исходном тексте оказалось наиболее нераспространенным и встретилось в тексте всего лишь в 4% от объема всех рассмотренных лексических трансформаций.

Примеры транскрибирования, встречающиеся в статье:

1) *Yang* et al. studied buckling of cylindrical shells with general axisymmetric thickness imperfections under external pressure. - *Янг* с соавторами изучал потерю устойчивости при изгибе цилиндрических оболочек с общими осе-симметричными дефектами стенки под действием внешнего давления.

Influence of primary boundary condition on the buckling of shallow cylindrical Shells was studied by *Showkati and Ansourian* experimentally. - Влияние первичного граничного условия на изгиб пустых цилиндрических оболочек было изучено экспериментально *Шоукати и Ансурианом.*

Таким образом, анализ видов английских лексических трансформаций показал, что среди изученных нами трансформаций наиболее продуктивной группой оказались калькирование и конкретизация, их число составило 35% и 23% от общего количества трансформаций. Остальные способы перевода трансформаций менее продуктивны: модуляция– 17%, транслитерация – 14%, генерализация – 7%, транскрибирование – 4%. Результаты данного анализа отражены на следующей диаграмме:

Рисунок 1. Соотношение основных видов лексических трансформаций в научно-технических текстах в процентах.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что «перевод - это полное и точное выражение смысла высказывания одного языка на другом. В своем роде перевод является искусством, учиться владеть которым можно всю жизнь» [2, с. 213]. Несовпадение в строе английского и русского языков представляет большие трудности для переводчика. В процессе перевода приходится постоянно прибегать к различным переводческим трансформациям для достижения эквивалентности,

максимального сближения с текстом оригинала. Для того чтобы правильно применять наиболее эффективные приемы лексических трансформаций необходимо, чтобы переводчик в равной степени владел как исходной, так и переводящей культурами. Насколько правильно и умело он использует лексические трансформации, от всего этого будет зависеть наше понимание перевода текста.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. - М.: Междунар. отношения, 1975. - 240с.
2. Карпеева О.Я. Некоторые виды лексических и грамматических трансформаций при переводе с английского языка на русский язык // Вестник Чувашского университета. - 2017. - № 1. - С. 213-217.
3. Комиссаров, В.Н. Теория перевода: Лингвистические аспекты – М: Высшая школа, 1990. – 251с.
4. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. - М.: Валент, 2004. - 237с.
5. Халебская И.М. Лексические трансформации при переводе английских единиц [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://docplayer.ru/29510197-Leksicheskie-transformacii-pri-perevode-angliyskih-edinic.html (дата обращения 24.05.2019)
6. «Field Study and Evaluation of Buckling Behaviour of Steel Tanks under Geometric Imperfections» omicsonline.org [электронный ресурс] – Режим доступа. –URL: https://www.omicsonline.org/open-access/field-study-and-evaluation-of-buckling-behaviour-of-steel-tanks-undergeometric-imperfections-2168-9873-1000268.php?aid=90085 (дата обращения 27.02.2019)

УДК 81'347.78.034

Способы перевода безэквивалентной лексики в научно-технических текстах

Васильева Аида Алеговна
канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков
Нижнекамский химико-технологический институт
(филиал Казанского национального исследовательского технологического института)
РФ, г.Нижнекамск
v.aida@inbox.ru

Фатхинуров Булат Фаргатович
студент 3 курса, факультет непрерывного образования
Нижнекамский химико-технологический институт
(филиал Казанского национального исследовательского технологического института)
РФ, г.Нижнекамск
fatbulat@gmail.com

Methods of translating non-equivalent vocabulary in scientific and technical texts

Vasilyeva Aida Alegovna
PhD in Pedagogic sciences, Associate professor of Foreign Languages Department
Nizhnekamsk Institute of Chemical Technology
(the branch of Kazan National Research Technological University)
Russia, Nizhnekamsk

Fathinurov Bulat Fargatovich
3rd year student, Faculty of Continuing Education
Nizhnekamsk Institute of Chemical Technology
(the branch of Kazan National Research Technological University)
Russia, Nizhnekamsk

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с причинами появления безэквивалентной лексики в научно-технических текстах в сфере информационных технологий. Анализируются основные способы перевода безэквивалентной лексики с английского языка на русский, являющиеся наиболее употребительными для текстов данной тематики.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, транслитерация, калькирование, сохранение графической формы, описательный перевод, сокращения, научно-технический текст.

Abstract. The article deals with current issues related to the causes of the appearance of non-equivalent vocabulary in a scientific and technical text in the field of information technology. The main methods of translating non-equivalent vocabulary from English into Russian, which are most commonly used for texts on this subject, are analyzed here.

Keywords: non-equivalent vocabulary, transliteration, tracing, preservation of graphic form, descriptive translation, abbreviations, scientific and technical text.

В последнее время в теории перевода все большее внимание уделяется безэквивалентной лексике. Многие исследователи занимались именно этой проблемой, например, Л.С. Бархударов, В.П. Берков, С.И. Влахов, В.Г. Гак, Л.И. Зубкова, А.О. Иванов, В.Н. Комиссаров, М.Г. Комлев, Ю. Найда, Я.И. Рецкер, А.Е. Супрунов, Т.Д. Томахин, Г.Я. Туровер, А.В. Федоров, С.П. Флорин, Л.И. Хайнце, Г.В. Чернов, А.Д. Швейцер.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в своих работах определяют безэквивалентную лексику как слова, которые нельзя семантизировать с помощью перевода, то есть «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [3].

Я.И. Рецкер дал определение безэквивалентной лексике как обозначение реалий, характерных для страны исходного языка и чуждых другому языку и иной действительности» [11]. Л.С. Бархударов подразумевает под безэквивалентной лексикой лексические единицы одного из языков, которые «не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [2]. В.Н. Крупнов определяет безэквивалентную лексику как «слова и словосочетания, обозначающие предметы, процессы и явления, которые на данном этапе развития перевода не имеют в нем эквивалентов» [7].

В данной статье мы провели анализ и систематизацию способов перевода безэквивалентной лексики на примере научно-технического текста «Developing a Multi Platforms Web Applications for Mobile Device Using HTML5» из журнала об ИТ «Журнал информационных технологий и разработки программного обеспечения» [12] по классификации, предложенной Л.К. Латышевым и А.О. Ивановым [4], а именно:

1. транслитерация;
2. калькирование;
3. сохранение графической формы;
4. описательный перевод;
5. сокращения.

В корпус исследования вошло 150 слов безэквивалентной лексики, которые были систематизированы по способам перевода. В результате анализа исходного текста были получены следующие данные: большинство слов безэквивалентной лексики переведно с помощью *калькирования (54 слова, 36%)*, на втором месте находятся *транслитерация (47 слов, 31%)*, далее идут *сохранение графической*

формы(40 слов, 27%), затем *описательный перевод (6 слов, 4%)* и, наконец, *сокращения (3 слова, 2%).*

Рисунок 1. Процентное соотношение способов перевода БЭЛ в исследуемом тексте

Преобладающим способом перевода безэквивалентной лексики стала *калькирование*. 36% из общего количества слов переведено этим способом.

Примеры калькирования: mobile phone (мобильный телефон), hardware (аппаратное обеспечение), software (программное обеспечение), application (приложение), remote server (удаленный сервер), mobile device (мобильное устройство), check (проверка), web page (веб-страница), image (изображение), upload (загружать), link (ссылка), operating system (операционная система), power (мощность), bandwidth (пропускная способность), sensor (датчик), challenge (проблема), Page Visibility detection (обнаружение видимости страницы).

Следующим распространенным способом перевода является *транслитерация*. С помощью данного способа было переведено 31% из всех слов.

Примеры транслитерации: web technology (веб-технология), design (дизайн), content (контент), video (видео), server (сервер), orientation (ориентация), accelerometer (акселерометр), camera (камера), mechanism (механизм), technique (техника), installation (инсталляция), plug-in (плагин), tags (теги), element (элемент), multimedia (мультимедиа), geo-location (геолокация), format (формат), prototype (прототип), interface (интерфейс).

Третьим по популярности использования безэквивалентной лексики в нашем исследовании оказался способ *сохранения графической формы*. Безэквивалентная лексика, одинаково передаваемая в текстах различных языков, чаще всего

переводится с сохранением графической формы. Данным способом переведено 27% из всех слов.

Примеры с сохранением графической формы: HTML, CSS3, java, iPhone, Android, iOS, WebOS, Windows, Blackberry OS, Apple store, Android play store, URL, GPS, Microsoft Silverlight, Adobe Flash, Ajax, Apple, Nokia, Java Script, Yahoo, Google Gears, Google Inventor App, W3C, Microsoft, Netscape, SVG, 2D, Web GL, 3G, 2G, Page Visibility API.

Менее распространенными способами перевода стали *описательный перевод и сокращения*. *Описательный перевод* применяется для полного раскрытия сути явления при помощи развернутого описания. Данным способом было переведено 4% от общего числа слов**.**

Примеры описательного перевода: threading (многопоточность), Web workers (механизм, позволяет скрипту работать в фоновом потоке), funding (финансирование (консолидирование долга)), native application (нативное приложение (приложение, написанное для определённой платформы)), floor manager (менеджер группы), drag-drop technique (техника оперирования элементами пользовательского интерфейса).

Сокращения, или аббревиатуры, являются «уменьшенным отражением исходной лексической единицы» и связаны с различными сферами специальной научной, технической, экономической, военной лексики. Данный способ оказался наиболее нераспространенным, он встретился в тексте всего лишь в 2%.

Примеры сокращений: OS (ОС), CPU (ЦП,) WWW (World Wide Web) - Интернет.

Результаты исследования демонстрируют, что наиболее часто используемыми способами перевода безэквивалентной лексики являются транслитерация, калькирование и сохранение графической формы. Это объясняется тем, что в научно-технических тестах преобладают термины и имена собственные, которые чаще всего переводятся именно этими двумя способами. Описательный перевод встречается реже, он нужен для того, чтобы читателю был более понятен смысл того или иного термина или высказывания. Путем сохранения графической формы передаются общепринятые обозначения и безэквивалентная лексика из других языков, которая одинаково передается в текстах различных языков.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что при переводе научно-технической литературы с английского языка на русский область информационных технологий является областью знаний, особенно богатой безэквивалентными терминологическими лексическими единицами. Все это позволяет рекомендовать транслитерацию, калькирование и сохранение графической формы как основные

приемы перевода безэквивалентной терминологии. Решение проблем понимания и перевода безэквивалентной терминологии является главной задачей переводчика.

Список литературы

1. Барановская Ю.Л., Кокоуров Е.А. Безэквивалентная лексика, как иллюстрация различия миров в разных языках [Электронный ресурс] //Молодежный вестник ИрГТУ. 2015. №1. URL: http://mvestnik.istu.irk.ru/?ru/journals/2015/01 (21.06.2016)
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. - М.: Междунар. отношения, 1975. - 240с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. - М.: Русский язык, 1980. - 213с.
4. Иванов А.О. Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. - 92с.
5. Комиссаров, В.Н. Теория перевода: Лингвистические аспекты – М: Высшая школа, 1990. – 251с.
6. Корепина Н.А., Попова А.Ю.Проблемы перевода безэквивалентной лексики // Вестник. Иркутск, 2015. №1(96). С. 286-290.
7. Крупнов, В.Н. Курс перевода. Английский язык: Общественно-политическая лексика - М.: Международные отношения, 1979. - 14-27с.
8. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка// gufo.me: СПб.: Норинт, 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: http://gufo.me/kuznec_a (дата обращения: 20.05.2019).
9. Перевод безэквивалентной лексики// odiplom.ru: Нестерова И.А. Перевод безэквивалентной лексики 16.01.18 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: //odiplom.ru/lab/perevod-bezekvivalentnoi-leksiki.html (дата обращения 19.05.2019)
10. Перевод безэквивалентной лексики//studopedia.ru: Студопедия — Ваша энциклопедия, 20.04.15 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://studopedia.ru/8_27612_perevod-bezekvivalentnoy-leksiki.html (дата обращения 19.05.2019)
11. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. - М.: Валент, 2004. - 237с.
12. KhalidJawadKadhim, Mohammed FadhilOdhaib, YasirHilalHadi. Developing a Multi Platforms Web Applications for Mobile Device Using HTML5 // omicsonline.org19.02.2018 [Электронныйресурс] – Режимдоступа. – URL: https://www.omicsonline.org/open-access/developing-a-multi-platforms-web-applications-for-mobile-device-using-html5-2165-7866-1000225-98930.html (дата обращения 01.03.2019)

УДК 811.93

Особенности перевода препозитивных атрибутивных словосочетаний и фразеологических единиц с английского языка на русский в научно-технических текстах

Васильева Аида Алеговна
канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков
Нижнекамский химико-технологический институт
(филиал Казанского национального исследовательского технологического института)
РФ, г.Нижнекамск
v.aida@inbox.ru

Чупин Дмитрий Андреевич
студент 3 курса, факультет непрерывного образования
Нижнекамский химико-технологический институт
(филиал Казанского национального исследовательского технологического института)
РФ, г.Нижнекамск
dmitry.chupin.tr@gmail.com

Special translation aspect of prepositive attributive phrases and phraseological units from English into Russian in scientific and technological texts

Vasilyeva Aida Alegovna
PhD in Pedagogic sciences, Associate professor of Foreign Languages Department
Nizhnekamsk Institute of Chemical Technology
(the branch of Kazan National Research Technological University)
Russia, Nizhnekamsk

Chupin Dmitry Andreevich
3rd year student, Faculty of Continuing Education
Nizhnekamsk Institute of Chemical Technology
(the branch of Kazan National Research Technological University)
Russia, Nizhnekamsk

Аннотация. В данной статье рассматриваются и анализируются особенности перевода препозитивных атрибутивных словосочетаний и фразеологических единиц с английского языка на русский в научно-технических текстах телекоммуникационной тематики. В результате проведенного исследования определяются основные способы перевода препозитивных атрибутивных словосочетаний и фразеологических единиц, приводится статистика в процентной составляющей, указывающая на частоту использования отдельных способов перевода в исходном тексте.

Ключевые слова: препозитивные атрибутивные словосочетания, двухкомпонентные и трехкомпонентные словосочетания, фразеологизмы, способы перевода, научно-технический текст.

Abstract. This article examines and analyzes the features of special translation aspect of prepositive attributive phrases and phraseological units from English into Russian in scientific and technological texts of telecommunications topics. As a result of the study, the main ways of translating prepositive attributive phrases and phraseological units are

determined; statistics are given in percentage, indicating the frequency of using individual translation methods in the source text.

Key words: prepositive attributive phrases**,** two-component and three-component phrases, phraseologies, translation methods, scientific and technical text.

При переводе научно-технических текстов с препозитивными атрибутивными словосочетаниями и фразеологическими единицами у переводчика часто появляются проблемы, над которым работали еще такие исследователи, как М. А. Апполова, Л. М. Беляева, В.С. Виноградов, Т. А. Зражевская, В. Н. Комиссаров, В. Н. Крупнов, Т. Р. Левицкая, И. И. Малыгина, Е. А. Мисуно, Д. А. Синкевич, Г. В. Терехова, А. М. Фитерман, Т.В Львова, И.А. Гердо и многие другие [1],[4, с. 254-258]

Особый интерес для перевода представляют препозитивные атрибутивные группы, то есть такие словосочетания в современном английском языке, которые обладают целым рядом специфических особенностей и ставят перед переводчиком немало сложных специфических задач. Как справедливо отмечает В. Н. Крупнов, чтобы достичь точного перевода атрибутивных конструкций, переводчику необходимо проанализировать смысловые связи, знать структурные особенности конструкций. Переводчик должен обладать определенным запасом фоновых знаний, навыками перевода, для правильной передачи смысловых связей переводчик проделывает значительную аналитическую работу [3, с. 14-27].

Существуют различные подходы к классификации атрибутивных словосочетаний в английском языке. По мнению Т.А. Зражевской, препозитивные атрибутивные словосочетания следует разделять по классификациям [2, с. 140]:

1) двучленные словосочетания;
2) трехкомпонентные словосочетания;
3) многочленные атрибутивные словосочетания;
4) словосочетания смешанного типа.

По проведенному анализу научно-технического текста телекоммуникационной тематики «Routing Mechanism for Mobile Ad Hoc Networks with Improved Security Features» [6] можно сделать вывод о том, что препозитивные атрибутивные словосочетания типа: двучленные словосочетания **(location exchange, as performance metrics,** random forwarders, random forwarders) и многочленные словосочетания **(route is established by receiver contention scheme, anonymous on demand routing protocol) являются наиболее распространёнными.**

Итак, в настоящей статье приводится анализ особенностей и способов перевода двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний типа «noun / noun» и

многокомпонентных словосочетаний типа «noun / noun / noun» с английского языка на русский в научно-техническом тексте.

Корпус исследования составили 60 английских двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний, которые были систематизированы по способам перевода.

Для перевода двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний выделяют 4 типа перевода:

1) прилагательным;

2) существительным в родительном падеже;

3) существительное с предлогом;

4) посредством новых слов (прием добавления).

В соответствие с вышеперечисленными способами перевода к *двухкомпонентным атрибутивным словосочетаниям также можно отнести словосочетания типа «adjective / noun»,* их перевод в исследуемом тексте встречается *в 50% случаях.*

Примерами *двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний типа «adjective / noun»* в анализируемом тексте являются:

MANET is an open environment and it is susceptible to many security attacks due to dynamic topology and lack of centralized monitoring authority. – MANET является *открытой средой* и благодаря динамической топологии и отсутствием централизованного контроля, связь подверженная многочисленным *попытками несанкционированного доступа.*

Перевод *двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний типа «noun / noun»* осуществляется с помощью *существительного в родительном падеже,* он встречается *в 43 %* и *перевод с добавлением*, встречается *в 7 % случаях.*

Примерами перевода *двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний типа «noun / noun»* с помощью *существительного в родительном падеже* являются:

But the mathematical operation present in the request message is not the actual operation need to perform on the encrypted data. – Но *математические операции,* представленные *в виде сообщения-запрос,* не являются *действительной операцией,* которую необходимо выполнить с *зашифрованными данными.*

Примерами перевода *двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний типа «noun / noun» посредством новых слов (прием добавления)* являются:

The scalability and energy efficiency of existing secure routing protocols are poor, while considering the delays and overhead introduced by *the cryptographic methods.* – Универсальность и энерго-эффективность существующих протоколов маршрутизации с защищенным доступом является низкой, в то же время, принимая во внимание время выдержки, накладные расходы, вносимые *криптографическими методами*.

Результаты данного анализа отражены на следующей диаграмме:

Рисунок 1. Частотность использования способов перевода двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний типа «adjective / noun» и «noun / noun»

Далее, многокомпонентные словосочетания были разделены нами на 7 групп по типу перевода:

1) последовательный способ перевода;

2) предложный;

3) перевод с опущением части высказывания;

4) перевод с замещением;

5) редуктивный способ перевода;

6) перевод смысловых групп;

7) развернутый перевод.

В результате анализа текста, было выявлено, что наиболее популярным способом перевода *многокомпонентных атрибутивных словосочетаний типа «noun / noun / noun»* является *последовательный способ перевода*, который встречается *в 68 % случаях*.

Например:

Many conventional encryption schemes possess either multiplicative or additive Homomorphic property and are currently in use for respective applications. – Многие

одноключевые схемы шифрования обладают *множественным или суммарным гомоморфным свойством* и в настоящее время используются для соответствующих приложений.

Реже встречается *предложный перевод с 16% случаев*.

Например:

This will demands *secure routing protocols* to provide a very high level of security in MANET. – Из-за этой склонности, MANET требуются *протоколы маршрутизации с защищенным доступом* для обеспечения высокого уровня защиты сети.

Развернутый перевод используется в *11% случаях*.

Например:

Anonymous routing protocols are important in MANETs to provide secure communications by hiding node identities and preventing *traffic analysis attacks* from outside observers. – Анонимные протоколы маршрутизации очень важны для сетей MANET, они обеспечивают безопасность коммуникациям, скрывая идентификаторы узла и предотвращая *атаки с использованием анализа трафика* от внешних наблюдателей.

И самый редкий способ перевода, это *перевод с опущением*. Он встречается *в 5% случаях*. Например:

MANET is an open environment and it is susceptible to many security attacks due to dynamic topology and lack of centralized monitoring authority.

– MANET является открытой средой и благодаря динамической топологии и отсутствием централизованного контроля, связь подверженная многочисленным *попытками несанкционированного доступа*.

Результаты данного анализа отражены на следующей диаграмме:

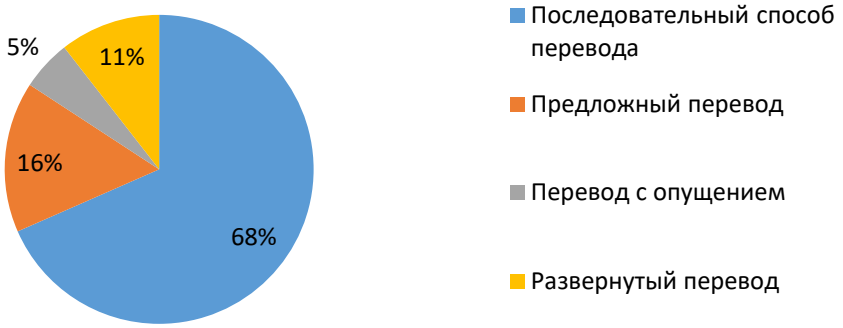

Рисунок 2. Частотность использования способов перевода многокомпонентных атрибутивных словосочетаний типа «noun / noun / noun»

Что касается перевода фразеологических выражений с английского языка на русский, он вызывает определённые трудности из-за их семантической целостности и усложненности. Дословный (буквальный) перевод фразеологического выражения извращает смысл высказывания, требуется адекватный перенос значения фразеологической единицы на второй язык.

При переводе фразеологизма переводчику надо передать его смысл и отразить его образность, найдя аналогичное выражение в английском языке и не упустив при этом из виду стилистическую функцию фразеологизма. При отсутствии в английском языке идентичного образа переводчик вынужден прибегать к поиску «приблизительного соответствия».

Существуют следующие способы перевода фразеологических выражений:

1) эквивалентный;
2) аналогичный;
3) описательный;
4) комбинированный.

В результате проведенного перевода и анализа текста, мы смогли обнаружить, что *фразеологические единицы* в данной статье были встречены всего лишь два раза и были переведены с помощью *описательного и комбинированного способов перевода*. Например:

1) **Also, some protocols are unable to provide *complete source,* destination, and route anonymity protection. –** Также, некоторые протоколы не могут обеспечивать *полноценный исходный код,* адрес назначения и защиту анонимности маршрута *(описательный способ перевода).*

2) ***Many conventional encryption schemes possess either multiplicative or additive Homomorphic property and are currently in use for respective applications.*** **–** Многие *одноключевые схемы шифрования* обладают множественным или суммарным гомоморфным свойством и в настоящее время используются для соответствующих приложений *(комбинированный способ перевода).*

Таким образом, анализ способов перевода английских препозитивных атрибутивных словосочетаний и фразеологических единиц показал, что **они** могут вызвать сложности при переводе. Нужно отметить, что препозитивные атрибутивные словосочетания очень часто встречаются в исследуемом тексте, что характерно для научного стиля. Для двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний типа «noun / noun» самым популярным способом перевода является перевод с помощью

прилагательного, а для многокомпонентных словосочетаний типа «noun / noun / noun» самый популярный способ перевода является последовательный. Что касается фразеологических единиц, то здесь можно сделать вывод, что они встречаются крайне редко и не характерны для научно-технических текстов.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. –М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224с.
2. Зражевская Т. А. Трудности перевода с английского языка на русский / Т.А. Зражевская, Л. М. Беляева. – М. : Международные отношения, 1972. – 140с.
3. Крупнов, В.Н. Курс перевода. Английский язык: Общественно-политическая лексика - М.: Международные отношения, 1979. – С.14-27.
4. Львова Т.В., Гердо И.А. Перевод субстантивных атрибутивных словосочетаний на примере технических текстов по машиностроению // Вестник Чувашского унта. Филологические науки. Языкознание № 2, 2017. – С. 254-258.
5. Максимова К.А., Бакулина Н.А., Минеева О.А. СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА РУССКИЙ ЯЗЫК // Международный студенческий научный вестник № 6, – 2018. С. 208 – 214.
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка// gufo.me: СПб.: Норинт, 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: http://gufo.me/kuznec_a (дата обращения: 20.05.2019).
7. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. Москва: Р. Валент, 2004.
8. AugustineA, SebastianEJ. Routing Mechanism for Mobile Ad Hoc Networks with Improved Security Features // omicsonline.org28.02.2016 [Электронный ресурс] – Режимдоступа. – URL: https://www.omicsonline.org/open-access/routing-mechanism-for-mobile-ad-hoc-networks-with-improved-securityfeatures-2167-0919-1000130.php?aid=77719 (дата обращения 17.02.2016)

УДК 811.11

Прагматическая адаптация при передаче информативной функции кулинарного шоу Джейми Оливера «Jamie Oliver's Food tube»

Власенко Ольга Константиновна
Ст.п., кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации
Тихоокеанский государственный университет, РФ, Хабаровск

Матвеева Александра Дмитриевна
студент 5 курса специалитета
Тихоокеанский государственный университет, РФ, Хабаровск
matveeva1.96@mail.com

Pragmatic adaptation in the transfer of informative function of Jamie Oliver's cooking show "Jamie Oliver's Food tube»

Vlasenko Olga Konstantinovna
Senior Lecturer, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication
Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Matveeva Alexandra Dmitrievna
5th year student specialty, Pacific National University
Russia, Khabarovsk

Аннотация. В статье рассматривается прагматическая адаптация и ее типы при передаче информативной функции кулинарного шоу Джейми Оливера «Jamie Oliver's Food tube». В качестве основной классификации типов прагматической адаптации данного шоу выбрана концепция В.Н.Комиссарова [1].
Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, прагматическая адаптация, информативная функция.

Abstract. The article discusses the pragmatic adaptation and its types in the transmission of informative functions of Jamie Oliver's cooking show "Jamie Oliver's Food tube". As a basic classification of types of pragmatic adaptation of the show the chosen concept V. N. Komissarov [1].
Keywords: audiovisual translation, pragmatic adaptation, informative function.

В современном мире постоянно увеличивается количество аудиовизуальной продукции, а именно фильмов, мультфильмов и телепередач. Некоторые из них изначально создаются для мировой аудитории, в то время как большинство фильмов и телепередач создаются для аудитории определённой страны. Но, так как потребности телезрителей растут, многие успешные продукты киноиндустрии переводятся на другие языки. Зачастую в связи с разной языковой и культурной принадлежностью и нехваткой фоновых знаний у рецептора перевода, создать адекватный перевод, то есть сохранить функциональную доминанту исходного текста

и прагматический эффект достаточно сложно. Поэтому такую аудиовизуальную продукцию приходится адаптировать к культуре переводящего языка при помощи прагматической адаптации.

В.Н. Комиссаров определяет прагматику перевода (которую он также называет прагматическим аспектом перевода) как «влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и обеспечить желаемое воздействие на Рецептора перевода» [1]. По определению Л.Л. Нелюбина, прагматическая адаптация перевода – это изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны конкретного рецептора перевода. [3]

В современной переводческой практике русскоязычными лингвистами выделяются четыре типа прагматической адаптации [2]. Целью первого типа прагматической адаптации является обеспечение адекватного понимания информации рецептором перевода. Отсутствие у рецептора перевода необходимых фоновых знаний относительно культуры, истории, географии и других аспектов, касающихся страны языка текста оригинала, приводит к тому, что переводчику приходится эксплицировать подразумеваемую информацию при помощи приёма добавления или комментария [4].

Целью второго типа прагматической адаптации является донесение до рецептора перевода того эмоционального воздействия, на которое рассчитывал автор текста оригинала, так как одно и то же сообщение может обладать у разных народов разными коннотациями, ассоциациями [5].

Переводчик может столкнуться с ситуацией, когда для достижения нужного коммуникативного эффекта ему придётся значительно отклониться от исходного сообщения. Чаще всего это необходимо в том случае, если рецептором перевода является не «усредненный» представитель языкового коллектива, а конкретный человек. Третий тип адаптации учитывает, для кого осуществляется адаптация: для профессионалов или профанов в какой-либо области, для группового или индивидуального рецептора перевода, для более широкого круга читателей или более узкого [6].

Иногда целью переводчика является передача текста оригинала на более современный лад, в результате чего текст существенно изменяется, это и есть четвертый тип адаптации. Во-первых, может измениться не только время действия, но и его место, имена главных героев, отдельные эпизоды и т.д. Во-вторых,

происходит замена более архаичной лексики и высказываний на слова, используемые нами в повседневной жизни [6].

Ведущим и автором анализируемого кулинарного шоу является Джейми Оливер. Джейми Оливер – британский шеф-повар, известный мировой аудитории благодаря целой серии кулинарных шоу и книг. Jamie Oliver's Food Tube - представляет собой короткие видео-уроки по приготовлению самых разных блюд из всех кухонь мира. От прочих передач британского повара её отличает не только формат, но и подход. Помимо самого шефа перед камерой появляются его молодые коллеги из разных стран, опытные кулинары и друзья. Они могут готовить, как в компании Оливера, так и отдельно от него. Рецепты, используемые в кадре легко запомнить и воспроизвести, если следовать инструкциям и использовать маленькие хитрости ведущих. К тому же, они дают советы по ингредиентам, кухонной утвари и сочетанию продуктов.

Информативная функция шоу заключается в снабжении зрителя информацией о том, как можно быстро и просто приготовить полноценный ужин или обед. Простота речи автора также составляет информативную функцию передачи и позволяет не просто привлечь разнообразную публику, но и как можно более полно и ясно донести до неё всю информацию, сообщающуюся в шоу.

Для сохранения информативной функции шоу Jamie Oliver’s Food tube переводчик использует прагматическую адаптацию 1, 3 и 4 типов. Итак, первый тип прагматической адаптации применяется переводчиком в связи со следующими сложностями: лакунарностью, то есть отсутствием в языке перевода названий для тех продуктов, блюд или предметов, о которых говорится в оригинале [8]. Также применяется в связи с разной категоризацией действительности англоговорящими и русскоговорящими реципиентами, выражающейся в использовании ими разных мер измерения или разных названий для одного и того же блюда, и др. Самой распространённой проблемой, в связи с которой переводчику приходится обращаться к первому типу прагматической адаптации, является разная категоризация действительности русскоговорящей и англоговорящей аудиториями. Например, в русском языке может существовать два названия для одного и того же продукта: одно название употребляется усредненным русскоязычным реципиентом в повседневной жизни, в то время как второе название, совпадающее по форме и звучанию с иностранным названием того же продукта, знакомо более узкому кругу людей (кулинарам). Чтобы любому зрителю шоу было понятно, из каких именно ингредиентов необходимо готовить, переводчик совершает следующие операции. Во-

первых, он использует приём добавления в сочетании с приемом транскрипции: 125 gram of crème fraîche – 125 грамм крем-фреш, свежих сливок, и в следующем примере: How can I make that frangipani filling? – Как же мне без труда сделать миндальный крем, он же франжипан [9]. Так же переводчик использует такие переводческие приёмы, как целостное преобразование: перевод фразы, с которой Джейми Оливер начинает процесс готовки в каждом выпуске данной передачи: Ward up food tubers Jamie Oliver here, и которая позволяет переводчику продемонстрировать всю его фантазию. Чтобы не повторять каждый раз одно и то же и добиться от рецептора перевода правильного понимания выражения, переводчик прибегает к приёму целостного преобразования, например: Всем привет, с вами Джейми Оливер; привет дорогие мои, с вами Джейми Оливер; совершенно верно, с вами мистер Оливер. Помимо объяснения пошагового рецепта приготовления блюд, Джейми Оливер также рассказывает истории из своей жизни, говоря о явлениях или людях, которые известны англоязычному реципиенту, но не известны русскоязычной аудитории. Например, кулинар зачастую появляется на громких событиях вместе со своей женой Джулс, он рассказывает о своей с ней жизни на различных телешоу, делится фотографиями, поэтому каждый британец, знающий о Джейми Оливере, скорее всего, знает и о его семье. Русскоязычный реципиент вряд ли владеет подобной фоновой информацией, поэтому при переводе шоу переводчик решает использовать генерализацию: Jools's favorite coctail – Любимый коктейль моей жены [7]. Прием модуляции: A nice big handful of parsley – большой пучок петрушки. В данном случае переводчик переводит handful как пучок в связи с тем, что для русскоязычной аудитории характерно измерять в горстях сыпучие либо жидкие вещества, но никак не травы. При переводе словосочетания Asian store переводчик использует приём описательного перевода, так как в обычном русском городе достаточно трудно найти специализированные магазины, где можно было бы купить продукты для приготовления итальянских, мексиканских, азиатских блюд, и т.д. Поэтому названия для подобных магазинов в русском языке нет. Чтобы русскоязычному реципиенту было понятно, что представляет собой Asian store, переводчик прибегает к описанию: магазин, в котором можно купить восточные специи.

Используя 3 тип прагматической адаптации, переводчик сопоставляет вербальные компоненты шоу с невербальными. Чтобы сделать инструкции Джейми более понятными и полными, сопоставляет слова Джейми с его действиями или окружающей обстановкой. Таким образом, переводчик справляется с трудностями ситуационного характера при помощи приёмов: целостного преобразования:

Basically, you do whatever you want – Резать можно как угодно: на кубики, на дольки [10]. В эпизоде Джейми Оливер режет кальмары на кубики и дольки. Прием конкретизации: для приготовления второго блюда необходимо наполнить стакан не просто водой, а именно холодной водой - I'm gonna fill this glass with water. В эпизоде, где Джейми готовит ризотто, он достает из холодильника бутылку с водой и наливает ее в стакан.

Также в ряде случаев для достижения адекватности перевода шоу переводчик прибегает к прагматической адаптации 4 типа, что обуславливается необходимостью привлечения внимания аудитории к происходящему на экране, а также отсутствием продукта на территории России. С этой целью переводчик использует приёмы модуляции: Coley fish – сайда. Coly fish - костистая рыба Северной Атлантики, переводчик использует название другой рыбы при переводе, рыба сайда [9]. Джейми готовит рыбное рагу и перечисляет названия рыб, которые он будет готовить. Русскоязычному реципиенту могут быть известны оба названия, однако в отличие от костистой рыбы, которую невозможно найти на территории России, рыба сайда является более распространенным продуктом на западе России. Переводчик путём добавления информации решает напомнить телезрителю, что он имеет дело с горячей едой и посудой и ему необходимо быть аккуратным, чтобы не получить травмы и ожоги: Ouch – Будь осторожен, не обожгитесь! [10].

Таким образом, при передаче информативной функции шоу, в рамках данных типов прагматической адаптации переводчик использует такие переводческие трансформации, как: целостное преобразование, добавление, конкретизация, генерализация, модуляции, калькирование, описательный перевод, транскрипция, опущение, экспликация. Трансформации используются с целью более точного понимания телезрителем всех инструкций и указаний Джейми Оливера, а также его рекомендаций касаемо того какие продукты и какую посуду необходимо использовать для готовки. Трансформации помогают телезрителю решить такую проблему, как невозможность использования продукта в связи с его отсутствием на территории страны. Кроме того, в ситуациях, где, по мнению переводчика, телезрителю необходимо обратить особое внимание на действия Джейми Оливера, он добавляет привлекающие внимание фразы.

Список литературы

1. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз/ В.Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
2. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение [Текст] : учеб. пособие/ В.Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.

3. Толковый переводоведческий словарь [Текст]/ под ред. Л.Л. Нелюбина. – 3-е изд., перераб. — М. : Флинта : Наука, 2003. – 320 с. 4. Казакова, Т.А. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] : учебник / Т.А. Казакова. – Спб. : Издательство «Союз», – 2000. – 320 с.
4. Основные понятия переводоведения : Терминологический словарьсправочник/ Отв. редактор канд. филол. наук М.Б. Раренко. М. : 2010. 260 с.
5. Первухина С.В. Виды адаптации текста// Вестник Южно-Уральского гос. Университета. 2014. №1. Т.11. С. 97-99.
6. Яковлева, С.Л. Субтитры как вид аудиовизуального перевода: передача реалий и имён собственных [Текст]/ С.Л. Яковлева, О.В. Кожинова// Мир науки, культуры, образования. – 2015. – №4. – С. 98-102.

Электронные ресурсы

7. Кафрский лайм // Gastronom/Продукты/Всё о продуктах. – URL: http://www.gastronom.ru/product/lajm-kafrskij-1295 (дата обращения: 28.04.19).
8. The Online Slang dictionary: электронный словарь. – URL: http://onlineslangdictionary.com/ (дата обращения: 28.04.19).
9. Джейми Оливер. Кулинарный канал. – URL: http://www.onlinelife.club/4875-dzheymi-oliver-kulinarnyy-kanal-2013.html (дата обращения: 29.04.19).

УДК 811.161.1’374+82-92

Языковая единица *император* в лексикографических источниках и текстах СМИ

Галушко Алёна Дмитриевна
магистр кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Симферополь, РФ
alenagalushko@rambler.ru

Научный руководитель
Сегал Наталья Александровна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии
(СП ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Симферополь, РФ
natasha-segal@mail.ru

The language unit *emperor* in the dictionary and the text

Galushko Alena Dmitrievna
master of the Department of Russian, Slavonic and general linguistics of Taurida Academy (S. p.) "Crimea Federal University V. I. Vernadsky»
Simferopol, the Russian Federation

Scientific adviser
Segal Natalia Aleksandrovna
candidate of Philological Sciences, Associate Professor,Associate Professor at the Department of Russian, Slavonic and general linguistics of Taurida Academy (S. p.) "Crimea Federal University V. I. Vernadsky»
Simferopol, the Russian Federation

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу лексемы ***император*** в лексикографических источниках и медиатекстах. Последовательный историко-лексикологический анализ и этимологические особенности ключевой языковой единицы XX-XXI вв. позволяют системно и разноаспектно показать факты языка в их эволюции и специфики адаптации в современном русском языке, выделить ядерные компоненты его значения и специфику реализации в контекстах. Реализуясь в текстах современных СМИ лексема ***император*** приобретает новый коннотативный фон, обладает высоким уровнем экспрессии, способствует формированию у адресата положительной и отрицательной оценки фактов политической действительности, отражает динамику социально-политических событий, наиболее актуальных для современной жизни.

Ключевые слова: медиатекст, ключевая единица, коннотация, семантический компонент, император.

Abstract. The article is devoted to the complex analysis of the language unit `***emperor'*** in lexicographical sources and media texts. Consecutive historical and lexicological analysis and etiological features of the key language unit of the XX-XXI centuries allow us to systematically and comprehensively show the facts of its evolution and specificity of adaptation in modern Russian language, highlight the nuclear components of its meaning and the specifics of implementation in contexts. Being implemented in the texts of modern media, the lexeme ***'emperor'*** acquires a new connotative background characterizes by high level of expression, contributes to the formation of a positive and negative assessment of the facts of political reality, reflects the dynamics of social and political events most relevant to modern life.

Key words: media text, key unit, connotation, semantic component, emperor.

Исследование выполнено в рамках поддержанного федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» гранта № ВГ20/2018.

Начиная с времени появления на карте мира государств, важная роль в организации миропорядка отдавалась правителям, от которых зависели судьбы целых народов. Так, например, принятие титула первого российского императора Петром Великим явилось свидетельством нового этапа развития Российской Империи. Несмотря на то, что в современный период развития России главой государства является президент, при реализации в медиатекстах единица ***император*** не теряет своей актуальности, при этом происходит её переосмысление ис развитие новых коннотативных значений. Целью предлагаемой статьи является

лексикографический анализ и выявление особенностей контекстной реализации ключевой единицы ***император*** как одной из важных составляющих политического дискурса.

Как показала реконструкция исторического пути лексемы ***император***, данное слово имеет различные этапы развития. Так, в «Этимологическом словаре современного русского языка» под ред. А. К. Шапошникова утверждается, что лексическая единица появилась в русском языке еще в XVI-XVII веках в форме **императоръ**, что обозначало «наставник всего света» (отм. в 1670 г.), а с 1721 г. распространилосо словосочетание Императоръ Всероссийский, что было связано с «прошением сенаторов царю Петру I о принятии им титула…» [8, с. 351, Т. 1]. Известно, что до 1917 года русские цари носили титул императора, который был позже упразднён вместе с монархией. Автор также указывает на то, что языком-донором анализируемой единицы является латинское слово **imperator, -orios** «верховный главнокомандующий, государь, верховный сюзерен» [8, с. 351, Т. 1]. В словаре утверждается, что ещё в Римской республике титул императора присваивался сенатом полководцу, который вёл особенно важную военную кампанию. По такому же принципу слово освоилось в других европейских языках. В «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера нет точного указания на язык-донор, при этом существует две теории возникновения единицы ***император*** в русском языке: через польский **imperator** либо через латинский **imperātor** [7, с. 129, Т. 2]. Таким образом, можно говорить о двух возможных источниках происхождения лексемы ***император*** на начальном этапе развития значений слова.

Впервые в русской лексикографической практике слово ***император*** фиксируется в «Словаре Академии Российской» в значении «Государь, управляющий имперією». *Императрица всероссийская. Римский император* [4, с. 296]. Интересным является то, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля данное слово не фиксируется, что говорит о низкой степени адаптации лексемы в русском языке в данный период.

Титул императора возник впервые в Римской империи, а после падения Западной Римской империи (476 г.) сохранился в Византии. В 800г. В Западной Европе титул был восстановлен Карлом Великим. Известно, что во Франции титул носили Наполеон Бонапарт (1804-1814 и 1815 г.) и Луи Наполеон (1852-1870 гг.). Представленные исторические данные отражены в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Автор выделяет два лексических значения единицы ***император:*** 1. Высший титул монархов; монарх, носящий этот титул.

Император Наполеон. 2. В древнем Риме - верховный начальник войск (истор.) [6, Т. 1, с. 468]. Таким образом, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова значение единицы сужается, появляется помета «исторический», что свидетельствует о специфике развития семантики слова в данный временной период.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой и в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой фиксируется один лексико-семантический вариант слова ***император***, при этом компонент «высший», зафиксированный В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова нивелируется: «Титул некоторых монархов, а также лицо, носящее этот титул» [3, с. 245; 2, Т. 2, с. 267], при этом отсутствует второе значение единицы.

Таким образом, на уровне лексикографической практики выделяется два ядерных значения слова ***император:*** 1. Высший титул монархов, а также лицо имеющее такой титул. 2. Верховный начальник войск (в Древнем Риме).

Рассмотрим реализацию исследуемой лексемы в текстах СМИ. Являясь многозначной, в текстах массмедиа данная единица реализуется посредством различных семантических оттенков.

Так, в медиатекстах актуальным является сопоставление с ***императором*** современных лидеров, чья политическая линия не является успешной, при этом подобные контексты носят иронический характер: *Петр Порошенко – **Император** всея Украины* (archive.politica.com.ua, 31.05.2013); *Последние дни **«императора»** Порошенко: Азаров предсказал скорый крах Украины* (Харьков, 13.07.2017); *Ковтун: «**Император** Дональд Трамп поможет Украине»* (Правдоруб, 06.02.2017); *Мадуро поблагодарил **«императора»** Трампа за рост своей популярности. Президент Венесуэлы Николас Мадуро уверен, что чем больше его критикует **«глава империи»** (президент США) Дональд Трамп, тем выше его популярность в мире* (tsargrad.tv, 09.10.2017); ***«Император** Обама»: как первая семья США тратит деньги налогоплательщиков* (balalaika24.ru, 15.02.2016); *Сенсационное расследование: **Император** Обама погряз в коррупции* (http://www.politonline.ru, 17.02.2016).

Интересными являются контексты, в которых современные политические лидеры сравниваются с известным выдающимся императором. Так, в одном из информационных агентств «Регнум» зафиксирован следующий контекст: *Президент Украины Пётр Порошенко пытается подражать **римскому императору** Константину, заявил глава синодального отдела по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ. Легойда отметил, что дату проведения раскольничьего собора*

в Киеве назвал не представитель церкви, а политик: «Президент Украины – прямо чистый ***император Константин****! Только времена сейчас совсем другие. И после этого можно всерьез говорить, что происходящее – не политический проект?» – прокомментировал событие представитель РПЦ* (https://regnum.ru, 05.12.2018). Данный контекст отражает проблему раскола церкви, действия президента представлены в иронической, даже саркастической манере, т.к. религиозные вопросы он представляет как политический проект.

Не менее ярким примером подобного сравнения может послужить метафорический сценарий, в котором народный депутат Украины Олег Ляшко уподобил Петра Порошенко императору Калигуле, известному за то, что он сделал членом сената своего коня. По мнению О. Ляшко, назначая на ключевые посты своих соратников, П. Порошенко фактически узурпирует всю власть на Украине. На своей странице в соцсети он процитировал русского поэта Гавриила Державина («Калигула, твой конь в сенате / Не мог сиять, сияя в злате: / Сияют добрые дела…»), отметив, что его строки о Калигуле как нельзя лучше отражают ситуацию Украине: *«Когда римский император Калигула включил в сенат своего коня, который долго считался самым «высокопоставленным жеребцом», а император, конечно, сумасшедшим. А наш* ***«безумный император»*** *заполнил правительство своими «конями», теперь и генпрокурора под себя подмять хочет, чтобы использовать его в своих политических целях», – написал Ляшко»* (ФАН, 19.04.2016).

Таким образом, лексема ***император*** отражает целую политическую систему взаимоотношений, которые могут влиять на социально-экономическую ситуацию в стране. Зачастую политическая власть сосредоточена в одних руках. Так, частотными становятся лексемы с приложениями или адъективными сочетаниями, имеющими различные семантические оттенки, которые транслируют сферу влияния определенных субъектов или объектов, представленных в следующей тематической классификации:

1) политики: ***Бизнес-император*** *Украины. Чем владеет президент Порошенко* (Украина.ру, 27.09.2018); ***Шоколадный император*** *и его любимая империя. Активы Порошенко нашли еще в ряде компаний* (Конт, 10.04.2016); ***Олигарх-император*** *Украины. Чем владеет Порошенко* (peopleglob.ru, 29.08.2018); *Яценюк –* ***православный император*** *восточноевропейской инициативы* (vlasti.net, 20.10.2009).

2) Государства или региона: ***Газовый император:*** *Россия и новый миропорядок* (Коммерсант, 12.09.2009).

Весьма характерным для массмедийных текстов является использование лексемы ***императрица***, которая реализуется с разной семантикой: *Поклонскую готовят на пост* ***императрицы*** *России* (sknews.ru, 10.05.2016).

Таким образом, ключевая единица ***император*** является значимой в политическом дискурсе. Сохраняя в себе семантический компонент «лидирующий», «властвующий», она способна номинировать современных политических лидеров. Коннотативное значение данной лексемы зависит от контекстного окружения, интересно, что единица, имеющая изначально нейтральное или позитивное значение, трансформируется в основном в иронично негативное.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.: В 4 т. – М., 2000. – Т. 1. – 699 с.
2. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1984. – Т. 2. – 800 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1973. – 846 с.
4. Словарь Академии Российской. Спб., 1790. – 664 с.
5. Сегал Н. А. Метафорическая модель "политика - это транспортная система" в русскоязычных СМИ. М., 2018. – 152 с.
6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 1945-1940. – Т. 2. – 704 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. – Т. 1. – 864 с.
8. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. М., 2010. – Т. 1. – 584 с.

УДК 80.81-23

Экспрессивные языковые средства в журнальных статьях

Зубарева Наталья Павловна
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
РФ, г.Ростов-на-Дону
nz1402@mail.ru

Ефимова Инна Андреевна
ассистент кафедры иностранных языков
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
РФ, г.Ростов-на-Дону
innakhomyak@maill.ru

Expressive Language Means in Journal Articles

Zubareva Natalia Pavlovna
Senior Lecturer of Foreign Languages Department,
Rostov State Economic University, Russia, Rostov-on-Don

Efimova Inna Andreevna
Assistant Lecturer of Foreign Languages Department
Rostov State Economic University, Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В статье ставится задача проанализировать на конкретных примерах, взятых из англоязычных журналов, использование разнообразных экспрессивных языковых средств и элементов разговорного стиля таких, как: метафора, идиома, фразеологическая единица, метонимия,прямая речь, фразовый глагол, в сочетании с терминологической и профессиональной лексикой. Показать, что комбинаторное сочетание является обоснованным и эффективным инструментом эмоционального воздействия на читателя. Более того решает актуальную задачу повышения информативности текста. Сделан вывод, что выше упомянутый прием комбинации элементов присущих разным стилистическим направлениям не только не противоречит законам публицистического стиля, но и помогает поддерживать внимание читателя.

Ключевые слова: экспрессивные языковые средства, публицистический стиль, комбинированное использование, воздействие.

Abstract. The purpose of the article is to analyse concrete examples taken from the English-speaking journals,the use of different expressive language means and the colloquial style elements such as metaphor,idiom,phraseological unit,metonymy,dirrect speech,phrasal verb, in combination with nomenclative and professional lexis.To demonstrate that combinatorial use is not only rationally but an effective instrument of the emotional impact on the reader.More over it solves the actual problem of enhancing text informativity.A conclusion is drawn that above mentioned method using the combination of elements typical of different language styles does not contradict the publicistic rules on the contrary helps to keep reader's interest.

Keywords: expressive language means, publicistic style, combinatorial use, impact.

Статью можно определить, как жанр, «предназначенный прежде всего для анализа актуальных, общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей» [1]. Журнальная статья стилистически очень близка газетной. Однако в журнале публицистическое произведение менее связано жесткими условиями малого объема. Статья рассчитана на более обстоятельное чтение, а часто и на более осведомленного читателя. Различают две основные разновидности журнальной статьи: научная и художественная. В журнальной статье используется разнообразная лексика, по сравнению с эссе, чаще встречаются сугубо литературные, книжные слова, термины по данной тематике. Характерно большое количество клише, а также наличие разговорных единиц. Грамматика журнальной статьи максимально проста для усвоения. В отличие от образного, максимально выразительного и близкого к художественному языка эссеистического стиля, здесь

преобладает более формальный, информативный способ передачи сообщения, что, однако, совсем не исключает применения экспрессивных средств, обусловленных основополагающей ролью функции воздействия в публицистике вообще.

Для анализа средств экспрессивности нами были отобраны статьи из журнала EU-Observer (www.euobserver.com), авторитетного независимого издания, близкого к официальным кругам Европейского Союза и освещающего экономические, политические, социальные вопросы, а также вопросы международных отношений.

Наш первый пример – из статьи Нику Попеску «Путин: начало конца» (Nicu Popescu, «The beginning of Putin's end») от 6 декабря 2011 года [2].

But instead of apathy, in the run up to these elections the Russian intelligentsia was at boiling point.

Но вместо апатии, в преддверии этих выборов российская интеллигенция была в точке кипения.

Метафора at boiling point произошла от физического термина, обозначающего температуру кипения («The temperature at which a liquid boils at a fixed pressure, especially under standard atmospheric conditions») [3]. В переносном смысле это выражение обретает метафорическое значение и понимается как «критическая точка», «пребывание на грани чего-либо» («The point at which one loses one's temper. The point of crisis; the turning point») [3]. В статье оно очень удачно характеризует настроение российской интеллигенции накануне парламентских выборов. В данном контексте, так как речь идёт о русской интеллигенции, оправдано употребление слова intelligentsia, которое в словаре идёт с пометой «русск.», тогда как в других случаях в англоязычной публицистике для обозначения того же понятия обычно используется слово the intellectuals. Выразительности этому предложению также придаёт слово the run up /подготовка, преддверие/ (in the run up to the elections – во время подготовки к выборам, во время предвыборной кампании), образованное от фразового глагола to run up /поднимать, -ся/ и изначально применявшееся для обозначения разбега самолёта. Помимо этого, можно отметить использование антонимичных выражений: apathy /безразличие, равнодушие, апатия, вялость/ - boiling point /точка кипения, критическое состояние/. Этот приём позволяет путём противопоставления явлений усилить экспрессивность каждого из понятий.

True, this was a bit of a storm in a teacup. But nonetheless, the spilt water also leaves traces outside the cup, consolidating the trend of rising anti-government feeling among the growing middle-class. This trend is not so much fuelled by a hope of change, but by the desire to punch United Russia in the nose.

Откровенно говоря, это была буря в стакане воды. Но тем не менее разлитая вода также оставляет следы вокруг стакана, укрепляя тенденцию роста антиправительственных настроений среди растущего среднего класса. Эта тенденция поддерживается не столько надеждой на перемены, сколько желанием щёлкнуть Единую Россию по носу.

Фразеологизму a storm in a teacup /досл. – шторм в чайной чашке; a situation where people get very angry or worried about something that is not important / в русском языке соответствует идиома «буря в стакане воды» [3]. Это выражение означает «волнения, споры, шум по незначительному поводу, из-за пустяков» [4] и носит разговорный, иронический характер. Эта же метафора продолжается в следующем предложении, где последствия многочисленных дискуссий по поводу выборов образно представляются как the spilt water outside the cup /разлитая вокруг чашки вода/. Само по себе это выражение не несло бы экспрессивного значения, если бы не продолжало и не обыгрывало переносный смысл исходного фразеологизма. Фразеологизм to punch in the nose /досл. – ударить кулаком, двинуть по носу/ в данном контексте имеет разговорно-ироническое значение «проучить, наказать» и в русском языке обычно находит свой эквивалент в виде выражения «щёлкнуть по носу» [4]. Особое внимание в анализируемом отрывке привлекает сочетание разговорных, зачастую иронических слов и выражений (a storm in a teacup, to punch in the nose, a bit of a…) и лексики, тяготеющей к сугубо литературному, книжному и даже научному языку (the trend of rising anti-government feeling, growing middle-class, название партии - United Russia). В этом проявляется одна из основных особенностей публицистического стиля – сочетание экспрессивных и стандартизированных элементов. Также экспрессивную функцию выполняет и вводное слово true / честно говоря, по правде говоря/, которое косвенно отражает отношение автора к теме статьи и призвано вызвать у читателя чувство доверия к излагаемому материалу.

Наконец, последний пример взят нами из статьи Нику Попеску «Как Китай видит Россию» (Nicu Popescu, «How China sees Russia») от 27 июня 2011 года [5].

Despite a lack of trust between Beijing and Moscow, the relationship seems to be better than almost any time in modern history – economic exchanges are booming (increased by 43% in 2010 reaching USD 55 bn), and China's border with Russia is one of China's most stable. But scratching a bit deeper beyond the surface the picture is unsurprisingly more mixed. As a Chinese put it, the relationship is good because 'we know that when two tigers fight, both are likely to be wounded, and we want to avoid it'.

Несмотря на дефицит доверия между Пекином и Москвой, их отношения, по-видимому, лучше, чем практически в любой другой период современной истории – быстро растёт экономический обмен (повысился на 43% в 2010 году, достигнув отметки в 55 млрд. долл.), а китайская граница с Россией является одой из самых стабильных в Китае. Но если копнуть чуть глубже, неудивительно, что картина гораздо более сложная. Как сказал один китаец, отношения хорошие, потому что «мы знаем, что, когда дерутся два тигра, оба вероятно будут ранены, и мы хотим этого избежать».

Выражение a lack of trust between Beijing and Moscow является метонимией, так как имеются в виду, конечно, не Пекин и Москва, а соответственно правительства Китая и России. Здесь происходит перенос названия с одного объекта на другой на основании ассоциации по смежности, по сходству содержания, в данном случае – по месту нахождения.

Метафору scratching a bit deeper beyond the surface можно перевести как «копнуть немного глубже <поверхности>», она основана на игре слов, которая сохраняется и при дословном переводе на русский язык: surface как поверхность в прямом, техническом смысле этого слова, и surface как внешние, поверхностные впечатления, что-то показное, ощущаемое лишь на первый взгляд. Поэтому смысл этой метафоры можно приблизительно передать выражениями «узнать лучше», «детально рассмотреть», «ближе познакомиться».

Использование прямой речи также добавляет тексту живости и экспрессивности, к тому же само содержание реплики метафорично (we know that when two tigers fight, both are likely to be wounded): здесь Россия и Китай предстают в образе «двух тигров», причём этот образ подчёркивает мощь, ум, силу обоих государств. Ухудшение отношений, конфликты между этими странами сравниваются с «дракой тигров», в которой каждый, вероятнее всего, будет ранен, то есть ни России, ни Китаю такое развитие событий будет невыгодно. Но, несомненно, использованная автором развёрнутая метафора более ёмко и ярко выражает тот смысл, который он хотел донести до читателя.

В этом отрывке мы также видим наличие довольно большого количества экспрессивных слов, имеющих как положительную окраску (better /лучше/, booming /быстро растущий/, stable /стабильный, устойчивый/, good /хороший, добрый, благоприятный, положительный/), так и отрицательную (a lack of trust /недостаток, нехватка доверия/, fight /драться, бороться, вести бой/, wounded /раненый/). Но наряду с экспрессивно окрашенной лексикой немалое место занимают и слова,

тяготеющие к научному стилю (economic exchanges /экономический обмен/, increased by 43% in 2010 / повысился на 43% в 2010 году/, USD 55 bn /55 миллиардов американских долларов/). Такая лексика служит для реализации сугубо информативной функции, что более свойственно статье как аналитическому жанру и является характерной особенностью публицистического стиля речи.

Таким образом, на материале журнала EU Observer мы рассмотрели использование экспрессивных языковых средств в англоязычных журнальных статьях. На основании проведённого анализа можно сделать вывод о том, что в журнальных статьях велика доля стандартов, терминов, научной лексики и выражений, свойственных для делового стиля. Однако, обоснованно использование разнообразных видов экспрессивных средств, это позволяет автору в рамках данного жанра оказывать эффективное эмоциональное воздействие на читателя, как следствие удерживать его внимание. Это объясняется большей информативной направленностью статьи и её аналитическим характером.

Список литературы

1. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Фразеологический словарь русского литературного языка. /Под ред. А.И. Фёдорова [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: http://phraseology.academic.ru (дата обращения: 11.02.2019).
3. Popescu, N. How China sees Russia // EU Observer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://blogs.observer.com/popescu/2011/06/27/how-china-sees-russia/#more-1227 (дата обращения: 10.02.2019).
4. Popescu, N. The beginning of Putin’s end // EU Observer [Электронный ресурс].- Режим доступа: ww.euobserver.com/popescu/2011/12/06/the-beginning-of-putins-end/# more-1374 (дата обращения: 11.02.2019).
5. The free dictionary www.thefreedictionary.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 10.02.2019).

УДК 81:69

Профессиональная терминология, как отражение сферы деятельности, особенностиих перевода на примере текстов по строительству

Нармурадова Юлия Рашидовна
магистрантка кафедры конструкции и сооружения
Тверской государственный технический университет, РФ, г. Тверь
jgubanckova@yandex.ru

Шилова Ольга Геннадьевна
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Тверской государственный технический университет, РФ, г. Тверь
shilovaolga71@yandex.ru

Professional terminology, as a Reflection of Expertise Field, Peculiarities of its Translation by Example of the Texts on Construction

Narmuradova Julia Rashidovna
Master's student Of Building Structure and Facility Sub Department
Tver State Technical University, Russia, Tver

Shilova Olga Gennadievna
Senior Lecturer of Foreign Languages Department
Tver State Technical University, Russia, Tver

Аннотация. Статья посвящена особенностям технической литературы, а именно принципам перевода узкоспециальных текстов с английского языка на русский с применением дополнительных электронных ресурсов ABBYY Lingvo, Multitran, база которых составлена высококвалифицированными специалистами, владеющими не только лингвистическими знаниями, но и знаниями в узкотехнических областях. В статье также рассмотрена структура профессиональной терминологии, а так же способы их словообразования. Проведен анализ перевода терминов технической тематики с учетом их генезиса. Осуществлено сравнение результатов автоматизированного и профессионального переводов текстов-оригиналов, на основе чего сделан вывод о компетентности электронных ресурсов.

Ключевые слова: научно-техническийстиль, технический перевод, специфика перевода технических текстов, лаконичность, профессиональная терминология, терминологическая лексика, строительные термины.

Abstract. The article is devoted to the specificityof technical literature, namely, the principles of translating highly specialized texts from English into Russian withthe usage ofadditional electronic resources ABBYY Lingvo, Multitran, compiled by highly qualified specialists possessing know ledge not only in linguistics but in technical spheres. The authors consider the structure of professional vocabulary, ways of word-formation; analyze technical term translation subject to their genesis. The comparison of automated and professional translations of authentic texts has been made, with the conclusion being drawn about the competence of electronic resources.

Keywords: scientific and technical style, technical translation, translation peculiarities of technical texts, laconism, professional vocabulary, terminology, construction vocabulary.

На сегодняшний день научно-технический прогресс набрал большие темпы, в связи с этим все больший спрос имеет техническая литература. Специалисты, работающие с международной литературой, наиболее востребованы в профессиональных кругах, поэтому переводческая деятельность уже давно стала неотъемлемой частью каждой профессии.

Научно-технический стиль, как и любой другой стиль, имеет главную отличительную особенность – наличие профессиональной терминологии, слов и словосочетаний, характерных для данной отрасли деятельности. Именно профессиональные термины являются «скелетом» технического текста и несут основную смысловую нагрузку. В рамках данной статьи были проанализированы тексты по проектированию зданий, строительству автомобильных дорог и аэродромов, городскому строительству и хозяйству, землеустройству и кадастру недвижимости, промышленному и гражданскому строительству, производству строительных материалов, изделий и конструкций.

В среднем в тексте содержится 40-45% терминологической лексики. По структуре термины можно классифицировать как:

- простые: brick – кирпич, beam – балка, брус, joint – стык, соединение, load – нагрузка, porous – пористый, fabricate – производить, slab – плита, alloy – сплав, lath – обрешетка, binder – прокладочный материал, mortice – паз;
- сложные: civil engineer – инженер-строитель, highway construction – дорожное строительство, high-density – высокая плотность, cast-in-place concrete – монолитный бетон, tape-measure – рулетка, glasscutter –стекольщик, screw-bolt – нарезной болт, out-of-plane – перпендикулярный к плоскости, in-plane – в одной плоскости;
- словосочетания: living accommodation – жилое помещение, substandard housing – жильё низкого качества, passive house – дом с особо низким энергопотреблением, discharge pipe – отводная труба, instrument panel – панель управления, flexible joint – подвижное соединение, concrete slab – бетонная плита, concrete mixer – бетономешалка, strip foundation, strip footing – ленточный фундамент, road layout – плановое расположение дорог, suspended ceiling – натяжной потолок, halogen bulb – галогеновая лампа, bearing pile – несущая свая, *balloon frame* –

деревянный балочно-стоечный каркас, concrete masonryunit – бетонный строительный блок, friction pile – висячая свая [3];

- аббревиатуры (литерные термины): PAC (polymer-asphalt concrete) – полимер битумный вяжущий бетон, LED (light-emitting diode) – светодиодный, **CAM (computer-aided manufacturing) – система автоматизированного производства, HMA (hot mix asphalt) – горячая асфальтовая смесь, FEED (**front end engineering design) – **предпроектная документация, PAB (**pre-assembled building) – **предварительно собранное здание, DWG (сокр. от drawing) – чертеж, схема, EHV (**extra high voltage) – **сверхвысокое напряжение,** SCC (self-consolidating concrete) – самоуплотняющийся бетон.

Основной чертой перевода технической литературы является высокая информативность. Технические тексты не имеют художественного окраса, они лаконичны, лишены эмоциональности, экспрессивности и употреблены в прямом значении. Однозначность – важная особенность данного стиля, исключающая расхождения в переводе. Однако сложность состоит в том, что терминология многозначна как в пределах одной отрасли, например, apron –подоконная часть стены, укрепление откосов, площадка с искусственным покрытием (строительство), так и в различных областях деятельности, например, fenest ration – распределение окон по фасаду здания (строительство), окончатый дефект (стоматология); opening – проход, проем (строительство, архитектура), бухта, залив (мореходство), просека (лесоводство), дебют, премьера (искусство), вакансия (трудоустройство). Таким образом, ключевое значение имеет контекстуальный перевод. В.Н. Шевчук говорит об однозначности не как о свойстве термина, а как о «требовании, к нему предъявляемом» [8].

Для лучшего понимания узкоспециальной терминологии необходимо разобраться в ее генезисе. Отметим основные способы образования [7]:

1. Аффиксация (морфологический метод), представляет собой присоединение к основе префиксов: sub+floor – накат, en+large – расширять, re+paint – перекрашивать, intra+mural – внутри помещения, внутристеночный, extra+central – внецентренный, out+building – служебное здание, надворная постройка; или суффиксов: stiff+ness – жесткость, resist+ance – сопротивление, remov(e)+al – устранение, перемещение, mix+ture – смесь, floor+age – жилая площадь, measure+ment – измерение, pres+sure – давление [5].

2. Словосложение базируется на соединении двух основ: grit-blasting – металлоструйная обработка, screw-nut – гайка, stopcock – задвижка, запорный кран,

basecourse – нижний слой дорожного покрытия, backfill – засыпка канавы, закладка выемки.

3. Конверсия – образование одной части речи от основы другой без изменения формы: to finish – завершать, заканчивать/ finish – отделка, полировка; to motor – везти, перевозить/ motor – двигатель; flat – плоский/ to flat – выравнивать; buckle – скоба/ to buckle – гнуться.

4. Сокращение (акронимы). Акронимы формируются из начальных букв слов, составляющих словосочетание, объединенные общим смыслом: RCC (roller-compacted concrete) – уплотненный катком бетон (УКБ), DPC (damp-proof course) – гидроизоляционная прослойка, HVAC (Heating, Ventilation and Air Conditioning) – отопление, вентиляция и кондиционирование воздуха.

5. Заимствование из других языковых групп. При заимствовании термины образуются путем перехода из одной языковой группы в другую. Существуют следующие виды заимствований:

- буквальное заимствование: bolt – болт, convector – конвектор, realty – недвижимость, investor – инвестор, alidade – алидада, транспортир, угломер, atrium – атрий, атриум [1];
- смешанный способ, включающий в себя признаки буквального заимствования и семантического образования слов: cableway – кабелепровод, cantilever arm – стрела, grid line – линия сетки координат [4];
- трансформируемое заимствование достигается путем прибавления аффикса к заимствованному слову, чаще всего это глаголы: to ventilate – вентилировать [6, 9].

Говоря о специфики перевода терминологии, стоит отметить, что не нуждаются в переводе международные термины: MMA (Manual Metal Arcwelding) – ручная металлическая дуговая сварка, **CAD (**Computer-Aided Design) – **система автоматизированного проектирования,** HPC (high-performance concrete) – высококачественный бетон. Встречаются эквивалентные термины, переводящиеся дословно: building – сооружение, здание, mechanical oscillation – механические колебания, stiffness – жесткость, vibration – вибрация, peak-to-peakvalue – пиковое значение, concrete block – бетонный блок, tendon joints – арматурные соединения. К некоторым терминам применяется описательный (контекстуальный) перевод при невозможности осуществить прямое соответствие: U-stirrup – арматурный хомут U-образной формы, wearing course – слой износа дорожного покрытия, double tee – панель в форме двойного «Т» [2].

Технический перевод позволяет обмениваться информацией и знаниями людям, являющимися носителями различных языковых культур. Для осуществления грамотного перевода текста следует соблюдать следующий алгоритм:

1. Ознакомление с текстом путем прочтения.
2. Маркировка непонятных слов и словосочетаний.
3. Анализ терминов в контексте текста.
4. Выполнение полного перевода текста.
5. Оценка перевода специалистом.

В работе с переводом технической литературы большую популярность приобрели такие многофункциональные тематические словари, как ABBYY Lingvo и Multitran, обладающие широким спектром возможностей в выборе тематики перевода, потенциалом распознавания формы слова. Развитие новых технологий автоматизировало множество процессов, в том числе перевод текстов. С помощью электронных ресурсов можно существенно облегчить процесс перевода, получив при этом сравнительно неплохой результат в короткое время. Однако следует учесть, что автоматические переводчики являются лишь вспомогательным материалом, при таком подходе полученный текст требует корректив, учитывающих особенности перевода узкоспециальной терминологии и устойчивых словосочетаний. Для анализа и сравнения автоматического и профессионального перевода текста-оригинала предлагается материал, приведенный в таблице 1.

Таблица 1. Исходные данные для сравнительного анализа результатов перевода

Текст-оригинал	Электронный перевод	Профессиональный перевод
The structural systems are literally the foundation of the building. They are made up of footings, foundation walls, water tables, floor framing, supporting walls, and the roof structure. They extend from below the ground to the roof, and their design closely reflects the age of the building, the skills of its builder, and the site's geography.	Структурные системы являются буквально основой здания. Они состоят из фундаментов, фундаментных стен, водяных столов, каркасов пола, несущих стен и конструкции крыши. Они простираются от уровня земли до крыши, и их дизайн тесно отражает возраст здания, навыки его строителя и географию объекта.	Системы сооружений (конструктивные системы) в прямом смысле являются основой здания. Они состоят из фундаментных блоков, фундаментных стен, сливных плит, балочных перекрытий, несущих стен и кровельной конструкции. Они простираются от уровня земли до крыши, и их строение непосредственно отражает возраст здания, мастерство строителя и территорию строительной площадки.

Текст-оригинал	Электронный перевод	Профессиональный перевод
This design brief is to be read in conjunction with the X documents and the relevant Russian SNiPs and GOSTS and UK Standards. Where there is a conflict between the requirements of the various documents the matter shall be brought to the attention of X.	Это краткое изложение проекта следует читать вместе с документами X и соответствующими российскими СНиПами, ГОСТами и стандартами Великобритании. В случае противоречия между требованиями различных документов вопрос должен быть доведен до сведения X.	Данное задание на проектирование следует рассматривать в совокупности с документами X и с соответствующими российскими СНиПами и ГОСТами, а также со стандартами Великобритании. При возникновении противоречий между требованиями различных документов вопрос должен выноситься на рассмотрение X [10].

Исходя из сравнительного анализа, можно прийти к выводу, что основная функция электронных переводчиков – передача общего смысла текста, в то время как профессиональный перевод основан на точном результате. Результат технического перевода, выдаваемый электронными переводчиками, не всегда соотносится с профессиональным переводом, это обусловлено тем, что он-лайн ресурсы выдают наиболее «популярные» варианты перевода, которые зачастую не ориентированы на узкую специализацию.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что достоверность, адекватность и качество перевода напрямую зависит от двух составляющих:

- знание структуры, специфики грамматики и генезиса;
- узкоспециальные знания в профессиональной сфере.

Соблюдение алгоритма перевода также способствует эквивалентному переводческому решению.

Список литературы

1. Гарагуля С.И. Английский язык для студентов архитектурных специальностей: Учебник / С.И. Гарагуля. — Рн/Д: Феникс, 2011. – 347 с.
2. Градалева Е.А. Деловой английский язык для инженеров-строителей / Е.А. Градалева. – Самара: СГАСУ, 2015. — 220 с.
3. Ивянская И.С. Английский для архитекторов: Учебник / И.С. Ивянская. — Москва: Инфра-М, 2014. — 411 с.
4. Красикова Т.И. Выделения омонимов из семантической структуры многозначных слов (на материале научно-технических терминов и слов терминологического характера) / Т.И. Красикова. – Москва: Научный консультант, 2015. — 109 с.

5. Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов / Л. П. Крысин // Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Москва: АСТ-ПРЕСС, 2014. – 410 с.
6. Лисицына С. Г. Заимствование англицизмов в русском языке / С.Г. Лисицына. – Казань: Молодой ученый, 2014. – 743 с.
7. Худинша Е.А. Структурные особенности терминов в английском языке / Е.А. Худинша. – Киров: Концепт, 2014. – 70 с.
8. Шевчук В.Н. Производные военные термины в английском языке: [Аффиксальное словопроизводство] / В.Н. Шевчук. – Москва: Воениздат, 1983. – 231 с.
9. Щербакова И.В. Особенности перевода технических текстов / И.В. Щербакова // Современные проблемы науки и образования. – Пенза: Академия естествознания, 2015. – 201 с.
10. Электронный ресурс. Стиль документа: [сайт]. URL: https://linguacontact.com/examples-en-tech-building/

УДК 811.1/2

Специфика кореферентных наименований в стилистическом обогащении текста художественного произведения

Прокопенко Ольга Христофоровна
Старший преподаватель кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета, РФ, Челябинск
olgalein@list.ru

Specificity of coreferent titles in the stylistic enrichment of the text of an artwork

Prokopenko Olga Khristoforovna
Senior Lecturer, Department of Philology
of the Kostanay branch of Chelyabinsk State University
Russian Federation, Chelyabinsk

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема стилистического обогащения текста художественного произведения посредством кореферентных наименований. Целью исследования является глубокое понимание и интерпретация текста произведения, особенностей процесса осмысления в акте речевого восприятия. Основное содержание исследования составляет выявление и анализ цепочек кореферентных наименований из текста художественного произведения. Обосновывается мысль о том, что кореферентные наименования играют важную роль в стилистическом аспекте анализа художественного произведения. На основе изучения данной проблемы установлено также, что кореферентные наименования характеризуются непосредственным участием в создании эстетического единства текста, позволяют сделать более насыщенными и разнообразными высказывания, способствуют более объёмному представлению описываемого предмета, обогащая текст в семантическом аспекте. Работа имеет междисциплинарный характер и представляет интерес специалистам в области стилистики, интерпретации текста, методики преподавания иностранного языка.

Ключевые слова: обогащение, восприятие, кореферентные наименования.

Abstract. This article deals with the problem of stylistic enrichment of the text of a work of art by means of coreferent titles. The purpose of the study is a deep understanding and interpretation of the text of the work, features of the process of reflection in the act of speech perception. The main content of the study is the identification and analysis of chains coreferent titles from the text of the artwork. It justifies the idea that coreference names play an important role in the stylistic aspect of the analysis of a work of art. Based on the study of this problem, it has also been established that coreference names are characterized by direct participation in the creation of the aesthetic unity of the text, allow making statements more saturated and diverse, contribute to a more volumetric representation of the described subject, enriching the text in a semantic aspect. The work has an interdisciplinary character and is of interest to specialists in the field of stylistics, text interpretation, methods of teaching a foreign language.

Keywords: enrichment, perception, coreference names.

При определении специфики кореферентных наименований в стилистическом обогащении текста следует обратить внимание на то, что один и тот же референт может служить источником появления различных семантических наименований в силу ряда факторов.

В романе Б. Клавеля «В чужом доме» на материале главы 10 выявлены кореферентные наименования (далее КН), референтом которых является магазин, в котором произошли важные для героев события. Уже сам заголовок указывает на активную роль объекта, который является важной точкой опоры в развитии сюжета. Проиллюстрируем это положение следующими примерами:

(1) magasin[1]- pâtissier[2] –magasin[3]- maison[4]- café[5]– confiserie[6]- magasin[7]-bistro[8]- vraie maison de dingue[9] – maison[10].

Как видно из цепочки кореферентных наименований magasin, maison, pâtissier, confiserie передают объективную информацию о рассматриваемом предмете, в то время как café, bistro, vraie maison de dingue несут определённый эстетический заряд, что связано с семантикой их общего значения в контексте всего произведения. Сравним, например, лексические единицы (далее ЛЕ) «magasin», «bistro»:

1.magasin - lieu de depôt de marchandises destinées à étre consérvés ou vendues;

2.bistro (pop.) - café ou marchand de vin, tenant le café.

В словосочетания «vraie maison de dingues» эпитеты «vraie» и «de dingues» способствуют смысловому обогащению анализируемого объекта и высказывания вообще, а также передают некоторую отрицательную оценку. Соотнесенность различных наименований с одним и тем же объектом (референтом) объединяет их в качестве кореферентных, как это было уже указано. И каждый раз объект поворачивается различными своими сторонами к читателю, благодаря смысловым

различиям кореферентных наименований. Об этом очень интересно пишет Н. Д. Арутюнова в работе «Номинация и текст»: «Смысловые различия кореферентных наименований способствуют различным способам представления предмета, выделяя в качестве индивидуализирующих различные его стороны или свойства. Объект, таким образом, репрезентируется либо в единстве всех своих свойств, либо в расчлененном виде, когда из всех его признаков выделяется лишь один, который становится его представителем» [2, с. 304-357].

Рассмотрим данное положение на конкретном языковом материале. В анализируемом романе Б. Клавеля извлечена ещё одна цепочка КН, референтом которых является материальный объект - **велосипед.**

bicyclette[1] - son velo[2] - un vrai engin d'acrobatie[3] - la machine[4]

В первый раз автор использует ЛЕ «bicyclette», которая стилистически нейтральна и не несёт в себе какой-либо образности и стилевой маркированности, представлена именем существительным, нарицательным. Всё это выводится из её дефиниции: bicyclette – appareil de locomation formé d'un cadre portant à l'avant roue directrice commandé par un guidon et à l'arrière, une roue motrice entraînée par un système de pédalier. (Petit Robert) Далее наименование того же предмета определяет ЛЕ «vélo», которая несёт в себе некоторый оттенок фамильярности и предполагает довольно непринуждённые межличностные отношения между говорящими (vélo- abréviation du mot vèlocipède). В третьем случае данное понятие «bicyclette» выражено посредством развернутой метафоры «un vrai engin d'acrobatie». В развернутой метафоре конкретное значение актуализируется с большей полнотой, а образ, создающийся на её основе, обнаруживает тенденцию к символизации, т.е. к приобретению самостоятельной художественной ценности. Центром метафорического развития образа является в данном случае существительное **«engin**», которое втягивает в процесс двойной актуализации и существительное «acrobatie». Данная оценка - это следствие восприятия Морисом данного объекта: «Il avait un guidon **très rèlevé,** de gros pneus ballons et un grand porte-**bagage».**

Стилистическая функция проявляется в этом примере наиболее ярко по сравнению с рассмотренными уже ЛЕ. Его содержательное обогащение включает помимо иронического отношения к предмету речи, указание на фамильярную обстановку, в которой имеет место коммуникативный акт и на неофициальные отношения его участников. Мы также здесь обнаруживаем образный компонент, предопределяемый внутренней формой наименования «engin». Думается, что дополнительные компоненты смысла (по сравнению с нейтральным эквивалентом

«bicyclette») возникают в результате включения в акт общения целого ряда коммуникативных факторов: здесь представлен и межличностный аспект коммуникации (неофициальные отношения собеседников), и позиция говорящего по отношению к предмету речи (ирония), и его стремлению воздействовать на адресата (вызвать такую же оценку факта с его стороны). В последнем предложении выбор ЛЕ «machine» относит данный предмет «bicyclette» к общему классу: machine - véhicule comportant un mécanisme.

В смысловом плане данные кореферентные наименования связаны между собой отношениями синонимии. Рассмотрим кореферентные наименования в плане синонимии, в основе которой находится единое логическое понятие.

Проиллюстрируем это наглядно на примере, извлечённом из новеллы Э. Золя «Капитан Бюрль». Цепочка состоит из 52 кореферентных наименований:

Burle[1]- l'homme[2]- Burle[3]- Burle[4]- ce fainéant[5]-il[6]- le capitaine[7] ce salaud de Burle[8] - Burle[9]- mon cochon de Burle[10]–idiot[11]- cet animal-là[12] - le fils de Burle[13] -le capitaine Burle[14]- Il[15] - le capitaine[16] juponeux[17]- ce sacré juponeux[18] - un homme enterré[19] - Burle[20] - cochon[21]- le capitaine[22] - salaud[23] - Burle[24]- le capitaine[27]- salaud[25] - Burle[26] - Burle[28] - celui-ci[29] - Burle[30] - juponeux[31]- l'animal[32] - monsieur Burle[33] - il[34] - un homme toisé[35] - salaud[36] - le cochon[37]- ce bougre-la[38]- Burle[39]- le brigand[40]- cetidiot[41]- une bete pourrie[42] - ce gredin[43]- Burle[44]- le capitaine[45] Burle[46]- cet animal-la[47]- ce cochon-la[48]- Burle[49] - un capitaine[50] - un poltron[51] - qui tomba comme une masse[52].

Референтом данных наименований является центральный персонаж - капитан Бюрль. Исходя из семантико-стилистического анализа большинства кореферентных наименований и общего контекста произведения, мы приходим к выводу о деградации человека, его вовлечения в порок и в конце концов перед нами встаёт опустившийся морально и физически человек, который в финале новеллы сравнивается с бесформенной массой.

Уже на уровне первичного восприятия цепочки кореферентных наименований мы ощущаем элементы отрицательной оценки, характеризующие данный образ, испытываем чувство антипатии и неприязни. Рассмотрим более подробно приведенный пример. КН[8],КН[24], КН[37] представлены ЛЕ «salaud», salaud - personne meprisable, moralement répugnante (syn. degueulasse, salopard, fumier).

Лексическая единица «salaud» является эмоционально-оценочным клише отрицательного характера. Семантическая структура этой единицы не допускает никакого снисхождения к носителю соответствующего качества. Данная единица стилистически маркирована и выходит за рамки нейтральной лексики.

Просторечная ЛЕ «salaud», основным понятийным признаком которой является резко отрицательная морально-этическая оценка, одновременно используется как фамильярная форма обращения «Dis donc, mon **salaud , tu ne viens pas avec** nous?»

КН[10] представлено ЛЕ «mon cochon». Эту характеристику даёт Бюрлю его друг Лагит, в котором угадывается сам автор. Дадим словарную дефиницию слова «cochon» (loc.fig.) - gros, gras, sale comme un cochon и вслед за ней приведем внешний портрет персонажа: «Le capitain petit et large…ses petits yeux noyés au milieu de face bouffie». В результате сопоставления понятийное ядро «cochon» частично реализуется в контексте и ассоциируется с образом капитана на основе образного восприятия (человека маленького, полного, с маленькими глазками на отёкшем лице). Признак полноты, с которым связан данный образный компонент, является одной из дифференциальных сем данного понятия. Поэтому и представление, положённое в основу номинации приобретает такой конкретно-образный характер в её переносном значении «cochon(fig.) - personne malpropre au physique ou au moral».

Данное определение ЛЕ прекрасно соотносится с рассматриваемым персонажем. В сцене изобличения капитана майором Лагитом в начале повествования, мы видим, что он возмущён подлостью пос**тупка,** который был создан Бюрлем ради собственного ублажения. Низость и мерзость Бюрля становятся определяющими чертами подобного фарса. В нашем примере тотчас же реализуется понятийное ядро ЛЕ «cochon» в его переносном значении, что позволяет ещё раз подчеркнуть признаки моральной нечистоплотности главного героя.

Мы являемся свидетелями реализации как образного, так и эмоционального компонентов в значении анализируемого слова, но следует отметить, что второму, эмоциональному, свойственная большая степень интенсивности признака, то есть ещё раз выражается и подчёркивается сильное моральное опустошение и падение персонажа.

КН[12], КН [32], КН [47]определены лексической единицей «animal», которая указывает на типичную манеру поведения, без каких-либо признаков одухотворённости на морально-этические качества негативного характера (stupidité, grossiérité). По сравнению с КН[5] «fainéant» они воспринимаются более рельефно и дают довольно беспощадную характеристику персонажу. В силу этих факторов образный компонент проявляется сравнительно слабо и снова усиливается эмоционально-оценочный признак, который и входит в число основных дифференциальных сем данного понятия.

КН[17] представлено субстантивированным прилагательным, которое несёт также в себе отрицательную оценку и стилистическую окраску. Значение данной ЛЕ мы интерпретируем вслед за Золя следующимо бразом: juponeux (pop.pej.) - celui qui adore et qui a sa continuelle faim de la femme (Au regiment, on l'avait surnommé «juponeux» pour sa continuelle faim de la femme pour sa rage d'appétit qu'il satisfait n'importe ou et n'importe comment. E.Zola).

Само собой разумеется, что подобная ЛЕ подразумевает неофициальные отношения и очень тесный межличностный контакт говорящих, а также неофициальные условия, в которых протекает общение. В основу номинации положен признак, отражённый семой «развращённость», внутренняя форма рассматриваемой единицы лежит на поверхности, поэтому слово «juponeux», производное от «jupon»- jupe de dessous стилистически окрашено. Развращенность, низость Бюрля усиливается эпитетом-определением «sacré», являющимся антитезой к определяемому слову и указательным местоимением «ce», представленная в КН[18] «ce cacré **juponeux**» (sacré (avant le nom) sert **d'épitète pour** renforser un terme **injurieux** (P.Robert). Тот контраст, который возникает вследствие употребления слов «sacré» и «juponeux» ещё более усиливает ироничное отношение говорящего к капитану Бюрлю, благодаря имплицитным приращениям к основным значениям слов усиливается отрицательная коннотация анализируемого компонента кореферентной цепочки.

КН[19] «un homme enterré» представлено именем существительным и причастием глагола «enterrer» является нейтральной единицей языка, но за счёт второго компонента «enterré» всё высказывание получает в контексте произведения стилистическую окрашенность, так как живого человека называют «homme enterré». Фразу, содержащую это кореферентное наименование, произносит сержант, один из посетителей кафе мадам Мелани Картье. Человек сам далеко не положительный (свидетельством чего является факт его пребывания в данном кафе), он даёт такую уничижающую характеристику главному персонажу. Самодовольный, отупевший, добровольно похоронивший себя в мирке этого захолустного кафе, которое имеет соответствующую репутацию (le sal trou), Бюрль уже не способен на какую-либо целенаправленную деятельность, он живёт ограничиваясь лишь удовлетворением своих низменных потребностей, которые сам называет “les vivres”. Оценочный компонент данного КН усиливается благодаря и интонационному средству - восклицанию. Нарастание обличения Бюрля происходит за счёт актуализации отрицательных компонентов значения следующего КН [42] «bette pourrie». ЛЕ «bette» в

своём переносном значении обозначает крайне отрицательного человека: bette (fig.) - l'homme dominé par ses instincts.

Семантическое ядро ЛЕ «bette» **полностью реализуется** в данном примере, ещё раз подчёркивая все те признаки, которые легли в основу образной номинации-ассоциации. Чтобы ещё более точно и образно определить сущность персонажа, Золя использует усилительную ЛЕ «pourrie» причастие глагола pourrir «pourrie (personne) – moralement corrompu».

Следовательно, данное кореферентное наименование является одним из самых обличающих, называющих вещи своими именами. Центр тяжести в значении кореферентного наименования падает на морально-этические качества характеризуемого персонажа.

Финал новеллы заключается в сцене дуэли между Лагитом и Бюрлем (образы добра и зла). Эта сцена является кульминационной и добро побеждает зло. Чтобы ещё более противопоставить этих двух персонажей автор снова и снова использует такой стилистический приём как антитеза. В частности, он описывает глаза того и другого персонажей, с одной стороны «… les yeux troubles de Burle parut une supplication, d'une prière de grace», и с другой стороны «…les yeux du major restaient implacables, l'honneur parlait, il étranglait son attendrissement de brave homme».

Бюрль терпит поражение и, падая, представляет собой бесформенную **и** тяжеловесную массу «… le **capitaine qui tomba comme** une masse, sans même pousser un cri». Последнее кореферентное наименование как бы ставит точку повествованию, сливая моральный и физический концы данного персонажа.

Таким образом, мы приходим к выводу:

1.Выявление кореферентных имён и определение их роли в стилистическом обогащении текста становится возможным только в том случае, когда всё подчинено выражению главной идеи, связано с особенностями сюжета. В этом мы солидарны с А.У. Мукаевой, которая считает, что цепочка наименований собирается только в том случае, если предметно-изобразительная сторона сюжета выполняет специфические функции [12, с.185]. В нашем примере всё подчинено функции характеризации.

2.Кореферентные наименования играют большую роль в смысловом обогащении текста и в динамике его смыслового развития.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 629-650.

2. Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 304-357.
3. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
4. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. С. 3-42.
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 5-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 576 с.
6. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
7. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 448 с.
8. Блох М. Я. Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 5-11.
9. Блох М. Я. Язык обиходный, язык художественный и общество-языкотворец // Язык. Культура. Речевое общение. 2012. № 1. С. 7-13.
10. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического обследования [Текст]. М. Наука, 1981 – 139 с.
11. Малинина Ю.Ф. Психологические особенности смысловой организации воспринимаемого на слух вербального материала. [Текст]: Автореферат диссертации. АН СССР, М., 1979 – 215 с.
12. Мукаева А.У. Кореферентные наименования материальных объектов в художественном произведении. [Текст] Автореферат, выпуск 177, М., 1981 - 185 с.
13. Тимофеев, Л.И. Основы теории литературы [Текст]: учебное пособие/Л.И. Тимофеев. - 5-е изд., испр. и доп. - М.: Просвещение, 1976 – 548 с.
14. Хованская, З.И., Дмитриева, Л.Л. Стилистика французского языка [Текст]: учебное пособие/ З.И.Хованская,Л.Л. Дмитриева - М.: Высшая школа,2004–415 с.
15. Хованская, З.И. Категория связности и смысловое развитие коммуникации. [Текст] В сб.: Лингвистические проблемы текста. МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980. Выпуск 158 – с. 100 – 118.
16. Юганов В.И. Коммуникативно – информационная структура немецкого микротекста [Текст]: Автореферат диссертации. Калининград , 1980 – 178 с.

.

УДК 811.581.11

Метафоры в рассказе Лао Шэ «Дивный сон» и способы их передачи на русский язык

Скирута Алёна Витальевна
студентка кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Тихоокеанский государственный университет, РФ, г. Хабаровск
2015102657@pnu.edu.ru

Ягуфаров Руслан Ахнафович
старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Тихоокеанский государственный университет, РФ, г. Хабаровск
yagufarov@mail.ru

Metaphors in the Lao She's short story "Vision" and translation methods of metaphors into Russian

Skiruta Alena Vitalievna
student of linguistics and intercultural communication department
Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Yagufarov Ruslan Akhnafovich
senior lecturer of linguistics and intercultural communication department
Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования художественных метафор в рассказе Лао Шэ «Дивный сон» и способы их перевода на русский язык. Авторы статьи анализируют способы передачи художественных метафор, представленных в существующих вариантах перевода данного произведения на русский язык. В качестве одной из основных причин трудностей, возникающих при передаче художественных образов произведения на русский язык, авторы выделяют существенные отличия в грамматической основе исходного и переводящего языков.
Ключевые слова: метафора, троп, перевод, китайский язык, теория перевода.

Abstract. The paper deals with usage of metaphors in the short-story "Vision» written by Lao She, also methods of translation of them are given. The authors analyze the methods of translating Chinese metaphors into Russian. Grammatical differences between the both languages are determined as one of the main difficulties in translating them from Chinese into Russian.
Keywords: metaphor, trope, translation, Chinese language, Theory of translation.

Перевод изобразительно-выразительных средств, в частности метафор, бывает весьма затруднителен для переводчика, будь это начинающий переводчик или профессионал. Происходит это в силу многочисленных факторов, основными из которых можно выделить различия в языковых картинах мира, специфики идеостиля автора произведений, что существенным образом затрудняет задачу переводчику в передаче художественных образов, реализуемых в языковых метафорах.

Согласно Н. Д. Бессарабовой, лингвистическое изучение метафор началось сравнительно недавно, длительное время, по признанию ученых, ею занимались преимущественно представители таких наук, как логика, психология, философия и поэтика [1].

Исследования в теории метафоры начаты Аристотелем, – отмечает Е. Х. Мещерякова, и таким образом насчитывают более двух тысяч лет. Занимаясь проблемами поэтики и риторики, Аристотель рассматривал метафору только как фигуру речи, но не говорил о метафоре как об индивидуальном языковом явлении: «Всякое имя бывает или общеупотребительное, или глосса, или метафора, или украшение, или вновь составленное, или растяженное, или сокращенное, или измененное» [7].

К тому же, как считает Г. Н. Скляревская, несмотря на это, благодаря Аристотелю, сложился, получивший развитие в XX веке взгляд на метафору как на «неотъемлемую принадлежность языка, необходимую для коммуникативных, номинативных и познавательных целей» [5].

Присутствие метафор в художественном тексте является обычным явлением. Будучи средством вторичной номинации, метафоры выполняют значимую роль в художественном произведении, так как художественное произведение в своем роде является отражением авторской картины мира, а метафоры помогают автору ее передать.

В нашем исследовании мы будем опираться на определение метафоры О. И. Глазуновой, которое звучит как «метафора (метафорическая конструкция) – уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования или характеризации других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [2], так как оно более четко характеризует признаки метафоры.

Т. В. Жеребило делит метафоры на три группы:

1) утратившие образность (机翼 – крылья самолета);

2) сохраняющие образность (火海 – море огня);

3) авторские, индивидуально-стилистические метафоры (就把你那翅膀搭拉下来了 - ты опустила крылья) [3].

В данном исследовании мы будем опираться на классификацию Т. В. Жеребило, так как эта классификация включает в себя такой вид метафоры, как авторская, а в художественном произведении авторские метафоры наиболее важны для исследования, так как именно они отражают неповторимость языковой картины мира писателя.

В теории перевода, как правило, интерес для исследования представляет область непереводимого или труднопереводимого. К этой области относится одно из самых ярких образных средств – художественная метафора.

Необходимость найти правильный подход к изучению способов перевода метафоры обусловлена важностью адекватной передачи образной информации и передачи стилистического эффекта исходного текста в переводе.

Кроме того, В. Н. Телия утверждает, что метафоризация, как один из способов смыслопроизводства, займет в теории языка еще более заметное место, чем словообразование, поскольку метафора когнитивно обрабатывает не только номинативные единицы языка – слова и сочетания слов, но и строевые элементы языка, а также любые осмысленные отрезки текста – начиная от высказывания и кончая целым текстом [6].

Наиболее убедительными из существующих на сегодняшний день подходов к переводу метафор нам представляется подход, предложенный В. Н. Комиссаровым. В основу данного подхода положены принципы сохранения и несохранения метафорического образа.

В. Н. Комиссаров разграничивает следующие виды перевода метафор:

1) перевод, основывающийся на том же самом образе (mousy little person «бесцветный мышонок»);

2) перевод, основывающийся на ином схожем образе (a ray of hope «проблеск надежды»);

3) дословный перевод метафоры (as black as sin «черен, как грех»);

4) неметафорическое объяснение (as large as life «в натуральную величину») [4].

Опираясь на изложенные выше результаты исследования теории перевода метафоры в художественном тексте, мы проанализировали художественные метафоры, встречающиеся в рассказе «Дивный сон» (微神), написанного известным китайским писателем Лао Шэ.

Знаменитый китайский прозаик 老舍Лао Шэ (настоящее имя Шу Цин-чунь) родился в 1899 году. По национальности Лао Шэ был маньчжуром. После окончания

педагогического училища он работал в учебных заведениях Китая. С 1924 по 1929 годы он преподавал китайскую словесность в Лондонском университете, где начал свою литературную деятельность, опубликовав три романа из жизни пекинской молодежи и китайских эмигрантов в Англии [8]. Именно к этому периоду творческой карьеры писателя и относится рассказ «Дивный сон».

В рассматриваемом рассказе описывается история первой любви главного героя, от лица которого ведется повествование. Метафоры в рассказе показывают нам особое восприятие главного героя окружающих его людей и жизненных ситуаций, с которыми он сталкивается. В его душе зарождается чистая, искренняя, большая любовь. Она его будто окрыляет, поэтому всё вокруг главного персонажа оживает и цветет. Автор использует метафоры, связанные с описанием элементов живой природы, которая такая же естественная, как и любовь. Главный герой везде пытается найти какие-то сходства с миром живой и неживой природы, связывает свои чувства и переживания с миром цветов, растений и атмосферных явлений, выражает тем самым свое мироощущение.

Приведем несколько примеров передачи авторских метафор при их переводе на русский язык.

При переводе метафоры诗的珠子 («стихи-жемчужины») переводчик использует способ перевода, основывающийся на том же самом образе. В оригинальном словосочетании используются аттрибутивные синтаксические связи между двумя словами, оформленные частицей 的, в русском же переводе автор задействует примыкание, оформленное дефисом.

Метафора с элементами персонификации 节气晚了 (букв. «сезон запоздал») передана на основе схожего образа. При переводе автор применил конкретизацию (节气 – «сезон», в переводе: *весна*), исходя из того, что ранее автор упоминает о дне 清明 («цинмин») ‘период года с 5 или 6 апреля, отнесён к первой половине 3-го лунного месяца’, мы понимаем, что это середина весны, но для русскоязычного читателя автор использовал слово «весна». Таким образом, переводчик сохраняет стилистический прием, основанный на персонификации, одновременно задействовав конкретизацию.

При передаче на русский язык метафорического оборота с элементами олицетворения 心灵飞 (букв. «душа летела») переводчик использует лексическую замену и переводит его как “душа рвалась».

В переводе данного произведения нами также была обнаружена метафора с совпадающими образами в обоих языках. Метафора 小鸟的相唤 (букв. «перекличка птиц») в русском языке совпадает с буквальным переводом метафоры на китайском языке. Лексическая перестановка в словосочетании при переводе на русский язык связана с синтаксическими особенностями расположения определяемого и определения в китайских словосочетаниях с аттрибутивной связью.

В некоторых случаях переводчик использовал неметафорическое объяснение. Например, метафора 腮上的两片苹果比往常红 («всегда румяная»), дословный перевод которой «два яблочка на щечках, которые были румянее, чем обычно», построена на сходстве формы и цвета щечек смущённой и влюбленной девушки и красными яблочками. Однако при переводе потерян авторский образ щёчек-яблочек на лице возлюбленной главного героя, что, по нашему мнению, является не самым удачным переводческим решением.

Метафора 初恋是青春的第一朵花 (букв. «первая любовь – это первый цветок весны») построена на ассоциации автора первой любви и первых цветов – подснежников, и то, и другое вызывает приятные эмоции. В данном случае образы «первая любовь» и «первые цветы» у реципиентов китайского и русского языков совпадают, поэтому способом передачи данной метафоры является синтаксическое уподобление (или дословный перевод): «первая любовь – это первый весенний цветок».

Часто при несовпадении образов в метафоре переводчики пытаются найти эквиваленты или аналоги этих образов. Так, например, при передаче метафоры 是她打开了我的爱的园门 (букв. «именно она открыла двери в сад моей любви») был изменен образ «двери в сад любви» на образ «мир любви», который существует в русском языке, тем самым расширив его. Таким образом, переводчик применил генерализацию, сохранив метафору в рассказе («ведь именно она открыла мне мир любви»).

Метафора黄线 (букв. «желтая нить/линия»), под которой мы понимаем дорогу, имеет аналог в русском языке «желтая полоска».

Метафора 父亲的烟是无底的深坑 (букв. «опиум отца – это бездонная пропасть») основана на сравнении дорогостоящего опиума и пропасти, она служит для усиления эмоционального влияния на главного героя, потому что для девушки это является причиной, почему она стала проституткой. По этой причине данный прием важно сохранить, однако переводчик использует стилистический прием, заключающийся в

олицетворении: «опиум для отца поглощал уйму денег», также ему пришлось применить добавление слова «деньги», так как этого требуют нормы переводящего языка.

Метафора – это изобразительно-выразительное средство, предназначенное для обозначения одних объектов действительности, употребляются для наименования или характеризации других объектов на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков.

В рассказе «Дивный сон» автором произведение активным образом используются метафоры, связанные с образами живой и неживой природы. Мы можем отметить, что во многих случаях переводчик находит способы передачи метафор, полностью или частично воспроизводя их смысловые составляющие. Но чаще всего при передаче метафор переводчик старается сохранить смысл передаваемого образа, а не сам стилистический прием, его реализующий, что, на наш взгляд, является важнее, поскольку, ввиду различий в грамматическом строе китайского и русского языков, буквальная передача оригинальных авторских метафор на язык перевода представляется весьма затруднительной.

Список литературы

1. Бессарабова Н. Д. Изобразительные и выразительные возможности метафор в газетно-публицистической речи. – М.: РГБ, 2006. – 225 с.
2. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. – СПб., 2000. – 190 с.
3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1990. - 253 с.
5. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПБ.: Наука, 1993 – 150 с.
6. Телия В. Н. Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
7. Мещерякова Е. Х. О метафоре. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://it-claim.ru/Library/Books/ITS/wwwbook/ist6/mesharecova/ mesharecova.htm (дата обращения – 29.09.2018).
8. Лао Шэ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.synologia.ru/a/%D0%9B%D0%B0%D0%BE%20%D0%A8%D1%8D (дата обращения – 15.05.2019).

УДК 81-26 347.78.034

К вопросу изучения политических концептуальных метафор и особенности их перевода

Чернышева Анна Алексеевна
магистрант кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике
Южный федеральный университет, РФ, г. Ростов-на-Дону
chernysheva@sfedu.ru

Concerning the question of political conceptual metaphors in translation

Chernysheva Anna Alekseevna
Master's Degree Student of Translation and Information Technology in Linguistics department
Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода метафор. Анализ осуществляется с позиции концептуальной теории метафоры. Рассмотрена классификация переводческих трансформаций и предложены примеры концептуальных метафор в текстах политического медиадискурса, раскрывающие причины использования данных трансформаций.

Ключевые слова: концептуальная метафора, картина мира, переводческие трансформации, политический дискурс

Abstract. The article deals with the problems of metaphor translation. The analysis is based on the conceptual metaphor theory. The article considers the classification of translation transformations and offers examples of conceptual metaphors in the political media discourse that reveal the reasons for the use of the transformations.

Key words: conceptual metaphor, worldview, translation transformations, political discourse.

В настоящее время изучение метафорических оснований высказываний позволяет не только понять основы мышления и особенности языковой личности, но и адекватно воссоздавать метафорические единицы на другом языке. По мнению Н. Д. Арутюновой, «…центр тяжести в изучении метафоры переместился из филологии в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам» [2, с. 5].

Особый интерес вызывает применение позиций когнитивной теории метафоры при переводе метафорических единиц. Одной из ключевых проблем для переводчика при поиске эквивалентов является воспроизведение смыслов, сформированных в другой картине мира. Дж. У. Андерхилл определяет «измерения» картины мира, включая картину мира, заложенную в системе языка, отдельной культуры и отдельной личности [7]. Разнообразие культурного поля, в котором формируется и существует отдельная личность, задает ценностно-смысловые координаты

действительности, выступающие источником поступков и действий. То есть «…базовые метафоры как базовые модели мира включают в себя аксиологические основания, а также этические следствия, вытекающие из той или иной модели мира, других людей, самого себя» [11, с.7].

Широкое влияние на исследование метафоры оказали работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона по разработке теории концептуальной метафоры, которая исходит из того, что выстраиваемые «метафорические концепты», при наличии уже существующих изолированных характеристик сходства, обеспечивают частичное понимание одного вида опыта на основе другого вида опыта [8]. Метафора становится инструментом, «который мы имеем в нашем распоряжении для преобразования действительности в мир, способный адаптироваться к целям и задачам человека» [1, с.85]. В сознании человека с помощью концептуальных метафор сложные абстрактные понятия воспринимаются через простые и конкретные.

В рамках политических текстов концептуальная метафора интерпретируется как способ мышления или языковое явление, а также как способ убеждения, поскольку помогает сформировать «правильную» картину мира.

Одним из важных положений книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона является тезис о том, что метафоры образуют систему. Поскольку каждому метафорическому концепту присуща системность, то и метафорические выражения, порождаемые одним концептом, образуют согласованную систему.

Дж. Лакофф и М. Джонсон классифицировали основные и наиболее часто встречающиеся метафоры в английском языке. В данной работе при выборе метафор приоритет был у метафор, сфера-мишень которых описывается концептами ПОЛИТИКА (ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ), СТРАНА (ГОСУДАРСТВО).

Рассмотрим структурную метафору СПОР – ЭТО ВОЙНА, котрая получает реализацию в одной из статей Fox News:

1. The president can actually ***win this fight*** if he continues to portray himself as the person who is willing to compromise.
2. President Trump can still ***pull off a victory*** over the Democrats.
3. It would be “wise” of the president to pursue a deal in order to ***win*** “persuadable voters in the middle” who can come to his side in 2020 [14].

При переводе целого комплекса метафорических выражений важно сохранить системность, которая позволяет проследить прагматические стратегии. В данном случае разногласия между президентом США и Конгрессом, вылившиеся в самую долгую приостановку в работе правительства, анализируются автором СМИ,

претендующего в США на звание нейтрального, в терминах войны. Однако, учитывая частое высвечивание поступков республиканцев данным изданием в положительном свете, очевидно, что автор при помощи концептуальной метафоры определяет президента Д. Трампа, как потенциального победителя в этом сражении.

Метафорическая системность имеет функцию выделения и скрытия. «Метафора высвечивает одни свойства и в то же время скрывает другие» [8, с.171], тем самым становясь инструментом непосредственной манипуляции для изменения психологического состояния. Например, структурная метафора СТРАНА – ЭТО СЕМЬЯ, широко используется в политических выступлениях и подчеркивает важность единства и поддержки, несмотря на все проблемы. Данная метафора получает применение в речи сторонника президента США по вопросу приостановки работы правительства, наносящей серьезный ущерб всем гражданам, занятым в государственном секторе:

It is a little bit of pain, but it's going to be for the future of our ***country, and their children and their grandchildren and generations*** after them will thank them for their sacrifice [15].

Ассоциативные связи, возникающие на основе выявления сходств и различий объектов и явлений, задают новые смыслы, определяющие понимание и отношение индивида к некому моменту действительности. Такие связи составляют базу концептуальной метафоры и формируются из опыта, то есть непосредственного взаимодействия с материальным миром. Политическая ситуация может концептуализироваться как погодные условия. Данный домен - это обычная исходная область для передачи абстрактных концепций изменений. Неблагоприятные природные условия подразумевают интенсивные изменения. Такое использование основано на знании источника разрушительного потенциала погоды, которая так часто встречается в нашей жизни. Концептуальная метафора ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ – ЭТО ПОГОДНЫЕ УСЛОВИЯ дает характеристику серьезных последствий приостановки американского правительства:

The drizzle of effects of the government shutdown morphed into a ***downpour, a winter storm*** of disruption, dysfunction and desperation that shocked stubborn politicians into action [16].

Согласно «закону сохранения метафоры» [3] при переводе по мере возможности необходимо сохранить метафорический образ. Передача метафорического образа влияет на прагматику, а также насколько точно переданы

интенции автора и учтены социально-культурные, психологические и иные различия между представителями двух языковых культур.

Существует ряд теоретических подходов, изучающих правила и приемы, то есть переводческие трансформации, применяемые для перевода метафор.

В исследованиях Я. И. Рецкера, В. Н. Комиссарова, Т. А. Казаковой выделяются переводческие приемы, производимые на грамматическом, лексическом, семантическом и синтаксическом уровнях.

Т. А. Казакова в своей книге «Практические основы перевода» сформулировала следующие способы преобразования метафор [6]:

1. Полный перевод: если в языке оригинала и языке перевода совпадают правила сочетаемости и традиции выражения эмоционально-оценочной информации. Приведем пример: With the 2020 presidential election cycle already underway, we know that our ***democracy is vulnerable*** [18]. – Поскольку президентский избирательный цикл 2020 года уже начался, мы знаем, что наша ***демократия уязвима*** [12]. Онтологическая метафора ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО СУЩНОСТЬ, как в языке оригинала, так и в языке перевода, подчеркивает первостепенность независимости для государства и подверженность угрозам одного из инструментов принятия решений (президентские выборы), который воспринимается как объект, требующий защиты.

2. Экспликация и импликация (добавление и опущение): если мера подразумеваемого подобия в языке оригинала и языке перевода различна. В следующем примере используется прием опущения: After Trump's first two years in office, the Russians have probably found that they ***bet on the right horse***, and it's likely they'll take steps to support his candidacy in 2020 [18]. – После первых двух лет пребывания Трампа на посту президента россияне, видимо, поняли, что не ошиблись, ***сделав на него ставку***, и, вероятно, они предпримут шаги для того, чтобы поддержать его кандидатуру в 2020 году [12]. Для обеспечения адекватного перевода структурной метафоры ПОЛИТИКА – ЭТО ИГРА, опущено ‘***right horse***’, что привело к частичной потере прагматической составляющей. Автор, используя данную метафору, намекает на неограниченное манипулирование российским государством действиями американского президента.

3. При лексическом или ассоциативном несоответствии между элементами метафоры в исходном языке и языке перевода используется прием замены: "***All options are on the table***," Trump told reporters Wednesday when asked if he might use military force to ensure the outcome he wants in Venezuela [17]. – «***Возможны любые***

варианты действий, – заявил в среду Трамп репортерам, отвечая на вопрос о том, применит ли он военную силу, чтобы обеспечить желаемый результат в Венесуэле [10]. В данном случае ориентационная метафора ИЗВЕСТНОЕ – НА ПОВЕРХНОСТИ, выраженная как ‘***all options are on the table***’ заменена неметафорическим выражением при переводе, хотя прагматика передана полностью.

Данные приемы перевода метафорических выражений относятся к наиболее распространенным. З. С. Дотмурзиева выделяет переводческие трансформации уже с точки зрения сохранения прагматического потенциала: калькирование, добавление, опущение, генерализация, дескрипция, конкретизация, авторские неологизмы, сноски, замена образа [5].

По мнению А. В. Немировской, «адекватный перевод метафоры достигается при использовании различных приемов перевода, поскольку адекватность перевода определяется сформированностью определенных когнитивных структур в сознании переводчика и тем, как он может ими оперировать» [9, с. 62]. И поскольку невозможно полное совпадение концептуальных систем, часто вместо метафоры при переводе используется толкование, сравнение или описательный перевод. Избранный прием перевода должен не только сохранить прагматическую составляющую, но и помочь избежать переводческих ошибок. В следующем примере автор, прибегая к буквальному переводу, искажает концептуальную метафору: Putin "is clearly trying to send a message to the United States, that he can play ***in our backyard***," former US assistant secretary of defense Derek Chollet told CNN at the time [13]. – Путин «явно пытается послать сигнал Соединенным Штатам, что он может вести игру у нас на ***„заднем дворе"***», — сказал тогда в интервью Си-эн-эн бывший помощник министра обороны США Дерек Чоллет (Derek Chollet) [4].

Тексты политической коммуникации и политические концептуальные метафоры отражают процессы интенсивного развития современного языка. Несколько примеров, рассмотренных в данной статье, показали, что разные языки иногда используют идентичные, иногда разные концептуальные метафоры. Поскольку концептуальная метафора может включать многоуровневую информацию, а также дополнительные интертекстуальные элементы, переводчик, чтобы избежать потери информации и переводческих ошибок, должен правильно оценить и распределить значения, содержащиеся в каждой метафоре,

Таким образом, при переводе политических концептуальных метафор для достижения адекватности и прагматической ориентированности переводчик должен

правильно выбрать прием перевода, а также осмыслить когнитивную структуру метафоры в исходном языке.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.История и тропология: взлет и падение метафоры./ пер. с англ. М.Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева - М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник.- М.: Прогресс, 1990. 512 с.
3. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое/В. Г. Гак//Метафора в языке и тексте. -М.: Наука -1988. 174 с.
4. Джек Гай Почему Китай, Россия и Турция поддерживают Мадуро — на «заднемдворе» США [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/politic/20190130/244484064.html (дата обращения: 30.01.2019).
5. Дотмурзиева З. С. Прагматика англоязычного художественного текста и проблемы прагматики его перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пятигор. гос. лингвистический ун-т. Пятигорск, 2006. 20 с.
6. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian. СПб.: Союз, 2001. 320 с.
7. Камышева О.С., Кузина Ю.В. Метафора в картине мира идеологического дискурса // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4. — С. 319–323.
8. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. - М.: «Едиториал УРСС», 2004. 256 с.
9. Немировская А. В. Метафора турецкого художественного текста как объект перевода // Вестник ИГЛУ. — 2009. — №4. — С. 57-62. (8). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-turetskogo-hudozhestvennogo-teksta-kak-obekt-perevoda (дата обращения: 30.01.2019).
10. Николь Гоэтт Заявление Трампа по Венесуэле создает условия для конфронтации [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/politic/20190124/244447089.html (дата обращения: 28.01.2019).
11. Петренко В. Ф. Базовые метафоры психологических теорий // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2013. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-metafory-psihologicheskih-teoriy (дата обращения: 24.01.2019)
12. Саманта Виноград Сигнал, который Трамп своим молчанием отправляет России, вызывает беспокойство [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/politic/20190129/244473651.html (дата обращения: 28.01.2019).
13. Jack Guy Why China, Russia and Turkey are standing with Maduro—in the US's backyard [Электронный ресурс]. URL: https://edition.cnn.com/2019/01/29/americas/venezuela-geopolitical-battle-intl/index.html (дата обращения: 30.01.2019).
14. Joseph A. Wulfsohn Trump can win this fight' against Dems by compromising on border wall: Marc Thiessen [Электронный ресурс]. URL: https://www.foxnews.com/politics/trump-can-win-this-fight-against-dems-by-compromising-on-border-wall-marc-thiessen (дата обращения: 24.01.2019).
15. Lindsey Bever Lara Trump tells federal workers that their missed paychecks are sacrifices for the 'future of our country' [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/2019/01/23/lara-trump-tells-federal-workers-their-missed-paychecks-are-sacrifices-future-our-country/?utm_term=.f44a3aab997b (дата обращения: 01.2019).

16. Marc Fisher How the shutdown ended: Americans just had it up to here [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/how-the-shutdown-ended-americans-just-had-it-up-to-here/2019/01/25/11a19848-20d4-11e9-8b59-0a28f2191131_story.html?utm_term=.0167e3f0199f (дата обращения: 27.01.2019).
17. Nicole Gaouette Trump's declaration on Venezuela sets stage for confrontational moment' [Электронный ресурс]. URL: https://edition.cnn.com/2019/01/23/politics/venezuela-us-showdown/index.html?no-st=1548305280 (дата обращения: 28.01.2019).
18. Samantha Vinograd The disturbing signal Trump's silence sends to Russia [Электронный ресурс]. URL: https://edition.cnn.com/2019/01/27/opinions/presidential-weekly-trumps-silence-signals-to-russia-vinograd/index.html (дата обращения: 28.01.2019).

УДК 82

Экфорема в произведениях И.А. Бунина

Чэнь Вэй
Аспирант, Гуандунский Университет
Иностранных Языков и Международной Торговли
Najia0802@163.com

Akforum in the works of I. A. Bunin

Chen Wei
Graduate student, Guangdong University of Foreign Languages
and International Trade

Аннотация. С непрерывным развитием общества и изменением контекста и самого языка понимание и овладение теорией об экфореме становится необходимым способом для подлинной реализации межкультурной коммуникации. Экфорема – это вариант и трансформация логоэпистемы в новом контексте. Она может выражать иронию, субъективную оценку и другие значения в разных контекстах. В данной статье, используя произведения И.А. Бунина как источник корпуса данной работы, будем исследовать формы образования и функции экфорем в текстах, что поможет нам осуществить межкультурную коммуникацию в реальном контексте.

Ключевые слова: экфорема; логоэпистема; межкультурная коммуникация

Abstract. With the development and changes of the context and the language itself, understanding and mastering the theory of "ekforema" is becoming a necessary way for truly realization of intercultural communication. "Ekforema" is a version and transformation of "logoepistema" in new context. It can express irony, subjective judgment, and other meanings in different situations. In this article, we will use works of Ivan Bunin as corpus source and explore the formation and functions of "ekforema" in texts, which will help us achieve intercultural communication in real life.

Key words: ekforema; logoepistema; intercultural communication

В настоящее время с непрерывным развитием общества и обменов между странами, межъязыковая и межкультурная коммуникация становится всё более популярной. Но для осуществления межкультурной коммуникации непросто. Для этого требуется не только достижение определенного уровня языка, но и глубокое понимание культуры другой нации, что часто является важным фактором, влияющим на эффект межкультурного общения. Понимание культурной информации можно рассматривать как некие «фоновые знания». Однако язык не стоит на месте, и быстрое развитие общества привело к постоянному обогащению языка. Понимание и адаптация к различным изменениям языка, основанным на «фоновых знаниях», является эффективным способом достижения межкультурной коммуникации в современном обществе. А экфорема является одним из таких «языковых изменений» в современном обществе. Овладение соответствующими знаниями об экфореме может помочь нам по-настоящему реализовать межкультурную коммуникацию в реальной жизни.

Чтобы понять экфорему, мы должны сначала понять два других термина в лингвокультурологии: прецедентный феномен и логоэпистема.

Прецедентный феномен как отражение экфоремы

Выдающийся русский философ, мыслитель, культуролог и исследователь языка Михаил Михайлович Бахтин писал: «Я живу в мире чужих слов. И вся моя жизнь является ориентацией в этом мире, реакцией на чужие слова» (Бахтин 1979: 119). И эти “чужие слова” имеются в виду «прецедентных текстов». На этой основе Красных считает, что у прецедентного феномена следующие особенности: «1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция), к которым постоянно повторяется в речи представителей того или иного этноса» (Красных 2003: 170). Прецедентный феномен делится на два типа: 1) вербальные: прецедентное имя и прецедентное высказывание; 2) невербальные: прецедентный текст и прецедентная ситуация. Следует отметить, что во внутренней системе прецедентных феноменов эти четыре типа прецедентного феномена существуют плановыми связями (王臻 2011: 59).

Экфорема как вариант логоэпистемы

Теория о логоэпистеме

Одной из самых прогрессивных теорий из лингвокультурологии является теория о логоэпистеме, которая введена В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой. Термин «логоэпистема» составлен из греческих лексем «логос» (язык, речь, учение,

смысл) и «эпистема» (знания, сочетание, система идей, ведущая к знанию, пониманию). Буквально, этот термин выражает знания, хранящиеся в языковых единицах. По мнению Костомарова и Бурвиковой, суть термина «логоэпистема» можно рассматривать как «знания, хранящие в слове». Они считают, что логоэпистема – это «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка и в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» (Костомаров, Бурвикова 2001: 39).

Следует подчеркнуть, что логоэпистема в качестве знаковой отметки обладает двойной характеристикой. Она представляет собой и языковую единицу, и культурную единицу, которая требует осмысления на двух уровнях: на уровне языка и на уровне культуры. (Костомаров, Бурвикова 2001: 39). В качестве промежуточной единицы она является не только культурной, но и языковой единицей. Другими словами, логоэпистема по форме – языковой знак, отражающий не только знания или историю, но и понятие о ценностях, мировоззрение, нравственные понятия и эстетический вкус народа.

Теория об экфореме

Костомаров и Бурвикова отмечают, что чтение и понимание современных русских текстов фактически является разгадыванием загадок. После долгосрочной насильственной стерилизации и строгого нормирования языка, существует такой факт, что чужое слово начинает встречаться в прочитанном или услышанном тексте, и данное чужое слово работает на пробуждении у адресата самостоятельной мысли., отмечают Костомаров и Бурвикова (Костомаров, Бурвикова 2001: 61). Конкретное употребление и модификация логоэпистемы в разных ситуациях называется «экфорема».

Употребление логоэпистем в текстах очень оживленное и богатое, проявляя межкультурную, межтекстовую и межъязыковую особенность. Опираясь на соответствующие исследования, учёные выделяют два аспекта для продолжения исследования употребления логоэпистем – экфорема – в текстах: 1) во внутреннем аспекте – логоэпистемы в текстах; 2) во внешнем аспекте – текст как логоэпистема и межтекстовые связи (彭文钊, 赵亮 2006: 199-209). Мы будем использовать этот способ для исследования экфорем в произведениях Бунина.

Реализацию логоэпистем в текстах можно исследовать в двух направлениях: рождение и осмысление. С одной стороны, процесс цепи рождения начинается с прецедентного текста, через рождение логоэпистемы, и заканчивается экфоремой. С

другой стороны, процесс цепи осмысления начинается с экфоремы, через логоэпистемы, и, наконец, заканчивается прецедентным текстом. В связи с этим существует внутренняя связь между прецедентным текстом, логоэпистемой и экфоремой (彭文钊, 赵亮 2006: 199-200). Здесь термин «прецедентный текст» немного отличается от того, который является одним из типов прецедентных феноменов, рассказан выше. У прецедентного текста здесь более широкий размах. Он является совокупностью информации, т.е. фоновыми культурными знаниями.

Экфорема в произведениях И.А. Бунина

В данной статье в качестве корпуса выбраны «Суходол», «Митина Любовь» и «Жизнь Арсеньева».

(1) – Сирота-с. Вся в господ своих. Бабушка-то ваша Анна Григорьевна куда как рано ручки белые сложила! Не хуже моего батюшки с матушкой (Бунин 1970: 159).

Это воспоминание Натальи о том, когда бабушка скончается. Идиома «белые ручки» этимологически происходит от пословицы «Белые ручки чужие труды любят» (Даль 2002: 449), которая выражает то, что человек любит праздность и ненавидит труд, а также выражает высокопоставленного человека. Несомненно, что «моя» бабушка по общественному положению выше, чем Наталья. В связи с этим Наталья от уважения к ней использует «белые ручки» из пословицы.

(2) – Так бог дал. Батюшку господа в солдаты отдали за провинности, матушка веку не дожила из-за индюшат господских (Бунин 1970: 160).

Эти слова Натальи говорят о том, что она мирится с судьбой. У неё горькая участь, но она не сопротивляется ей. «Так бог дал» проистекает от пословицы «Бог дал, бог и взял» (Даль 2002: 279). А эта пословица берёт своё начало из Библии. «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» [http://bible.optina.ru/old:iov:01:21]

Пословица выражает безропотное смирение при большой потере, как Наталья делает. Здесь «Так бог дал» является экфоремой, её логоэпистем – «Бог дал, бог и взял».

(3) Петр Петрович повернул на первых порах жизнь в Суходоле на новый лад – на праздничный и барский (Бунин 1970: 177).

В России существует выражение – «Старая погудка (песня) на новый лад» (Даль 2002: 264), которое обозначает то же самое, но в другом виде. Здесь писатель только использует половину пословицы, но выраженная мысль неизменяемая. После того как Петр Петрович вернулся, жизнь в Суходолу изменилась.

(4) «Не в терем, а просто на порог не пускал бы всю эту якобы артистическую богему, всех этих будущих знаменитостей из студий и консерваторий, из театральных школ» (Бунин 1970: 284).

«Богема» – одно из названий цыган во французском языке – bohémiens – буквально «богемцы», жители Богемии, области на территории нынешней Чехии, где в Средние века жило много цыган. Это слово появилось во французском языке в первой половине XIX века и приобрело большую популярность после публикации романа Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы» (1849) и особенно после постановки знаменитых опер Пуччини (1896) и Леонкавалло (1897) с одинаковым названием «Богема». Это слово характеризует людей, которые романтические и наилучшие в областях искусства и литературы. И существуют выражения «светская львица» и «литературная богема», ставшие логоэпистемой.

Здесь автор, с помощью замены слова в «литературная богема», использует выражение «артистическая богема» для того, чтобы выразить презрение Мити к этим людям, которые занимаются художественной деятельностбю, особенно театральной, как Катя. И это тоже выражает непонимание и неуважение Мити к мечте Кати, что предвосхищает исчезновение их любви.

(5) – А я не представляю себе любви без ревности. Кто не ревнует, тот, по-моему, не любит (Бунин 1970: 290).

Выражение «Кто не ревнует, тот, по-моему, не любит» ассоциируется с публицистикой первых лет советской власти, например, со словами В.И. Ленина: «Кто не работает, тот да не ест».

Здесь, употребляя популярную структуру предложения, писатель изменяет ключевые слова, что точно выражает мнение писателя, и позволяет читателей скоро напоминать оригинальное предложение.

(6) «Как-то сразу превратилась Катя с наступлением весны как бы в какую-то молоденькую светскую даму, нарядную и все куда-то спешащую» (Бунин 1970: 290).

В России существовали выражения «светская львица» и «дама полусвета», которые обозначают женщин, находящихся в любовной связи и на содержании знатных, влиятельных господ. Они не принадлежали ни к «высшему свету», ни к беднейшему сословию общества.

Данное явление как социальная группа возникло в европейских столицах в 30-х годах XIX века – в эпоху расцвета светской жизни, формирования полусвета, зарождения богемы и СМИ, чтения романов.

Здесь писатель отмечает то, что Катя постепенно превратилась в «светскую даму», вместо выражения «светская львица» и «дама полусвета». На наш взгляд, это говорит о том, что Митя оставил любовь к Кате, и он не хочет описывать свою любимую девушку невыразимыми словами.

(7) «А за всем тем, любезный мой Вертер из Тамбова, все же пора бы понять, что Катя есть прежде всего типичнейшее женское естество и что сам полицеймейстер ничего с этим не поделает» (Бунин 2009: 3).

«Вертер» –герой романа «Страдания молодого Вертера» (1774) И.В. Гете. Это роман о любовной трагедии молодого дворянина – Вертер. Распространение романа вызвало в Европе волну подражающих самоубийств, что впоследствии было названо эффектом Вертера. Протасов называет Митю «Вертер из Тамбова», потому что Тамбов – это место рождения Мити. Митя тоже покончил свою жизнь самоубийством. Можно сказать, у Мити и Вертера схожая судьба и испытание по любви.

(8) «В самом деле было похоже на то, что свет клином сошелся, что юнкер Шмит из пистолета хочет застрелиться! Ну, что ж, сошелся так сошелся, думал он и опять возвращался к песне…» (Бунин 1970: 293).

В России существует пословица: Свет не клином сошелся на ком-чем. Она означает, что кто-либо или что-либо не является единственно возможным выбором. И эту пословицу употребляет Протасов в предыдущем тексте, чтобы убедить Митю в том, что есть ещё и другие хорошие девушки в мире. Но Митя отвечает: «Сошелся так сошелся». Это выражение представляет собой вариант «свет (не) клином сошелся», по-нашему, ответ и филиация данной пословицы. Поэтому оно выступает в качестве варианта логоэпистемы – экфорема.

(9) «… у изголовья которой стоит “черничка”, опрятная пожилая отроковица и, не поднимая длинных ресниц, однообразно читает наставительным, высоким и странным голосом, который отец с неприязненной усмешкой назвал серафическим…» (Бунин 1987:235)

Серафим – высший ангельский чин в иудейской и христианской традиции с огненным мечом на руках. Согласно различным упоминаниям из апокрифических и канонических источников, серафимы есть ангелы, стоящие вокруг Бога. «Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» [http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/isaija/txt06.html]

В этой части книги писатель описывает образ черницы, которая читает наставительным, высоким и странным голосом. Очевидно, «отец» недоволен ей и её

голосом, который называет серафическим, но с неприязненной усмешкой. Серафим здесь играет роль в знак иронии, что выражает насмешку отца над этой черницей, когда она читает библейский текст. Потому что она делает вид, как будто она святая и стоит вокруг Бога.

(10) «Три года готовили меня к этому знаменательному дню, а меня только заставили помножить пятьдесят пять на тридцать, рассказать, кто такие были Амаликитяне…;

– на радость всем и даже матери, на радость очень непонятную, ибо совершенно справедливо говорил отец: – И на чорта ему эти Амаликитяне;

На что мне были Амаликитяне?» (Бунин 1987: 236-242)

Слово «амаликитяне» встречается три раза в первой книге «Жизнь Арсеньева». Амаликитяне – это древнее племя семитского происхождения, кочевавшее в степях каменистой Аравии на юге от Палестины. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Амаликитяне]

Но вопрос «Кто такие были Амаликитяне» совершенно не важен в данном контексте. Поэтому писатель здесь употребляет это название в качестве зряшных знаний. По мнению героя и его отца, им совсем не нужно знать, кто есть Амаликитяне. В связи с этим отец Алексея говорит: «И на чорта ему эти Амаликитяне?» И Алексей сам тоже думает: «На что мне были Амаликитяне?»

Заключение

Феномен об экфореме, на самом деле, не редко встречается в текстах современного общества, особенно в СМИ. Некоторые исследователи уже обратили внимание на такой языковой феномен. И они связывают такой феномен с изменениями общества, особенно с распадом СССР. Но после анализа творчеств Бунин, мы отмечали, что экфоремы употребляются уже давно. И существует мало исследований об экфореме в художественных произведений. Использование экфорем обогащает смысл языка в произведениях Бунина и позволяет стиль его творчеств более неповторимым. Исследование экфоремы помогает нам не только понимать тексты и общаться, но и реализовать межкультурную коммуникацию, и в то же время помогает нам развивать и обогащать язык и вносить в него больше изменений.

Список литературы

1. 彭文钊, 赵亮. 语言文化学 [M].上海:上海外语教育出版社，2006.
2. 王臻. 语言先例现象探索 [M].哈尔滨: 黑龙江大学出版社，2011.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества [М]. М.: «Искусство», 1979.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа[М]. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002.

5. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино: из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века [М]. Санкт-Петербург: Златоуст, 2001.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [М]. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Языковой материал

1. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева [М]. М.: Молодая гвардия, 1987.
2. Бунин И.А. Избранное, «Художественная литература» [М]. М.: Издательство «Детская литература», 1970.

УДК 81

Концепт Грусть в русском языковом сознании (на фоне сравнения с китайским концептом)

Яо Жун
Аспирант, Санкт-Петербургский Государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
yao730@yandex.ru

The Concept of sadness in Russian language consciousness (in comparison with Chinese concept

Yao Rong
Postgraduate, Saint Petersburg University
Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепта Грусть в русском языковом сознании. Актуальность работы определяется тем, что концепт негативной эмоции Грусть занимает уникальное место в русской языковой картине мира, но он остаётся непонятным и малодоступным для большинства иностранных учащихся. Исходя из представления о единстве речемыслительного акта, в котором языковое и логическое содержание представлены совместно, исследуем образное понятие и смысловые постоянные концепта Грусть. На основе изучения материалов в Национальном корпусе русского языка выделены все эпитеты, которые употребляются в сочетании со словом *грусть*, и классифицированы типичные, реальные и образные признаки концепта Грусть. Установлено, что эти признаки проявляются либо сам по себе, либо извне, иначе по авторскому произволу. А денотаты, которые проявляются семантическими константами доказывают суть концепта Грусть. В отличие от русского представления, понятия китайского концепта Грусть варьируется в зависимости от контекста. Доказано, что слово грусть входит в те лексические единицы, полных эквивалентов которых в китайском языке не существуют.

Ключевые слова: концепт Грусть, образное понятие, эпитеты, денотат, безэквивалентность.

Abstract. The article is dedicated to the exploration of the concept of sadness in Russian language consciousness. The relevance of the work is determined by the fact, that the concepts of negative emotions occupy an unique place in the Russian language picture of the world, but they remain incomprehensible and inaccessible to most foreign students. Based on the idea of the unity of the speech-thinking act, in which the linguistic and logical content are presented together, we study the figurative notions and the semantic constants of the concept of sadness. Based on the study of materials in The national corpus of the Russian language, all epithets that are used in combination with the word sadness are identified, and typical, real and figurative signs of the concept of sadness are classified. It is established that these signs are manifested either by itself, or from outside, or by the author's arbitrariness. And denotates, which are manifested by semantic constants prove the essence of the concept of sadness. Unlike the Russian representation, the concept of the Chinese concept of Sadness varies depending on the context. It is proved that the word sadness is included in those lexical units, whose selection of absolutely accurate matches in Chinese language is impossible.

Keywords: the concept of sadness, figurative notion, epithets, denotation, non-equivalence.

Введение

Когнитивная лингвистика прочно заняла свое место в парадигме концепций современного мирового языкознания [7, с. 6]. В современной лингвистической науке наблюдается особый интерес не только к самому человеку, но и к его культуре, традициям и обычаям. Как отмечает С.Г.Воркачев, «на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался концепт, по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования» [3, с. 41]. Так что следует признать, что проблемы концептуализации языковой картины мира относятся к наиболее актуальным в современной лингвистике.

Лингвокультурология сосредоточивает внимание на отображение в языке духовного состояния человека и общества [1, с. 36]. В лингвокультурологии описание человеческих эмоций, как значимых областей жизни, относится к одной из сложных сфер. С помощью эмоций каждый человек познаёт окружающий мир через собственные ощущения и переживания, формирует и общается с другими людьми.

Как национально-специфичный концепт, русский концепт Грусть обладает значительной коннотацией. Как предлагает А.Вежбицкая, языковое сознание имеет много разных уровней и оно содержит в себе как факты, лежащие на поверхности, так и факты, которые скрыты очень глубоко [2, с. 244]. В.В. Колесов выделяет два путей выявления значений слова, необходимых для воплощения концептума: первый – конструирование понятия на основе сочетания имени с определением-прилагательным, представляющим конкретное содержание понятия; второй –

посредством суждения, т.е. поведения значения слова к общему роду, также проявляющегося в тексте на основе интуитивного приближения к концепту [4, с. 91]. Так что исследуем концепт с двух сторон: со стороны определения перед именем и со стороны предиката после имени.

По мнению А.А. Потебни, для русского сознания признаки важнее содержащих их предметов [8, с. 101]. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его выражения [6, с. 10]. В.В.Колесов выделяет четыре признака выражения концепта в форме прилагательного — типичные признаки, глубинные признаки, интенсивные признаки и длительные признаки [5, с. 92].

В НКРЯ представлено всего 1391 документ, в которых дано 2434 предложения, описывающих *грусть*. В этих материалах нашлось 161 прилагательное:

Типичные признаки (4): душевная, сердечная, горькая, тревожная.

Глубинные признаки (33): светлая, щемящая, затаённая, лёгкая, строгая, ужасная, глубокая, крепкая, тихая, вязкая, нежная, долгая, огромная, мощная, едкая, тонкая, тяжёлая, большая, смутная, мягкая, острая, сухая, тупая, жестокая, тёплая, пустая, могучая, тёмная, ноющая, тягучая, мутная, сильная, жуткая.

Интенсивные признаки (123): спокойная, щеголеватая, печальная, осенняя, настойчивая, невыразимая, обычная, удивительная, сладкая, неизлечимая, напрасная, постоянная, непонятная, аллегорическая, русская, неуловимая, покорная, чудесная, невесомая, зябкая, заметная, одинокая, мимолётная, скорбная, добрая, ностальгическая, сладостная, радостная, романтическая, поэтическая, железная, неподдельная, прозрачная, неясная, лирическая, элегическая, хроническая, вечерняя, великая, пронзительная, особенная, неопределённая, молчаливая, неземная, настоящая, необычайная, необратимая, странная, бессмысленная, патриотическая, ненужная, умиротворённая, загадочная, мечтательная, неизъяснимая, бесконечная, безотчётная, беспричинная, неизбежная, нынешняя, особая, тоскливая, сокровенная, непритворная, безысходная, задумчивая, невольная, цепенящая, покойная, чарующая, безумная, необъяснимая, глупая, знакомая, несносная, подспудная, чёрная, жёлтая, ясная, высокомерная, свойственная, безропотная, непередаваемая, напряжённая, возбуждённая, жёлчная, человеческая, трупная, звериная, приятная,

благопристойная, старинная, туманная, невыносимая, невероятная, взволнованная, хмельная, прекрасная, ласковая, безмерная, трагическая, беспредметная, меланхолическая, мучительная, безбрежная, серьёзная, неудержимая, бесстрашная, мертвая, бессильная, безнадёжная, безграничная, неотступная, внезапная, упоительная, бессознательная, торжественная, необъятная, переливая, почтительная, задушевная, жалобная, тайная.

Длительные признаки (1): вечная.

Классификация эпитетов доказывает, что типичные признаки являются идеальными, так как эпитеты *душевная, сердечная, горькая,* показывают, что грусть – горькое ощущение души. Типичные признаки раскрывают символ, выражая его основное свойство [5, с. 91]. Глубинные же признаки не столь постоянны, они являются внешними и реальными (ср. *страшная, огромная, светлая грусть*). Эти признаки отражают основное содержание концепта. Интенсивные признаки образуют метафорический образ по авторскому желанию, они также понимаются как формальные признаки, и обычно они характеризуются негативным смыслом (ср. *безумная, пронзительная, безмерная, невыносимая грусть*). Длительные признаки очень редки, всегда определяются как *вечная*.

По данной классификации установлено, что типичный признак исходит из самой предметности изнутри, а глубинный привносится извне, интенсивный признак проявляется с другой стороны — со стороны субъективного ощущения. Длительные признаки очень редки, по существу ограничиваются определением, ср. *вечная грусть*.

Более того, из классификации признаков заметно, что в глубинный признак входят только качественные прилагательные, которые обозначают признак предмета непосредственно. Это вполне закономерно, поскольку, качественные прилагательные называют признаки предметов, которые обычно воспринимаются органами чувств.

На втором этапе определяем денотатные признаки концепта Грусть на основании тех же текстов, поскольку объём понятия в предметном значении слова мы можем узнать в виде предикатов.

В.С.Юрченко предложил современный тип оппозиций с числом 4 как «лингвистической константой» в формуле «1+3», которая является «смысловой постоянной» в речи. На семантическом уровне лингвистическая константа проявляется в соотношении основания (исходного общего значения концепта) и трёх его следствий – условия, причины и цели действия [5, с. 28].

Мы также берём примеры из текстов в Национальном корпусе русского языка и расположим их по этим четырем группам. Из более чем 2 тысяч текстов оказалось возможным выделить только несколько показательных примеров.

1.Основания: *Иногда одолевает грусть: смутное предчувствие, неизвестность судьбы… (В. В. Вишневский. Дневники военных лет, 1943-1945)*

2.Условия: *А потом замирает на мгновение Ленусик, приподняв над клавиатурой вдруг обессиленные кисти, и нежная грусть, кажется, льется прямо из ее души (Екатерина Маркова. Тайная вечеря, 1990-2000); Нормальному человеку всегда сопутствует грусть, когда он покидает какое-то место (Павел Нилин. Интересная жизнь, 1969-1980); Грусть — моя вечная гостья. (Венедикт Ерофеев. Проза из журнала «Вече»,1973); Удивительно сказать, но в мое время грусть считалась признаком мыслящего человека (М. М. Зощенко. Перед восходом солнца, 1943).*

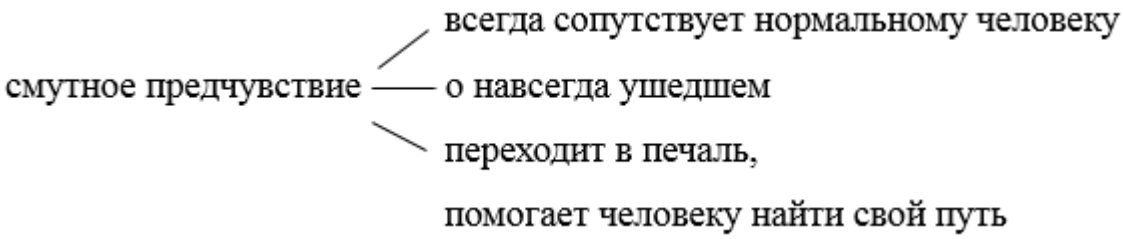
3.Причина: *Комнаты, заполненные старыми вещами, вызывали у нее грусть по ушедшему детству (Евгений Сухов. Делу конец -- сроку начало, 2007); Грусть и тоска о навсегда ушедшем и невозвратимом наложили на него свой беспощадный отпечаток (Л. Гендлин. Трагедия магистра смеха, 1981); К шестидесяти годам в его письмах и стихах сквозит тихая грусть по уходящим силам и мысли о смерти (К.А. Куприна. Куприн -- мой отец, 1979); Откуда ты, чудное душистое видение, вызывающее сладкую щемящую грусть по давно безвозвратно-минувшим счастливым дням? (Магсуд Ибрагимбеков. Кто поедет в Трускавец, 1977); Но теперь знаю, что все в жизни соединяется: радость по настоящему и грусть по прошедшему (Владимир Железников. Жизнь и приключения чудака, 1974).*

4. Цель: *С другой стороны…грусть по этому поводу рождает зависть и ревность (Николай Крыщук. Расписание // «Звезда», 2001); Как из маленькой тучи рождается гром, как в мелкой личинке спит будущий червь, — так и долгая грусть переходит в печаль, а печаль вырастает в отчаяние (Алан Черчесов. Венок на могилу ветра // «Знамя», 2000); Та грусть, что со временем превращается в мудрость и помогает человеку найти свой, субъективно правильный путь (Ольга Новикова. Мужской роман, 1999); Теперь прошлое для него стало прошлым, завершился какой-то круг, и уже не осталось ни горечи, ни тоски— только ясная грусть — та грусть, которая вливает в душу новую силу и зовет к новому счастью. (Вадим Шефнер. Листопад воспоминаний, 1945-1955 // «Звезда», 2003)*

Грусть представляет собой неприятное тоскливое чувство, которое вызывается чаще всего тем, что человек думает о потере значительного, скучает по ушедшему

счастливому времени. Такое чувство может стать сильнее, но с другой стороны, оно помогает человеку думать о самом себе. Поэтому чувство Грусть может считаться признаком мыслящего человека.

Таким образом, системное отношение концепта Грусть можно было бы представить в следующем виде:

В итоге получится: Грусть – это смутное предчувствие, которое всегда сопутствует нормальному человеку, исходя от счастливого прошедшего, и, наконец, переходит в более глубокую печаль, помогая человеку найти свой путь.

Анализ концептуальных структур, объективирующих схожие категории в языках, позволяет выявлять универсальное и особенное в восприятии и осмыслении окружающей действительности представителями разных культур [5, с. 6-13]. Далее берем китайский концепт для сопоставительного анализа.

В основном *грусть* в китайском языке переводится как 忧郁 (you yu), которое обозначает чувство уныния. В «Идиоте» Ф.М. Достоевского часто выражена грусть: «*Помню: грусть во мне была нестерпимая; мне даже хотелось плакать; я всё удивлялся и беспокоился: ужасно на меня подействовало, что всё это чужое; это я понял*», который представлен в параллельном китайском тексте: «我记得，当时我的忧郁是难以忍受的；我甚至想哭。我老是感到惊愕和惶恐不安；所有这一切都是陌生的，这使我感到非常痛苦，这一点我是明白的» [пер. Shi Guoxiong, 2004]; «*и чрез этого осла мне вдруг вся Швейцария стала нравиться, так что совершенно прошла прежняя грусть*», который представлен в параллельном китайском тексте: «就通过这头驴子我突然喜欢上了整个瑞士，因为过去的忧郁完全消失了» [пер. Shi Guoxiong, 2004]. В дынных предложениях русская *грусть* выражается китайским словосочетанием 忧郁 (you yu).

В некоторых случаях русская *грусть* в китайском сознании по значению равна тоске и печали. Например, «*У вас, Александра Ивановна, лицо тоже прекрасное и очень милое, но, может быть, у вас есть какая-нибудь тайная грусть; душа у вас, без сомнения, добрейшая, но вы невеселы*» (Ф.М. Достоевский, «Идиот»), который представлен в параллельном китайском тексте: «而您，亚历山德拉·伊万诺夫娜，

也有一张姣美可爱的脸，但是，可能您有某种隐秘的忧愁；您的心无疑是最善良的，但您不快活» [пер. Shi Guoxiong, 2004]. В данном тексте *грусть* переводится китайским 忧愁（you chou）, которое тоже может использоваться в понятийном значении русской *тоски*. Приведем другой пример в повести «Первая любовь» И.С. Тургенева: «*а я сидел, глядел, слушал и наполнялся весь каким-то безыменным ощущением, в котором было всё: и грусть, и радость, и предчувствие будущего, и желание, и страх жизни*», который представлен в параллельном китайском тексте: «可我坐着、望着、听着，　全身充满一种不可名状的感觉，这里面蕴涵着一切：悲伤，欢乐，对未来的预感，愿望，以及对生活的恐惧» [пер. Feng Zhen, 1998] В данной языковой ситуации *грусть* понимается в китайском переводе как ощущением 悲伤 (bei shang), которое имеет семантическую близость с русской *печалью*.

Совершенно очевидно, что у слова *грусть* в китайском языке нет соответствующего эквивалента. Грусть в китайском языке может понимать в разных контекстах по-разному.

В ходе сопоставительного исследования выявлены универсальные признаки изучаемого концепта в русском и китайском языковых сознаниях.

В семантическом уровне отметим сходство по значению данного концепта. *Грусть* в этимологическом словаре относится к группе *груда* и *грызть* [Преображенский 2018, т.2: 163], которые символизируют что-н. тяжелое. А в словаре В.И. Даля *грусть* объясняется синонимами: *скорбь, горесть, печаль, тоска* [Даль 1882, т.1: 401]. В «Современном русско-китайском толковом словаре» *грусть* переводится как忧郁，忧愁，悲伤 (чувство уныния, легкой печали). Отсюда можем сделать вывод, что слово *грусть* выражает одно и то же лексическое значение в двух языках.

Причины, вызывающие состояние данной негативной эмоции, в обеих культурах могут быть общими. В русском языке возможно употребление: *ностальгическая грусть*, которое в китайском языке также имеет соответствующее устойчивое выражение – 乡愁 (тоска по родине). Иногда причины появления этой эмоции оказываются неясными, что отражается в русском языке – *безотчётная грусть*, в китайском языке –莫名的悲伤 (неизъяснимая печаль).

Кроме универсальных особенностей, замечаются и специфические признаки изучаемых концептов в обоих языковых сознаниях.

В русском языке слово *грусть* выступает только в именной функции, у него есть отдельная грамматическая форма глагола (*грустить*), наречия (*грустно*) и

прилагательного (*грустный*). А в китайском литературном языке эквивалентное выражение данного концепта используется как разные части речи: имя существительное, имя прилагательные, наречие или глагол.

В русском языке бывают употребления оксюморонов (ср. *сладостная грусть, веселая грусть*), которые обладают большой выразительной силой. А А в китайском языке данный стилистический приём не используется.

Эмоциональные концепты, как отмечает А.Вежбицкая, содержат определенные «сценарии», на основе которых носитель языка может интерпретировать чувства и моделировать свои эмоции и отношения с другими людьми. Именно поэтому такие концепты дают бесценный ключ к пониманию культур и обществ [2, с. 343]. Необходимо отметить, что концепты не просто отражают объективную действительность, а формируют некий образ, созданный на основе наглядно-образного знания и накопленного духовного опыта. Этот образ имеет свое языковое выражение и отмечается культурной спецификой. Исходя из данного точки зрения, можно согласиться с утверждением о том, что взгляд в культурные традиции окрашивается в национальные цвета [9, с. 6].

Грусть – отрицательно окрашенная эмоция, простое индивидуальное состояние чувств, неподвластных разуму и анализу, представленное в тот момент, когда субъект утрачивает свой предмет, но еще сохраняет энергию действия. Настроение грусти довольно сложно по мотивам, его вызывающим, и по процессу своего образования.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
3. Воркачев С. Счастье как лингвокультурный концепт. М, 2004.
4. Колесов В.В. Концептология. СПБ., 2012.
5. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы международной конференции. – Часть 1. - Тамбов, 1999. - С.6-13.
6. Пименова М.В. Предисловие. / Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М.В.Пименовой. Вып.4. Кемерово, 2004.
7. Попова З.Д. Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2002.
8. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993.
9. Шайкевич А.Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок //Московский лингвистический журнал. – 2005, № 2. - С.5-21.

Источник: Национальный корпус русского языка

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

УДК 811.581.11

Морфемная контракция как один из основных способов словообразования в современном китайском языке

Астафьева Галина Андреевна
студентка Института социально-политических технологий и коммуникаций
Тихоокеанского государственного университета, РФ, г. Хабаровск
astagala.ru@inbox.ru

Ягуфаров Руслан Ахнафович
старший преподаватель кафедры "Лингвистика и межкультурная коммуникация"
Тихоокеанского государственного университета, РФ, г. Хабаровск
yagufarov@mail.ru

The Phenomenon of Morphemic Contraction in the Chinese Micro-blogs

Astafyeva Galina Andreyevna
student of the Institute of Socio-political Technologies and Communications
Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Yagufarov Ruslan Akhnafovich
Senior teacher of Linguistics and Intercultural Communications Department
Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена морфемной контракции в китайском языке. Авторами рассматривается определение понятия «морфемная контракция», в том числе через сопоставление с близкими по значению понятиями «аббревиатура» и «аббревиация», анализируются способы проведения морфемной контракции и существующие классификации, разработанные отечественными и зарубежными учёными, на основе которых предлагается собственный вариант.

Ключевые слова: морфемная контракция, аббревиация, китайский язык, словообразование.

Abstract. The article deals with the phenomenon of morphemic contraction in Chinese language. The authors define the definition of 'morphemic contraction', compare it with the similar term 'abbreviation', analyze the ways of conducting morphemic contraction and offer classification on the basis of Russian and Chinese linguists' classifications.

Key words: morphemic contraction, abbreviation, Chinese language, word formation.

Введение

Начавшееся с конца 19 в. бурное развитие научно-технической терминологии китайском языке, получившее особое развитие в 20 в., повлекло за собой появление значительного количества сочетаний, состоящих из 3-х и более морфем. Их развитие обусловило и зарождение противоположной тенденции – сокращения многоморфемных единиц, чаще всего до статистически доминирующей в китайском языке нормы, включающей 2 морфемы.

Морфемная контракция – процесс выпадения из многоморфемного слова или словосочетаний тех или иных значимых компонентов (морфем) в китайском языке [3]. Данный термин ввёл в русскоязычную терминологию И. Д. Кленин.

Ранее в его работах применялся термин слоговая контракция, однако он отражал больше фонетическую сторону явления, в то время как контракция является по своему существу семантико-морфологическим процессом.

Многие исследователи в работах, посвящённых морфемной контракции, периодически обращаются при характеристике явления к близким по значению терминам «аббревиатура» и «аббревиация», используемым обычно применительно к европейским языкам. Однако использовать их в отношении китайского языка не совсем правильно, поскольку, во-первых, из формы слова, образованного с помощью аббревиации, практически невозможно вывести значение изначального сочетания (что является одним из главных условий образования и функционирования сложносокращённых слов) [2], во-вторых, стоит учитывать наличие иных явлений в китайском языке, для определения которых указанные термины являются гораздо более подходящими:

1. инициальная аббревиатура фонетической записи китайских слов (на основе системы романизации для путунхуа – пиньинь);
2. заимствованные английские аббревиатуры или англицизмы;
3. так называемые «слова-метисы», представляющие собой синтез двух языковых систем, состоящие из букв латинского алфавита и иероглифической морфемы.

Примеры морфемной контракции:	Примеры аббревиации в СКЯ:
快递 – 快速递送 – экспресс-доставка;	RT – 如题 – Rútí – тема, сабж [8]; GG – 哥哥 – Gēge – старший брат [9];
深二代 – 深圳第二代 – второе поколение жителей Шэньчжэня;	CEO; DVD;
理工科 – 理科 + 工科 – политехнический.	e化 – электронизация (e – electronic «электронный», суффикс 化 huà «-изация») [9]; PR们 – пиарщики (PR (Public Relations «[специалист] по связям с общественностью») + суффикс множественного числа们 men) [9].

Закономерности осуществления процесса МК

В основе процесса морфемной контракции лежат определённые закономерности *семантического*, *структурного* и отчасти *фонетического* порядка.

Закономерность семантического характера играет ведущую роль, она проявляется в том, что в составе сокращения сохраняются самые важные в смысловом отношении компоненты, которые позволяют наиболее отчётливо выразить внутреннюю форму сокращаемого лексического комплекса [3]. Учитывая этот фактор, можно сказать, что все имеющиеся у стяжаемой единицы коннотативные значения после контракции сохраняются (контракции может подвергнуться любая единица, вне зависимости от её стилистической окраски).

МК терминологической лексики:	МК нейтральной лексики:	МК разговорной лексики:
圆体针 → 圆针 – круглая игла [4];	师生 – 教师学生– преподаватели и студенты [Цит. по 7];	拼爹 – 比拼老爹 – «мериться папами» (выяснять, кто лучше, не на примере собственных достижений и достоинств, а у кого влиятельней отец) [5];
布巾钳夹 → 巾钳 – зажим для салфеток [4];	节电 – 节约用电 – экономить электричество [6];	
半弯**型**缝合针 → **半弯针 – полуизогнутая игла [4].**	书展 – 图书展览会 – книжная выставка [6].	北漂 – 来北京漂泊 – люди, приехавшие в Пекин на заработки [5].

Закономерность структурного порядка заключается в стремлении создать сложносокращённые слова по образу и подобию существующих в языке словарных единиц, в том числе и приведение их к статистически доминирующей двухморфемной норме.

Фактор фонетического порядка также играет определённую роль, хотя в основном его действие распространяется на процесс заимствования из европейских языков, ввиду того что длинные для китайского названия государств, видов военной техники входят в противоречие с произносительными нормами китайца и ведут к нарушению ритмико-мелодического рисунка речи.

Кроме того, влияние фонетического фактора проявляется и в том, что выпадают обычно морфемы, на которые не падает экспираторное ударение [3].

Таким образом, тип слоговой контракции в каждом конкретном случае определяется семантической значимостью, количеством компонентов и фонетической структурой сокращаемых единиц, а также характером их синтаксической или морфемной связи.

Классификация МК

Предложенная нами классификация основана на трудах таких отечественных учёных, как И. Д. Кленин, В. Ф. Щичко, В. Г. Буров, А. Л. Семенас, и китайских учёных – Ли Сицзуна и Сунь Ляньфэня. Критерием для данной классификации выступили способы проведения морфемной контракции. Поскольку МК могут подвергаться все ЛЕ, вне зависимости от их количественного и структурного состава, принадлежности к определённому стилю речи, каждый способ может с равным успехом использоваться как для терминов, различных наименований, нейтральной лексики, так и для лексики разговорной.

1. **Сжатие** – образование сложносокращённого слова путём сохранения отдельных морфем каждого компонента:

1) *сохранение начальных морфем компонентов*:

a. сочинительная (копулятивная) модель: 科学技术 – 科技 «наука и техника»;

b. атрибутивная модель:

a) 初级中学 – 初中 «начальная ступень средней школы».

В некоторых случаях, МК сопровождается инверсией компонентов двухсложных сокращений. Обычно это происходит, если в стяжаемой ЛЕ именная двухморфемная основа предшествовала глагольной [3].

想角调制 – 调相 «фазовая модуляция».

Пятиморфемное словосочетание представляется в данной классификации как состоящее из трёх семантически автономных (относительно) частей: двух – двухморфемных, являющихся, несмотря на разный статус в составе исходной единицы (первая часть – самостоятельное первое слово, вторая – часть трёхморфемного второго слова) определением к третьей одноморфемной части. Поэтому стяжение пятиморфемных единиц будут рассматриваться с точки зрения сохранения морфем каждой из трёх частей [3]. Сохранение третьего одноморфемного компонента, определяемого, зависит от того, является ли он представительным с точки зрения семантики, а также играет ли он роль для дифференциации понятий. Так, в приведённом ниже примере, 经委 означает «экономический комитет» на местном уровне, в то время как经委会 – на государственном:

经济委员会 – 经委 / 经委会.

Контракции могут подвергаться и ЛЕ, состоящие из большего количества компонентов.

中央全体会议 – **中全会** «Пленум ЦК»、

北京师范大学 – **北**师大 «Пекинский педагогический университет».

В зависимости от того, является ли определяемое в сочетании с атрибутивной связью семантически значимым или нет, определяемое или сохраняется, или отсекается.

军事政治学校 – 军政学校 «военно-политехническое училище»;

政治协商会议 – **政**协 «политический консультативный совет»;

教育科学文化组织 – **教科文**组织 «организация ЮНЕСКО».

В соответствии с главной закономерностью проведения МК, из состава слов-определений в стяжаемых ЛЕ могут выпадать не только морфемы, но и целые слова:

人民革命军事委员会 – 军委 «военный комитет»;

共产主义青年团 –**共青**团 «комсомол».

b) **潜水艇** – **潜艇** «подлодка»;

自行火炮 – **自行炮** «самоходная артиллерия»;

内燃发动机 – **内燃机** «двигатель внутреннего сгорания»、

供销合作社 – **供**销社 «кооператив по снабжению и сбыту».

При стяжении ЛЕ атрибутивного типа в некоторых случаях из всех определений, имеющихся у основного компонента, сохраняется первое (самое дальнее по позиции), а последнее, ближайшее к нему, выпадает, что можно видеть из примеров, приведённых выше. Это объясняется тем, что первое определение обычно обозначает последний видовой признак, на который падает основная смысловая функция [3].

c) 总干部部 – 总干 «главное управление кадров».

Стоит также уделять внимание структурному составу стяжаемых ЛЕ с чётным количеством морфем, поскольку не всегда их компоненты оказываются численно равны. Так, хотя, на первый взгляд, эту модель можно отнести к усечению, а не к сжатию, при анализе компонентов видно, что первое определение 总 – одноморфемно. Такие сокращения считаются неполными.

c. Глагольно-объектная модель: **增加收入** – **增收** «увеличение зарплаты».

d. Сокращение дат: **五月四日** – **五四** «пятое мая».

2) *Сохранение конечных морфем компонентов*:

a. сочинительная модель: **教**师学生 – 师生 «преподаватели и студенты»;

b. атрибутивная модель: 记录重放磁头 – 录放磁头 «магнитная головка записи воспроизведения».

3) *Сохранение начальной морфемы первого компонента и конечной – последнего*:

a. атрибутивная модель: 师范学院 – 师院 «педагогический институт»;

b. глагольно-объектная модель: **增加生**产 – **增**产 «увеличение производства»;

4) Сохранение конечной морфемы первого компонента и начальной – последнего

a. сочинительная модель: 预防治疗 – **防治** «профилактика»;

b. атрибутивная модель:

华侨事务 – 侨务 «дела и проблемы, связанные с китайскими эмигрантами»、

四川大学 – **川大** «Сычуаньский университет»、

飞机降落兵 – **机降兵** «посадочно-десантные войска».

5) *Сокращение словосочетаний с порядковым числительным*:

a. с прямым порядком слов: **第二次世界大**战 – **二**战 «Вторая мировая война»;

b. с инвертированным порядком слов: **第二女子中心学** – **女二中** «Вторая женская средняя школа».

В случае со словосочетаниями с порядковым числительным, всегда опускается показатель порядковости **第** [6]. Инвертированный порядок слов обусловлен правилами словообразования китайского языка.

2. **Усечение** – образование сложносокращённых слов путём усечения исходной ЛЕ.

1) *Усечение начального компонента*:

无线电台 – 电台 «радиостанция»;

人造地球卫星 – 卫星 «искусственный спутник Земли»;

中国工业红军 – 红军 «Китайская рабоче-крестьянская красная армия»;

缓然导火线 – 导火线 «бикфордов шнур».

2) *Усечение конечного компонента*:

a. полностью:

飞机场 – **机**场 «аэропорт»;

有轨电车 / **无**轨电车 – **有**轨 / **无**轨 «трамвай / троллейбус»;

王府井大街 – **王府井** «ул. Ванфуцзин»;

巴西利亚 – **巴西** «Бразилия»;

罗马尼亚人民共和国 – 罗马尼亚 «Румыния»;

b. частично:

В трёхморфемных единицах последняя морфема усекается крайне редко, поскольку играет словообразовательную роль и её исчезновение обычно ведёт к ликвидации трисиллабов как самостоятельных ЛЕ (например, 飞机场 – аэропорт, но 飞机 – самолёт) [3]:

八路军 – **八路** «восьмая армия».

Подобное обычно случается с фонетическими заимствованиями, которые со временем становятся привычными для людей, принимают участие в словообразовании и не нуждаются в присоединённом суффиксе или полусуффиксе.

坦克车 – **坦克** «танк».

Выпадение четвёртой морфемы при контракции четырёхсложных ЛЕ происходит обычно в тех случаях, когда вторая составляющая представляет собой именную основу с копулятивной связью, в которой оба элемента имеют одинаковое ли близкое семантическое значение, что создаёт предпосылки для удаления одного из них [3]:

速快战斗 – **速快站** «скоротечный бой»、

防毒衣服 – **防毒衣** «защитный костюм».

3. **Объединение** – образование сложносокращённого слова, представляющего ряд ЛЕ, путём выделения и объединения представляющих каждую ЛЕ морфем:

1) *Объединение по равноправному типу связи*:

a. при наличии общего компонента: 亚洲、非洲、拉丁州 – 亚非拉 «Азия, Африка, Латинская Америка»;

b. при отсутствии общего компонента: **工人**、**青年**、妇女 – **工青**妇.

При объединении ЛЕ, не имеющих общего компонента, не имеет значения, занимают сохраняемые морфемы одинаковые позиции в словах или разные.

2) *Объединение в единый лексический комплекс единиц с общей морфемой*:

进口+**出口** – 进出口 «импорт и экспорт»、

理科+**工科** – **理工科** «политехнический, естественнонаучные и технические дисциплины».

4. **Обобщение** – образование сокращений с числительным в качестве первого компонента, которым обозначается количество слов или словосочетаний, подвергшихся контракции:

1) *С ключевым словом в начальной позиции*:

讲文明、讲礼貌、讲卫生、讲秩序、讲道德 – **五**讲 «5 заповедей: соблюдать культуру поведения, вежливость, гигиену, порядок и мораль»;

怕野战、怕近战、怕迂回站、怕炸药 – **四怕** «4 боязни: бояться ночного боя, ближнего, обхода, взрывчатых веществ»;

2) *С ключевым словом в конечной позиции*:

农业现代化、工业现代化、科学技术现代化、国防现代化 – **四个**现代化 «4 модернизации с/х, промышленности, науки и техники, обороны»;

人民币 **港**币 **台**币 – **三**币 «3 валюты: Китая, Гонконга, Тайваня».

МК как способ словообразования в китайском языке

В результате МК происходит превращение устойчивых словосочетаний (синтаксических единиц), между частями которых существуют синтаксические связи, в *контекстные сокращения* и *сложносокращённые слова* (лексические единицы), между частями которых существуют морфемосвзяи.

Сложносокращённые слова, в отличие от контекстных сокращений, понимание которых зависит целиком от контекста (более того, их употреблению *предшествует написание полной формы* соответствующего словосочетания), обладают всеми признаками знаменательных слов и являются полноценными средствами языковой коммуникации. Они обладают *семантической целостностью*; являются *грамматически оформленными* (обладают фонетическими, морфологическими и синтаксическими признаками, не отличаясь по структуре от обычных сложных слов); *не разрываются* служебным формантом **的**; принимают *грамматическое оформление как единичная ЛЕ*; *участвуют* в процессе *словообразования*; способны к *семантическому развитию*; относятся к *определённой части речи*; *синтаксически сочетаются* с другими ЛЕ.

Приобретение же контекстным сокращением лексико-грамматических свойств слова и внедрение его в процесс устной коммуникации происходит не сразу (если вообще происходит), а в течение довольно продолжительного времени, находясь в прямой зависимости от частоты употребления людьми конкретного сокращения и наличия аналогичных по структуре единиц [3]

Список литературы

1. Буров В. Г. Китайско-русский словарь новых слов и выражений / В. Г. Буров, А. Л. Семенас. – М. : Восточная книга, 2007. – 736 с.
2. Жолобова Е. С. Неологизмы в китайском языке нового периода и сложности их перевода / Е. С. Жолобова // Материалы XII международной конференции «Китайское языкознание. Изолирующие языки». – М., 2004. – С. 103-106.
3. Кленин И. Д. Лексикология китайского языка / И. Д. Кленин, В. Ф. Щичко. – М. : Восточная книга, 2013. – 272 с.

4. Расулева М. О. Контракция терминов, обозначающих общехирургический инструментарий и приборы / М. О. Расулева // Молодой ученый. — 2015. — №14. — С. 598-599.
5. Сбоев А. Н. Анализ лексики китайского интернета с точки зрения словообразования / А. Н. Сбоев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – Владивосток : ДВФУ, 2015. – №3(33). – С. 70-81.
6. Семенас А. Л. Лексика китайского языка / А. Л. Семенас. – М. : Восток-Запад, 2005. – 310 с.
7. Синишина О. О. Морфемная контракция как способ словообразования / О. О. Синишина // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск : Редакция международного научного журнала «Мир науки, культуры, образования», 2015. – №4(53). – С. 308-311.
8. Сухина Ю. С. Особенности интеграции буквенных слов в китайскую языковую систему / Ю. С. Сухина // Слово: фольклорно-диалектический альманах. – Благовещенск : АмГУ. – 2010. – № 8. – С. 104-108.
9. Худякова О. С. Уровни ориентирующего воздействия специфических языковых структур и единиц в китайскоязычной блогосфере / О. С. Худякова // Научный диалог. – Екатеринбург : ООО «Центр научных и образовательных проектов», 2012. – №3. – С. 137-159.
10. 李熙宗, 孙莲芬 《略语手册》, 北京, 知识出版社, 1986, [Ли Сицзун, Сунь Ляньфэнь Справочник сокращений] Пекин: Знания. 1986. 840 с.

УДК 811.58

Лингвистические и экстралингвистические средства реализации социальной рекламы КНР как способ отражения национальной картины мира

Виноградова Алена Александровна
Студент, Тихоокеанский государственный университет
РФ, г. Хабаровск
alenavinogradova2016@gmail.com

Рыжова Виктория Анатольевна
старший преподаватель кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация»
Тихоокеанский государственный университет, РФ, г. Хабаровск
vika_ryzhova@mail.ru

Linguistic and extra-linguistic means of realization of social advertising in China as a way to reflect the national worldview

Vinogradova Alena Aleksandrovna
Student, Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Ryzhova Victoriya Anatolyevna
senior lecturer of the Department of Linguistics
and cross-cultural communications
Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию современной социальной рекламы КНР. Актуальность данного исследования определяется тем фактом, что, несмотря на ярко выраженное общественное и лингвокультурологическое значение социальной рекламы, ее языковая специфика представляется недостаточно изученной областью научных изысканий. Авторы подчеркивают тот факт, что большинство рекламных текстов социальной направленности, функционирующих в рамках китайского медиа-дискурса, являются креолизованным, что определяет необходимость изучать как лингвистические, так и экстралингвистические средства, их составляющие. В ходе исследования выявляются языковые и внеязыковые средства реализации современной социальной рекламы в Китае, отражающие различные элементы национальной картины мира носителей китайского языка, а также проводится лингвокультурологический анализ выявленных средств. На основании проведённого исследования подтверждается истинность тезиса о возможности рассмотрения средств реализации социальной рекламы КНР как способа отражения картины мира носителей китайской лингвокультуры.

Ключевые слова: социальная реклама, картина мира, языковая картина мира, лингвистические средства, экстралингвистические средства.

Abstract. The present article is devoted to research of contemporary social advertising in China. The relevance of this study is determined by the fact that despite the social and linguistic and cultural significance of social advertising, its linguistic specificity is not sufficiently studied area of scientific research. The authors emphasize the fact that the majority of texts of social advertising, functioning within the framework of the Chinese media discourse, are creolized, which determines the need to study both linguistic and extra-linguistic means that form these texts. The study identifies linguistic and extra-linguistic means of implementation of social advertising in China, representing various elements of the Chinese speakers' national worldview. The article also provides linguistic and cultural analysis of identified means. As a result of conducted research it is established that the means of implementation of contemporary social advertising in China reflect the elements of the Chinese speakers' national worldview.

Keywords: social advertising, worldview, linguistic view of the world, linguistic means, extra-linguistic means.

Реклама является неотъемлемым элементом жизни современного общества. Возникнув в глубокой древности как средство продвижения товаров и услуг, она непрерывно совершенствовалась и трансформировалась в наши дни в особую форму коммуникации, интегрированную практически во все сферы деятельности человека. На рубеже XX-XXI веков реклама выступает не только в качестве экономического инструмента, она также воздействует на сознание социума, отражает актуальные

проблемы и фундаментальные духовные ценности, существующие в рамках общества, в котором она распространяется. В подобные периоды интенсивного развития человеческого социума, сопровождающиеся, с одной стороны, совершенствованием науки и техники, а с другой – обострением самых разных противоречий, особую значимость в рамках рекламного дискурса приобретает реклама социальной направленности.

В последние годы изучением социальной рекламы занимаются специалисты разных областей науки (маркетологи, социологи, лингвисты и др.), однако само понятие «социальная реклама» остается сложным для однозначной трактовки и зачастую его определение зависит от подхода, выбранного исследователем в рамках его работы.

Так, Г. Г. Николайшвили под «социальной рекламой» понимает «вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям» [6, с. 8].

О. Ю. Голуб считает, что «социальная реклама – это коммуникация с помощью СМИ и других средств передачи информации с целью повлиять на установки людей в отношении тех или иных социальных проблем» [2, с. 17]. Исследователь обращает внимание на такие функции социальной рекламы, как:

– привлечение внимания к актуальным проблемам общественной жизни;
– стимулирование действий по их решению;
– формирование общественного мнения;
– изменение поведенческой модели общества;
– формирование новых типов общественных отношений и др [2, с. 16].

По мнению Н. В. Данилевской, социальная реклама – это «особый вид распространяемой в учреждениях и средствах СМИ некоммерческой информации, направленной на достижение государством или органами исполнительной власти определенных общественно значимых целей» [3, с. 132]. Более того, Н. В. Данилевская подчёркивает особый статут социальной рекламы в рамках рекламного дискурса и выделяет такие особенности текстов социальной рекламы, как ее способность:

1) определять и трансформировать систему ценностных ориентиров общества;

2) отражать своеобразие национальной картины мира;

3) демонстрировать культурные приметы жизни того или иного общества, его духовные скрепы [4, с. 20].

Одной из особенностей социальной рекламы и условием эффективного воздействия на адресата является использование в рекламном сообщении средств, отражающих различные элементы национальной картины мира носителей того или иного языка.

В своем исследовании, вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, мы исходим из понимания картины мира как «упорядоченной совокупности знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [7, с. 4], признаем ее национальную специфику и тот факт, что ключевые понятия картины мира обозначаются с помощью языка, в недрах которого формируется языковая картина мира – «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития» [7, с. 6].

Анализируя социальную рекламу, следует понимать, что рекламный текст представляет собой взаимодействие вербальных и невербальных элементов, то есть является так называемым «креолизованным» или «поликодовым» текстом. Под «креолизованным текстом» Е. Е. Анисимова понимает «сложное, текстовое образование, в котором вербальный и невербальный (иконический) компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с. 17]. Вербальные компоненты в креолизованном тексте рекламного сообщения – это его языковое наполнение (лексические, стилистические, синтаксические и другие средства, используемые при создании рекламного текста). К невербальным относятся различные изображения, видеоряд, музыка, вариации шрифтового и цветового оформления текста, средства, участвующие в расположении текста (пропуски, наклонное, вертикальное, волнообразное расположение строчек) и др.

В истории Китая известно много случаев «перелома» ментальных устоев. Современный Китай также находится на рубеже двух эпох: традиционные многовековые культурные ценности претерпевают изменения в связи с необходимостью гармонично сосуществовать с теми нововведениями, которые привносит новая прогрессивная реальность. Как результат – кардинальные перемены во всех сферах жизни китайского народа становятся причинами определённых социальных разногласий и «так сложилось, что именно социальная реклама с помощью различных СМИ в КНР стала отражать болезненные явления в различных сферах жизни Китая и концентрировать внимание на этих фактах» [5, с. 137].

В КНР социальная реклама распространяется, как правило, в виде изображений (плакатов) и видеороликов, транслируемых по телевидению и на интернет-порталах. Следует отметить, что «социальная реклама, распространяемая в медийном дискурсе в КНР, ориентирована на реализацию культурных стратегий по развитию и закреплению в сознании общества базовых ценностей и традиционных моделей социального взаимодействия. Отличительной особенностью социальной рекламы является этнокультурный компонент, который берется за основу при создании сюжетов рекламных роликов» [8, с. 180-181].

В рамках данного исследования проводился анализ печатной и телевизионной современной социальной рекламы КНР с целью выявления используемых в ней специфических лингвистических и экстралингвистических средств, отражающих различные элементы национальной картины мира носителей современного китайского языка. Рассмотрим следующий рекламный плакат (рис.1), часто встречающийся в местах большого скопления интернет-пользователей.

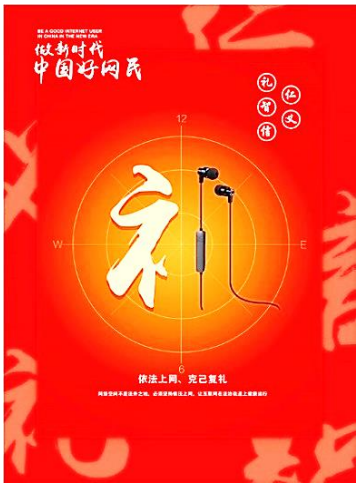

Рисунок 1. Социальный плакат «做新时代 中国好网民»
(«Будь добропорядочным интернет-пользователем в современном Китае»)

Данный рекламный плакат призывает пользоваться интернетом соблюдая законы. Все дело в том, что в КНР действует достаточно жесткая система законодательных и подзаконных актов, призванных обеспечивать цензуру в киберпространстве на территории государства. Такая необходимость объясняется желанием высшего руководства КНР защитить национальную культуру и социальные особенности в условиях современных общемировых реалий.

К лингвистическим особенностям данного рекламного текста следует отнести использование чэнъюй 克己复礼досл. *обуздать себя и вернуться к Ли (этикету культурности)*, употребляемой в значении “обрести высшую добродетель, стать достойным человеком”. Источником данном фразеологической единицы являются

конфуцианские догматы, а, как известно, конфуцианство играет важную роль во всех сферах жизни китайского общества и в наше время.

Кроме того, в анализируемом рекламном плакате используются иероглифы 礼 智 信 义 仁, которые также имеют непосредственное отношение к конфуцианству и представляют собой те «пять добродетелей благородного мужа», воспитывая которые человек сможет достигнуть гармонии внутри себя и по отношению ко внешнему миру: 礼 – ритуал, закон智 – мудрость; 信 – искренность; 义 – справедливость; 仁 – человечность, гуманность.

Следующая языковая особенность данного рекламного текста – использование англоязычной фразы *«Be a good internet user in China in the new era»*, которая делает данную социальную рекламу привлекательной как для ее целевой аудитории – молодых людей, жителей КНР, так и для большого числа иностранцев, ежегодно посещающих КНР. Заинтересовавшись и изучив проблематику, затрагиваемую данным социальным рекламным текстом, иностранный гость не только сможет понять какие социальные проблемы наиболее остро стоят в современном обществе КНР, а также прикоснется к традициям и культуре Китая.

Что касается невербальных средств, то на данном рекламном плакате им отведена значительная роль. Во-первых, необходимо отметить, что цветовое решение – использование красного цвета – носит не случайный характер. Это обусловлено тем фактом, что красный цвет занимает важное место в культуре китайского народа: он символизирует счастье, радость, удачу и силу, является цветом национальных костюмов и различных традиционных праздничных украшений.

Особое внимание также хотелось бы уделить такому приему как «игра с графическим изображением иероглифов». Правый элемент иероглифа 礼, вынесенного в центр плаката – главной добродетели конфуцианства – заменен изображением современных музыкальных наушников, что символизирует сосуществование традиционной и современной культур в рамках общества КНР. Более того, видоизменный иероглиф 礼 находится в центре компаса – одного из величайших изобретений древнего Китая.

Рассмотрим другой пример социальной рекламы, реализуемой видеорядом и посвященной проблеме утраты интереса к культуре и литературе. Чтение и образование – традиция китайского народа, который в течение многих тысяч лет ценил книги и познания. Однако в последние десятилетия количество читающих граждан КНР неуклонно снижалось, что в общем отразилось и на культурно-образовательном уровне населения. В связи с этим продвижение чтения постепенно

стало одной из основных задач государственной политики Китая. Обратить внимание граждан на данную проблему была призвана серия социальных видеороликов под названием “在阅读中发现世界” «*В чтении открывается мир*», запущенная Центральным телевидением КНР (CCTV) в 2017 году. Обратимся к одному из них [9].

Данный социальный видеоролик характеризуется употреблением такого стилистического приема как параллелизм, усиленный анафорическим повтором, посредством которого актуализируется смысл и повышается воздействующий потенциал текста, а также степень его запоминаемости: *当我们* 登上高山，俯瞰江海大地 *不由得会说* “会当凌绝顶，一览众山小” *当我们* 月下徘徊，独步小桥流水 *不由得会说* “人闲桂花落，夜静春山空***Когда мы*** *поднимаемся на высокие горы и взираем на реки и моря,* ***Невольно произносим:*** *«Но я на вершину взойду и увижу тогда, как горы другие малы по сравнению с нею»,* ***Когда мы*** *бродим в одиночестве под луной по маленькому мостику,* ***Невольно произносим:*** *«В полной тишине слышно, как падают лепестки, глубокой ночью весенние холмы опустели»*. Анафорическое повторение лексической единицы 我们 может быть расценено как отсылка к характерным чертам китайского народа – коллективизму и сплоченности, которые отличают китайскую культуру от большинства культур запада.

Выражения “会当凌绝顶，一览众山小” *Но я на вершину взойду и увижу тогда, как горы другие малы по сравнению с нею* и “人闲桂花落，夜静春山空” *В полной тишине слышно как падают лепестки, глубокой ночью весенние холмы опустели* отсылают нас к таким прецедентным текстам, как стихотворения знаменитых китайских поэтов эпохи Тан Ду Фу 杜甫и Ван Вея 王维. Аллюзивной является и лексическая единица 小桥流水*маленький мостик над бегущим ручьем*. Ее денотатом является произведение天净沙·秋思, созданное писателем Ма Чжиюанем 马致远, знаменитым драматургом династии Юань. Эпоха Тан считается золотым веком китайской поэзии, а в Эпоху Юань достигает своего расцвета драматургия, поэтому подобные аллюзии носят закономерный характер и отражают ту особую важность, которой наделяются памятники традиционной культуры современными носителями китайской лингвокультуры.

В данном видеоролике, наряду с лингвистическими, используются и экстралингвистические средства. Например, высказывания, сопровождающие видеоряд, стилизованы под традиционное письмо. Так, с помощью графически традиционного расположения иероглифических знаков – сверху вниз – данная реклама знакомит адресата с главным героем ролика профессором Пекинского

педагогического университета Кан Чжэнем 康震. Ввиду того факта, что иероглифическая письменность и взаимосвязанное с ней образное мышление – по праву считаются ядром традиционной китайской культуры, и зачастую расценивается носителями китайской лингвокультуры как один из главных критериев собственной уникальности.

Культурной отсылкой также является исполнение в ролике фрагмента Пекинской оперы 京剧. Пекинская опера – это уникальная форма китайского искусства известная во всем мире. Для носителя китайской лингвокультуры Пекинская опера представляется способом выражения национального духа, посредством которого можно прикоснуться к культурному наследию прошлых поколений. Еще одним интересным примером культурной отсылки является появление в кадре девушки в традиционном китайском платье – «ципао» 旗袍. В современном Китае «ципао», отделяясь от своей первоначальной функции – служить предметом женского гардероба, становится многозначным символом, который ассоциируется с Китаем и китайской культурой, является выразителем множества смыслов, отражает китайскую самобытность, культурную и историческую принадлежность, а также по праву считается маркером китайской культурной идентичности.

В качестве материала исследования внимание привлекает и серия видеороликов二十四节气 *«24 календарных сезона»*, которая была запущена Центральным телевидением Китая (CCTV). Основная ее роль – обратить внимание аудитории на необходимость сохранять национальные культурные традиции, которые складывались на протяжении пяти тысяч лет существования китайской цивилизации.

В анализируемой рекламе один из двадцати четырех сезонов традиционного китайского календаря白露или *Белые росы* (период года с 8-9 сентября; переход с лета в осень) представляет известная ведущая и руководитель Национального телевидения Китая (CCTV) 海霞*Хай Ся* [10].

Характерными языковыми особенностями данной рекламы являются употребление пословицы 冷白露秋分夜，一夜一夜*С наступлением Белых рос ночь за ночью холодает*, которая записана в стиле традиционного вертикального письма, что является экстралингвистическим средством реализации рассматриваемой социальной рекламы. В данной рекламе также используется такой стилистический прием, как аллюзия на произведение凉夜有怀 «*Ощущая темную ночь»* поэта

династии Тан Бай Цзюйя白居易, также представленная в традиционном вертикальном написании. Кроме того, видеоролик характеризуется широким использованием символов, имеющих особую значимость в рамках китайской лингвокультуры. Например, лотос, который имеет уникальное значение в китайском фольклоре и символике. Это символ счастья, любви, надежды и перемен. Бамбук – символ стойкости, долголетия, счастья и духовной истины. Данные символы изображены в стиле китайской традиционной живописи Гохуа 国画. Гохуа сочетает в себе эстетику каллиграфии, поэзии и живописи, соединяет в себе множество значимых национальных образов и поэтому, несмотря на то, что своими корнями данный вид традиционного искусства уходит в глубокую древность, он не теряет своей значимости и в современном Китае.

Таким образом, проведенный анализ современной социальной рекламы КНР позволяет сделать следующие выводы: социальная реклама в КНР реализуется при помощи таких лингвистических средств как использование фразеологических единиц, параллельных конструкций, аллюзий и фраз на иностранном языке. Наряду с лингвистическими также используются и экстралингвистические средства, например: «игра с графическим изображением иероглифов», отсылки к традиционной культуре, стилизация под традиционное письмо и так далее. Будучи тесно связанными в рамках креолизованного текста современной социальной рекламы, данные средства отражают национальную картину мира, которая складывалась в Китае на протяжении многих тысячелетий, и тем самым оказывают необходимое прагматическое воздействие на адресата – носителя китайской лингвокультуры.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
2. Голуб О. Ю. Социальная реклама: учебное пособие. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2010. – 180 с.
3. Данилевская Н. В. О специфике текстов социальной рекламы в современном рекламном дискурсе (на материале медицинской профилактической литературы) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – №4. – С.132–137.
4. Данилевская Н. В. Социальная реклама как регулятор духовно-нравственного состояния общества: культурологический аспект // Коммуникативные исследования. – 2017. – №3 (13). – С. 18-29.
5. Лю Сяо Нань Социальная реклама в Китае: развитие и становление // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 1. – С. 137-143.
6. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: Теория и практика. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 191 с.

7. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.
8. Рыжова В. А. Коммуникативно-прагматические особенности социальной рекламы в китайском мультимедийном дискурсе // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов по материалам межд. научной конф. (Барнаул, 18-20 октября 2018). – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет. 2018. – С. 180-182.
9. В чтении открывается мир -- Кан Чжэнь 在阅读中发现世界 -- 康震篇 [Электронный ресурс]. URL: http://gongyi.cctv.com/2017/04/27/VIDEhG4CV7ny5vHAwuPXFP5L170427.shtml?from=groupmessage (Дата обращения: 15.04.2019).
10. 24 календарных сезона Белые росы二十四节气白露 [Электронный ресурс]. URL: http://1118.cctv.com/2018/04/03/VIDE8Aqknc48q44O7Ob8ZiBB180403.shtml (Дата обращения: 15.04.2019).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 398.3

Специфика функционирования воды как магического средства в волшебных сказках

Егорова Ольга Арсеновна
кандидат культурологии, доцент
факультет иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова, РФ, г. Москва
egorovaolga29@mail.ru

The specifics of the functioning of water as a magic tool in fairy tales

Egorova Olga Arsenovna
PhD in Cultural Studies, Associate Professor
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Аннотация. В статье проанализирована специфика использования магического средства – воды – в русских волшебных сказках. Прослеживаются исторические причины возникновения и эволюции чудесных свойств воды в фольклорных текстах. Изучены сказочные сюжеты, в которых вода выступает одним из основных драйверов повествования. Делается вывод о том, что архаические представления о воде, которые были свойственны мифопоэтическому сознанию, в волшебных сказках трансформировались под влиянием христианской религии. Вода становится не только целительным средством, но и возвращает к жизни, воскрешает, дарует силы для духовного роста и развития. Кроме того, магическая сила воды соединяется в волшебных сказках с нравственной идеей торжества справедливости: обличения виновных и вознаграждения достойных за терпение и доброту. Волшебное средство –

вода – достается только истинным героям, совершающим свои поступки и действия не из личной корысти, а ради спасения бедствующих, оказания помощи нуждающимся.

Ключевые слова: русские волшебные сказки, генезис, волшебное средство, вода, магические представления, архаические верования, христианское мировоззрение.

Abstract. The article analyzes the specifics of using one of the magical means - water - in Russian fairy tales. The historical causes of the emergence and evolution of the wonderful attributes of water in folklore texts are traced. Fabulous scenes in which water is one of the main drivers of the narration have been studied. It is concluded that the archaic ideas about water, which were typical for the mythopoetic consciousness, were transformed in fairy tales under the influence of the Christian religion. Water becomes not only a healing tool, but also returns to life, resurrects, gives strength for spiritual growth and development. In addition, the magic power of water is combined in fairy tales with the moral idea of the triumph of justice: the exposure of the guilty and the reward of those who deserve patience and kindness. The magic remedy - water – works only for true heroes, who commit their actions not for personal gain, but to save and help those in need.

Key words: Russian fairy tales, genesis, magic means, water, magic ideas, archaic beliefs, Christian faith.

Фольклорные сказки как важная часть национальной культуры народа выступают средством сохранения и передачи информации об исторической действительности, верованиях людей, их менталитете и системе ценностей, которые формировались в обществе в разные эпохи.

Волшебные сказки – одна из самых популярных и любимых жанровых разновидностей сказок. Главное, что отличает волшебную сказку от других видов сказочного повествования, – это вымысел, определяющий мир фантастики, необыкновенных событий и ирреальности. При этом основную роль в создании чудесной атмосферы играют волшебные предметы. Как отмечают исследователи, в сказках функционирует большое количество средств, благодаря которым герои достигают своих целей и добиваются успеха [6, 8, 9]. Волшебное средство в русских сказках достаётся только настоящему герою. Магическая оснащенность героя – не случайность, она им заслужена. В.П. Пропп в работе «Русская сказка» отмечает, что «наличие в сказке волшебных средств и предметов определяет собой характер ее фантастичности» [8, с. 215].

По мнению исследователей, специфика функционирования в сказках волшебных средств связана с верованиями людей в магическую силу природы и ее одухотворенность [4, 9]. При этом многие мотивы и сюжеты сказок строятся на мифологических идеях единства и взаимодействия человека и окружающего мира. Одним из чудодейственных средств русских волшебных сказок выступает вода,

которая выполняет роль оберега, возвращает здоровье, жизнь и молодость, помогает героям преодолеть тяжелые испытания, одержать победу над противниками.

В статье будут рассмотрены происхождение и причины использования в фольклоре чудесной реалии – воды, а также проанализированы специфика и своеобразие ее функционирования в русских волшебных сказках.

Обратимся к генезису употребления воды как волшебного средства в фольклорных текстах. При изучении волшебных сказок мы отмечаем в них присутствие архаических представлений и принципов, связанных с магией. Одной из таких идей является вера людей в животворящую, предохраняющую, целительную способность водной стихии. Сложно переоценить значение воды как первоначального элемента мироздания и колыбели жизни в мифопоэтическом сознании, что стало причиной её сакрализации и применения в ритуалах [10, 11] «По нашим преданиям, всякой мольбе, всякому обращению к божествам должно было предшествовать омовение, заговоры обыкновенно начинаются этой формулой: «Иду я, раб Божий, в чистое поле, становлюсь на восток красного солнца, умываюсь росою (или) ключевою водою» [3, с. 281].

В «Мифологии Древней Руси» А.Н. Афанасьев приводит многочисленные доказательства веры людей в магическую силу воды, описывает примеры использования воды как целебного средства. Исследователь отмечает, что «В воронежской губернии водят больных к родникам; туда же носят матери и своих хворых детей» [3, с. 278].

Ученые указывают на тот факт, что архаические и языческие верования в силу воды эволюционировали под воздействием христианского мировоззрения. В христианской религии вода – это живительное средство, помогающее совершать чудеса добродетели и справедливости. Известно, что в России издавна находились и до сих пор существуют целительные источники, связанные с именами святых мучеников, благодаря водам которых люди избавляются от духовных и телесных недугов [5]. По утверждению А.Н. Афанасьева, «целебные свойства воды в эпоху христианства стали соединять с водою, освященную по церковному уставу; потому вода богоявленская или крещенская пользуется в народе особым уважением… Христианское воззрение на святую воду, которую в Таинстве Крещения омывается ветхий грех, слилось в умах непросвещенного народа с поверьями, наследованными от старинного язычества… Как стихия, смывающая все нечистое, злое, демонское, вода наравне с огнем-просветителем, признана была за вернейшее средство

внутреннего, духовного очищения от грехов. Вот – основа тех священных «омовений», какие предписывались уставами почти всех древнейших религий» [3, с. 279-281].

В работе «Символ и миф в народной культуре» А.А. Потебня указывает на то, что «один из эпитетов воды – здоровая. Поздравляя молодую, говорят: Будь здорова, як вода. Вспрыскивание и обмывание играет важную роль в медицине. Купанье, умыванье сообщает красоту» [7, с. 43]

Проанализируем специфику функционирования воды как чудесного средства в русских волшебных сказках.

В целом ряде сюжетов русских сказок герои отправляются в дальний путь за чудодейственным средством – водой, которая способна исцелить человека, даровать ему молодость и здоровье, вернуть к жизни, обрести счастье.

Обратимся к сюжету «Сказки о молодильных яблоках и живой воде» [1]. В этой сказке царь посылает трех сыновей за чудодейственными средствами в тридесятое царство, в котором есть *«сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой»*. Если старик съест такое яблоко, то он снова станет молодым, водой умоется – начнет видеть. В сказке чудесные свойства воды соединяются с другим магическим средством – живительными яблоками, которые дарują старому человеку молодость. Чудесный колодец находится в царстве могучей богатырши девицы Синеглазки, которая тщательно охраняет свои владения. В тридесятое царство за диковинками отправляются три брата, но достать их удается только Ивану-царевичу. Ивану-царевичу удается не только пройти испытание на бескорыстность, честность, отвагу и удаль, но и покорить сердце Синеглазки ласковыми речами, красотой, храбростью и благородством. Таким образом, «живая» вода является одним из главных драйверов сказочного повествования. Она выступает как волшебное средство, связанное не только с традиционными целительными свойствами, характерными для мифопоэтического сознания, но и с идейно-нравственными представлениями о том, что владеть «живой» водой может лишь истинный герой, прошедший серьезные испытания, что более характерно для христианского мировоззрения.

В другом варианте этого сюжета в «Сказке о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» красная девица сама является источником чудодейственной силы: у нее «с рук и ног вода течет: кто этой воды изопьет, тот на тридцать лет моложе станет» [2]. Пока девица спит, Иван-царевич добывает для старого царя воду, но одновременно пленяется девичей красотой. Оскорблённая богатырша просыпается, мчится на коне за обидчиком, догоняет его и вонзает в грудь острый меч. Однако ее не оставляет равнодушной прекрасный образ царевича: она не только возвращает

Ивана к жизни, но и предлагает ему стать его женой: *«Приложила к его ране свою руку белую, омочила целющей водой – и вдруг рана зажила, и встал Иван-царевич здрав-невредим»*. [2, с. 358]. В этом сюжете мы видим развитие представлений о магической силе воды в волшебных сказках. К традиционным свойствам воды: исцеление, определение достойного – добавляется оживляющая и воскрешающая функция. «Живая» вода возвращает к жизни Ивана-царевича, который надеялся использовать это волшебное средство для исцеления своего отца от слепоты. Представляется, что сказочная фабула претерпела эволюцию под влиянием христианской религии, в которой при помощи воды совершается обряд крещения, очищающий человека от грехов, дающий ему «второе» рождение.

В сказке «Безногий и слепой богатыри» [2] колодец с *«целющей и живущей»* водою вылечивает помощников главного героя. Вода колодца обладает такими целебными свойствами, что «*сухой сучок дерева, брошенный в колодец, не долетев до воды пускает ростки, зеленеет и зацветает»*. Поэтому, как только безногого Катому-дядьку опускают в колодец, у него вырастают ноги; слепой богатырь смачивает свои глаза водой и прозревает. Затем персонажи помогают Ивану-царевичу проучить свою жестокосердную жену Анну-прекрасную. В сюжете сказки живая вода приносит счастье всем персонажам: Ивану-царевичу, который укрощает свою своенравную жену и *«живет с нею в тишине и согласии»,* а также его волшебным помощникам: богатырю и Катоме-дядьке. Кроме того, в этой сказке проявляются представления о воде как о субстанции, дающей жизненную силу и энергию для роста и развития. Катома-дядька не просто исцеляется, у него вырастают ноги, вода из колодца превращает засохший сучок в цветущее и полное жизненных соков дерево.

Примечательно, что в русских сказках мотив о выполнении трудной задачи – нахождении живой воды – связан с распространенным в мировом фольклоре мотиве о покорении могучей женщины мужчиной, что исследователи исторически соотносят с переходом от матриархата к патриархату. Живая вода, которая была в руках могущественных женщин, оказывается оружием и волшебным средством мужских персонажей. По словам В. Я. Проппа, «Могущество женщины должно быть сломано, и оно уничтожается иногда самым жестоким образом: она истязается прутьями и т.д» [8, с. 238]. Характерная особенность русских сказок в том, что женщина – волшебница или богатырша – не теряет своего превосходства над мужчиной, который уступает ей по силе и могуществу. Иван-царевич покоряет сердце девушки и усмиряет ее воинственный нрав не своими физическими возможностями, а внешней и

внутренней красотой, добротой, смелостью и благородством. В русских сказках волшебное средство достается только истинным героям. Поэтому трудная задача – добыть чудодейственную воду, «имеет целью не только отпугнуть ложного героя, но и обнаружить, привлечь, найти настоящего героя» [8, с. 220], того единственного, который достоин быть мужем могущественной волшебницы.

В целом ряде популярных русских сказок «Чудесная рубашка», «Марья Моревна», «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» живая вода возвращает к жизни главного героя Ивана-царевича. На помощь герою приходят его верные помощники – обычно это серый волк, сокол, орел и воробей. Чудесные помощники обладают сверхъестественной прозорливостью и добывают воду при помощи смекалки: они ловят или убивают вороненка, а затем просят ворона принести мертвой и живой воды. И ворон летит за целительной водой, чтобы спасти своего сына. В сказке «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» говорится: «*На третий день ворон прилетел и принес с собою два пузырька: в одной – живая вода, в другой – мертвая, и отдал те пузырьки серому волку. Серый волк взял пузырьки, разорвал вороненка надвое, спрыснул его мертвою водою – и тут вороненок сросся, спрыснул живою водою – вороненок встрепенулся и полетел. Потом серый волк спрыснул Ивана-царевича мертвою водою – его тело срослося, спрыснул живою водою – Иван-царевич встал*». [1, с. 506]. Воду в сказках обычно приносит ворон. Связь ворона и воды неслучайна: мифологическая традиция представляет ворона как проводника между реальным и потусторонним мирами, царством живых и мертвых; вода вместе с исцеляющими свойствами обладает функцией оживления – то есть возвращения персонажа из загробной жизни.

В сказке «Косоручка» рассказывается о сестре и брате. Злая волшебница – жена брата – клевещет на его сестру, и он отрубает невинной руки. Изуродованная девушка встречается с сыном короля и становится его женой, матерью чудесного ребенка. Сказка любит повторения и опять низводит женщину в бездну отчаяния: мужа, бывшего в отсутствии, обманывают, а героиню с ребенком изгоняют из дворца. Она попадает в лес, видит там колодец, хочет напиться, наклоняется и роняет туда своего сына. Женщина молит Бога, чтобы он ей помог, и происходит чудесное исцеление: «*Стала она слезно просить бога, чтоб даровал ей руки младенца вытащить. Вдруг чудо свершилось -руки явились; она вытащила сына и пошла странствовать*. [2, с. 293]. Героиня находит своего мужа и брата и рассказывает им о том, что случилось, разоблачая злую ведьму. Здесь вера в магическую силу воды, как и в проанализированных выше сюжетах, соединяется с христианским мировоззрением.

Сказка награждает невинную и терпеливую героиню, которая благодаря своим добродетелям торжествует над несчастиями. Несмотря на все невзгоды, молодая женщина не теряет веры в милосердие Бога, усердно молится и получает чудесное исцеление. Этот сказочный сюжет связан с верой людей не только в исцеляющую силу воды, но и в ее способность обличить виновного и восстановить справедливость.

Таким образом, в русских сказках мы наблюдаем непосредственное отражение архаических воззрений о воде как о чудодейственной силе и источнике жизни. Мифопоэтическое сознание справедливо отождествляет воду с самой жизнью, с квинтэссенцией жизни, именно поэтому вода способна передать её другим существам или предметам всего лишь одним прикосновением.

В сказочных сюжетах прослеживается трансформация и эволюция представлений о воде под влиянием христианской религии. Вода не только исцеляет, но и возвращает к жизни, воскрешает, что связано с таинством крещения, дарующем в христианской традиции новую жизнь.

Благодаря синкретическому соединению разных функций и представлений о воде – она часто является ключевым драйвером сказочного повествования, помогает героям в достижении их целей, личного счастья и благополучия.

Кроме того, как было показано в исследовании, магическая сила воды соединена с нравственной идеей торжества справедливости: обличения виновных и вознаграждения достойных за терпение и доброту. Волшебное средство – вода – достается только истинным героям, совершающим свои поступки и действия не из личной корысти, а ради спасения бедствующих, оказания помощи нуждающимся.

В целом, генезис русских сказок и, в частности, представлений о воде, происходил на основе определенного фантастического материала предыдущих эпох. Из мифов, архаической картины мира сказочники воспринимали и транслировали те воззрения, идеи и принципы, которые помогали лучше выразить новое мировосприятие, уклад и обычаи.

Список литературы

1. Аникин В.П. Русские народные сказки. - М.: Дет. лит., 1987. – 719 с.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в 3-х томах. - М.: Наука, 1986.
3. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. - 608 с.
4. Егорова О.А. К вопросу об актуализации мифологических представлений в фольклоре (на материале русских и британских сказок). - Litera, 2018. № 3. - С. 296-303.
5. Минерко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни. - Новосибирск: Наука, 1989. – 160 с.
6. Померанцева Э.В. О русском фольклоре. М.: Наука, 1977. – 118 с.
7. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. – М.: Лабиринт, 2007. – 480 с.

8. Пропп В.Я. Русская сказка. - М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.
9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. - М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.
10. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. - М.: Политиздат, 1989. - 573 с.
11. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. - М.: АСТ, 2006. - 781 с.

УДК 821.161.1

Музыкальный миф и философия сальеризма в трагедии А.С. Пушкина

Крылова Людмила Анатольевна
доктор педагогических наук, профессор
Северо-Казахстанский государственный университет имени М.Козыбаева

Бучина Анна Викторовна
магистр педагогических наук
Северо-Казахстанский государственный университет имени М.Козыбаева
0304123@mail.ru

The musical myth and philosophy of Sallerism in the tragedy of A.S. Pushkin

Krylova Lyudmila Anatolyevna
doctor of pedagogical sciences, professor
North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev

Buchina Anna Viktorovna
Master of Pedagogical Sciences
North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev

Аннотация. В статье рассматривается проблема оценки философии сальеризма и реального прототипа героя в современном литературоведении. Представлены разные точки зрения культурологов, филологов, философов, музыковедов. До сих пор идут споры о произведении А. С. Пушкина "Моцарт и Сальери", продолжаются обвинения поэта в недостаточном количестве достоверной информации. Однако современное поколение забывает, что художественный образ не списывается с реального человека, а лишь несет определенные ментальные идеи, которые выносит на суд читателей сам автор.

Ключевые слова: миф, художественный образ, философия сальеризма, сверхчеловечество

Abstract. The article deals with the problem of assessing the artistic image and the real prototype in modern literary criticism. Different points of view of cultural studies, philologists, philosophers, musicologists are considered. So far, there are disputes over the work of A.S. Pushkin's "Mozart and Salieri," accusing the poet of a lack of reliable information. However, the modern generation forgets that the artistic image is not deducted

from a real person, but only carries certain mental ideas that the author himself brings to court.

Key words: myth, artistic image, philosophy of sallerism, superhumanity.

В серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга, посвящённая жизни и творчеству композитора Антонио Сальери, первому капельмейстеру императорского и королевского двора в Вене, кавалеру ордена Почетного легиона. Зарубежные музыковеды-специалисты, занимавшиеся изучением истории смерти гения, пришли в конце XX века к выводу: версия об отравлении Моцарта Сальери – чистейший миф. Перед всем музыкальным миром композитор Сальери был оправдан только спустя 172 года после своей смерти, и это случилось в мае 1997 года в Милане.

Интересно, что в российской книге о Сальери есть раздел «Почему Пушкин сделал это?», где вновь повторяются вековые упрёки в адрес поэта. Так, английский музыковед считает, что Александр Сергеевич "не предпринял ни малейших усилий, чтобы ознакомиться с установленными биографическими фактами о Сальери" [1, 290]. Современный российский исследователь-искусствовед Л. В. Кириллина считает, что "поэтическая магия" пушкинского произведения превратила исторический образ талантливого композитора "в нарицательное обозначение низкого интригана, коварного завистника, творческого импотента и угрюмого убийцы" [2]. Она отмечает, что пушкинский Моцарт "имеет психологическое сходство со своим прототипом", а реальный Сальери не вписывается "в своё поэтическое изображение" [2, 38].

Казалось бы, уже и современным школьникам понятно содержание и смысл записки Пушкина «О Сальери», датированной 1833 годом. Учащиеся понимают, что поэт создавал не историю австрийских композиторов XVIII века, а художественные образы – символы, где возможен авторский вымысел, отражающий две противоположные концепции жизни и творчества. Напомним, что впервые пушкинское произведение было напечатано в 1831 году, то есть через шесть лет после смерти композитора. Главный итог цитируемого исследователя: «Создавая своего антигероя, Пушкин думал о символах, а не о реальных людях» [2, 56]. Демонической личностью композитор не раз был представлен и в европейских работах. Например, в пьесе «Амадеус» Петера Шаффера и в одноименном фильме «Сальери» Милоша Формана.

Сообщение об отравлении Моцарта Пушкин, как и вся просвещённая Россия, узнал из европейских газет. В них сообщалось, что " …у Сальери был нервный срыв осенью 1823 года в Венском главном госпитале для душевнобольных, где он признался, что убил Моцарта" [1, 274]. Люди, хорошо знавшие композитора, в это не

верили. Жена Моцарта никогда подобных обвинений в его адрес не выдвигала. Более того, мать после смерти мужа отдала своего сына учиться музыкальному мастерству у "поруганного" музыканта. Перед смертью последний скажет своему ученику И. Мошелесу: «В этом абсурдном слухе нет ни йоты правды, клянусь честью. Вы же знаете, говорят, будто я его отравил. Но нет же, тут злоба, обычная злоба; скажите это всему миру, милый Мошелес; это Вам говорит старый Сальери, который скоро умрет» [2, 56]. Пушкин был знаком с гениальной музыкой Моцарта. Источником же знакомства поэта с Сальери-музыкантом стало предисловие П.О. Бомарше к опере «Тарар».

Феномен культуры, как известно, не живёт вне мифа. Античные мифы никогда не устаревают: каждая последующая эпоха стремилась наполнить их своим современным содержанием. Права исследователь Л. В. Кириллина в том, что "Моцарт – это реинкарнация образа Орфея в европейской культуре Нового времени" [2, 88], доказывая это ключевыми биографическими вехами жизни гения. И Орфей, и Моцарт обладают божественным даром, оба они погибают: один был растерзан неистовыми вакханками, другой – отравлен другом.

Миф о новом Орфее создаётся по античным лекалам, где всегда присутствует мотив предательства или убийства. В античном мире Орфей не только музыкант и певец, наделённый Аполлоном божественной силой искусства, но и мыслитель. С его именем "связана система религиозно-философских взглядов (орфизм)" [3, 763]. У пятилетнего мальчика Амадея есть божественный музыкальный дар от Аполлона, который повторить никто не может. Взрослея, он погружается в стихию дионисийства, которая помогает ему выразить в музыке шкалу всех человеческих страстей, высоких и низких.

Биограф Моцарта, Марсель Брион, в своё время утверждал, что похороны великого композитора проходили при ужасной погоде, которая "настолько испортилась, что ни у кого не хватило отваги дойти до кладбища" [3, 378]. По этой причине при погребении Моцарта никто не присутствовал, поэтому никто точно не знает, где он был похоронен. Однако архивные данные Венской обсерватории свидетельствуют о том, что погода была без снега, без дождя и без резкого ветра. Ужасную погоду мог придумать сам биограф – романтик XIX века. Эрнст Вильгельм Гейне писал: «Он был похоронен в могиле для бедных. Это значит, что он был похоронен абсолютно анонимно с другими бедняками в яме, без надгробного камня, так, чтобы даже короткое время спустя невозможно было с полной уверенностью определить место его захоронения» [1, 379].

В мифе об Орфее-Моцарте предателем и убийцей стал Сальери: «Он просто, к несчастью, оказался на виду, когда сам миф только складывался, поскольку у новой романтической культуры с ее культом страдающего Поэта возникла непреложная потребность "пересочинить" орфическо-дионисийско-христианский миф на современной основе», - констатирует исследователь Л. В. Кириллина» [2, 131].

«Моцарт и Сальери» входит в состав «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина. В этой драматической тетралогии рассматривается судьба личности и человечества в контексте кризиса европейской культуры. В основу её поэтики, как доказали современные исследователи Н. В. Беляк и М. Н. Виролайнен, автор положил исторический принцип: художественный универсум каждой пьесы "строится по законам той картины мира, которая исторически сложилась и была запечатлена в драматическом искусстве своей эпохи" [4, 80]. Герои пушкинского цикла стремятся достичь счастья, используя культурное или сакральное начала как надежный ключ к его достижению. Все они пытались овладеть своей страстью, но не ради ее обуздания, а чтобы заставить служить своему индивидуалистическому счастью. Конфликты унаследованы, герои свою вину переносят на мир, историю и других людей.

В тетралогии очевиден разрыв всех человеческих связей: кровных и дружественных, любовных и родственных. Пушкинский цикл лежит между онтологическими точками жизни и смерти, счастья и несчастья. В поэтике драмы категория счастья занимает одно из ключевых мест, поскольку является главной ценностью земного пребывания человека. Слово "счастье" и "несчастье" в тексте трагедий варьируется более двадцати раз и присутствует в кульминационных моментах драматического действия.

В Европе в конце XVIII века музыка в искусстве стала занимать особое положение, а творческий дар стал главной духовной ценностью и воспринимался как счастье. Рациональная система ценностей этой эпохи начинает отступать перед ценностями наступающей эпохи романтизма, но ещё соседствует с ней. Давно замечено, что чувства людей переходных эпох выходят за рамки нравственных законов. В социуме появляется разрушительное зло, приводящее человека к преступлению. Герой выбирает его, потому что отрицает существующую в мире систему ценностей.

В обществе данного периода времени популярны только герои и гении. Слово "гений" до XVI века использовалось в мифологии и означало основателя рода. В эпоху Просвещения оно приобрело значение таланта. Подражание гениям становится общественной потребностью времени, характерной чертой культуры.

Исключительная личность на рубеже веков была предпочтительнее тысячи просвещенных европейцев. «Гений выше разума», – утверждали философы. Дружба носила рациональный характер и считалась чувством, контролируемым рассудком. Философ Гольбах писал, что "основой дружеской привязанности являются те выгоды, которые друзья намереваются получить друг от друга. Лишите их этих выгод – и дружба перестанет существовать". Главным девизом эпохи становятся следующие слова: «Имей мужество пользоваться собственным умом!»

Самым знаменитым композитором австрийского императорского дворца был итальянец Сальери. Некоторые современники отмечали, что он испытывал мучительную зависть к гению и делал все, чтобы не допустить Моцарта ко двору. Моцарт же назвал его "демоном своей жизни". Однако учениками Сальери были такие выдающиеся композиторы, как Л. Бетховен, Ф. Шуберт, Ф. Лист. Разрыв солнечного Моцарта с XVIII веком был глубоко трагичным, поскольку это был и разрыв с любимым отцом. Услышав в музыке сына проявление неудержимой страсти и мятежного духа, отец спрятал эти вещи. В лице Леопольда Моцарта XVIII век защищал себя от своего разрушителя. Его сын был универсальным гением. Он отразил не только дух, вкус и аромат своей эпохи, но и внутренний мир человека других поколений. Музыка Моцарта опережала не только XVIII и XIX век, она как будто создана для века XX.

Действие трагедии «Моцарт и Сальери» происходит в австрийской Вене эпохи Просвещения. Момент раздвоенности культуры воплощен в поэтике этого произведения. Рационалисту Сальери противостоит романтический характер Моцарта. Конфликт героев происходит в двух сценах трагедии. В первой сцене доминируют рационалистические монологи. Вторая сцена построена по законам романтической речи Моцарта. Именно в ней свершается таинство жизни и смерти. Завершенность второй сцене придает звучащая музыкальная стихия признанного гения, которая у романтиков является ценностью, выражающей сущность бытия. Словесный текст пьесы расступается, высвобождая пространство и время для музыки.

Поэтика художественного произведения вобрала "драматургию мещанской драмы" [5], в пределах которой трагический акт онтологической значимости совершается в трактире за бокалом вина. Безусловно, талантом обладают оба композитора. Эти два абсолютно разные дарования необходимы культуре: у Моцарта – способность к сотворению нового, у Сальери – уникальная способность к воспроизведению.

Поэтика этой драмы – поэтика зеркальной инверсии, которая указывает на взаимосвязь и неразрывность обеих сцен. Первый монолог Сальери – это крик отчаяния, это вызов Небесам. Затем он разворачивается в систему обвинения: "...нет правды на земле. Но правды нет – и выше" [6, 281]. Начало трагедии – богоборческий бунт Сальери-музыканта. Пушкин развертывает в монологе притчу о блудном сыне. Герой первой сцены ропщет на Бога и вопрошает, почему не вознаграждаются его труды и молитвы, любовь к искусству и его самоотверженный труд. Музыкант-рационалист, который планирует вдохновение, творческую мечту, то, что не поддается логике. Он абсолютно уверен в музыкальной научной формуле: "Звуки умертвив, музыку я разъял, как труп" [6, 281]. Ему удается умертвить не только плоть музыки, но и её дух. Обратим внимание на то, что уже здесь пророчится мотив трупа. Изначально это труп музыки, а в конце – труп гения. Сальери, как точно заметил Ю.Н. Давыдов, "одержим мыслью о богооставленности мира, этот метафизик зависти, взрастивший на ней целую философию, торопится одному себе присвоить божественные прерогативы" [7, 74].

Композитора волнует вопрос: гений он или нет? Вопреки врожденной "генетической" доминанте, не предполагающей в нем гения, герой жаждет стать им. Моцарт – "гуляка праздный" [6, 283], по мнению Сальери, не достоин этого дара. В этом утверждении звучит высокомерие, тайный гнев и досада. Страх Моцарта, связанный с появлением черного человека, бодрит и радует придворного музыканта. Во второй сцене он говорит уже легко и весело. Близится час торжества. Сальери подходит к музыке рационально. Перед нами драма разума, который стал слугой страсти. Рациональная природа не знакома с категорией совести, она замещена долгом. Полезность – этическое мерило Сальери, человека и музыканта. Он руководствуется разумными чувствами. Его долг служит не истине, а честолюбию. Он злой не по страсти, а по уму. Заботясь о доброй славе и добром имени, Сальери ищет моральное алиби в благородном оправдании зла. Он не любит ни жизнь, ни маленького человека, ни гения.

Пушкин использует в кульминационной точке трагедии упоминание об опере Сальери «Тарар». Знаменитое произведение было написано на либретто П. О. Бомарше и поставлено в Париже 8 июня 1787 года. В нем создатель выразил идеологию и метафизику позднего просветительства. Неслучайно музыкальное произведение упоминается в кульминационной точке пушкинской трагедии. Обратимся к её содержанию.

Действие происходит на Востоке в Ормузе, арабском государстве на территории Персии, где правит жестокий и коварный царь Атар. В минуту смертельной опасности он назначает преданного ему солдата Тарара генералом, который обеспечивает его безопасность. Возвышение простого солдата вызывает, с одной стороны, ревность у генерала Альтамора, а с другой – подозрение у самого царя, связанное с тем, что преданный генерал пользуется среди военных особым уважением.

По приказу царя генерал Альтамор похищает жену Тарара, Астазию. Царь под именем Иризы помещает её в свой гарем. Царское коварство продолжается: Тарару приготовлен поединок с Альтамором. Победив, он узнаёт правду о своей жене. Переодевшись чернокожим рабом, герой проник в гарем, но был схвачен стражей. Во дворе царского дворца готовится костёр для Тарара и Астазии, решившей умереть вместе с мужем. Восставшие солдаты и рабы освобождают их. Царь, опасаясь возмездия, отрекается от власти и закалывает себя кинжалом. Народ избирает властителем любимого полководца, и Тарар подчиняется воле народа. Герой восстает против гения, заключившего свободные ветры в темницу, он не хочет мириться с существующим порядком вещей.

Австрийский император Иосиф II был в восторге от этой оперы. Просвещённого монарха не смущал её тираноборческий пафос, поскольку финал оперы он считал нравоучительным. Опера пользовалась успехом по всему миру. Она исполнялась в Париже во время празднования первой годовщины взятия Бастилии и пришлась по вкусу Наполеону, который, видимо, видел в Тараре только себя. Россия впервые увидела данную оперу в 1803 году в Петербурге.

Пушкинский Моцарт, обращаясь к Сальери, произносит следующие слова: «Да! Бомарше ведь был тебе приятель; Ты для него «Тарара» сочинил, Вещь славную. Там есть один мотив… Я всё твержу его, когда я счастлив… Ла ла ла ла…» [6, 285]. А. С. Пушкин оправданно остановил внимание на этой опере и ввёл ее в текст произведения. Этим автор подчёркивает то, что герой находится в плену своего музыкального сюжета, говорит о несправедливости небесного распределения жребия и о возможности его перераспределения. Обосновав теоретически свою идею, он готовится её практически осуществить, отказывая гению в жизни и принося его в жертву музыке.

В последнем монологе автор сбрасывает маску жреца. Музыка гения не просветлила душу Сальери. Остановить Моцарта – значит остановить Небо. А Сальери никогда не верил в Небо. Когда он говорит, что не может противиться доле – это рвется на свободу его угнетенная природа, чтобы отомстить за себя. Месть всегда была

самопроявлением хаоса. Сальери одержим демоническим культом гениальности. Он весь во власти своей идеи. Убийство для него равнозначно исцелению. И плачет композитор не о Моцарте, это слезы самовосхищения.

У Сальери есть железная воля, но они направлены по ложному пути. Когда он понял, что открыть и вычислить код музыки Моцарта, понять смыслы тайнослышания музыки, которыми обладает гений, ему не дано, то решается на убийство. За долю секунды до того, как Сальери приведет в исполнение свой приговор, прозвучат слова Моцарта о несовместимости гения и злодейства. Сальери-рационалист или не знаком с категорией совести, или подавляет ее, замещает долгом, который можно разумно мотивировать, ведь совесть не подчиняется разуму. В совести нет рационального начала, она способна противоречить долгу.

В творчестве Пушкина смертельное прикосновение является значимым, событием, поскольку оказывается причиной смерти героя, физической или духовной. Однако и отсутствие этого жеста тоже становится символически значимым. Прикосновение у автора – это не только устойчивый мотив, но и один из значимых онтологических смыслов. Сальери убивает Моцарта изящно, не прикасаясь бокалом, яд отлетает от перстня незаметно. Ощущения причастности к убийству у героя не происходит, поскольку руки чистые и не запачканы кровью. У него есть алиби.

Гений у Пушкина показан во всех человеческих проявлениях. Он ошибся, считая Сальери другом, братом по гармонии. В глубине душа его обладает абсолютным слухом, он знает о Сальери все, но это знание основывается на смутном предчувствии и воплощается в музыке. Оно "сработает" в сфере идеала, а не в житейской плоскости. Моцарт и погибает, потому что верит в идеал. У гения нет тщеславия и высокомерия. Главные ценности Моцарта – композитора – музыка и творчество, постижение картины мира и человека, приобщение к смыслам мировой гармонии. Моцарт – гений, который не может быть вне диалога с миром и человеком. Его беспокоит человек в черном, заказавший "Реквием", но не вступивший с ним в диалог. Гений всегда открыт для диалога, а с человеком в чёрном нет никакого контакта. Молчание это терзает душу музыканта.

Культ искусства и его атрибутика взята композиторами из разных эпох. Христианская доминанта выражена через музыкальную тему Моцарта и характеристику его музыки ("как некий херувим, он несколько занес нам песен райских"). Доминанта античности выражена через представление о жречестве посвященных. Восемнадцать лет Сальери-католик хранит при себе яд, дар власти над

чужой и собственной жизнью. Это недопустимый в христианстве грех. В античной этике яд прославлялся и поощрялся.

Известна идиома: «Искусство требует жертв». Оба героя называют себя жрецами искусства, и это странно, потому что герои живут в эпоху Просвещения. Жречество в светском формате противоестественно. Оба принадлежат культуре, которая в прекрасном своем выражении возносит искусство в сферу небесную, а в жреческом – наделяет человека ложным правом демиурга. Миф об убийстве натурщика и объяснение этого скульптором Буонаротти расценивается Сальери как принесение строительной жертвы. Он и сам действует как жрец, избранный сохранить гармонию мира.

Появление черного человека радует Сальери, потому что для него это знак Неба, дающий ему право принести гения в жертву на алтарь искусства. В самом Сальери просыпается черный человек, который одержимо ведет его к преступлению. Испанская пословица утверждает: «Тот, кто выдает себя за спасителя, рискует быть распятым». После совершенного деяния Сальери впервые предстает перед кривым зеркалом своих ценностей и видит в себе злодея, черного человека, который бесовски нашептывал ему о ненужности искусству райских песен Моцарта. Осуществлённое Сальери убийство философ С.Н. Булгаков назвал "духовным самоубийством" [5, 300].

Сто лет спустя после создания пушкинской трагедии "Моцарт и Сальери" в общественном сознании России закрепилось два понятия "моцартианство" и "сальеризм". В творческой среде первое стало символом гениального открытия, высокого полета мысли, обгоняющего время. Символика и философия второго понятия намного сложнее первого, поскольку включает в себя обойму человеческих пороков: черную зависть и гордыню, одержимость и богоутрату, месть и самообожествление.

В злодействе Сальери Пушкин увидел предтечу будущего ницшеанского сверхчеловека. Герой привёл свой приговор в исполнение, бросив яд в бокал Моцарта, который не сомневался ни в его дружбе, ни в его гениальности. Новизну этого пушкинского образа в русской литературе увидел Федор Михайлович Достоевский и развил тему пушкинского Сальери, создав галерею петербургских типов, претендующих на роль сверхчеловека. В финале молчаливая совесть Сальери заговорила. Глубоко прокомментировал эту сцену Ю. Н. Давыдов: «Увидев выношенную им идею без рассудочной драпировки, Сальери понимает, какую страсть он в себе вынашивал. Преступление обрело наказание в себе самом» [7, 74].

Не только миф об отравлении Моцарта стал причиной забвения прижизненной славы Сальери. Эпоха романтизма не принимала в наследство музыку XVIII века, которая была забыта вместе с творчеством самого Сальери. Интерес к музыке эпохи Просвещения и к творчеству оклеветанного композитора возродился лишь в XX веке. Мир стал играть музыку Сальери. В России его произведения пока не звучат.

В 2006 году Ю. А. Башмету, российскому дирижеру, педагогу, Народному артисту СССР, четырежды Лауреату Государственной премии Российской Федерации, был задал вопрос корреспондентом «Независимой газеты»: «Музыканты не играют произведения Сальери из-за легенды о том, будто он отравил Моцарта. Если отказаться от традиционного неприятия Сальери, Вам нравится его музыка?». Ответ был следующим: «Я однажды играл Сальери, но именно из-за этой легенды больше его не играю. Я также не играю музыку композитора Гуммеля, который жил одновременно с Моцартом и в одном из писем неуважительно отозвался о его музыке. Я, конечно, этим не помогу Моцарту, да ему и не надо помогать, но мне неприятно играть Гуммеля, хотя у него есть очень хорошая соната. Я ее играл, пока не встретил это письмо» [1, 215]. Российские музыканты все-таки на стороне Моцарта. Строки А. С. Пушкина «Гений и злодейство – две вещи несовместные» живы и продолжают выполнять свою ментальную функцию в современной культуре.

Список литературы

1. Нечаев С. Ю. Сальери / научный редактор Ражева В. И. – М.: Молодая гвардия (ЖЗЛ), 2014. – 313 с.
2. Кириллина Л. В. Пасынок истории. (К 250–летию со дня рождения Антонио Сальери) // "Музыкальная академия", 2000, №3 Режим доступа: http://modernproblems.org.ru (дата обращения 15.04.2019)
3. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах // М.: "Советская энциклопедия". 1980. – 715 с.
4. Беляк Н.В., Виролайнен М.Н. "Маленькие трагедии" как культурный эпос новоевропейской истории: (Судьба личности — судьба культуры) // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. — Т. 14. — С. 73—96.
5. Булгаков С. Н. Моцарт и Сальери // Пушкин в русской философской критике.- М., 1990.
6. Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. – М.: Дрофа, 2014. – 382 с.
7. Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия. М., 1982

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 811.111

Лексико-семантические особенности научно-фантастического романа Стивена Кинга "11.22.63"

Чернецова Валерия Викторовна
старший преподаватель
кафедры романо-германской филологии и лингводидактики
Гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет
РФ, г.Ставрополь
willow88@mail.ru

Колосова Диана Юрьевна
студент Гуманитарного института
направления Лингвистика
Северо-Кавказский федеральный университет
РФ, г.Ставрополь,
diana-kolosova@bk.ru

Lexical-semantic features of the Stephen King's science fiction novel "11.22.63"

Chernetsova Valeria Viktorovna
Senior Lecturer of Department of Romance-Germanic Philology and Linguodidactics
Humanities Institute, North –Caucasus Federal University
Russia, Stavropol

Kolosova Diana Yurievna
Student of Humanities Institute
North –Caucasus Federal University
Russia, Stavropol

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые лексико-семантические особенности жанра научно-фантастического романа на примере произведения Стивена Кинга **"**11.22.63**".** Одной из наиболее ярких черт является использование определённых лексико-тематических групп, а также применение различных стилистических фигур для создания напряжения и привлечения внимания читателя.

Ключевые слова: научная фантастика, семантический повтор лексем, лексико-тематическая группа, специфическая образность, соматическая лексика.

Abstract. The article presents some lexico-semantic features of the science fiction novel genre on the example of the work of Stephen King "11.22.63". One of the most striking features is the use of certain lexico-thematic groups and the use of various stylistic figures to create tension and attract the attention of the reader.

Keywords: science fiction, semantic repetition of lexemes, lexico-thematic group, specific imagery, somatic vocabulary.

Научная фантастика является великолепной базой для словотворчества, поскольку для изображения новых образов используются различные тропы и фигуры речи. Научно-фантастическая литература всегда была сосредоточена на представлении идей писателей-фантастов, отличающихся от тех, которые доминировали в реальной жизни, но которые довольно часто тесно переплетались с ней или представляли альтернативу различным проблемам, событиям и убеждениям. В результате научная фантастика является чрезвычайно богатым жанром литературы, который позволяет писателям разрабатывать новые концепции и идеи, демонстрировать их в литературной форме в качестве иного представления о реальности [3, с. 8].

Великолепным примером научно-фантастического романа может послужить роман Стивена Кинга "11.22.63". Проанализировав текст романа, можно заметить, что уже само название романа приоткрывает таинственную завесу, о чем пойдет речь, и в какое время будут разворачиваться основные события в произведении.

Главный герой, 35-летний учитель Джейк Эппинг, узнает, что в кладовой комнате кафе его друга находится портал в прошлое, в 1958 год. Так как его друг Эл был болен и не в состоянии закончить начатое, он предлагает Джейку вернуться в прошлое и предотвратить убийство Кеннеди, так как, по его мнению, это сделает мир лучше и может предотвратить войну.

Одной из основных характерных черт романа в жанре научная фантастика является техника нагнетания (амплификации) за счет использования семантического повтора, лексико-тематической группы слов [4, с. 206].

Ряд составляющих лексико-тематической группы имеют экспрессивную коннотацию, что способствует нагнетанию тревожного ожидания:

“I did as he asked, feeling like the world’s biggest dope. One step…lowering my head to keep from scraping it on the aluminum ceiling…two steps…now actually crouching a little. A few more steps and I’d have to get on my knees.” (Я в точности выполнил его указания, чувствуя себя полным идиотом. Один шаг…Мне пришлось наклонить голову, чтобы не зацепиться за алюминиевый потолок…Два шага…Теперь я ссутулился. Еще пара шагов, и я буду вынужден опуститься на колени) [7, с. 32]

Лексико-тематическая группа слов и словосочетаний со значением «боль» (как физическая, так и моральная) используется на протяжении всего произведения, так как с самого начала герой говорит читателю о том, что он бесчувственный человек, а потом в течение всей истории опровергает это:

“There were tears leaking from the corners of his eyes.” (Слезы текли из уголков его глаз)

“Her bloodshot eyes regarded me sadly.” (Ее налитые кровью глаза грустно смотрели на меня)

“I feel…I don’t know…like a bottle of soda that’s been shaken up.” (Я чувствую себя так … я не знаю … так, будто я бутылка содовой, которую потрясли)

“I felt like I was running a fever.” (Я чувствовал, что у меня жар)

“The pain had been temporarily buried in a surge of adrenaline.” (Боль была временно утоплена в приливе адреналина)

“He screamed with pain and surprise.” (Он кричал от боли и удивления) [7, с. 80-110]

Помимо лексико-тематической группы слов со значением «боль», часть текста насыщена положительной лексикой с общим значением «любовь», так как главный герой встречает свою судьбу, которая смогла побудить его на завершение миссии:

“I loved her and she loved me.” (Я любил ее и она любила меня)

“I’ll love your face no matter what it looks like.” (Я буду любить твое лицо и не важно как оно будет выглядеть)

“She was laughing, her hair was flying, and her face was perfect.” (Она смеялась, ее волосы летали в воздухе, и ее лицо было идеальным)

“She had never looked prettier to me.” (Для меня она никогда еще не выглядела красивее)

“She threw back her head and let loose a beautiful full-throated laugh.” (Она откинула голову назад и радостно, от души рассмеялась) [7, с. 300-350]

В произведении семантический повтор слов с общей семой «другой мир», «прошлое» позволяет нам понять, что главному персонажу трудно привыкнуть к тому времени. Для скромного учителя такое путешествие – это шок, поэтому мы отчетливо наблюдаем все детали, которые отличаются от настоящего времени. Данный лексический повтор особенно актуален для жанра научная фантастика, так как путешествия в прошлое является самым распространенным поджанром научной фантастики.

“It was mostly being in a cash-and-carry society where credit cards were still in their infancy.” (Это общество еще предпочитало наличные, а кредитные карточки только начали пробивать себе дорогу)

“It was a twenty, but instead of Andrew Jackson on the face, I saw Grover Cleveland.” (Это была двадцатка, но вместо Эндрю Джексона на меня смотрел Гроувер Кливленд)

“There are no bills bigger than a twenty.” (Раньше самой крупной купюрой была двадцатка)

“Hawaii won’t be a state until next year.” (Гавайи станут штатом только в следующем году)

“Keep your mouth shut as much as you can until you pick up the lingo and the feel of the place.” (Рот старайся не открывать, пока не освоишь тамошний жаргон и не обвыкнешься)

“If you say something about a terrorist attack in 1958, people are gonna think you’re talking about teenagers tipping cows.” (Если в пятьдесят восьмом году ты обмолвишься об атаке террористов, люди подумают, что речь о подростках, гоняющихся за коровами)

“The development where you live hasn’t been built yet.” (Микрорайон, где ты теперь живешь, еще не построили)

“Where you’re going, nobody wears backpacks except Boy Scouts.” (Там, куда ты собрался, рюкзаки носят только бойскауты) [7, с. 50-80]

Нужно подчеркнуть, что данное произведение затрагивает тему политики того времени, т.е. проблем, которые возникали у народа после убийства Кеннеди, поэтому в тексте мы можем встретить использование слов общественно-политического характера (economy, president, political, senate, vote democrat) (экономика, президент, сенат, демократическое голосование). [7, с. 50-60]

Отдельного внимания заслуживает неконвенциональное использование соматической лексики (соматизмов), т.е. лексических единиц, которые содержат наименования частей тела (от гр. soma – тело и его части). В напряженных моментах повествования части тела героя: руки, лицо, глаза, будто бы обретают самостоятельность, живут своей жизнью и действуют мгновенно, импульсивно, помимо воли и разума обладателя:

“My heart beating so hard it seems to shake my whole body.” (Мое сердце бьется так сильно, что, кажется, что трясется все тело)

“My heart was beating hard enough to make my eyeballs feel like they were pulsing in their sockets.” (Мое сердце билось так сильно, что казалось, заставляло пульсировать глазные яблоки)

“Her hands came up and tried – weakly – to fend me off.” (Ее руки поднялись и попытались – очень слабенько – отбиться от меня.)

“My face was throbbing, but my abdomen was worse.” (Мое лицо пульсировало, но живот чувствовал себя еще хуже) [7, с. 320-370]

Рассмотрев все главы романа, необходимо обратить внимание на основные приемы, использующиеся на разных уровнях текста и относящиеся к особенностям жанра научной фантастики. В результате можно выделить лингвистические особенности, применяемые в произведениях данного жанра для создания таких чувств, как переживание, тревога, впечатлительность, удивление, запутанность и т.д., которые связаны с поджанром научной фантастики – Альтернативная история / Параллельные миры.

Для привлечения внимания читателя к словам, которые имеют двойное значение или слова, которые, по мнению автора, должны запомниться читателю в произведении, выделены либо курсивом, либо жирным шрифтом. Таким образом, самые важные фразы, вывески, заголовки старых газет и знаки впечатываются в голову читателя во время чтения, и тем самым становится легче показать шок, тревогу или двойственность слова:

“It’s like he *knows* something.” (Казалось, что он знает что-то)

“The real question was *when* I was.” (Главный вопрос был: в каком году я был)

“I ducked under the chain with the **NO ADMITTANCE BEYOND THIS POINT**.” (Я нырнул под цепь, на которой висела табличка с той же надписью: ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РЕМОНТА СТОЧНОЙ ТРУБЫ) [7, с. 97]

Также удивление создается посредством введения резких, динамичных, сцен насилия одного из протагонистов книги. Чтобы вызвать у читателя чувство шока, автор использовал фразы, которые описывают жестокие подробности из жизни одного из героев, который повлиял на решение Джейка Эппинга завершить миссию в прошлом (he beat up my mom; he went to jail; there was blood all over the walls; white stuff on the couch…that was my mother’s brains) (он избил мою маму; он отправился в тюрьму; по стенам была кровь; что-то бело было на диване … это были мозги моей матери). [7, с. 84]

Необходимо также отметить, что текст романа содержит большое количество тропов. Применение автором таких стилистических средств, как сравнение, эпитет и метафоры способствует как созданию образного фона произведения, так и остроте напряжения, беспокойства, тревоги ожидания, которые охватывают главного героя во время пребывания в прошлом. Например:

“Bloody tears had been painted below the thing’s weird white eyes.” (С кровавыми слезами, нарисованными под странными белыми глазами) [7, с. 171]

“I saw two bicycles. One was a boy’s Schwinn, leaning on its kickstand. The other, lying on its side like a dead pony.” (Я видел два велосипеда. Один, подростковый

«швинн», стоял на откидной подножке. Второй лежал на боку, как сдохший пони.) [7, с. 175]

Использование номинативных и коротких нераспространенных предложений, занимающих сильную позицию, начинающих или заканчивающих абзац, способствует созданию напряженности, остроты момента. Отсутствие формальной связи между краткими предложениями, широкое употребление асиндетона и парцелляции способствуют передаче драматичности ситуации. Описание мимики, изменений цвета лица сигнализирует об эмоциональном напряжении героев. Она обозначает страх, сильное волнение, гнев, стыд и др. сильные эмоции [2, с. 36].

В произведении мы также можем столкнуться с болезненными жестами, отчаянием, страхом, шоком, дрожанием рук, тела, онемением, неспособностью говорить, думать и даже дышать. Все это говорит нам о том, что персонаж находится в высоком эмоциональном напряжении:

“Living in the past was a little like living underwater and breathing through a tube.”(Жизнь в прошлом была немного похожа на жизнь под водой и дыхание через трубочку)

“She did not appear to be breathing.” (Она, кажется, не дышит)

“My eyes widened and I stopped breathing.” (Мои глаза расширились, и я перестал дышать)

“The good side of her mouth began to tremble.” (Здоровая сторона ее рта задрожала)

“I saw the fear in her eyes.” (Я видел страх в ее глазах)

“The combination of shock, loss, grief, and anger in her red eyes was much worse.” (Еще больше огорчали шок, ощущение утраты, горе и злость в ее покрасневших глазах) [7, с. 460-500]

Таким образом, можно сделать вывод, что использование языковых средств для создания атмосферы напряжения, боли, таинственности обращает внимания читателя на переживания персонажей в текстах научной фантастики, создает почву для изучения общего структурного облика произведения, что позволяет определить принципы построения целостности данного типа научно-фантастических текстов. Не стоит забывать, что особенностью произведений данного жанра является то, что они не отражают, а дают интерпретацию действительности.

Список литературы

1. Головачева И. В. Размышления о теориях научной фантастики // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Вып., 2013. 2. с. 18–27.
2. Головачева И. В. О соотношении фантастики и фантастического // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Вып. 1., 2014. с. 33-42.
3. Цветков Е. В. Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности (социально-философские аспекты): автореф. дис. … канд. филос. наук. Архангельск, 2009.
4. Freedman C. Critical theory and science fiction. Hanover, London: Wesleyan Univ. Press, 2000. 206 p.
5. Stephen King 11/22/63 – USA.: Scribner, 2011. – 849 p.
6. Stockwell P. The Poetics of Science Fiction. London: Longman, 2000. 251 p.
7. Стивен Кинг 11/22/63 – М.: Издательство АСТ, 2018. – 800 с.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 8. 1751

Конфликтная лексика в хантыйских сказках о животных

Новьюхова Галина Борисовна
Научный сотрудник фольклорного центра
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
г.Ханты-Мансийск
Novyukhova.galya@mail.ru

Conflict vocabulary in Khanty fairy-tales about animals

Novyukhova Galina Borisovna
Research fellow folklore center Ob-Ugric Institute
of applied research and development, Khanty-Mansiysk

Аннотация. Статья посвящена анализу конфликтного компонента в хантыйском фольклоре на примере хантыйских сказок о животных с позиции исследования языковых единиц. Описаны семантические отношения и роль разных частей речи внутри конфликтной ситуации. Анализируются хантыйские сказки *Кӧккӧк* ‘Кукушка’, *Муйа Савнє пӯшэлӈ хӯв* ‘Почему у Сороки длинный хвост’, *Хутыса кӯщар шӑншэлӈ пӑнтэӈа йис* ‘Как у бурундука спина полосатой стала’, *Сорӈи ӆов* ‘Золотой конь’.

Ключевые слова: фольклор, конфликт, сказки о животных.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the conflict component in Khanty folklore on the example of Khanty tales about animals from the position of the study of language units. Semantic relations and the role of different parts of speech in a conflict situation are described. Analyzed Khanty tales *Кӧккӧк* ‘Cuckoo’, *Муйа Савнє пӯшэлӈ хӯв* ‘Why forty long tail’, *Хутыса кӯщар шӑншэлӈ пӑнтэӈа йис* ‘Like a Chipmunk back striped became’, *Сорӈи ӆов* ‘Golden horse’.

Key words: folklore, conflict, tales about animals.

Хантыйская фольклористика богата мифами, легендами, песнями. Большое внимание отводится хантыйским сказкам. Сказка – жанр письменного и устного народного творчества: прозаический устный рассказ о вымышленных событиях в фольклоре разных народов.

В сказках ярко проявляется добро и зло. Образы по своей нравственной сути определенные и фантастические. Композиция сказок выявляет динамику событий, причинно-следственные связи и явления.

В сказках отсутствуют прямо выраженные нравоучения или рекомендации, усвоение необходимых моделей поведения и реагирования, новых знаний о себе и мире происходит незаметно. Сказка используется в качестве метафорической призмы, сквозь которую рассматривается конфликтная ситуация [1].

В хантыйских сказках устойчиво варьируется ситуация противостояния и конфликта добра и зла, олицетворениями которого выступают герои или антигерои. В процессе развития сюжета они часто вступают между собой в диалоги, во время которых дают друг другу различные характеристики, где, собственно, и выражается их негативное, позитивное либо нейтральное отношение к собеседнику [2].

Итак, что же такое конфликт и какую же роль играет в сказках. П.Н. Хроменков в статье «Вербальный конфликт в русском сказочном фольклоре» отмечает, что проблемы генезиса конфликта рассматриваются в рамках различных гуманитарных наук. Более того, история общественной мысли человечества была сопряжена с непрекращающимися попытками осмысления феноменологии конфликтных ситуаций в их широком многообразии [4].

В хантыйском фольклоре тема конфликтной лексики в сказках является малоисследованной областью. Все персонажи, а именно животные, конфликтуют между собой: спорят, ругаются, злятся. Выход из конфликта можно найти не всегда. И это показано в следующих хантыйских сказках о животных.

В хантыйской сказке *Көккөк* ‘Кукушка’, конфликт происходит между женой, мужем и их детьми. Жена превратилась в кукушку из-за того, что дети отказались ей помочь. А муж, увидев птицу, подумал, что эта птица приносит зло и отогнал ее палкой. Жена улетела в теплые края. Когда дети поняли, что матери нет, они побежали вслед за ней. Но кукушка так и улетела.

Конфликтная речевая лексика в сказке, выявляет такие лексемы, как *ӯвты питəс* ‘кричать’, *ӆыкащты* ‘злиться’, *ӆыкӑӆты* ‘рассердиться’, например: *Йиӈк төты щи кӯщ партсəӆӆты, партсəӆӆы, йиӈк ӑнт төсət. Ими шєӈк ӆыкащəс* ‘Просила-

просила мать воды, не выполнили дети ее просьбу, не напоили водой. Женщина очень рассердилась'. Пример с лексемой *ӯвты* 'кричать' *Ин икэн вөнтән сэврантәс, икәӆ хуща йӯхтәптыйәс па ӯвты питәс* 'А муж, в лесу дрова рубит. К мужу прилетела и начала кричать'. Следующий пример с лексемой *хӑтщәты* 'ударить' *Кӯш тӑми хӑтщәсӆы төп йӯхәӆ шөпа тохнємтәс* 'Чуть не ударил ее, только палка переломилась пополам'. Пример со словом 'навредить': Что это за птица, делающая зло, пытается и мне навредить. Всего выявлено четыре лексемы маркирующих конфликт.

Действие в сказке «Кукушка» носит неспровоцированный характер, и являются истоком конфликта, равно как и придают ему ту непримиримую форму, которая выражается в словах и действиях всех фигурантов разворачивающегося сказочного сюжета.

В следующей хантыйской сказке *Муйа Савнє пӯшәӆ хӯв* 'Почему у Сороки длинный хвост' действие конфликта разворачивается, таким образом, Сорока была сплетницей, из-за этого другие птица ее не любили. Они пожаловались орлу. Орел прилетает к сороке. Орел ругает сороку, что у нее длинный язык. Сорока продолжает дальше сплетничать про других птиц. Орел говорит, за то, что у тебя длинный язык, пусть у тебя будет длинный хвост, чтобы птицы облетали тебя стороной. С этого времени у Сороки длинный хвост. Если птицы ее замечают, то сразу улетают подальше. В этой сказке конфликт происходит между птицами. Орел здесь положительный герой, так как борется за справедливость. Из одного предложения можно заметить сразу несколько фраз, которые относятся к конфликту, например: *Кӯрәк ики щищкэт хоӆ йӑха ӑкәтсаӆӆы па Савнє пєӆа путәртәӆ: - Нӑӈ ньаӆмєн шєӈк хӯв! Ар путәрӆән, пуләщ төӆән! Щищкэт ӆыкмәӆәӆән!* 'Орел собрал всех птиц и сказал сороке: - У тебя длинный язык! Много говоришь, сплетни приносишь! Птиц сердишь!'

Со словом 'кричать'*: Мӑшиййа вөӆа! – Кӯрәк ики ӯваӆтәс. – Нӑӈ па щи пуләщ төты питсән?!* '- Молчи! Крикнул Орел. – Ты опять сплетничаешь?!'

- Мӑшйайа вөӆа! – кӯрәк ики ӆыкащман ӯваӆтәс 'Замолчи! Рассердившись, закричал Орел'.

Положительные герои отличаются гораздо большей сдержанностью. Единственным высказыванием, которое они себе позволяют, является относительно нейтральный вопрос: «кричать», что можно рассматривать как упрек в нарушении сакральных законов гостеприимства, но не более того.

Конфликт также и описывается в хантыйской сказке *Хутыса кӯщар шӑншәл пӑнтәӈа йис* ‘Как у бурундука спина полосатой стала’. В сказке идет спор между медведем и бурундуком. Медведь показал бурундуку, откуда солнце всходит, а бурундук показал, что солнце восходит с другой стороны. Но когда медведь понял, что не угадал, он рассердился на бурундука и царапнул его по спине, бурундук убежал, и с тех пор медведь с бурундуком друг на друга сердиты, они больше дружили.

Конфликт в этой сказке начинается со спора, чтобы медведю не казаться глупым и доказать бурундуку что он умнее, решили поспорить, но бурундук схитрил, так как прекрасно понимал, что медведь был прав. В сказке встречаются такие лексемы *вӯра вєрты* ‘спорить’, например: *кӯщар йухӆы пэӆа вӯра вєрты питәс* ‘бурундук стал спорить’. Пример с лексемой *ӆыкащты* ‘сердиться’: *ӆӯв шэӈк ӆикәщәс кӯщар лупәм йасӈәта* ‘Он очень рассердился на сказанные бурундуком слова.’ С лексемой *катӆумты* ‘схватить’: *Мойпәр ики кӯщар катӆумты вӯтщийәлсәллә, төп кӯщар йэӆ навәрмәс па ӆӯв шӑшәӆән вэт пӑнт кӯншәт эвәӆт хӑщәс* ‘Медведь попытался бурундука схватит, но бурундук вперёд прыгнул, на его спине остались лишь пять полосок от когтей медведя’. Из других частей речи присутствует прилагательное *ӆыкӑӈ* ‘сердитый’, например: *а мойпәр йӑма вәсӆэ, муй тӑхи эвәӆт хӑтәӆ этәӆ, па ӆыкӑщман омсәс* ‘а медведь точно знал, откуда солнце встает и сидит сердитый’.

В волшебной хантыйской сказке *Сорӈи ӆов* ‘Золотой конь’ конфликт происходит между стариком и его дочерью и Хула-Малы (отрицательным персонажем). Сюжет сказки заключается в том, что у одного человека, была дочь. Дочь из его головы нашла золотую гниду. Эта гнида превратилась в золотого коня. Отец дает ему имя «Из гниды, гнидная лошадь, из вши, вшивая лошадь». Кто угадает имя, тот берет в жены его дочь. Имя коня угадывает Хула-Малы, голова у него с величиной в берестяной короб. Далее повествуется, что дочь вместе с золотым конем улетают от Хула-Малы. Золотой конь привозит ее в царский город, там она выходит замуж за сына бога города. Ее муж уходит на войну и берет с собой золотого коня, она рожает ему сына. Она отправляет к мужу слугу с письмом с хорошими новостями, но его настигает Хула-Малы разрывает письма на клочки и отправляет письма с плохими новостями. В конце сказки дочь встречает золотого коня привязанным к большому бревну. Она же убивает Хула-Малы, разрубает его топором, и сжигает его на костре.

Конфликт сказки характеризуется преимущественно стремлением непосредственного нанесения физического ущерба исключительно со стороны

отрицательных персонажей. После гибели отрицательного персонажа Хула-Малы конфликт оказывается исчерпанным.

Обобщая результаты анализа четырех хантыйских сказок можно прийти к следующим выводам. В сказочных сюжетах наблюдается различная ритмика употребления конфликтной лексики. Развертывание конфликта инициируется в одностороннем порядке отрицательными персонажами. Герои хантыйских сказок, попадают в различные конфликтные ситуации и находят пути их решения.

Список литературы

1. Народная сказка как средство развития разрешать конфликты // https://infourok.ru/narodnaya-skazka-kak-sredstvo-razvitiya-umeniya-razreshat-konflikti-2580033.html (дата обращения 05.05.2019)
2. Дядюн С.Д. Зачины и концовки в хантыйских сказках / Вестник угроведения № 4 (15), Ханты-Мансийск,2013. – С.24-29.
3. Сказки народа ханты: Книга для чтения в младших и средних классах (казымский диалект). - / Сост. Е.Е. Ковган, Н.Б. Кошкарева, В.Н. Соловар; Под ред. Е.А. Немысовой, Е.К. Скрибник. – СПб.: ТОО «Алфавит», 1995. – с.143.
4. Хроменков П.Н. Вербальный конфликт в русском сказочном фольклоре // Вестник Российского университета дружбы народов, серия: теория языка, семиотика, семантика. № 3, Москва, 2016. – С.97-105.

Международный научно-практический журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№ 5(49), 2019

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте
office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru

ISSN 2412-8953

Подписано в печать 10.06.2019
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 21. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru